

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Уральский государственный педагогический университет»

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА

4(64)'2017

Научный журнал

- Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия. Свидетельство о регистрации ПИ №ФС77-34838 от 25.12.2008
- Зарегистрирован Международным центром стандартной нумерации сериальных изданий (International Standard Serial Numbering – ISSN) с присвоением международного стандартного номера ISSN 1999-2629 от 14.05.2008
- Материалы журнала размещаются на сайте научных журналов Уральского государственного педагогического университета: journals.uspu.ru
- Включен в Объединенный каталог «Пресса России». Подписку можно оформить в любом почтовом отделении России. Индекс 81955
- Материалы журнала размещаются на платформе Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) Российской универсальной научной электронной библиотеки, id = 28049
- Включен в базу данных European Reference Index for the Humanities (ERIH PLUS), id 485994
- Включен в международный каталог периодических изданий Ulrich's Periodicals Directory
- Включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук, Решением Президиума Высшей аттестационной комиссии Министерства образования и науки РФ

Екатеринбург 2017

УДК 409.34
ББК Ш107
П50

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор: доктор филол. наук, проф. А. П. ЧУДИНОВ (Екатеринбург)

Заместители главного редактора:

доктор филол. наук, доцент Э. В. БУДАЕВ (Нижний Тагил)

кандидат филол. наук, доцент М. Б. ВОРОШИЛОВА (Екатеринбург)

Члены редакционной коллегии:

PhD, профессор Р. АНДЕРСОН (Лос-Анджелес, США)

доктор филол. наук, профессор В. Н. БАЗЫЛЕВ (Москва, Россия)

доктор филол. наук, профессор В. М. БРИЦЫН (Киев, Украина)

PhD, профессор АНДЖЕЙ ДЕ ЛАЗАРИ (Лодзь, Польша)

PhD, профессор Д. ВАЙС (Цюрих, Швейцария)

доктор филол. наук, профессор Е. А. НАХИМОВА (Екатеринбург, Россия)

доктор филол. наук, профессор Э. ЛАССАН (Каунас, Литва)

доктор филол. наук, профессор Н. Б. РУЖЕНЦЕВА (Екатеринбург, Россия)

PhD, профессор П. СЕРИО (Лозанна, Швейцария)

доктор филол. наук, профессор В. В. ХИМИК (Санкт-Петербург, Россия)

доктор филологических наук, профессор У АЙХУА (Пекин, Китай)

PhD, профессор Л. ЦОНЕВА (Велико-Тырново, Болгария)

доктор филол. наук, профессор Е. В. ШУСТРОВА (Екатеринбург, Россия)

PhD, профессор ЯН КЭ (Гуанчжоу, Китай)

Технический редактор: кандидат филол. наук Д. О. МОРОЗОВ

Заведующий отделом перевода: кандидат филол. наук И. С. ПИРОЖКОВА

Политическая лингвистика / гл. ред. А. П. Чудинов ; ФГБОУ ВО
П50 «Урал. гос. пед. ун-т». – Екатеринбург, 2017. – Вып. 4 (64). – 140 с. –
(Цена свободная).

ISSN 1999-2629

Знак информационной продукции 16+.

Журнал призван способствовать обмену новейшей информацией в области политической лингвистики, а также в сфере взаимоотношений языка, культуры и общества. Включает пять основных разделов – «Теория политической лингвистики», «Политическая коммуникация», «Язык – политика – культура», «Лингвистическая экспертиза: язык и право» и «Зарубежный опыт». Предназначен для филологов, политологов, социологов и всех тех, кто интересуется проблемами политической коммуникации.

УДК 409.34

ББК Ш107

Благодарим РНФ за материальную поддержку проекта в рамках гранта № 16-18-02102 «Речевое воздействие на русском языке в конфликтных и неконфликтных политических ситуациях и методология его лингвистической экспертизы с использованием современных методик (лингвокогнитивный, лингвориторический, психолингвистический анализ, критический анализ дискурса, комплексный анализ креолизованного текста и др.)».

ISSN 1999-2629

© ФГБОУ ВО «Уральский государственный педагогический университет», 2017

© Политическая лингвистика, 2017

Ural State Pedagogical University

POLITICAL LINGUISTICS

4(64)'2017

Editor-in-Chief

Anatoliy P. Chudinov, Ph.D., Prof. (Ekaterinburg)

Deputy Editors-in-Chief:

Edward V. Budaev, Ph.D., Assoc. Prof. (Nizhniy Tagil)
Maria B. Voroshilova, Ph.D., Assoc. Prof. (Ekaterinburg)

Editorial Board

Richard Anderson Jr., Ph.D., Prof. (Los Angeles, USA)
Vladimir N. Bazylev, Ph.D., Prof. (Moscow, Russia)
Britsyn V. M., Ph. D. (Kiev, Ukraine)
Vasily V. Khimik, Ph.D., Prof. (Saint-Petersburg, Russia)
Eleonora Lissan, Ph.D., Prof. (Kaunas, Lithuania)
Andrzej de Lazari, Ph.D., Prof. (Lodz, Poland)
Elena A. Nakhimova, Ph.D., Prof. (Ekaterinburg)
Natalia B. Ruzhentseva, Ph.D., Prof. (Ekaterinburg, Russia)
Elizaveta V. Shustrova, Ph.D., Prof. (Ekaterinburg, Russia)
Patrick Seriot, Ph.D., Prof. (Lausanne, Switzerland)
Lilyana Tsoneva, Ph.D., Prof. (Veliko Tarnovo, Bulgaria)
Daniel Weiss, Ph.D., Prof. (Zurich, Switzerland)
Yang Ke, Ph.D., Prof. (Guangzhou, China)
Wu Aihua, Ph.D., Prof. (Beijing, China)

Ekaterinburg 2017

СОДЕРЖАНИЕ

Редакционные принципы журнала «Политическая лингвистика»	8
--	---

РАЗДЕЛ 1. ТЕОРИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Гаврилова М. В. Санкт-Петербург, Россия	Лингвистические заметки о воздействии публичного слова: к столетию русской революции	10
Гришаева Л. И. Воронеж, Россия	«Сказка — ложь, да в ней намёк...», или О принципах конструирования политической медиареальности	18
Стексова Т. И. Новосибирск, Россия	Вариативность жанровой интерпретации в политическом дискурсе	28

РАЗДЕЛ 2. ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОММУНИКАЦИЯ

Алёшина Е. Ю. Павлова Н. А. Николаев Б. В. Пенза, Россия	Концепты «equity» («равенство») и «equality» («равноправие») в конституционно-правовой риторике американских президентов Б. Обамы и Д. Трампа	36
Антонова Ю. А. Чанчунь, КНР Руженцева Н. Б. Екатеринбург, Россия	Межнациональный околополитический нарратив в печатных и электронных СМИ	44
Джиоева В. П. Тамерьян Т. Ю. Владикавказ, Россия	Реализация концептов <i>единство/иудзинад</i> в югоосетинском политическом дискурсе в ситуации русско-осетинского двуязычия	53
Иванова (Леонтьева) Л. Ю. Санкт-Петербург, Россия	Взаимодействие смысловых позиций в международном медиадискурсе российско-германских и российско-британских отношений	60
Колмогорова А. В. Калинин А. А. Горностаева Ю. А. Красноярск, Россия	Разработка компьютерной программы автоматического анализа и классификации поляризованных политических текстов на английском языке по уровню их манипулятивного воздействия: практические результаты и обсуждение	67
Кукатова О. А. Ташкент, Узбекистан	Речевая стратегия оппозиционирования и репрезентирующие ее тактики в дипломатическом дискурсе	76
Косолюкина Е. А. Маник С. А. Иваново, Россия	Моделирование значения терминов «терроризма» (<i>terrorism, terrorist, terrorist act</i>): авторский алгоритм	82

РАЗДЕЛ 3. ЯЗЫК — ПОЛИТИКА — КУЛЬТУРА

Гаврилов Л. А. Зарипов Р. И. Романов А. С. Москва, Россия	Об экспрессивности «мертвых» метафор	91
Енина Л. В. Ильина О. В. Каблуков Е. В. Чепкина Э. В. Екатеринбург, Россия	Практики политической идентификации россиян под влиянием медиаконцепта «информационная война»	96

Коган Е. С. Екатеринбург, Россия	Советский и постсоветский периоды в зеркале севернорусской диалектной лексики и фразеологии 108
Пашкова А. Д. Екатеринбург, Россия	Усилительные наречия как средство интенсификации оценки реформы образования в медиаполитическом дискурсе США 114
РАЗДЕЛ 4. РЕЦЕНЗИИ. ХРОНИКА	
Бочарникова А. С. Ерёмина С. А. Екатеринбург, Россия	Five lessons for developing tolerance. Пять уроков развития толерантности 120
Зеленина Т. И. Ижевск, Россия Плотникова М. В. Екатеринбург, Россия	Парцелляция как когнитивно-семиотический феномен: опыт сопоставительного корпусного исследования 125
Сафонова Ю. А. Москва, Россия	Предлагаемые обстоятельства обихода и его словесный репертуар 129
Правила представления авторами рукописей в журнал «Политическая лингвистика» 137	

CONTENTS

Editorial principles of the journal “Political Linguistics”	8
---	---

PART 1. THEORY OF POLITICAL LINGUISTICS

Gavrilova M. V. Saint-Petersburg, Russia	The impact of political word: centenary of the Russian revolution	10
Grishaeva L. I. Voronezh, Russia	“Tale of sense , if not of truth...” or On the principles of political media reality construction.....	18
Steksova T. I. Novosibirsk, Russia	Variation of genre interpretation in political discourse	28

PART 2. POLITICAL COMMUNICATION

Aleshina E. Y. Pavlova N. A. Nikolaev B. V. Penza, Russia	Concepts «equity» («ravenstvo») and «equality» («ravnopravie») in the constitutional and legal rhetoric of the american presidents B. Obama and D. Trump	36
Antonova Yu. A. Changchun, China Ruzhentseva N. B. Ekaterinburg, Russia	International parapolitical narrative of print and electronic media.....	44
Dzhioeva V. P. Tameryan T. Y. Vladikavkaz, Russia	The concept “unity” in the South Ossetian political discourse in the situation of Russian-Ossetian bilingualism	53
Ivanova (Leonteva) L. Y. St. Petersburg, Russia	Interaction of semantic positions in the international media discourse of the Russian-German and Russian-British relations.....	60
Kolmogorova A. V. Kalinin A. A. Gornostaeva J. A. Krasnoyarsk, Russia	Computer program design for classifying English polarized political texts by their manipulative impact: results and discussion.....	67
Kukatova O. A. Tashkent, Uzbekistan	Speech strategy of opposition and the tactics representing it in the diplomatic discourse	76
Kosolyukina E. A. Manik S. A. Ivanovo, Russia	Modeling the meaning of terrorism terms (<i>terrorism, terrorist, terrorist act</i>): author’s strategy	82

PART 3. LANGUAGE — POLITICS — CULTURE

Gavrilov L. A. Zaripov R. I. Romanov A. S. Moscow, Russia	About expressiveness of “dead” metaphors.....	91
Enina L. V. Il’ina O. V. Kablukov E. V. Chepkina E. V. Ekaterinburg, Russia	Practices of political identification of Russians under the influence of “information warfare” media concept	96

Kogan E. S. Ekaterinburg, Russia	Soviet and Post-Soviet periods in the mirror of North-Russian dialectal vocabulary and phraseology 108
Pashkova A. D. Ekaterinburg, Russia	Intensifying adverbs as a means of intensification of education reform evaluation in American media-political discourse 114
PART 4. REVIEWS. CHRONICLE	
Eremina S. A. Bocharnikova A. S. Ekaterinburg, Russia	Five Lessons for Developing Tolerance 120
Zelenina T. I. Izhevsk, Russia Plotnikova M. V. Ekaterinburg, Russia	Parceling as a cognitive-semiotic phenomenon: experience of comparative studies 125
Safonova J. A. Moscow, Russia	Suggested circumstances of everyday use and its verbal inventory 129
Manuscripts requirements 137	

РЕДАКЦИОННЫЕ ПРИНЦИПЫ ЖУРНАЛА «ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА»

Уважаемые авторы и коллеги, в истории развития нашего журнала наступил некий период «зрелой оценки». Мы перестали быть специализированным журналом для узкого круга любителей «политической лингвистики». По результатам 2012 года мы прочно закрепились в числе 10 самых цитируемых лингвистических журналов в России. А значит, расширился круг наших авторов и читателей.

Именно сейчас мы решили сформулировать основные редакционные принципы нашего журнала, что позволит легче вливаться в наш коллектив новым авторам, позволит наладить конструктивное сотрудничество.

Опираясь на наш многолетний опыт, на уже сформировавшиеся традиции нашего журнала, а также на принятые в мировой практике основы редакционной этики (см., например: *Кодекс этики научных публикаций* (<http://publicet.org/code/>), *Code of Conduct and Best Practice Guidelines for Journal Editors* (<http://publicationethics.org/resources/code-conduct>) и др.), мы представляем общие редакционные принципы нашего журнала.

Мы надеемся, что данные принципы будут приняты всеми, кто тем или иным образом участвует в жизни нашего журнала — авторами, рецензентами, редакторами, издателями, распространителями и читателями.

Общие принципы журнала «Политическая лингвистика»

Мы уважаем существующие в каждом государстве национальные особенности политической коммуникации, связанные с историей, культурой и политической системой данного государства.

Мы считаем необходимым соблюдение принципов толерантности и политической корректности, в том числе в статьях, созданных в рамках критического анализа дискурса.

Мы исходим из того, что сам факт анализа политических текстов, созданных политическими экстремистами, вовсе не свидетельствует о том, что автор публикации или редакционная коллегия в какой-либо степени солидарны с позицией соответствующего политического лидера или журналиста.

В сочетании «политическая лингвистика» для нас значимы обе части. И хотя мы считаем наш журнал лингвистическим, стремимся предоставлять трибуну политологам, психологам, социологам и специалистам по иным социально-гуманитарным наукам.

Мы стремимся к общедоступности, поэтому наш журнал представлен в свободном доступе на сайте научных журналов Уральского государственного педагогического университета *journals.uspu.ru*, в Научной электронной библиотеке *E-library*, а также на сайте *cognitiv.narod.ru*, где размещены и иные публикации по проблемам политической лингвистики, преимущественно подготовленные в рамках Уральской школы политической лингвистики.

Мы стремимся к сохранению научных традиций, чему в нашем журнале призван служить раздел «Зарубежный опыт», предназначенный для публикации впервые переведенных на русский язык работ, которые, хотя и написаны много десятилетий назад, сохраняют свою значимость для теории и истории науки.

Мы приглашаем к активному сотрудничеству всех, интересующихся проблемами политической лингвистики. В частности, мы будем благодарны за помощь в поиске материалов для раздела «Зарубежный опыт»: к сожалению, нам все труднее находить переводчиков-волонтеров, и мы будем благодарны всем, кто либо сам найдет и переведет интересный текст, либо предложит свои услуги в качестве переводчика для текста, подобранного редакцией. Как известно, публикация перевода, в соответствии с решением экспертного совета ВАК, приравнивается для переводчика к публикации научной статьи, что иногда бывает важным при представлении диссертации к защите. Также редакционная коллегия будет благодарна за присланные рецензии на новые интересные работы, соответствующие тематике нашего журнала.

Принципы редактора журнала «Политическая лингвистика»

При принятии решения о публикации наши редакторы руководствуются в первую очередь научной значимостью рассматриваемой работы и новизной представленного материала.

Наши редакторы стремятся оценивать интеллектуальное содержание рукописей вне зависимости от расы, пола, сексуальной ориентации, религиозных взглядов, происхождения, гражданства, социального положения или политических предпочтений авторов. Учитывая специфику журнала, особенно важно последнее: как уже неоднократно сообщалось, мы против политической цензуры, с уважением относимся к политическим взглядам авторов наших публикаций, хотя не всегда и не во всем с ними согласны.

Редактор не должен допускать к публикации информацию, если имеется достаточно оснований полагать, что она является плагиатом. Напоминаем, что с мая 2012 г. все поступающие в редакцию статьи тестируются в системе «Антиплагиат».

Мы настроены на тесный контакт с нашими авторами, поэтому наши редакторы не оставляют без ответа любые вопросы, касающиеся рассмотренных рукописей или опубликованных материалов, а при выявлении спорной ситуации мы стремимся сохранить научное равновесие и дать возможность авторам научно и корректно высказать свою точку зрения.

Принципы автора журнала «Политическая лингвистика»

Авторы статьи должны представлять достоверные результаты проведенных исследований.

Заведомо ошибочные или сфальсифицированные утверждения неприемлемы.

Авторы должны гарантировать, что результаты исследования, изложенные в представленной рукописи, полностью оригинальны. Чрезмерные заимствования, а также плагиат в любых формах, включая неоформленные цитаты, перефразирование или присвоение прав на результаты чужих исследований, неэтичны и неприемлемы.

Необходимо признавать вклад всех лиц, так или иначе повлиявших на ход исследования, в частности, в статье должны быть представлены ссылки на работы, которые имели значение при проведении исследования.

Авторы не должны представлять в журнал рукопись, которая была отправлена в другой журнал и находится на рассмотрении, а также статью, уже опубликованную в другом журнале. Подобные «исследования» мы возвращаем создателям с указанием места первоначальной публикации и добрыми пожеланиями.

В качестве соавторов статьи следует указывать всех лиц, внесших существенный вклад в проведение исследования. Среди соавторов недопустимо указывать лиц, не участвовавших в исследовании.

Если автор обнаружит существенные ошибки или неточности в статье на этапе ее рассмотрения или после опубликования, он должен как можно скорее уведомить об этом редакцию журнала. В таком случае мы публикуем уточняющую информацию в ближайшем номере.

Мы не имеем возможности оплачивать труд литературных редакторов и корректоров, а поэтому ответственность за подбор и точность цитат или иного рода недочеты несут авторы публикаций.

Контакты.

Почтовый адрес: 620017, Екатеринбург, пр-т. Космонавтов 26, Уральский государственный педагогический университет, кафедра риторики и межкультурной коммуникации (каб. 285).

Телефоны:

(343)3361592 (гл. редактор А. П. Чудинов).

Факс (343) 3361592.

Электронная почта: ap_chudinov@mail.ru.,
shinkari@mail.ru.

С уважением и надеждой на сотрудничество:

д-р филол. наук, проф.
Анатолий Прокопьевич Чудинов,
д-р филол. наук, доцент
Эдуард Владимирович Будаев,
канд. филол. наук, доцент
Мария Борисовна Ворошилова,
канд. филол. наук
Даниил Олегович Морозов.

РАЗДЕЛ 1. ТЕОРИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ

УДК 811.161.1'38:811.161.1'42(091)
ББК Ш1141.12-55+Ш141.12-51

ГСНТИ 16.21.27

Код ВАК 10.02.01

М. В. Гаврилова
Санкт-Петербург, Россия

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ О ВОЗДЕЙСТВИИ ПУБЛИЧНОГО СЛОВА: К СТОЛЕТИЮ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

АННОТАЦИЯ. В 2017 году в России отмечается 100-летие Февральской и Октябрьской революций. Это повод для объективной и всесторонней оценки исторического развития русского политического дискурса, воздействия политического слова на общественные настроения. Цель статьи — лингвокогнитивный и риторический анализ выступления лидера партии кадетов П. Н. Милюкова 1 (14) ноября 1916 г. в Государственной думе. Выбор материала обусловлен влиянием этой речи на развитие политической ситуации в России накануне Февральской революции. Это знаменитая речь, вошедшая в хрестоматию по отечественной истории; однако политическая речь, которую современники называли «штурмовым сигналом» к началу революции (А. С. Резанов), не получила рефлексии в отечественной лингвистической науке. В статье анализируются тематическая структура, композиция, коммуникативные стратегии и тактики, особенности аргументации, изобразительно-выразительные средства политической речи.

В ходе комплексного лингвистического анализа мы выяснили: убеждение и внушение, а не доказывание являлись способами речевого воздействия члена Государственной думы на собравшихся в зале заседания депутатов. Речевая агрессия была направлена на политических соперников и использовалась для защиты личных и групповых политических интересов. Основными коммуникативными стратегиями речи являлись дискредитация противников и повышение личного статуса. Речевое воздействие осуществлялось при помощи риторических средств привлечения внимания, речевых приемов, помогающих домыслить высказывания оратора, и изобразительно-выразительных средств, усиливающих эмоциональность и выразительность речи.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политические речи; политическая риторика; политическая лингвистика; политический дискурс; политические деятели; речевое воздействие.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Гаврилова Марина Владимировна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры драматургии и киноведения Санкт-Петербургского государственного института кино и телевидения; 191119, Россия, Санкт-Петербург, ул. Правды, 13, к. 1526; e-mail: mvlgavrilova@gmail.com.

В 2017 г. в России отмечается 100-летие Февральской и Октябрьской революций. Это повод для объективной и всесторонней оценки исторического развития русского политического дискурса, воздействия политического слова на общественные настроения. Целью данной статьи является лингвокогнитивный и риторический анализ выступления политического лидера. Материалом исследования является выступление 1 (14) ноября 1916 г. лидера кадетской партии П. В. Милюкова в Государственной думе. Выбор материала обусловлен влиянием этой речи на развитие политической ситуации в России накануне Февральской революции. Эта знаменитая речь, вошедшая в хрестоматию по отечественной истории, политическая речь, которую современники называли «штурмовым сигналом» к началу революции (А. С. Резанов), не получила рефлексии в отечественной лингвистической науке. Кроме того, изучение ораторских и полемических приемов, позволяющих ввести аудиторию в заблуждение и склонить на свою сторону, может прояснить активно обсуждаемые сегодня в публичном пространстве понятия «постправда» и «ложные новости».

Актуальность исследования состоит в малой изученности традиций отечественного парламентского общения. Отметим, что интерес к изучению частной риторики парламентской речи наблюдался в начале 90-х гг. XX в. и был вызван становлением новой по-

литической системы. Анализируя выступления народных депутатов, лингвисты описывали жанры парламентского общения, культуру публичных выступлений, ритуализацию советского политического языка, когнитивную силу метафоры, приемы аргументации, используемые в политической дискуссии, выразительные средства политической речи и др. [Баранов, Казакевич 1991; Баранов, Караулов 1994; Виноградов 1994; Культура парламентской речи 1994; Складневская, Ткачева 2003]. Подчеркнем, что материалом исследования преимущественно являлась парламентская речь советского периода и периода перестройки. Нам представляется, что анализ ораторского мастерства членов дореволюционной Государственной думы будет полезен для выяснения лингвистической, логической и этической норм российского парламентского общения.

Контекст коммуникативного события. Значение дискурса определяется взаимодействием речевых структур и контекста, в котором они употребляются. Поэтому дискурсивный анализ должен зафиксировать обстоятельства, в которых происходит коммуникативное событие, и определить их отношение (значимость) к структуре текста.

Вслед за Т. ван Дейком мы определяем контекст как ментально представленную структуру тех свойств (особенностей) социальной ситуации, которая уместна для производства или понимания дискурса. Контекст

включает в себя следующие категории: 1) общее определение ситуации; 1.1) обстановку (время, место события); 1.2) действующих акторов (включая дискурсы и дискурсивные типы); 1.3) участников, выступающих в различных коммуникативных, социальных или институциональных ролях; 2) ментальные представления участников (цели, знания, мнения, позиции и идеологии).

Ментальные представления участников коммуникативного события могут включать в себя: 1) абстрактные знания о событии; 2) личное знание (опыт участия в подобном мероприятии); 3) коммуникативную цель; 4) (политическую) социальную роль; 5) приверженность определенной идеологии; 6) задачи общественной группы или политической партии, в которой состоит участник; 7) личный интерес автора текста [Van Dijk 1998: 56—83].

Общественно-политическая ситуация в России в 1916 г. определялась событиями Первой мировой войны, конфликтом между думой и правительством и являлась «периодом обостренных чувств масс» [Резанов 1924: 16]. «Отсутствие риторического образования в стране не позволяло руководить общественным мнением и противостоять „растлению умов“, влиянию новой материалистической философии с ее модными и увлекательными идеями. Силу набирала пропаганда марксистских идей, политическая пресса была наполнена неверием, критикой и скептицизмом. Начало Первой мировой войны, неудачные действия правительства и императора Николая II, отсутствие убедительного объяснения народу происходящего вокруг вели к тому, что коммунистические идеи критики царской власти, призывы к построению нового общества одержали верх» [Аннушкин 2004: 64].

Время произнесения речи — 1 (14) ноября 1916 г., когда после 4-месячного перерыва Государственная дума собралась на новую сессию. Место произнесения — высшее представительное собрание с законодательными или административными функциями в России. Выступающий — Павел Николаевич Милюков. (Политическая) социальная роль оратора — депутат III и IV созыва Государственной думы, публицист, редактор кадетской газеты «Речь». Приверженность определенной идеологии: создатель и лидер Конституционно-демократической партии (кадеты), лидер оппозиционного Прогрессивного блока, составляющего большинство в Государственной думе. Задачи политической партии, в которой состоит участник коммуникативного события, — сохранить политический вес думы. Личный интерес по-

литика — спасти Прогрессивный блок от распада. Коммуникативная цель оратора — критика действий правительства и обвинение царской семьи в измене.

Речевая ситуация восприятия выступления. Члены Государственной думы слушали речь с интересом, вниманием и волнением, о чем свидетельствуют многочисленные ремарки в стенограмме выступления. Отметим, что *голоса* является наиболее частотным словом в тексте (22 словоупотребления).

Депутаты встретили речь одобрением: в тексте 6 раз используется ремарка *аплодисменты слева* и *аплодисменты*. Преимущественно присутствующие выражали согласие с утверждениями оратора (*голос слева: «Браво, браво»*; *голоса слева: «Верно»*). В тексте насчитывается 15 ремарок, свидетельствующих о приятии слов оратора аудиторией. Добавим, что заканчивается стенограмма ремаркой *Шумные аплодисменты*.

Однако в зале были слышны и слова несогласия с высказываниями Милюкова. Депутаты Г. Г. Замысловский, Н. Е. Марков и А. П. Вишневский с места перебивали политика, обвиняя его в клевете и требуя доказательств: «Замысловский (с места). Клеветник. Скажите подписи. Не клеветайте»; «Вишневский (с места). Мы требуем подписи. Пусть не клеветает»; «Марков 2-й (с места). Он только сообщил заведомую неправду» и др. Поскольку речь Милюкова воспринималась с большим интересом (*голоса: «Дайте слушать. Тише»*) и в основном была поддержана аудиторией (*голоса: «Правильно»*), возражавшие воспринимались как нарушители порядка (*Голоса слева: „Допустимы ли эти выражения с места, господин председательствующий?“*).

Критические заявления П. Н. Милюкова вызвали беспокойство и волнение среди депутатов. В стенограмме используются ремарки *шум, продолжительный шум*. Председательствующий неоднократно обращается к аудитории со словами: «Покорнейше прошу прекратить шум»; «Прошу г.г. членов Думы соблюдать спокойствие».

Газета «Биржевые ведомости» 2 ноября 1916 г. писала: «Лидер к.-д. фракции П. Н. Милюков произносит весьма серьезную и весьма сильную речь, которую Г. Дума не перестает от начала и до конца слушать с огромным вниманием и напряжением. Речь П. Н. Милюкова произвела настолько сильное впечатление, что представители к.-д. фракции собрались тотчас же после этой речи в помещении бюджетной комиссии и, пригласив туда П. Н. Милюкова, устами

Н. В. Некрасова приветствовали его. Речь Н. В. Некрасова заканчивалась словами: „Благодарим и гордимся“» [цит. по: 90 лет революции].

Выступление П. Н. Милюкова стало политическим скандалом, поскольку открыто с трибуны Государственной думы прозвучало обвинение царской власти в измене. Запрет речи цензурой привел к быстрому ее распространению и популярности. А. С. Резанов писал: «Благодаря недалёковидности военной цензуры, запретившей печатание этой речи, она быстро приобрела легендарный характер, обросла сказками и баснями и начала передаваться из уст в уста в том виде и тоне, которые желал придать ей всякий излагающий ее содержание» [Резанов 1924: 7].

После произнесения речи возможность конструктивного сотрудничества членов Государственной думы с правительством была исключена.

Следует отметить, что в момент произнесения политик оценивал свою речь как важное дело, направленное на благо страны. Отвечая на вопрос Н. Е. Маркова «А ваша речь — глупость или измена?», П. Н. Милюков произнес: «Моя речь — есть заслуга перед родиной, которой вы не сделаете». Однако позднее, в начале января 1918 г., Милюков в письме П. Долгорукову напишет: «Мы должны признать, что нравственная ответственность за совершившееся лежит на нас, т. е. на блоке Государственной Думы. Вы знаете, что твердое решение воспользоваться войной для производства переворота было принято нами после начала войны <...> Вы понимаете теперь, почему я в последнюю минуту колебался дать согласие на производство переворота, понимаете также, каково должно быть в настоящее время мое внутреннее состояние. История проклянет вождей наших, так называемых пролетариев, но проклянет и нас, вызвавших бурю» [Милюков 1963: 21].

Композиция речи. Выступление П. Н. Милюкова построено по классической риторической схеме и состоит из трех частей. Вступление начинается с обращения *Господа члены Государственной Думы* и заканчивается утверждением: *...есть разница в положении.* Первая часть речи, построенная на временном противопоставлении «тогда — теперь», является небольшой по объему и состоит из 306 слов. Основная часть речи, представляющая собой обвинение в адрес правительства, начинается предложением *Мы потеряли веру в то, что эта власть может нас привести к победе* и заканчивается вопросом *имеем ли мы в данном случае дело с глупостью или с изменою?* Вторая

часть — большая по объему — насчитывает 2129 слов. Текстовыми границами заключения являются предложение *Когда вы целый год ждете выступления Румынии* и требование *не заслуживает доверия Государственной Думы и должен уйти.* Высокопарное окончание выступления состоит из 553 слов.

Анализируя строение политической речи, важно изучить сильные позиции текста. В начале выступления, обладающем большой информативной значимостью, звучит одно из основных требований Прогрессивного блока — создание правительства доверия: *создание министерства из лиц, к которым страна могла бы относиться с доверием.* В конце речи утверждается необходимость ответственности правительства перед членами Государственной думы. Напомним, что одна из политических задач, записанных в программе партии кадетов, состоит в формировании кабинета, который бы нес ответственность перед народными представителями. Иными словами, используя сильные позиции текста, депутат актуализирует в сознании слушателей основные лозунги своей политической группы.

Тематическая структура выступления.

Для описания тематической структуры выступления мы использовали программу *TextAnalyst*, которая выявляет основное содержание текста. Алгоритм реферирования основан на выборе из текста готовых предложений, которые содержат наибольшее число самых частотных понятий, иногда — с учетом их связей. Таким образом, информационный портрет документа раскрывается в форме последовательности ключевых цитат, отобранных из оригинала. Краткое изложение выступления П. Н. Милюкова может быть представлено следующим образом.

В результате, в заявлении 28-ми председателей губернских управ, собравшихся в Москве 29 октября этого года, вы имеете следующие указания: „мучительное, страшное подозрение, злоеущие слухи о предательстве и измене, о темных силах, борющихся в пользу Германии и стремящихся путем разрушения народного единства и сеяния розни подготовить почву для позорного мира, перешли ныне в ясное сознание, что вражеская рука тайно влияет на направление хода наших государственных дел“.

Итак, едва я переехал границу, несколько дней после отставки Сазонова, как сперва шведские, а затем германские и австрийские газеты принесли ряд известий о том, как встретила Германия назначение Штюрмера.

Откуда же берут германские и австрийские газеты эту уверенность, что

Штюрмер, исполняя желание правых, будет действовать против Англии и против продолжения войны?

В московских газетах была напечатана заметка по поводу записки крайне правых, доставленная в Ставку в июле перед второй поездкой Штюрмера.

В этой записке заявляется, что, хотя и нужно бороться до окончательной победы, но нужно кончить войну своевременно, а иначе плоды победы будут потеряны вследствие революции.

Левые партии, утверждает записка, „хотят продолжать войну, чтобы в промежутке организовать и подготовить революцию“.

Я вам называл этих людей — Манасевич-Мануйлов, Распутин, Питирим, Штюрмер.

Это та придворная партия, победою которой, по словам „Нейе Фрейе Прессе“, было назначение Штюрмера: „Победа придворной партии, которая группируется вокруг молодой Царицы“.

Говорят, что один член совета министров, услышав, что на этот раз Государственная Дума собирается говорить об измене, взволнованно вскрикнул: „Я, быть может, дурак, но я не изменник“.

Когда в разгар войны „придворная партия“ подкапывается под единственного человека, создавшего себе репутацию честного у союзников (шум) и когда он заменяется лицом, о котором можно сказать все, что я сказал раньше, то это...

Они для войны опасны: именно потому во время войны и во имя войны, во имя того самого, что нас заставило объединиться, мы с ними теперь боремся.

Следующим этапом анализа тематической структуры является выявление основных топиков выступления. Так, во введении говорится об ошибках военного министра Сухомлинова, о необходимости объединения народных сил и создания министерства доверия, об изменившейся общественно-политической ситуации на 10-м и 27-м месяце войны. В основной части звучит обвинение правительства в неспособности привести страну к победе и в злонамеренности действий, в частности подробно говорится о пагубности назначения Б. В. Штюрмера министром иностранных дел, о слухах об измене и предательстве в правительственных кругах. Эмоциональной кульминацией выступления является заключение, в котором политик призывает членов Государственной думы добиваться ухода правительства.

Дополним описание тематической структуры текста результатами статистического анализа стенограммы. Мы выяснили, что наиболее частотны в выступлении следующие

слова: *господа* (25), *наш* (25), *голова* (22), *Штюрмер* (21), *война* (18), *министр* (16), *государственный* (11), *Государственная дума* (9), *Манасевич-Мануйлов* (9), *газеты* (8), *кабинет* (8), *назначение* (7), *измена* (7), *слухи* (7), *Замысловский* (6), *германские* (5), *иностранных* (5), *арестовать* (5). Полагаем, что ключевые слова формируют основные пропозиции речи: 1. Слухам об измене в кабинете (на примере министра Штюрмера и его личного секретаря Манасевича-Мануйлова), описанным в германских (иностранных) газетах, следует доверять. 2. В условиях войны и в ситуации предательства правящих кругов необходимо усиление роли Государственной думы.

Коммуникативные стратегии и тактики. Нам представляется, что выступление П. Н. Милюкова можно определить как речь оппозиционного политика, использующего демагогические приемы и изобразительно-выразительные средства для достижения групповых политических целей. Напомним, что основная речевая интенция политика, который борется за власть, — активизировать массы, создать впечатление бедственного положения в стране и требовать активных действий по изменению реальности. Одним из языковых средств репрезентации идеи кризиса является употребление слов с негативной семантикой для описания социально-политической ситуации: *неудачи, недостатки, новые трудности* и др. При этом политику важно представить личную точку зрения как разделяемую большинством в обществе, например при помощи прилагательных со значением ‘распространяющийся на всех, всё’ (*общим расстройством народного хозяйства, общего недовольства и раздражения* и др.).

Мы считаем, что основным способом воздействия П. Н. Милюкова на слушателей является речевая агрессия, которая воплощается в двух основных коммуникативных стратегиях: стратегии дискредитации противника и стратегии повышения личного статуса. В свою очередь, дискредитация осуществляется при помощи коммуникативных тактик прямого и косвенного обвинения, отрицательной категоричности высказываний, а также демагогических приемов. Повышение статуса реализуется путем использования тактик самопрезентации и провозглашения собственной правоты.

Следует отметить, что речевая агрессия играла ключевую роль в развитии дискуссии в парламентской коммуникации начала XX в. [Громыко 2007].

Анализируя приемы дискредитации противника, мы пришли к выводу о том, что оратор

тор использует не доказательство, а убеждение и внушение, чтобы возложить вину на политических соперников. При этом депутат настаивает на предумышленности неблагоприятных поступков правительства, неоднократно описывая образ действий представителей власти при помощи наречия *намеренно*: *власть намеренно занимается вызыванием народных вспышек <...> намеренно вызываются волнения и беспорядки путем провокации; намеренно тормозится дело.*

Политик использует такой способ искажения истины, как сообщение информации (причиняющей ущерб политическому противнику) без указания ее источника: *Прошу извинения, что, сообщая о столь важном факте, я не могу назвать его источника* (автор эксплуатирует такое качество политической речи, как эзотеричность); *В московских газетах была напечатана заметка по поводу записки крайне правых* (отсутствие названия конкретной газеты, что затрудняет проверку достоверности информации); *Ко мне приходили и говорили: „Скажите, пожалуйста, там, в Петрограде, чем занимается известный Ратаев?“* (неопределенно-личное предложение) и др.

Аргументы, призванные разоблачить действия правительства, являют собой предположения и впечатления оратора: *Я передаю те впечатления, которые за границу определили мнение печати о назначении Штюмерера* и др. Кроме того, политик использует прием, известный как ложная авторитетность, цитируя в качестве доказательства своих обвинений различные германские и австрийские газеты: *У меня в руках номер „Берлинер Тагеблатт“ от 16 октября 1916 г. и в нем статья под заглавием: „Мануйлов, Распутин, Штюмерер“; „Особенно интересна была передовая статья в „Нейе Фрейе Пресс“ от 25 июня* и др.

В ходе выступления П. Н. Милюков концентрирует внимание аудитории на частностях: упоминает много фамилий, разъясняет детали заграничных разговоров, пересказывает чужую речь, подробно описывает незначительные эпизоды и др. Напомним, что функция данного приема — рассеять внимание слушателей, под видом объективной оценки предложить собственную интерпретацию событий. Обращает на себя внимание большая доля цитируемого текста. Это и фрагменты статей иностранных и московских газет, слова министра Горемыкина, слова Поливанова, декларация, французская желтая книга, где был опубликован германский документ; заявление 28 председателей губернских управ, записки, обвини-

тельные акты и др. Обилие чужого текста должно восприниматься слушателями как доказательство тезиса оратора, однако цитаты не содержат фактологического материала, а их содержание лишь усиливает эмоциональное давление на аудиторию.

Отрицательно характеризуя политических противников, оратор употребляет наименования обобщающего характера, что приводит к эффекту замалчивания: *кучка темных личностей руководит в личных и низменных интересах важнейшими государственными делами; один член совета министров* и др.

Дискредитируя политических оппонентов, Милюков говорит о необходимости судебного следствия, основанием для которого можно считать *инстинктивный голос всей страны и ее субъективную уверенность*. Это заявление можно рассматривать как провокацию, а также сложно трактовать в категориях права.

Сочетаемость слова *революция* с иностранным словом *идефикс*, означаящим 'одержимость человека навязчивой, маниакальной идеей' и трижды повторяющимся в ограниченном текстовой пространстве с указательными местоимениями, способствует формированию представления о революции как о форме помешательства членов правительства, излишне опасаящихся народных волнений: *Так вот господа, та идефикс революции, грядущей со стороны левых, та идефикс, помешательство на которой обязательно для каждого вступившего члена кабинета, и этой идефикс приносит в жертву все.*

На понижение политического статуса противника оказали влияние и экстралингвистические факторы. Так, «Милюков приво-дил в оригинале цитаты из немецких газет, недопустимым образом задевавшие государыню, а председательствовавший на заседании С. Т. Варун-Секрет не остановил его, поскольку не понимал по-немецки» [Шмелев 2005].

Агрессивность речи проявляется в резко категоричной тональности выступления, основными приемами выражения которой являются отстранение и отрицание. На лексическом уровне слова, в значение которых включена сема 'отрицание', создают пейоративный коннотативный фон, описывающий тяжелую ситуацию в стране: *измена, война, жертвы, предательство, брожение, неприятный* и др. Обвиняя политических соперников, Милюков использует характеристики с отрицательным значением: *неспособность и злонамеренность данного состава правительства*. Негативная экспрессия усиливает-

ся при помощи прилагательных с семами 'отвращение', 'злоба': *ненавистные министры*.

На словообразовательном уровне характерно употребление префиксов *не-*, *без-*, усиливающих противительное значение: *беспорядки*, *недостатки* и др.

На синтаксическом уровне отрицательные предложения (*Штюрмер не арестовал Манасевича-Мануйлова*), конструкции со словом *нет* (*у нашей власти нет ни знаний, ни талантов, необходимых для настоящей минуты*), предложения с противительными союзами (*Это — старая для наших германофилов тема, но она развивается в ряде новых нападков*) актуализируют в тексте семантику отрицания.

Использование выделительной функции указательного местоимения *этот* в предложении, формирующем негативный контекст, создает эффект отстранения оратора от предмета высказывания: *Мы потеряли веру в то, что эта власть может нас привести к победе*.

Показательно, что концептуализация правительства осуществляется в категории опасности (*только во время войны они и опасны*) и воплощается в символе зла (*Это наше главное зло, победа над которым будет равносильна выигрышу всей кампании*). Мы наблюдаем подмену понятий, когда правительство, а не Германия становятся врагом страны. Следуя логике построения этих суждений, основным действием по отношению к правительству должна стать борьба: *мы будем бороться, пока не добьемся той настоящей ответственности правительства* и др. При этом максимальная степень речевой агрессии достигается путем снижения косвенности инвективы (обращение непосредственно к объекту агрессии): *Мы будем бороться с вами <...> пока вы не уйдете*.

Побуждая собравшихся в зале депутатов принять на веру обвинения власти, П. Н. Милюков отказывается от рациональной аргументации, обращаясь в первую очередь к пафосу (чувство, эмоциональная память человека) и этосу (коллективная память, мораль): *во имя миллионов жертв и потоков пролитой крови; во имя нашей ответственности перед всем народом* и др. Отметим, что этот демагогический прием направлен на имитацию нравственного поведения политика.

Добавим, что в заключительной части выступления политик использует некорректную дихотомию, когда из множества возможных альтернатив выбираются лишь две: глупость или измена.

Коммуникативная стратегия «повышение собственного статуса» реализуется в такти-

ке «провозглашение собственной правоты», которая раскрывается через самопредставление оратора в качестве непризнанного пророка при помощи частотного самоцитирования и использования предложений с субъектом «я» в начальной позиции предложения в ограниченном текстовом фрагменте: *Еще 13 июня 1916 г. с этой кафедры я предупреждал <...> Я цитирую свои тогдашние слова. Я указывал тогда, — привожу опять мои слова <...>. Увы, господа, это предупреждение, как все другие, не было принято во внимание*.

Тактика самопрезентации реализуется посредством акцентирования активной речевой позиции оратора (я + говорить): *я скажу открыто; я вам скажу; я очень рад сказать* и др.

Риторические особенности выступления. Речевое воздействие на собравшихся в зале заседания членов думы осуществляется при помощи определенных риторических средств.

П. Н. Милюков часто использует речевые приемы привлечения внимания:

– обращение к аудитории с вопросом (*Вы спрашиваете, как же мы начнем бороться во время войны?*);

– вопросно-ответный ход (*Вы можете спросить: кто такой Манасевич-Мануйлов? Почему он нам интересен. Я вам скажу, господа, Манасевич-Мануйлов — это...;*

– речевые средства юмора и иронии (*Вот что говорится в этой статье: „Как бы не обрусел старик Штюрмер (смех), все же довольно странно, что иностранной политикой в войне, которая вышла из панславистских идей, будет руководить немец (смех)“;*

– прямые обращения к собравшимся (*Господа, я может быть не решил бы говорить о каждом из моих отдельных впечатлений*). Заметим, что в тексте насчитывается 25 употреблений слова *господа*;

– различные виды повторов, например лексические (*Какая, господа, разница, теперь, на 27-м месяце войны, разница, которую особенно замечаю я*).

В целях убеждения аудитории в истинности своих слов политик применяет речевые приемы, помогающие домыслить его высказывание. П. Н. Милюков нередко обращается с риторическим вопросом, который призван сформировать желаемое отношение к содержанию высказывания, эффективен в ситуации напряженного ожидания, возбужденной аудитории, обеспечивает молчаливое согласие слушающих с мнением оратора (*Не обращаясь к уму и знаниям власти, мы обращались тогда к ее патри-*

отизму и к ее добросовестности. Можем ли мы это сделать теперь?). Политик использует такое эффективное средство косвенного информирования, как намек (*известная нам прихожая; круг лиц* и др.).

Изобразительно-выразительные средства позволяют политику усилить эмоциональность и выразительность своей речи. Особое значение в структуре риторических средств выступления получают фигуры, проясняющие чувства и эмоции оратора. Так, во вступлении политик неоднократно использует анафору, т. е. прием, передающий чувство уверенности, положительный настрой говорящего в сказанном: *Мы сами те же, что прежде. Мы те же на 27-м месяце войны, какими были на 10-м и какими были на первом.* В заключении выступления нарастание эмоционально-смысловой значимости слов оратора усиливается при помощи градации: *Мы имеем много, очень много отдельных причин быть недовольными правительством. — Это наше главное зло... — Кабинет, не удовлетворяющий этим признакам, не заслуживает доверия Государственной Думы и должен уйти.* Добавим, что взволнованность и искренность речи достигается при помощи частотного употребления личных и притяжательных местоимений: *С тяжелым чувством я вхожу сегодня на эту трибуну; следить за махинациями наших врагов* и др.

Эллипсис придает динамизм развертыванию повествования (*Мы теперь перед новыми трудностями* и др.).

Для усиления речевого воздействия политик использует синтаксические средства выразительности, в частности, ряды однородных членов (*трудности эти не менее сложны и серьезны, не менее глубоки*) и способствующий ритмизации речи параллелизм (*Мы по-прежнему стремимся к полной победе, по-прежнему готовы нести необходимые жертвы и по-прежнему хотим поддерживать национальное единение*).

Известно, что тропы делают ясным сам предмет речи. В выступлении политика используются эпитеты, способствующие образному выразительному определению предмета (*высокий порыв на помощь войне; взволнованное чувство русского патриота* и др.). Метафора, помимо того что служит средством эмоционального воздействия, выполняет в тексте когнитивную функцию: обогащает представления аудитории об особенностях социально-политической действительности, привлекая для ее описания новые вторичные признаки (*ядовитое семя подозрения уже дает обильные плоды; пропасть между нами и ею* (властью. — М. Г.)

расширилась и стала непроходимой; зачатки русской свободы и др.).

Мы полагаем, что благодаря таким качествам, как образность, оценочность, эмоциональность, призывность, политическое выступление П. Н. Милюкова близко публицистическому стилю речи.

Заключение. Подводя итоги лингвистического анализа выступления П. Н. Милюкова, можно сказать, что определяющую роль в восприятии речи как значимого политического действия сыграло ораторское мастерство политика и тревожные общественные настроения, возникшие в сложной социальной ситуации.

Убеждение и внушение, а не доказывание являлись способами речевого воздействия члена Государственной думы на собравшихся в зале заседания депутатов. Речевая агрессия была направлена на политических соперников и использовалась для защиты личных и групповых политических интересов. Основными коммуникативными стратегиями речи являлись дискредитация противников и повышение личного статуса.

Речевое воздействие осуществлялось при помощи риторических средств привлечения внимания, речевых приемов, помогающих домыслить высказывания оратора, и изобразительно-выразительных средств, усиливающих эмоциональность и выразительность речи.

Какие уроки можно извлечь из анализа речи П. Н. Милюкова и ее влияния на начало революционных действий? Во-первых, нравственная ответственность политика за произнесенное слово, поскольку политическое высказывание и политическое действие тесно взаимосвязаны. Во-вторых, для поступательного развития страны важным является диалогическое общение власти и общества, разъяснение политического курса гражданам, особенно в атмосфере недоверия к представителям власти. В-третьих, важно повышать уровень риторического образования в средней и высшей школах, развивать критическое мышление.

Считаем, что специалистам по политической лингвистике необходимо осуществлять мониторинг деструктивного речевого поведения политиков, чтобы уменьшить возможность формирования управляемой толпы.

ЛИТЕРАТУРА

1. 90 лет революции // Коммерсант.ru. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/720980>.
2. Аннушкин В. И. Риторика и стилистика : учеб. пособие для студентов соц.-экон. и юрид. факультетов. Ч. 1. — М., 2004. 165 с.
3. Баранов А. Н., Казакевич Е. Г. Парламентские дебаты: традиции и новации. — М. : Знание, 1991.
4. Баранов А. Н., Караулов Ю. Н. Словарь русской поли-

тической метафоры. — М., 1994.

5. Виноградов С. И. Выразительные средства в парламентской речи // Русская речь. 1994. № 1. С. 43—48.

6. Громыко С. А. Особенности речевой агрессии русских националистов в дореволюционной Государственной думе // Политическая лингвистика. 2016. № 4. С. 217—224.

7. Громыко С. А. Русский политический дискурс начала XX века (на материале дискуссии в I Государственной Думе 1906 года) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Вологда, 2007. 22 с.

8. Зюбина И. А., Матвеева Г. Г., Лесняк М. В. Коммуникативные стратегии манипулирования в парламентском дискурсе // Вестн. Пятигор. гос. лингвист. ун-та. 2015. № 4. С. 187—192.

9. Кирьянов И. К. Российские парламентарии начала XX века: новые политики в новом политическом пространстве : дис. ... д-ра ист. наук. — Пермь, 2009.

10. Культура парламентской речи / под ред. Л. К. Граудиной. — М. : Наука, 1994.

11. Матвеев А. В. Идеологема «русский» в думской рито-

рике В. М. Пуришкевича (опыт контент-анализа) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2016. № 7 (69). Ч. 2. С. 118—122.

12. Милоков П. Н. Письмо П. Н. Милокова князю Павлу Долгорукову : (Исторический документ, нигде до сих пор не опубликованный) : из архива ген. С. В. Денисова // Вестник первоходника : ежемес. журн., посвящ. Первому Кубанскому походу и истории белых армий. 1963. № 27. С. 21—22.

13. Резанов А. С. Штурмовой сигнал П. Н. Милокова. — Париж, 1924.

14. Складьяевская Г. Н., Ткачева И. О. Давайте говорить правильно! Политический язык современной России : краткий словарь-справочник. — СПб. : Филол. фак. СПбГУ, 2003.

15. Шмелев А. Д. Ложная тревога и подлинная беда // Отечественные записки. 2005. № 2 (23). URL: <http://philology.ru/linguistics2/shmelyov-05.htm> (дата обращения: 14.06.2017).

16. Van Dijk T. A. Ideology. A multidisciplinary study. — London, 1998.

M. V. Gavrilova

Saint-Petersburg, Russia

THE IMPACT OF POLITICAL WORD: CENTENARY OF THE RUSSIAN REVOLUTION

ABSTRACT. *In 2017 Russia celebrates the 100th anniversary of the February and October Revolutions. This is a serious reason for an objective and comprehensive assessment of the historical development of Russian political discourse and for the research of the impact of political speech on public opinion. The aim of this paper is to analyze the speech pronounced by the politician Pavel Milyukov on the 14th of November 1916. This famous speech is included in the textbooks in History as it is supposed to "initiate" the Revolution (A.S. Rezanov), but it has not been thoroughly investigated in political linguistics. The article examines the topic, composition, communicative strategies and tactics, argumentation and expressive means of political speech.*

Complex linguistic analysis revealed the following: conviction and persuasion, rather than evidence, were the means of verbal influence of the politician on those present in the room. Verbal aggressiveness against political opponents was used as a means of protection of personal political interests and those of the political group. The paper argues that the main discursive strategies pursuing aim of influence on members of the State Duma were to discredit political rivals and to increase a personal status. It was also shown that certain rhetorical moves of attracting the audience attention, special techniques of argumentation and linguistic means, amplifying the emotional and expressive impact of the speech were involved in the analyzed speech.

KEYWORDS: *political speech; political rhetoric; political linguistics; political discourse; political leaders; speech manipulation.*

ABOUT THE AUTHOR: *Gavrilova Marina Vladimirovna, Doctor of Philology, Professor, Saint-Petersburg State University of Film and Television, Saint-Petersburg, Russia.*

REFERENCES

1. 90 let revolyutsii // Kommersant.ru. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/720980>.

2. Annushkin V. I. Ritorika i stilistika : ucheb. posobie dlya studentov sots.-ekon. i yurid. fakul'tetov. Ch. 1. — М., 2004. 165 s.

3. Baranov A. N., Kazakevich E. G. Parlamentskie debaty: traditsii i novatsii. — М. : Znanie, 1991.

4. Baranov A. N., Karaulov Yu. N. Slovar' russkoy politicheskoy metafory. — М., 1994.

5. Vynogradov S. I. Vyrazitel'nye sredstva v parlamentskoy rechi // Russkaya rech'. 1994. № 1. S. 43—48.

6. Gromyko S. A. Osobennosti rechevoy agressii russkikh natsionalistov v dorevolutsionnoy Gosudarstvennoy dume // Politicheskaya lingvistika. 2016. № 4. S. 217—224.

7. Gromyko S. A. Russkiy politicheskiy diskurs nachala XX veka (na materiale diskussii v I Gosudarstvennoy Dume 1906 goda) : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. — Vologda, 2007. 22 s.

8. Zybina I. A., Matveeva G. G., Lesnyak M. V. Kommunikativnye strategii manipulirovaniya v parlamentskom diskurse // Vestn. Pyatigor. gos. lingvist. un-ta. 2015. № 4. S. 187—192.

9. Kir'yanov I. K. Rossiyskie parlamentarii nachala XX veka: novye politiki v novom politicheskom prostranstve : dis. ... d-ra ist. nauk. — Perm', 2009.

10. Kul'tura parlamentskoy rechi / pod red. L. K. Graudinoy. — М. : Nauka, 1994.

11. Matveev A. V. Ideologema «russkiy» v dumskey ritorike V. M. Purishkevicha (opyt kontent-analiza) // Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki. 2016. № 7 (69). Ch. 2. S. 118—122.

12. Milyukov P. N. Pis'mo P. N. Milyukova knyazyu Pavlu Dolgorukovu : (Istoricheskiy dokument, nigde do sikh por ne opublikovanny) : iz arkhiva gen. S. V. Denisova // Vestnik pervopokhodnika : ezheemes. zhurn., posvyashch. Pervomu Kubanskomu pokhodu i istorii belykh armiy. 1963. № 27. S. 21—22.

13. Rezanov A. S. Shturmovoy signal P. N. Milyukova. — Parizh, 1924.

14. Sklyarevskaya G. N., Tkacheva I. O. Davayte govorit' pravil'no! Politicheskiy yazyk sovremennoy Rossii : kratkiy slovar'-spravochnik. — SPb. : Filol. fak. SPbGU, 2003.

15. Shmelev A. D. Lozhnaya trevoga i podlinnaya beda // Otechestvennye zapiski. 2005. № 2 (23). URL: <http://philology.ru/linguistics2/shmelyov-05.htm> (data obrashcheniya: 14.06.2017).

16. Van Dijk T. A. Ideology. A multidisciplinary study. — London, 1998.

**«СКАЗКА — ЛОЖЬ, ДА В НЕЙ НАМЁК...»,
ИЛИ О ПРИНЦИПАХ КОНСТРУИРОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЕДИАРЕАЛЬНОСТИ**

АННОТАЦИЯ. В фокусе размышлений — один из способов конструирования медиареальности, создание фейков. Функциональный потенциал фейков интерпретируется на фоне многочисленных средств и способов верификации истинности/ложности, бытующих в языковых культурах. Обсуждаются причины востребованности фейков в актуальной медиасреде. Фейки описываются как одно из средств реализации дискурсивной стратегии, нацеленной на конструирование фиктивной реальности в тех или иных условиях. На примере анализа статьи из немецкой газеты «Die Zeit», в которой немецкому читателю объясняется суть конфликта между Трампом и его противниками, показывается вклад средств выражения модальности в конструирование политической фиктивной реальности. Особое внимание уделяется маркерам истинности, вероятности, достоверности фиктивной медиареальности, а также маркерам истинности, вероятности, достоверности того или иного события и мнения о последнем, бытующего в медиасреде. Изучаются условия бытования фейков в медиасреде и факторы, влияющие на функционирование фейков, а также на выбор адресанта средств реализации своей интенции. Анализируются процессы категоризации и концептуализации сведений о мире и влияние на них структур знания «коллективная идентичность коллективного и единичного субъекта познания и коммуникации» и «личностная идентичность единичного субъекта». Изучаются особенности рецепции содержания медиатекста в зависимости от групп факторов, обуславливающих выбор адресантом средств и способов конструирования политической медиареальности.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: медиатексты; фейки; медиареальность; медиалингвистика; СМИ, средства массовой информации; язык СМИ; медиадискурс; политический дискурс; немецкие СМИ; немецкий язык; журналистика.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Гришаева Людмила Ивановна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры немецкой филологии, факультет романо-германской филологии, Воронежский государственный университет; 394006, Россия, г. Воронеж, Университетская пл., д. 1; e-mail: grishaewa@rgph.vsu.ru.

Даже самый неактивный пользователь современных медиа сегодня слышал, что в медиaprостранстве циркулируют многочисленные фейки, т. е. сообщения (медиатексты разного типа), содержание которых либо совсем не соответствует реальности, либо представляет собой коллаж из своего рода микрочастиц реальности. Совокупность таких компонентов, однако, противоречит действительности, которую «зеркало» медиа якобы отображает, серьезным образом влияя на структуру картины мира реципиента соответствующих медиатекстов, а также на их взаимодействие в реальной действительности.

Постановка проблемы

Убедительным примером сказанному может стать примечательный случай из «творчества» известных в России пранкеров, которые совсем недавно смогли предоставить одному американскому сенатору очередное «доказательство» „агрессивности русских“, их „привычке вмешиваться в дела других стран“, их „коварству и пренебрежению демократией“ и т. п., рассказав, что *русские де свергли Бармалея, законно избранного в Лимпопо, и якобы помогли захватить власть в Лимпопо своему ставленнику Айболиту...* И если для носителей русской культуры ясно, что Бармалей и Айболит — персонажи детской сказки, сочиненной почти век тому назад К. Чуковским, и что Лимпопо в этой сказке — река, на берега которой доктор Айболит спешит, чтобы спасти больных животных, а разбойник Бармалей строит всяческие козни, чтобы не допустить Айболита к больным животным, то для

носителей американской культуры (да и многих других, в которых на полном серьезе восприняли соответствующую «новость» о России / из современной России) главное — подтверждение доминирующих у них представлений об особенностях русской культуры. И аргументов в подтверждение справедливости высказанного тезиса им, носителям языка и культуры, в подобных случаях не требуется, поскольку когнитивного диссонанса у них не наступает, так как «новость», о которой реципиент узнает благодаря медиа, конформна его знаниям / убеждениям / картине мира.

Описанный случай чрезвычайно показателен во всех смыслах, поскольку удачные, а также не совсем удачные розыгрыши и/или ложная информация о чем-либо в медиaprостранстве ярко иллюстрируют, с одной стороны, влияние медиапродуктов на умонастроения и восприятие действительности носителями культуры и, с другой стороны, убедительно раскрывают один из многочисленных способов конструирования медиареальности, если предельно обобщить результирующий эффект от многочисленных механизмов, активно востребованных в актуальной медиасреде.

Поэтому в качестве одной из важных задач медиаисследований необходимо определить изучение средств и способов конструирования медиареальности, а также выявление вклада отдельных механизмов вербализации сведений о мире в процесс конструирования мира, поскольку, по понятным причинам, языковые средства особо востребованы в медиaprостранстве.

Предметом рассмотрения в данной статье являются способы конструирования и распространения фейков в медиареальности.

Условия и факторы, способствующие бытованию фейков

Правда, ложь, сказка, фантазия, вымысел, заскок, истина, мечты-мечты, фейк — эти и многие иные обозначения носители языка, как правило, охотно используют в тех ситуациях, когда они считают необходимым верификацию степени достоверности того или иного сообщения. В чьих интересах коммуниканты верифицируют истинность/ложность/вероятность/потенциальность сообщаемого, об этом стоит говорить специально, поскольку в потребностях коммуниканты не обязательно гармонично согласуются друг с другом.

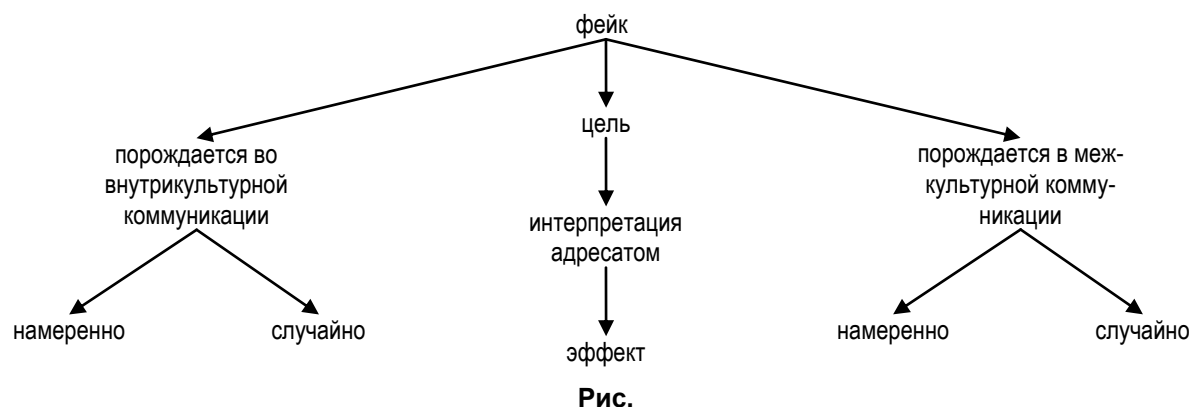
Высказывания, содержащие выражения, подобные приведенным выше, коммуниканты употребляют в разных условиях и для достижения разных целей, в том числе и для того, чтобы оценить идею, определить логику исследования, осмыслить соотношение нового и известного. Нередко такие высказывания встречаются и тогда, когда коммуникантам требуется установить на будущее степень опасности предполагаемых решений и т. п. Другими словами, общей характеристикой, присущей перечисленным типам ситуаций, можно назвать неопределенность, а в подобных ситуациях человеку необходимо, чтобы осознанно действовать для достижения своей цели, обосновать выбор стратегии взаимодействия в тех или иных условиях, т. е. некоторую последовательность действий, направленных на достижение цели через поэтапное решение частных задач. Тем самым приведенные выше высказывания становятся для коммуниканта своего рода средством верификации — для себя лично, по крайней мере, — правомочности/корректности/обоснованности/возможности/продуктивности результатов своего осмысления ситуации, выражением обратной связи с партнером по коммуникации, оценки соответствия между намерением (планом действий) и реализацией этих действий в реальности.

Другими словами, коммуниканты, порождая то или иное высказывание, располагают богатым набором разнородных средств реализации своей интенции в конкретных коммуникативных условиях, а также разными способами верификации содержания высказывания с разных точек зрения: соответствия/несоответствия реальной действительности, отношения к разным аспектам

содержания высказывания и т. д. Эти способы, очевидно, могут распознать и некоммуниканты, умеющие адекватно декодировать функционирование показателей истинности/ложности содержания высказывания, какой бы семантической и/или синтаксической сложности оно ни было.

Оценка содержания высказывания на предмет соответствия реальности, как ясно из знакомства с функциональным потенциалом языковых средств, столь значима для коммуникации, что соответствующее значение реализуется в коммуникации самыми разными способами и с помощью самых разнообразных средств, в том числе и грамматических, что особо важно и показательно. Грамматический строй языка, как известно, имеет грамматическую категорию модуса, которая обладает довольно сложной структурой и семантикой, а также богатым функциональным потенциалом и разветвленными связями с другими языковыми средствами. Более того, объективная модальность, выражаемая именно грамматическими формами, описывается как обязательный семантический пласт синтаксической семантики любого высказывания, а любой текст содержит многочисленные средства выражения объективной и субъективной модальности, которые вступают в сложные, неоднозначные связи с другими средствами выражения текстовых категорий. Поле средств выражения модальности чрезвычайно богато и весьма сложно структурировано, о чем свидетельствуют многочисленные специальные исследования на разном материале разных языков.

Перечисленные и многочисленные иные обстоятельства приводят к предположению, что столь разветвленная и тонко дифференцированная структура поля средств выражения модальности не может быть случайной. Другими словами, показатели истинности/ложности каждого высказывания в отдельности и текста в целом являются настолько коммуникативно востребованными и функционально нагруженными, что многие механизмы верификации содержания высказывания стали грамматическими (морфологическими и синтаксическими), а другие — лексическо-семантические, словообразовательные, текстограмматические — легко распознаются носителями языка и без труда адекватно интерпретируются (см. примеры ниже). Отмеченная особенность касается, очевидно, любых типов контекстов, наблюдается в том числе и в иронических, сатирических, а также в разнородных контекстах, бытующих в медиасреде.

На подобные размышления наталкивает статья Г. Антоса [Antos 2017], в которой детально анализируются истоки, разнородные причины появления фейков, их встраиваемость в медиадискурс, а также инструментальный потенциал фейковых новостей, ставших особенно актуальными и даже востребованными в современном медиaprостранстве в разных языковых культурах.

И хотя тема «фейк-ньюз» стала в медиaprостранстве чрезвычайно популярной в последние месяцы, следует четко осознавать, что фейковые новости имеют более длительную «биографию» и что они встречаются не только при внутрикультурной, но и при межкультурной коммуникации. Необходимо принять во внимание, что степень распознавания фейковых новостей в разных типах интеракций не может быть одинаковой. Данное обстоятельство следует признать значимым при анализе особенностей бытования фейков в медиaprостранстве, а также средств и способов конструирования медиареальности. Обобщая разнородные наблюдения над медиaprостранством, дедуктивно можно построить схему, представленную на рис.

Очевидно, что максимально эффективными могут быть фейки, ориентирующиеся на факты, процессы, явления и события из иной для адресатов медиатекстов культуры. Это обусловлено свойствами, имманентными межкультурной коммуникации, прежде всего парадоксальностью последней, проявляемой по-разному в тех или иных условиях (см. подробнее о парадоксах разной этиологии, значимых для медиалингвистики: [Гришаева 2014]).

Изучая фейки в межкультурной коммуникации, необходимо учитывать значимость процессов глобализации практически во всех сферах деятельности в разных культурах, а также внутреннюю противоречивость этих процессов, у которых исследователи особо подчеркивают чрезвычайную слож-

ность, неоднозначность, комплексность [Winter 2003]. Так, Р. Винтер описывает в этой связи прежде всего такие процессы, как гомогенизация и гетерогенизация, суть которых в том, что элементы культуры попадают из одной среды в другую, т. е. в новые условия, и приобретают вследствие этого новые смыслы, изначально им не свойственные. В результате правомерно говорить о детерриторизации, синкретизации, гибридизации как процессах, наблюдаемых в разных сферах в той или иной культуре, о транслировании и ретерриторизации культурно-специфических сведений [Winter 2003], сопровождаемых разными эффектами, порой даже труднопредсказуемыми или совсем не предсказуемыми.

Анализируя межкультурную коммуникацию в медиaprостранстве в динамическом и статическом аспектах, следует иметь в виду, что сведения о «не своей» культуре воспринимаются и обрабатываются не совсем так, как это происходит со сведениями о «своей» для коммуникантов культуры. Особенности восприятия сведений о «не своей» культуре (см. об этом подробнее: [Гришаева 2007; 2014]) заключаются в том, что сведения об инокультурной реальности селекционируются, как правило, сквозь когнитивную рамку «свой — чужой» и лишь в редких случаях — сквозь когнитивную рамку «свой — другой», что принципиально сказывается на результатах обработки сообщаемых сведений (об этом, а также о критериях разграничения обеих рамок восприятия сведений см. подробнее: [Гришаева 2007]). В большинстве случаев воспринимаемые сведения об иной культуре реципиент интерпретирует в опоре на «свои» когнитивные образцы обработки сведений о мире, сложившиеся в «своей» для реципиента культуре. Данное обстоятельство значимо для результата восприятия содержания медиатекста, поскольку при категоризации и концептуализации сведений о мире признаки, первичные при идентифи-

кации некоторого объекта действительности в одной культуре, не обязательно имеют тот же статус в другой культуре. Поэтому ясно, что один и тот же комплекс сведений в разных культурах концептуализируется и категоризируется по-разному.

Кроме того, субъекты межкультурной коммуникации воспринимают друг друга парадоксально: субъект А воспринимает себя носителем личностной идентичности, а субъекта В — носителем коллективной идентичности, и наоборот. Поэтому прогнозируемы различия в интерпретации сообщаемых инокультурных сведений в разных культурных пространствах.

Учитывая вышесказанное, целесообразно все публикации, которые можно подвести под категорию «фейк», распределить по двум группам: (а) сознательное конструирование фейков с разными целями (повышение популярности издания, экономические причины, политическая целесообразность и т. п.), (б) случайные эффекты, трактуемые как фейк, (ба) в культуре, где были порождены соответствующие медиатексты, (бб) в культуре, о которой сообщается в медиатексте, или (бв) в других культурах.

Основой для подобных интерпретаций содержания во всех случаях необходимо признать расхождения в ментальных структурах, в которых хранятся соответствующие сведения, и различия в конфигурации смыслов в ментальных структурах, под которые подводятся воспринимаемые сведения при категоризации и концептуализации реальных объектов (анализ соответствующих процессов см. подробнее в работе: [Гришаева 2014]).

Анализируя условия и факторы, влияющие на бытование и интерпретацию фейков в медиасреде, целесообразно также особо остановиться на ряде обстоятельств.

Так, со стороны реципиента необходимо принять во внимание такой фактор, как ситуацию неопределенности, в которой особенно эффективным становится разделение окружающих на «своих» и «чужих»: «...в переломные для общества эпохи во все времена в практически любом социуме конъюнктура страха перед „чужим“ становится особенно благоприятной» [Bade 1993: 28]. В подобных случаях активизация или провоцирование состояния страха и алчности играют особую роль [Antos 2017: 13]. К этим состояниям, весьма вероятно, добавляются также такие, как клеветничество, групповое давление, власть, моральное превосходство, эгоизм.

Другими словами, контекст восприятия сведений с неизбежностью становится ак-

сиологическим, при котором процессы идентификации фактов и явлений превращаются в аксиологическую категоризацию.

В этих условиях, если наблюдается очевидное соответствие (в идеале гармония или по крайней мере конформность) представлений, доминирующих в соответствующем обществе, содержанию, сообщаемому медиатекстом, и представлениям реципиента как носителя той же языковой культуры, что и автор медиатекста, можно рассчитывать на согласие с предлагаемыми в медиатексте версиями со стороны реципиента медиатекста.

В таких условиях весьма важным фактором становится изначальное доверие — абсолютное или относительное — источнику информации со стороны реципиента, а также коммуникативная и/или ценностная значимость — мнимая или реальная — сообщаемой информации для реципиента.

Естественно, существенную роль играет и видимая логичность интерпретации, очевидная для реципиента и согласующаяся с когнитивными стратегиями обработки сведений о мире и принципами организации текста, как они понимаются в конкретной языковой культуре.

Доверие медиа и доверие источнику информации со стороны реципиента как носителя личностной и коллективной идентичности необходимо также принимать во внимание в качестве серьезного фактора при рассмотрении того или иного сообщения как фейка.

Но при обсуждении факторов, влияющих на бытование в медиасреде фейков, необходимо учитывать и характеристики самих медиа. В этой связи следует назвать прежде всего публичный капитал, т. е. реноме, наработанное в течение довольно длительного времени, особенно позитивное. При таком предварительном условии заявление о защите интересов общества, прокламируемое в медиатексте, будет восприниматься с большим доверием при всех прочих равных условиях, а категоричность утверждений и отсутствие системы доказательств не будут столь заметными промахами, как в ином случае. Обязательным условием становится, вне всякого сомнения, соответствие содержания и/или тематики публичной повестке дня, а еще лучше — гармония между публичной, политической и медийной агендой. Очевидной основой для этого является намеренная, но не декларируемая опора на стереотипы сознания, распространенные в соответствующей языковой культуре и входящие в структуру коллективной идентичности коллективного субъекта, т. е. являющие-

ся компонентом знаний, разделяемых всеми носителями языка и культуры. Этому помогает умение адресанта как автора медиатекста перспективировать комплекс сведений в определенном ракурсе, а также его владение разными техниками воздействия (в том числе манипулятивными) на реципиента и регулярная, многократная апелляция к позитивным для общества ценностям. В таком случае знание иного положения дел и/или иных трактовок сообщаемой информации может даже остаться не востребовавшимся/незамеченным со стороны реципиента.

Таким образом, очевидно, что конструирование фиктивной медиареальности и рецепция получившегося информационного продукта подчиняются известным законам перцепции, и в особенности социальной перцепции. Особую значимость приобретают при этом эффект новизны и эффект ореола, которые предопределяют как селекцию воспринимаемых реципиентом сведений, так и результаты концептуализации и категоризации воспринятых в актуальном акте познания и коммуникации, т. е. при знакомстве с медиатекстом, сведений.

Вербальные механизмы верификации степени достоверности сообщаемых в медиасреде сведений

В качестве иллюстрации сказанного можно привести фрагментарный анализ статьи, опубликованной в немецкой газете «Die Zeit» («Время») на первой странице и обсуждающей одну из наиболее актуальных в современном медиaprостранстве тем — уязвимость избранного президента США из-за череды скандалов. При этом целесообразно обратить внимание на доминирующие способы и средства, с помощью которых так или иначе формируется отношение реципиента как коллективного субъекта, с одной стороны, к медийной реальности, а с другой — к действительности. Выражаясь иначе, одни и те же средства и способы в зависимости от угла зрения можно описывать то как средства и способы конструирования медиареальности, то как средства и способы верификации истинности/ложности или степени достоверности сообщаемого.

Выбранная статья как нельзя лучше вписывается в проблемное поле нашего исследования и иллюстрирует теоретические выкладки.

Во-первых, тематика указанной статьи находится в гармоничном соответствии с публичной, политической, медийной агендой и представляет собой в конечном итоге результат межкультурной коммуникации, потому что актуальную ситуацию в США обсуж-

дает носитель иной — немецкой — культуры, обладающий в принципе той же коллективной идентичностью, что и реципиент медиатекста. Следует принять во внимание и то обстоятельство, что обе культуры — американская и немецкая — родственны, что выражается в отдельных сферах (материальной, духовной, интеракциональной) в разных формах: в доминировании тех или иных ценностных ориентаций, в способах организации ряда интеракций, в нормах ожидания и др.

Во-вторых, предметом обсуждения в разбираемой статье является остроконфликтная ситуация, сложившаяся в сегодняшних США, и содержание этого конфликта воспринимается, как очевидно, через оппозицию «свой — чужой» и в условиях, когда, как уже было сказано выше, «конъюнктура страха перед „чужим“ становится особенно благоприятной» [Bade 1993: 28]. Это связано со сложным и во многом противоречивым отношением к Трампу и в США, и в Европе, и конкретно в Германии людей разных социальных групп, имеющих разные убеждения.

В-третьих, ситуация и для участников событий, и для наблюдателей, и для реципиентов медиатекстов, освещающих соответствующие события, характеризуется не только высокой степенью неопределенности, но и отсутствием доверия ко многим, если не ко всем, социальным институтам, значимым для медиасреды, со стороны как участников событий, так и коммуникантов в медиaprостранстве.

В-четвертых, анализируемая статья создана и воспринимается в аксиологическом контексте, обуславливающем определенные трансформации при концептуализации воспринимаемых сведений. Оценочный характер контекста вытекает, с одной стороны, из того, что сведения о мире воспринимаются через когнитивную рамку «свой — чужой», т. е. через аксиологическую призму (см. подробнее результаты анализа соответствующих явлений в работе: [Гришаева 2014]). С другой стороны, оценочность усиливается за счет сущности конфликта, о котором сообщает медиатекст, а также благодаря стремлению автора медиатекста расставить все точки над «и», чтобы реципиент смог разобраться в информации. Это обуславливает необходимость и даже потребность обоим коммуникантов — и адресанта, и адресата — адекватно концептуализировать и категоризовать воспринимаемые сведения о мире. Очевидно, что в таких условиях практически все сведения о событии и об участниках этого события (неизбежно) подводятся под аксиологические категории — даже те

сведения, которые носители языка и культуры, как правило, не категоризируют как аксиологические.

Наконец, в этой статье автор сознательно задается проблемой конструирования фейков и стремится верифицировать степень достоверности картины, которая может сложиться у немецкого реципиента в процессе знакомства с актуальными событиями, происходящими в США. Поэтому, по всей видимости, корреспондент так организует текст статьи, что реципиент может без особого труда верифицировать степень достоверности содержания на каждом этапе развития темы.

Анализируемая статья организована так, чтобы читатель мог без особого труда сопоставлять разные, порой диаметрально противоположные точки зрения. Текст насыщен разнородными средствами выражения модальности: здесь и лексическая семантика (*womöglich, der Verdacht, Fantasie, Glaubwürdigkeit / вероятно, подозрение, фантазия, правдоподобность*), и модальные глаголы (*müssen, sollen, lassen, können / долженствовать, быть обязательным, побуждать, мочь*) для выражения разных типов субъективной модальности, и грамматические формы (индикативные и конъюнктивные глагольные формы в их первичных функциях) для выражения объективной и субъективной модальности или цитирования точки зрения, и средства выражения логических (альтернативных, кондициональных, каузальных, адверсативных и др.) связей (*oder, wenn / или, если*), и разные синтаксические структуры, в частности вопросительные предложения, негативные предложения, и прямое/косвенное цитирование („Fake-News“ / «фейковые новости»; *die „vergessenen Frauen und Männer“ / «забытые женщины и мужчины»*; *die Geheimdienste, so hat er (= = Trump) gesagt, bedienen sich der „Nazi-Methoden“ / спецслужбы, как он сказал, используют „нацистские методы“*; *Die Chefs der Dienste erklären heute voller Gewissheit, dass es einen russischen Versuch gegeben habe, die Wahl zugunsten Trumps zu beeinflussen. / Руководители спецслужб с полной уверенностью заявляют, что русские предприняли попытку повлиять на выборы в пользу Трампа*), и др.

Такое разнообразие языковых средств позволяет читателю четко разделить суждения автора статьи и высказывания сторонников либо противников Трампа, а также оценку альтернативных позиций на предмет степени достоверности, не поддаваясь при этом искушению безоговорочно разделять то или иное мнение.

Этому способствует прежде всего аксиологическая рамка, образуемая первой (заголовком) и последней (последняя фраза статьи) текстомой, которая активизирует сведения об актуальной агенде и вместе с тем о сути темы/обсуждения: *Böse Fantasien / Злые фантазии* (начало, заголовок статьи) — *Niemand — vielleicht nicht einmal Donald Trump selbst — weiß, wozu sie (= Trumps Anhänger) bereit sind / никто — может быть, даже и сам Трамп — не знает, к чему они готовы* (последняя фраза в статье). Поскольку из заголовка читателю не сразу ясно, кто является фантазером, интрига поддерживается в посттексте разными способами, в том числе и аксиологически нагруженными номинациями типа *lächerlicher Unsinn — Russland-Story — Lügner / смешная ерунда — русская история — лжец* и т. п.

Аксиологически нагружены и обозначения разных субъектов действия, оформленные многочисленными способами: *Präsident als Lügner — Fantast — ebenjener FBI-Chef Comey, der mit seinen fahrlässigen Äußerungen über Clintons E-Mail-Affäre Trumps knappen Wahlsieg womöglich erst herbeigeführt hat — sogenannte Richter / президент как лжец — фантаст — тот самый руководитель ФБР Коми, который своими небрежными высказываниями об афере с электронными письмами Клинтон, весьма вероятно, привел к победе почти проигравшего Трампа*. При этом в ряде случаев оценка основывается на знании актуального социокультурного контекста и прогнозировании негативного развития ситуации в известных условиях: *die Richter liefern aus ihrer (= der Follower Trumps) Sicht das Land den einströmenden Terroristen aus / судьи, с их точки зрения, сдают страну проникающим в нее террористам*.

Обсуждаемая в медиапространстве информация получает также разные характеристики, благодаря чему читатель может составить стереоскопическое представление о сообщаемых ему сведениях: *lächerlicher Unsinn — keine Informationen — zwei unterschiedliche Ideen über die Legitimität der Regierung bekämpfen einander in den USA auf offener Bühne — Erfindung frustrierter Demokraten, die nicht über seinen Wahlsieg hinwegkämen — unehrenhaft (= die Medien) и т. д. / смешная ерунда — нет никакой информации — две разных идеи относительно легитимности правительства открыто борются в США друг с другом — нечестно*.

Оценка сообщаемой информации в целом выражается разными способами. Она может осуществляться предельно кратко и однозначно (*lapidare Antwort: Ja. / Лаконич-*

ный ответ: да), либо более или менее развернуто (*FBI-Chef James Comey sekundierte, es gebe keine Informationen, die die Behauptungen des Präsidenten stützen. / Руководитель ФБР Джеймс Коми повторил, что-де нет информации, подтверждающей утверждения президента; Die lädierte Glaubwürdigkeit der Dienste ist nur ein Randaspekt dieser schwelenden Verfassungskrise / вредящая имиджу правдоподобность служб — это только один маргинальный аспект тлеющего конституционного кризиса*), либо в форме потенциальной альтернативы (*Warum haben sie davor nicht beizeiten gewarnt, da sie doch bereits seit letztem Juli ermittelten? / Почему они не предупредили об этом своевременно, так как они же ведут расследование с прошлогоднего июля?*), а то и предположения (*Mag sein, dass das FBI am Ende keine Beweise für eine Kooperation von Trumps Mannschaft mit den Russen findet. / Может получиться, что ФБР в конечном итоге не найдет доказательств сотрудничества команды Трампа с русскими*). Оценка ситуации и/или действий того или иного субъекта может также по-разному обосновываться в тексте (*Irre: Am 60. Tag seiner Präsidentschaft nennen die Leiter der beiden wichtigsten Sicherheitsbehörden, Chefs über je 40 000 Bundesbeamte, ihren Dienstherrn einen, nun ja, Fantasten / С ума сойти: на 60-й день его президентства шефы обеих важнейших служб безопасности, руководители 40 000 федеральных служащих, называют своего начальника, ну да, фантазером*), либо подаваться через прямое/косвенное сравнение (*Seinen Anhängern präsentiert sich Trump als Opfer einer Kabale, als letzte Hoffnung auf die „Abwicklung des administrativen Staates“ <...> und damit auf die Wiedereroberung Amerikas durch die „vergessenen Frauen und Männer“ / Своим сторонникам Трамп представляет себя жертвой интриги, как последнюю надежду на „сворачивание административного государства“ <...> и тем самым на новое завоевание Америки „забытыми женщинами и мужчинами“*), либо выражаться через раскрытие разных альтернатив (*Diese Anhänger würde es nicht überraschen, wenn das Establishment ihren Mann zu erledigen versuchte / Эту сторонники не удивились бы, если бы истеблишмент попытался уничтожить такого человека; Es wäre der Ernstfall in dem Kampf, zu dem er (= Trump) sie (seine Anhänger) schon lange aufreitscht / Это был бы серьезный случай в борьбе, на которую он уже давно толкает их*).

Оценка дополняется экспликацией того или иного отношения к обсуждаемой ситуа-

ции: *lockere Auslegung des Rechts auf Privatheit / свободная трактовка права — или Muss die Macht sich Recht und Gesetz und den darauf gründenden Institutionen fügen? Oder beruht sie auf einem permanenten Plebiszit, auf der Akklamation der Anhänger des Mächtigen? и т. д. / Должна ли власть подчиниться праву и закону и основывающимся на них институтам? Или она базируется на перманентном плебисците, на громкой поддержке власть имущих?*

Сложная игра способами выражения разных типов уверенности в достоверности события, соответствия содержания текста реальности обеспечивается присутствием в тексте разных средств выражения модальных значений: потенциальности, вероятности, разной степени уверенности, достоверности, соотношения обязательности и возможности и т. п.: *Müsste das nicht der Anfang vom Ende dieser Präsidentschaft sein? Sollte sich die amerikanische Opposition (und die halbe Welt) jetzt auf ein baldiges Amtshebungsverfahren freuen, sollte sie sich gleichermaßen darüber Gedanken machen, wie weit es gekommen sein muss, wenn Demokratie und Rechtsstaat ausgerechnet von NSA und FBI gerettet werden müssen. / Не станут ли это началом конца этого президентства? Не должна ли сейчас американская оппозиция (и полмира) обрадоваться скорой процедуре отстранения от власти, не должна ли она в равной мере задуматься и над тем, насколько далеко необходимо зайти, чтобы демократию и правовое государство приходилось защищать АНБ и ФБР; Trump hat versucht, all jene Institutionen zu delegitimieren, die ihm gefährlich werden können. / Трамп попытался поставить под сомнение все те институты, которые могут стать для него опасными (условные обозначения для задействованных механизмов вербализации сведений: наклонение — двойная линия; лексическая семантика — волнистая линия; синтаксические средства — одна линия; логические отношения — пунктир; влияние контекста — штрихпунктирная линия).*

Обращает на себя внимание обилие в тексте модальных глаголов, модальных слов и разнородных средств выражения альтернативности: *Muss sich die Macht dem Recht fügen? Oder entscheidet der Jubel der Anhänger? / Должна ли власть подчиниться праву? Или решения принимают восторженные сторонники?; Nun aber führt das FBI — das war die eigentliche Sensation der Woche — schon seit vielen Monaten eine Untersuchung der russischen Einflussnahme auf die US-Wahl durch / Но теперь ФБР — это, собственно,*

было на этой неделе сенсацией — проводится уже в течение нескольких месяцев расследование русского влияния на выборы в США; Dafür kann es gute Gründe geben. Mag sein, dass das FBI nicht genug Belege hatte, um damit während des Wahlkampfes an die Öffentlichkeit zu gehen. / Для этого были причины. Может быть, у ФБР не было достаточно доказательств, чтобы выйти с ними во время предвыборной кампании к общественности; Was aber, wenn doch die rauchende Pistole auftaucht und es zu einem Amtsenthebungsverfahren käme? / А что, если появится дымящийся пистолет и дойдет до процедуры отстранения от должности?

Таким образом, ясно, что степень распознавания фейков зависит во многом от умения реципиента декодировать особенности использования разнородных языковых средств для реализации определенной цели.

Конструирование фиктивной реальности испытывает воздействие следующих групп факторов, относящихся к бытованию медиатекста:

- тип агенды: политическая, медийная, публичная;
- тип когнитивной стратегии: прямое/косвенное идентифицирование объекта, оценочная категоризация, дескрипция, ...;
- тип дискурсивной стратегии: аргументирование, описание, оценивание, ...;
- тип коммуникации: внутри- или межкультурная;
- характер медиаресурса: интернациональный, региональный, локальный;
- тип ситуации, в которой порождается медиатекст.

Кроме того, необходимо учитывать факторы, относящиеся к порождению текста: внешние и внутренние для медиатекста; тип каждого субъекта коммуникации — индивидуальный или коллективный; тип идентичности адресанта и адресата — личностная или коллективная; тип медиатекста — комментарий, фельетон, сообщение, глосса и т. д.

Фейк как средство реализации дискурсивной стратегии

Анализ условий и факторов, влияющих на бытование фейков в медиасреде, убедительно показал, что они не существуют в медиапространстве сами по себе, а представляют собой одно из средств реализации некоторой дискурсивной стратегии, т. е. некоторого множества действий, нацеленных на достижение в конкретных условиях определенной цели коммуниканта с известными характеристиками. При этом очевидно, что цель может быть успешно достигнута только в тех случаях, когда адресант последовательно учитывает характеристики адресата

своего медиатекста и особенности ситуации, в которых порождается соответствующий медиатекст и в которых он будет бытовать тот или иной промежуток времени.

В соответствующем духе можно трактовать и рассуждения Г. Антоса, который, опираясь на данные из книги Роберта Триверса об обмане и самообмане, приводит три формы аутосуггестивного обмана:

1) субъект, заблуждаясь, верит сам в истинность своего сообщения;

2) субъект подпадает под воздействие самообмана, так как успешность обмана ослепляет его настолько, что он сам становится «жертвой собственной пропаганды»;

3) обман отделяется от породившего его субъекта, поскольку в дискурсе один обман усиливает воздействие другого [Antos 2017: 13].

Обобщая результаты анализа литературных примеров обмана и введения в заблуждение, Г. Антос констатирует:

1) фейки в состоянии порождать факты;

2) фейки могут быть настолько успешными, что из хвастовства или обмана возникают правдоподобные факты;

3) фейки могут порождать, хотя только на время, нечто новое. Этот эффект быстро усиливается, если фейки опровергаются сторонниками иной точки зрения [Antos 2017: 18].

Свои рассуждения Г. Антос завершает призывом целенаправленно изучать фейки наряду с механизмами и примерами обольщения и самообольщения, поскольку «для фейковых новостей справедливо то, что справедливо для волшебства: они живут прежде всего благодаря самому волшебству» [Antos 2017: 18]. Другими словами, адресант, порождающий фейк, должен быть уверенным в том, что адресат, для которого создается соответствующий текст, воспримет его как запланировано, т. е. поверит в истинность сообщаемого или по крайней мере в высокую степень вероятности предлагаемой версии события.

Таким образом, очевидно, что порождение фейка — это результат реализации определенной стратегии, а результат рецепции фейка зависит от готовности доверять конкретному медиаресурсу, а также от степени критичности и самостоятельности мышления. Особое место в анализе, однако, следует отводить нормам ожидания, которые учитывает адресант при порождении медиатекста и на которые опирается адресат при рецепции содержания медиатекста.

Выводы

Обобщая вышеизложенное, сформулируем значимые для рассматриваемой темы положения.

Фейк — не столь примитивное явление, как это может показаться на первый взгляд. Фейк представляет собой одно из средств реализации дискурсивных стратегий, реализуемых в медиапространстве для достижения конкретной цели, известной адресанту, порождающему медиатекст. Каждый фейк основывается на знании, разделяемом всеми носителями языка и культуры, т. е. на знании, относящемся к ядерной части коллективной идентичности коллективного субъекта.

Конструирование медиареальности, вступающей в то или иное несоответствие с реальной действительностью, отнюдь не является изобретением последних месяцев. Новым для медиадискурса, однако, следует признать высокую степень интенсивности обращения к фейкам в качестве средства достижения определенной цели в актуальной медиасреде, а также степень осознанности использования фейков как средства реализации той или иной дискурсивной стратегии.

Чтобы стать средством реализации некоторой дискурсивной стратегии в медиапространстве, фейк должен обладать определенными качествами, которые не позволили бы так называемому «простому человеку» сразу же распознать несоответствие сообщаемого действительности. Поэтому при конструировании фиктивной медиареальности адресант активно и эффективно использует сведения о фрагментах реальной картины мира, активизируя разными способами соответствующие знания у носителей языка и культуры при сообщении о фиктивных событиях, мнениях, действиях.

Для бытования фейков имеются как благоприятные, так и не очень благоприятные условия. Благоприятными являются ситуации неопределенности, селективное сведений о мире через когнитивную рамку «свой — чужой», ситуация страха перед «чужим».

Факторами, способствующими порождению фейков, являются ситуация неопределенности, в которой привычные способы осмысления действительности становятся малоэффективными и ненадежными, а также невысокая степень критичности и самостоятельности мышления реципиента.

L. I. Grishaeva
Voronezh, Russia

“TALE OF SENSE, IF NOT OF TRUTH...” OR ON THE PRINCIPLES OF POLITICAL MEDIA REALITY CONSTRUCTION

ABSTRACT. The focus of the paper is one of the ways of media reality construction, namely creation of fake news. The functional potential of fake news is interpreted against the background of multiple means and ways of verification of information which exist in every culture. The reasons of popularity of fake news are discussed. Fake news is described as a kind of a discursive strategy aimed at constructing fictitious reality. The research is based on the texts published in the German newspaper «Die Zeit». The texts explain to the readers the gist of the conflict between Donald Trump and his opponents. The research reveals the role of modality markers in constructing fictitious political reality. Special attention is paid to the markers of authenticity, probability and trustworthiness used in fictitious media reality and to the same markers used for the description of events and for expressing one's opinion about these events. The paper describes the conditions in

Складывается впечатление, что способы конструирования медиареальности сегодня все больше сближаются со способами конструирования фиктивной реальности, тем более что современная художественная литература весьма богата примерами, иллюстрирующими, как медийная agenda практически дословно вторгается в ткань художественного текста, превращаясь в один из способов конструирования фиктивной реальности, которая могла бы предсказуемо для автора текста воздействовать на реципиента.

ИСТОЧНИК

1. Lau Jörg. Böse Fantasien. Die Chefs der US-Sicherheitsbehörden lassen ihren Präsidenten wie einen Lügner dastehen. Kann Trump darüber stürzen? // Die Zeit. 2017. 23 März. N13. S. 1. (Злые фантазии. Руководители служб безопасности США выставляют своего президента лежцом. Может ли Трамп об это споткнуться?)

ЛИТЕРАТУРА

2. Гришаева Л. И. Особенности использования языка и культурная идентичность коммуникантов. — Воронеж : ВГУ, 2007. 261 с.
3. Гришаева Л. И. Парадоксы медиалингвистики. — Воронеж : НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2014. 295 с.
4. Кашкин В. Б. Парадоксы границы в языке и коммуникации. — Воронеж : Изд. О. Ю. Алейников, 2010. 382 с.
5. Трошина Н. Н. Лингвистический аспект межкультурной коммуникации // Лингвистические исследования в конце XX в. : сб. обзоров. — М. : ИНИОН РАН, 2000. С. 56—68.
6. Цурикова Л. В. Естественные барьеры для межкультурной коммуникации // Вестн. Воронеж. гос. ун-та. Гуманитарные науки. — Воронеж : Изд-во ВГУ, 2007. № 1. С. 138—153.
7. Цурикова Л. В. Проблема естественности дискурса в межкультурной коммуникации. — Воронеж : ВГУ, 2002. 256 с.
8. Antos G. Fake News. Warum wir auf sie reinfallen. Oder: „Ich mache euch die Welt, so wie sie mir gefällt“ // Sprachdienst. 2017. № 1. S. 1—20.
9. Bade Klaus J. Fremde im Land: Politik in der Einwanderungssituation // Migration und Toleranz. Fakten. Herausforderung. Perspektiven. — Bayerische Landeszentrale für politische Bildungsarbeit. — München : Max Schick, 1993. S. 27—41.
10. Beaugrande R.-A. de, Dressler W. Einführung in die Textlinguistik. — Tübingen, 1981.
11. Berry J. W. Immigration, Acculturation and Adaptation. — Ontario, 1996.
12. Bochner S. Problems in Culture Learning // Overseas Students in Australia / ed. by S. Bochner, P. Wicks. — Sydney : New South Wales Univ. Pr., 1972.
13. Paivio A. Mental representations: A dual coding approach. — Oxford, NY, 1986. 322 p.
14. Posner R. Kultursemiotik // Konzepte der Kulturwissenschaften / hrsg. von A. Nünning und V. Nünning. — Stuttgart, Weimar : J.B. Metzler, 2003. S. 39—72.
15. Winter Rainer. Kultursoziologie // Konzepte der Kulturwissenschaften / Hrsg. von Ansgar Nünning und Vera Nünning. — Stuttgart, Weimar : J.B. Metzler-Verlag, 2003. S. 205—224.

which fake news exists and the factors which influence fake news functioning. The processes of categorization and conceptualization of knowledge about the world are discussed along with the impact of the knowledge structures «collective identity of the collective and single subject of knowledge and communication» and «personal identity of a single subject». The paper discusses the characteristic features of the media texts perception depending on the groups of factors, which determine the choice of means and tools of political media reality construction.

KEYWORDS: *media text; fake; media reality; media linguistics; mass media; mass media language; media discourse; political discourse; German mass media; the German language; journalism.*

ABOUT THE AUTHOR: *Grishaeva Liudmila Ivanovna, Doctor of Philology, Professor of Department of German Philology, Faculty of Romano-Germanic Philology; Voronezh State University, Voronezh, Russia.*

REFERENCES

1. Lau Jörg. Böse Fantasien. Die Chefs der US-Sicherheitsbehörden lassen ihren Präsidenten wie einen Lügner dastehen. Kann Trump darüber stürzen? // *Die Zeit*. 2017. 23 März. N13. S. 1.
2. Grishaeva L. I. Osobennosti ispol'zovaniya yazyka i kul'turnaya identichnost' kommunikantov. — Voronezh : VGU, 2007. 261 s.
3. Grishaeva L. I. Paradoksy medialingvistiki. — Voronezh : NAUKA-YuNIPRESS, 2014. 295 s.
4. Kashkin V. B. Paradoksy granitsy v yazyke i kommunikatsii. — Voronezh : Izd. O. Yu. Aleynikov, 2010. 382 s.
5. Troshina N. N. Lingvisticheskiy aspekt mezhkul'turnoy kommunikatsii // *Lingvisticheskie issledovaniya v kontse XX v. : sb. obzorov*. — M. : INION RAN, 2000. S. 56—68.
6. Tsurikova L. V. Estestvennye bar'ery dlya mezhkul'turnoy kommunikatsii // *Vestn. Voronezh. gos. un-ta. Gumanitarnye nauki*. — Voronezh : Izd-vo VGU, 2007. № 1. С. 138—153.
7. Tsurikova L. V. Problema estestvennosti diskursa v mezhkul'turnoy kommunikatsii. — Voronezh : VGU, 2002. 256 s.
8. Antos G. Fake News. Warum wir auf sie reinfallen. Oder: „Ich mache euch die Welt, so wie sie mir gefällt“ // *Sprachdienst*. 2017. № 1. S. 1—20.
9. Bade Klaus J. Fremde im Land: Politik in der Einwanderungssituation // *Migration und Toleranz. Fakten. Herausforderung. Perspektiven*. — Bayerische Landeszentrale für politische Bildungsarbeit. — München : Max Schick, 1993. S. 27—41.
10. Beaugrande R.-A. de, Dressler W. Einführung in die Textlinguistik. — Tübingen, 1981.
11. Berry J. W. Immigration, Acculturation and Adaptation. — Ontario, 1996.
12. Bochner S. Problems in Culture Learning // *Overseas Students in Australia / ed. by S. Bochner, P. Wicks*. — Sydney : New South Wales Univ. Pr., 1972.
13. Paivio A. Mental representations: A dual coding approach. — Oxford, NY, 1986. 322 p.
14. Posner R. Kultursemiotik // *Konzepte der Kulturwissenschaften / hrsg. von A. Nünning und V. Nünning*. — Stuttgart, Weimar : J.B. Metzler, 2003. S. 39—72.
15. Winter Rainer. Kultursoziologie // *Konzepte der Kulturwissenschaften / Hrsg. von Ansgar Nünning und Vera Nünning*. — Stuttgart, Weimar : J.B. Metzler-Verlag, 2003. S. 205—224.

Т. И. Стексова
Новосибирск, Россия

ВАРИАТИВНОСТЬ ЖАНРОВОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена политическому дискурсу в широком понимании, которое предполагает наличие центра и периферии. К центру политического дискурса относится дискурс политиков, а периферию образует дискурс реагирования: тексты массмедиа на политические темы. Цель статьи — анализ интерпретации первичного политического текста во вторичном медиаполитическом пространстве. На примере выступления В. В. Жириновского в Государственной думе рассматривается различная жанровая интерпретация одного речевого события (которое воспринимается как обещание, угроза, обвинение, оскорбление, критика), выявляются соответствия или несоответствия приписываемого жанра жанрообразующим признакам, предпринимается попытка определить причины различных трактовок жанра. К ним относятся провокационный тип речевого события, коммуникативная интенция автора-интерпретатора и ожидания адресата. Объективное воспроизведение речевого события ядра политического дискурса в СМИ подменяется манипулятивным использованием его интерпретации, причем журналисты придерживаются квазинейтрального модуса характеристики речевого события. Отмечается размывание жанровых рамок в политическом дискурсе, снижение воздействующей силы слова за счет бездумного и безответственного словоупотребления, а также смещение фокуса внимания со смысловой стороны речевого события на его эмоциональную форму. Фиксируется деформация официального стиля общения в политическом дискурсе.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политический дискурс; речевые жанры; политическая риторика; политические речи; политические деятели; политическая коммуникация; медиадискурс.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Стексова Татьяна Ивановна, профессор, доктор филологических наук, профессор кафедры современного русского языка, Институт филологии, массовой информации и психологии, Новосибирский государственный педагогический университет; 630126, г. Новосибирск, ул. Вилуйская, 28; e-mail: steksova@inbox.ru.

Нам не дано предугадать, как наше слово отзовется...
Ф. Тютчев

В отличие от Т. А. ван Дейка [ван Дейк 1989], по мнению которого политический дискурс — это дискурс политиков, реализуемый в виде правительственных документов, парламентских дебатов, партийных программ, речей политиков, мы, как и многие лингвисты [Плотникова 2005; Ровинская 2002; Шейгал 2004 и др.], придерживаемся широкого понимания политического дискурса. Его полевое устройство предполагает, что язык политиков относится к ядру, публикации журналистов, политологов в массмедиа на политические темы формируют ближнюю периферию, а высказывания читателей и зрителей по поводу политиков и политики, разного рода комментарии — дальнюю периферию. По мнению исследователей, «парламентский дискурс — институционально центральный в политической коммуникации. Актуальность и необходимость его исследования не только обусловлены узкоспециальным интересом в политической и дискурсивной лингвистике, но и определяются самим обществом по мере того, как повышается интерес к законодательному процессу: все четче проявляется потребность гражданского общества видеть реализацию своих прав и исполнение социальных запросов в выборных институтах власти» [Алферов, Кустова, Червоный 2016: 9]. В. И. Карасик считает, что следует выделять комбинированные типы дискурса, включающие политическое общение в качестве необходимого компонента, и относит к ним медиаполитический дискурс, цель которого — характеристика

определенного политического курса. По мнению исследователя, эта характеристика в медиаполитическом дискурсе «реализуется в трех модусах — поддержка, критика и нейтральный (либо квазинейтральный) анализ» [Карасик 2014: 230]. Исходя из этого, интересно проанализировать, как речевое событие, отраженное в ядре поля (первичный текст), интерпретируется в медиадискурсе (вторичном тексте), а точнее, какие жанровые характеристики приписываются речевому событию и какой модус реализуется при этом.

По замечанию А. В. Болотнова, «во вторичном тексте возможны различные цитаты или штампы, пересказ, изложение первого, исходного текста. При этом смысл первичного текста может теряться или наращиваться, т. к. замысел у автора первичного текста может быть один, у автора вторичного текста — другой» [Болотнов 2016: 41]. Как нам представляется, объективное воспроизведение речевого события ядра политического дискурса в СМИ подменяется манипулятивным использованием его интерпретации журналистом для решения своих корпоративных задач с учетом ожиданий адресата, что приводит к вторичной интерпретации текста СМИ в комментариях, суждениях читателей. Т. М. Закиева и А. А. Рамазанова, ссылаясь на М. Монтоммери, отмечают идеологическую обусловленность медиатекстов, в которых выбор определенного вербального воплощения информации о реальном событии обусловлен идеологической позици-

ей, политической установкой коммуниканта [Закиева, Рамазанова 2016: 62]. Выступления политиков не всегда явно, вербально имеют указание на жанр речевого события. Это позволяет журналистам по-разному интерпретировать высказывания политиков, приписывая речевому событию какую-либо жанровую характеристику.

Рассмотрим это на примере выступления В. В. Жириновского 15 марта 2017 г. в Государственной думе, которое стало резонансным (по данным системы «Яндекс», с 15 марта по 2 июля было зафиксировано 166 млн результатов поиска, 28 видеопозитивов в месяц). С момента выступления в течение недели в Интернете было опубликовано 24 сообщения. Десятиминутное выступление политика состоит как бы из двух частей: заранее подготовленного выступления о проблемах детского суицида и спонтанной оценки деятельности членов Государственной думы.

Это эмоциональное выступление политика сразу же нашло отражение в интернет-пространстве, в том числе в средствах массовой информации, и было расценено как *скандальное, шокирующее, хамское, шумное, яростное, гневное*. При этом авторы публикаций, по-разному интерпретируя жанр выступления Жириновского (как обвинение, угрозу, обещание, оскорбление, унижение, критику, эмоциональную оценку и истерику), акцентируют внимание именно на второй, спонтанной части выступления, совершенно не обращая внимание на запланированную тему речи политика.

Выступление В. В. Жириновского отличается полиинтенциональностью. В интерпретации авторов реактивных высказываний (других политиков и журналистов) акцент делается либо на одну интенцию, либо сразу на несколько, причем если одни акцентируют внимание на содержании высказывания, то другие — на форме.

Итак, во второй, спонтанной части выступления Жириновским сказано следующее:

«Преступления у вас, в Московской области! Самая преступная, криминальная область»... «подкуплены все! Бандиты и воры в Московской области!» «Видишь, что они делают, „Единая Россия“? Вот они — подкупленные депутаты, подкупленные сто раз, выгоните „Единую Россию“, лишите ее мандатов за защиту мафии и бандитов!» «Со следующего года въеду в Кремль, а вас буду расстреливать и вешать. Негодяи и подлецы!».

Реакцией на это выступление было высказывание вице-спикера Госдумы от «Единой России» Сергея Неверова: *Любые по-*

литические выступления могут быть эмоциональными, но не должны быть оскорбительными и тем более уж хамскими. Именно избиратели решили, кто будет представлять их в Госдуме, и я хочу сказать: „Господа, некоторые юристы, уважайте нашу Конституцию и институт презумпции невиновности. Только суд может определить, кто преступник, а то мы уже здесь с трибуны Госдумы о расстрелах заговорили сидящих в зале!“

Как показывает анализ этого текста, вице-спикер усмотрел в выступлении Жириновского **обвинение ряда депутатов и требование их наказания**. Другие интерпретаторы этого выступления по-разному определили жанровую принадлежность речи Жириновского.

Рассмотрим гипотетические жанры по отдельности.

Обещание

- *Скандал в Госдуме: Жириновский рассказал о коррумпированной власти Подмосковья и пообещал единороссам расстрелы* [Зайцева 2017].

- *Жириновский пообещал повесить оппонентов и вывел фракцию ЛДПР...* [lenta.ru/news/2017/03/15/zhir_protest].

- *Жириновский пообещал „Единой России“ суды и расстрелы* [Обухов 2017].

- *Володин призвал Жириновского извиниться за обещание вешать...* [Демченко, Губернаторов, Холмогорова 2017].

- *Жириновский пообещал расстрелять и повесить депутатов „Единой России“...* [rline.tv/news/2017-03-15].

Обещать — дать (давать) обещание в чем-н. Внушать надежду на что-н.

Жанр обещания предполагает, что говорящий берет на себя обязательства выполнить какое-либо действие (т. е. по параметру «образ автора» это исполнительский жанр), причем говорящий должен быть способен выполнить свое обещание (никто не примет всерьез обещание достать луну с неба). Обещание предполагает какие-либо временные границы (недаром говорят: обещанного три года ждут). По этим параметрам высказывание Жириновского *Со следующего года въеду в Кремль, а вас буду расстреливать и вешать* формально соответствует жанру обещания: говорящий выполнит названное действие, когда он въедет в Кремль и получит неограниченные полномочия. Причем говорящий факт «въезда в Кремль» не маркирует как гипотетичный, а подает его как абсолютно достоверный. Но жанр обещания предполагает, что действия говорящего должны совершаться в пользу

адресатов, а вот по этому параметру никак нельзя интерпретировать анализируемое высказывание как обещание. Можно предположить, что авторы этой интерпретации хотели выглядеть политкорректными и сгладить накал страстей.

Более точным является интерпретация анализируемого высказывания как **угрозы**.

- Жириновский **пригрозил** депутатам Госдумы расстрелом [www.topnews.ru/vid eo_id_16304].

- В Госдуме 15 марта было шумно. Нарушителем спокойствия оказался Владимир Жириновский. Он напомнил о себе, начав сыпать обвинениями и громкими **угрозами** в адрес других депутатов [Кочетков 2017].

- Ирина Роднина, депутат Госдумы РФ: „Он должен нести ответственность за свои слова. А когда нам **угрожают** расстрелами и повешением, то это показатель того, как работает Дума“ [ntv.ru/novosti/1783338].

- Жириновский **пригрозил** депутатам Госдумы расстрелом [regnum.ru/news/polit/2249688].

- ЛДПР покинула заседание ГД после угрозы Жириновского расстреливать депутатов [ntv.ru/novosti/1783077].

- Оксана Пушкина в Думе недавно и, возможно, еще не успела привыкнуть к тому, как Жириновский из года в год грозит партии власти [ntv.ru/novosti/1783338].

Как известно, высказывание представляет собой угрозу, если содержит в себе сообщение о каких-либо негативных последствиях для адресата. Обычно эти последствия наступают, если адресат не совершит требуемое или, напротив, совершит какие-либо действия. В высказывании Жириновского нет информации об условиях исполнения угрозы. Косвенно причину угрозы можно увидеть в оценочной части высказывания *Вот они — подкупленные депутаты, подкупленные сто раз*. В этом случае угроза рассматривается как наказание за нечестность и небескорыстность депутатов. Угроза обладает футуральной перспективой: события, о которых идет речь (расстрел и повешение), относятся к сфере человеческих поступков, действий, которые будут совершены в будущем (когда он въедет в Кремль). Угроза всегда нацелена на результат, угрожающему обычно более важно добиться выполнения какого-либо действия адресатом, чем исполнить саму угрозу. В данном случае высказывание не отвечает этому признаку. Жириновский ничего не требует от тех, кому угрожает. В принципе, у них даже теоретически нет шансов избежать осуществления

угрозы. Но и сам угрожающий не заинтересован в том, чтобы добиться реализации своей угрозы. Это угроза по форме, а не по существу.

Обвинение

Для воплощения речевого жанра обвинения в повседневной речевой практике обязательно наличие трех компонентов: 1) пострадавшего, которому был нанесен ущерб. В стандартной ситуации пострадавший — это субъект обвинения, автор обвинительного высказывания; 2) лица, причинившего ущерб, который является объектом обвинения, адресатом обвинительного высказывания; 3) самого причиненного ущерба, т. е. основания обвинения. Если обвинение в разговорной сфере — это всегда межсубъектное взаимодействие, характерным признаком которого является обязательная непосредственная обращенность к собеседнику, то специфика обвинительных высказываний, функционирующих в политическом дискурсе, заключается в особом характере коммуникативного взаимодействия, участники которого отличаются от стандартного в количественном и качественном отношении. В политическом дискурсе субъект обвинения действует опосредованно. В роли посредника, интерпретирующего обвинительные высказывания, выступают представители массмедиа.

Ранее сообщалось, что в ходе выступления на пленарном заседании Жириновский обвинил „Единую Россию“ в подкупе на выборах в Московской области, в частности, в Рузском районе, от которого Оксана Пушкина избрана представителем в Госдуму [Не на ту нарвался — Пушкина об истерике Жириновского].

Интерпретируя высказывание Жириновского как обвинение, журналист заставляет задуматься о том, кто является автором обвинения. Депутат? Но в его речи не было прямого обвинения, он не говорил: *я обвиняю N в том-то...* Следовательно, журналист сам интерпретировал косвенные высказывания *Подкуплены все! Бандиты и воры в Московской области!* как обвинение депутатов в том, что они берут взятки и воруют. Но жанр официального обвинения предполагает, что обвинять можно кого-либо в каком-то конкретном преступлении (кто? где? когда? что? сколько?). Жириновский, как юрист, прекрасно понимает, что голословных обвинений быть не должно, нужны факты и доказательства, а в его речи этой конкретики нет, обвинение никому конкретно не выдвигалось и состав преступления не определен. Следовательно, обвинителем выступает не сам депутат, а его интерпретатор. Обвинение

представляет собой полиинтенциональный жанр, коммуникативная цель которого включает два компонента — отрицательную оценку и воздействие на эмоциональное состояние адресата. Перлокутивный эффект обвинительных высказываний заключается в осознании адресатом чувства вины и ответственности, возникновении у него желания изменить свое невербальное поведение. В политическом дискурсе обвинение теряет свою императивность. Специфика политического дискурса как коммуникативной сферы заключается в установке на формирование общественного мнения путем манипулирования информационным потоком, что становится возможным благодаря оценочному воздействию, которое оказывают тексты политического характера. Если мотивом высказывания Жириновского было дать выход отрицательным эмоциям, то мотивом журналиста, вероятнее всего, было желание информировать об отрицательной оценке и обличить (о корреляции мотивов с жанрами см. подробнее: [Дубровская 2014]).

Оскорбление

- *Володин сравнил поведение главы ЛДПР с „хамством на дорогах“. А вице-спикер Госдумы и секретарь генсовета „Единой России“ Сергей Неверов призвал комиссию по этике изучить выступление Жириновский, отметив, что в ходе дискуссий в Госдуме допустимы эмоции, но не оскорбления* [ntv.ru/novosti/1783100].

- *„Видите, что делает „Единая Россия“? Они подкупленные депутаты“, — сказал Жириновский. Он также сказал, что по итогам президентских выборов „въедет в Кремль“ и будет „расстреливать и вешать“ оппонентов. Покинув трибуну, он продолжал **выкрикивать оскорбления*** [top news.ru/video_id_16304].

Оскорбить — тяжело обидеть, крайне унижить.

Оскорбление — оскорбляющий поступок, оскорбляющие слова.

Как указывает А. В. Санников, «эта лексема указывает на высказывания или действия, намеренно направленные на то, чтобы задеть честь адресата или объекта» [Санников 2006: 429]. По мнению исследователя, оскорбление предполагает обвинение в несоответствии моральным нормам, и «некоторые высказывания (Трус! Негодяй!) и действия (например, пощечина) считаются в данном обществе оскорблением» [Там же: 431]. А важность компонента «необходимость ответной реакции» для семантики оскорбления находит отражение в целом ряде фактов, в частности ответом на

оскорбление может быть обращение в суд. По мнению Анны Зализняк, «оскорбление возникает тогда, когда задета наша честь...» [Зализняк 2000: 109]. Итак, говоря, что депутаты подкуплены, называя их негодьями и подлецами, В. В. Жириновский указывает на нарушение ими моральных норм, тем самым оскорбляет и задевает их честь. Как известно, использование инвективной лексики «как средства выражения резко отрицательной оценки, средства хулы и поношения лиц» по отношению к собеседникам в сфере официального общения обычно рассматривается как оскорбление [Культура... 2003: 209]. Но почему-то оскорбляемые не проявляют ожидаемой ответной реакции: они не подаются в суд, не пытаются восстановить свою честь и достоинство. Более того, они даже не ждут извинений. Складывается впечатление, что только журналисты интерпретировали высказывания Жириновского как оскорбление, а сами депутаты не почувствовали себя оскорбленными. Более того, и сам Жириновский не считает, что он кого-либо оскорбил, с его точки зрения ему не в чем извиняться, он сам ждет извинений за то, что его перебили во время выступления.

Владимир Жириновский, лидер ЛДПР: „Нас никто не просил извиняться и не за что. Передо мной — пожалуйста, Пушкина должна извиниться, уже дважды с места она ведет себя безобразно — выкрикивает. Это недопустимо“ [ntv.ru/novosti/1783145].

Унижение

- *Оксана Пушкина, депутат Госдумы РФ: „Я не люблю „мужчин-истеричек“. Когда мне говорят коллеги: „Мы терпим“. Ну и терпите, а я — не собираюсь. Нельзя позволять **унижать** ни себя, ни своих коллег“* [ntv.ru/novosti/1783338].

Только Оксана Пушкина расценила выступление Жириновского как унижающее ее.

Унизить — оскорбить чье-нибудь самолюбие, достоинство.

Унижение — оскорбление, унижающее достоинство.

При унижении «ущерб достоинству наносится указанием на неполноценность объекта в том или ином отношении. Униженный человек испытывает болезненное чувство, вызванное тем, что обстоятельства противоречат его сознанию собственной ценности и полноценности, естественному для всех людей» [Санников 2006: 422]. Строго говоря, в высказываниях Жириновского не было указаний на неполноценность кого-либо. Возможно, поэтому подобная интерпретация депутатом Пушкиной единична.

Один из журналистов вообще расценил вы-

ступление депутата как **критику** своих коллег.

• *Ранее после эмоционального выступления В. Жириновского, в котором он **раскритиковал** некоторых депутатов Госдумы, фракция ЛДПР в полном составе покинула зал...* [mskagency.ru/materials/2646232].

Судя по всему, акцент своего внимания он сделал на содержании выступления Жириновского, не обращая внимания на его форму. Можно предположить, что форма выступления показалась ему вполне обыденной, допустимой, не выходящей за привычные рамки.

Большинство же интерпретаторов заострили свое внимание именно на оценке эмоционального поведения депутата, совершенно не обращаясь к содержательной стороне. Поэтому в их текстах появились такие оценочные лексемы, как *истерика, хамство, гневный спич*.

• *Коллеги по Думе напомнили лидеру ЛДПР, что в Думе так себя не ведут. Что это было: банальная **истерика** или расчетливый **самопиар** и предвыборная агитация? Корреспондент НТВ Алексей Квашенкин пытался разобраться, что означает очередной скандал с участием Владимира Жириновского.*

• Вячеслав Володин, председатель Госдумы: *„Мы исходим из того, что разбирательство в комитетах нужно проводить тогда, когда есть что разбирать и когда есть какие-то непонятные моменты. Что касается некорректностей, допущенных в плане „расстрелов и повешений“, а речь идет об этом. Все остальное — право любого политика: оценивать, высказывать суждения, давать оценки, но **хамства** нельзя допускать, никому“* [ntv.ru/novosti/1783100].

• Вячеслав Володин, председатель Госдумы РФ: *„Нужно с себя начать и не допускать этого хамского поведения“* [ntv.ru/novosti/1783338].

• Владимир Жириновский, председатель ЛДПР, *разразился **гневным спичем** в адрес депутатов Госдумы от Единой России* [ok.ru/video/262352471497].

Но если истерика и гнев — это неконтролируемые психические состояния человека, то хамство — хамское поведение, хамский поступок — вполне контролируемое, намеренное поведение (хамить — вести себя грубо, нагло, по-хамски). И если неконтролируемое состояние можно извинить, то намеренное хамское поведение недопустимо в официальном общении, тем более в политическом дискурсе. Но любопытно обратить внимание на тот факт, что журналист ставит во взаимоисключающий ряд баналь-

ную истерику и расчетливый пиар. Личность политика, с одной стороны, хорошо известна своей вспыльчивостью и несдержанностью, что допускает возможность истерики, а с другой — известна и склонностью к театральщине, к игре, клоунаде, что заставляет сомневаться в его искренности и допускать мысль о намеренности некорректного, а точнее хамского поведения (не случайно ряд новостных сообщений вышел под заголовком «Жириновский-шоу»).

В таком случае возникает вопрос: почему В. В. Жириновский допускает хамство во время заседания Госдумы? Вряд ли он не знаком с элементарными нормами этики. Напрашивается предположение, что адресатами столь «эмоционального» выступления являются прежде всего не его коллеги по Думе, а избиратели, их ожидания. Та маска, которую избрал политик (правдолюб, критик существующей власти, защитник простых людей), соответствует ожиданиям значительной части населения, в основном малообразованной. Он знает, что от него ждут скандала, и идет навстречу этим ожиданиям. И это предположение подтверждается реакцией зрителей и читателей в интернет-пространстве. Причем те комментаторы, которые поддерживают политика, оценивают не форму, а содержание его выступления:

- жириновский как всегда прав;
- А в чем он не прав? прав да еще как прав! молодец!
- Мужик, красава, уважуха;
- Вообще Жирик сказал чистую правду о ГД;
- С Жириновским согласен. Он как всегда говорит правду (здесь и далее сохранено авторское написание. — Т. С.).

Другая же часть комментаторов обращает внимание в первую очередь на форму выступления депутата:

- может он и правду говорит и будущее предвидит, вот только донести доступно не может, не умеет. Своей несдержанностью и заносчивостью, даже своих сторонников отталкивает...

• *Вся беда, и большая, в том, что все обнаглели до неприличия. Поэтому и с выборами бардак, и в стране непорядок. Жириновский, конечно же **перегнул палку**. И он ведь не ангел. Но зато он **отличный актёр**, играющий свою роль удачно уже многие годы. Но в этот раз, он видимо, слишком **заигрался**. Ну а так, все ведь всё знают, не дураки.*

При этом комментируется не только речевое поведение выступавшего, но дается оценка и содержанию его речи, выражается сомнение в его искренности:

- У Жириновского **мания величия** в

обостренной стадии. Весна...;

• так Жирик и есть прихвостень у прихвостней. Толстый балабол и толстый же тролль, единственная задача которого — отбирать голоса у возможной оппозиции, выплёвывая гнилое нутро вперемешку с оскорблениями, **на потеху толпе**. Балаболит он мощно, и это всё действительно забавно, пока не начинаешь задумываться, сколько реального влияния и денег у Жира и его цирковых клоунов. Его вскукареки про „разогнать ЕР“ — это вообще финиш, потому что без своих хозяев из Едра Вольфыч просто кончится как „политик“. Там сами ЕР-вцы с трудом сдерживаются, чтобы не заржать. Нужно быть конченым дауном, чтобы поверить в этот **спектакль**. Судя по комментам, даунят вагон. Ага, ждите, пока Жир выгонит на мороз пол-Кремля с Путиным впридачу, наивные маньки;

• **Маразм**, похоже у старика! Обнаглел совсем, и зачем его Соловьёв на передаче „Вечер...“ приглашает, или больше некого или вместо **клоуна**?

Интересно отметить, что защитники Жириновского на слово «маразм» реагируют как на оскорбление Жириновского, а вот выступление его самого они оскорбительным не считают:

• **Маразм у Вас, раз Вы можете поставить диагноз по телевизору. И не все у Вас хорошо с головой, если Вы так просто можете оскорбить человека, если ваше умозаключение и точка зрения не совпадает с другими. От Вас, как я понимаю, надо держаться подальше, потому что Вы неадекватны. Если Вы такой смелый, то опубликуйте все о Жириновском на своей страничке и посмотрите, что будет дальше. Я уверен, что Вы быстрее обделаетесь, чем напишете.**

Итак, подведем некоторые итоги.

• Наличие «таких ключевых функций журналистики, как воспроизводство и конструирование социальной реальности» [Грани... 2016: 9], требует от автора проявления определенной позиции при освещении каких-либо социально-политических событий. Вариативность жанровой интерпретации речевого события журналистами обусловлена несколькими факторами: провокационным типом речевого события, коммуникативной интенцией автора-интерпретатора и ожиданиями адресата. Журналисты при этом чаще всего придерживаются квазинейтрального модуса характеристики речевого события.

• Провокационная форма выступления легко перетягивает на себя внимание адресатов, уводя его от смыслового содержания. А как справедливо отмечает А. Н. Фор-

тунатов, «акцент на экспрессивную сторону современного коммуникативного процесса отражает глубокие изменения, происходящие во всей системе социальной коммуникации» [Фортунатов 2009: 10].

• По мнению политологов, «политический дискурс — это обмен обоснованными позициями, взглядами в соответствии с определенными правилами, в результате чего предпринимаются действия для решения социально значимых проблем» [Тимофеева 2007: 3.]. В современном политическом дискурсе трудно усмотреть следование определенным правилам коммуникации, отсутствуют аргументы и доказательства, и поэтому размываются жанровые рамки, снижается воздействующая сила слова за счет бездумного и безответственного употребления. Происходит деформация официального стиля общения за счет введения иностилевой лексики, которая сначала проникла в язык СМИ, а теперь и в ядро политического дискурса. А это свидетельствует и о размывании этических норм.

ИСТОЧНИКИ

1. Демченко Е., Губернаторов Е., Холмогорова В. Володин призвал Жириновского извиниться за обещание вешать единопороссов // РБК. 2017. 15 марта. URL: <http://www.rbc.ru/rbcfreenews/58c908a09a7947c9405cfdcf>.
2. Депутаты Госдумы возмущены новым скандалом Жириновского // НТВ. 2017. 16 марта. URL: <http://www.ntv.ru/novosti/1783338/>.
3. Депутаты фракций в Госдуме попросили извинений от В. Жириновского // Москва : агентство городских новостей. 2017. 15 марта. URL: <http://www.mskagency.ru/materials/2646232>.
4. Жириновский отказался извиниться после скандала в Госдуме и снова ушел // НТВ. 2017. 15 марта. URL: <http://www.ntv.ru/novosti/1783145/>.
5. Жириновский пообещал повесить оппонентов и вывел фракцию ЛДПР с пленарки Госдумы // Lenta.ru. URL: https://lenta.ru/news/2017/03/15/zhir_protest/.
6. Жириновский пообещал расстрелять и повесить депутатов «Единой России» и покинул Госдуму. 2017. 15 марта. URL: http://www.rline.tv/news/2017-03-15-zhirinovskiy-poobeshchal-rasstrelyat-i-povesit-deputatov-edinoy-rossii-i-pokinul-gosdumu/?sphrase_id=85941.
7. Жириновский пригрозил депутатам Госдумы расстрелом // Regnum. URL: <https://regnum.ru/news/polit/2249688.html>.
8. Жириновский пригрозил депутатам Госдумы расстрелом // Top news. 2017. 15 марта. URL: http://www.topnews.ru/video_id_16304.html.
9. Зайцева Е. Скандал в Госдуме: Жириновский рассказал о коррумпированной власти Подмосковья и пообещал единопороссам расстрелы. 2017. 15 марта. URL: <http://www.glazey.info/new/read/social/Skandal-v-Gosdume-ZHirinovskij-poobeshchal-edinorossam/>.
10. Кочетков Д. Шумное выступление лидера ЛДПР не помешало Госдуме принять во втором чтении поправки к закону об ОСАГО // Первый канал. 2017. 15 марта. URL: https://www.1tv.ru/news/2017-03-15/321617-shum-noe-vystuplenie_lidera_ldpr_ne_pomeshalo_gosdume_prinyat_v_o_vtorom_chtenii_popravki_k_zakonu_ob_osago.
11. ЛДПР покинула заседание ГД после угрозы Жириновского расстрелять депутатов // НТВ. 2017. 5 марта. URL: <http://www.ntv.ru/novosti/1783077/>.
12. Не на ту нарвался — Пушкина об истерике Жириновского. 2017. 15 марта. URL: <https://tvzvezda.ru/news/>

vstrane_i_mire/content/201703151637-epab.htm.

13. Обухов А. Жириновский пообещал «Единой России» суды и расстрелы // МК.ru. 2017. 15 марта. URL: <http://www.mk.ru/politics/2017/03/15/zhirinovskiy-pobeshhal-edinoy-rossii-sudy-i-rasstrely.html>.

14. Скандальное выступление В. Жириновского на заседании Госдумы. 2017. 15 марта. URL: <https://ok.ru/video/262352471497>.

15. «Хамства нельзя допускать»: Госдума призвала Жириновского извиниться // НТВ. 2017. 15 марта. URL: <http://www.ntv.ru/novosti/1783100/>.

ЛИТЕРАТУРА

16. Алферов А. В., Кустова Е. Ю., Червонный А. М. Исследование парламентского дискурса 2014—2016 гг.: концептуализация итогов // Политическая лингвистика. 2016. Вып. 5 (59). С. 9—15.

17. Болотнов А. В. Идиостиль информационно-медийной языковой личности: коммуникативно-когнитивные аспекты исследования: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01. — Томск, 2016.

18. Грани журналистского образования: миссия и мастерство: моногр. / под ред. Т. А. Семилет, И. В. Фотиевой. — Барнаул: ИП Колмогоров И. А., 2016.

19. Дейк Т. А. ван. Язык. Познание. Коммуникация: пер. с англ. / сост. В. В. Петрова; под ред. В. И. Герасимова; вступ. ст. Ю. Н. Караулова и В. В. Петрова. — М.: Прогресс, 1989.

20. Дубровская Т. В. Речевые жанры «осуждения» и «обвинения» в русской и английской лингвокультурах. — Пенза, 2014.

21. Закнева Т. М., Рамазанова А. А. Лингвостилистические стратегии выражения субъективной оценки в корпусе ин-

формационно-аналитических текстов // Политическая лингвистика. Вып. 5 (59). С. 62—69.

22. Зализняк Анна А. О семантике щепетильности (обидно, совестно и неудобно на фоне русской языковой картины мира) // Логический анализ языка. Языки этики. — М., 2000. С. 101—118.

23. Карасик В. И. Языковое проявление личности. — Волгоград, 2014.

24. Культура русской речи: энцикл. словарь-справочник / под ред. Л. Ю. Иванова, А. П. Сковородникова, Е. Н. Ширяева и др. — М.: Флинта: Наука, 2003.

25. Плотникова С. Н. Политик как конструктор дискурса реагирования // Политический дискурс в России: материалы постоянно действующего семинара / под ред. В. Н. Базылева, В. Г. Красильниковой. — М., 2005. Вып. 8.

26. Ровинская Т. Л. Роль СМИ в деятельности «зеленых» партий (опыт США и ФРГ) // Вестн. Москов. ун-та. Сер. 12, Политические науки. 2002. № 6. С. 90.

27. Санников А. В. Понятия достоинства и смирения // Языковая картина мира и системная лексикография. — М.: Языки славянских культур, 2006. С. 405—470.

28. Тимофеева Л. Власть и оппозиция в России: проблемы политического дискурса // Власть: общенауч.-полит. журн. 2007. № 4. С. 3—9.

29. Фортунатов А. Н. Взаимодействие субъектов социальной коммуникации в медиареальности: автореф. дис. ... д-ра филос. наук. — Н. Новгород, 2009.

30. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. — М.: Гнозис, 2004.

T. I. Steksova

Novosibirsk, Russia

VARIATION OF GENRE INTERPRETATION IN POLITICAL DISCOURSE

ABSTRACT. *The article is devoted to political discourse in a wide sense, which includes the centre and the periphery. The centre of political discourse is made of the politicians' discourse; the periphery includes discourse of reaction: mass media political texts. The goal of the article is to analyze the interpretations of political texts (the primary text) in the media (the secondary text). Based on the speech by V.V. Zhirinovskiy pronounced in the State Duma we discuss different genre interpretations of one and the same verbal act (which is a promise, a threat, an accusation, an offence and a criticism). The correspondence and non-conformity of this genre to the main features of the genre are discussed; the reasons for different interpretations of the genre are revealed. Among them we find provocative nature of the verbal act, communicative intention of the interpreter and the expectancy of the addressee. The objective presentation of the verbal act belonging to the centre of political discourse in the media is substituted by its manipulative interpretation; the journalists often give quasi-neutral characteristics of the verbal act. There are tendencies to blur the frames of political discourse, to reduce its manipulative effect because of the misuse of the words and to shift the focus of attention from the meaning to emotions. We are facing deformation of the official style of communication in political discourse.*

KEYWORDS: *political discourse; speech genre; political rhetoric; political speech; political leader; political communication; media discourse.*

ABOUT THE AUTHOR: *Steksova Tatiana Ivanovna, Professor, Doctor of Philology, Professor of the Department of Modern Russian Language, Institute of Philology, Mass Information and Psychology, Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russia.*

REFERENCES

1. Demchenko E., Gubernatorov E., Kholmogorova V. Volodin prizval Zhirinovskogo izvinit'sya za obeshchanie veshat' edinorossos // RBK. 2017. 15 марта. URL: <http://www.rbc.ru/rbcfreeneov/58c908a09a7947c9405cfdfc>.

2. Deputy Gosdumy vozmushcheny novym skandalom Zhirinovskogo // NTV. 2017. 16 марта. URL: <http://www.ntv.ru/novosti/1783338/>.

3. Deputy fraktsiy v Gosdume poprosili izviniy ot V. Zhirinovskogo // Moskva: agentstvo gorodskikh novostey. 2017. 15 марта. URL: <http://www.mskagency.ru/materials/2646232>.

4. Zhirinovskiy otkazalsya izvinit'sya posle skandala v Gosdume i snova ushel // NTV. 2017. 15 марта. URL: <http://www.ntv.ru/novosti/1783145/>.

5. Zhirinovskiy poobeshchal povestit' opponentov i vyvel fraktsiyu LDPR s plenarki Gosdumy // Lenta.ru. URL: https://lenta.ru/news/2017/03/15/zhir_protost/.

6. Zhirinovskiy poobeshchal rassrelyat' i povestit' deputatov «Edinoy Rossii» i pokinul Gosdumu. 2017. 15 марта. URL: http://www.rli ne.tv/news/2017-03-15-zhirinovskiy-pobeshchal-rasstrelyat-i-pove sit-deputatov-edinoy-rossii-i-pokinul-gosdumu/?sphrase_id=85941.

7. Zhirinovskiy prigrozil deputatam Gosdumy rasstreloom // Regnum. URL: <https://regnum.ru/news/polit/2249688.html>.

8. Zhirinovskiy prigrozil deputatam Gosdumy rasstreloom // Top news. 2017. 15 марта. URL: <http://www.topnews.ru/>

video_id_16304.html.

9. Zaytseva E. Skandal v Gosdume: Zhirinovskiy rasskazal o korrumpirovannoy vlasti Podmoskov'ya i poobeshchal edinorossam rasstrely. 2017. 15 марта. URL: <http://www.glazey.info/new/read/social/Skandal-v-Gosdume-ZHirinovskij-pobeshal-edinorossam/>.

10. Kochetkov D. Shumnoe vystuplenie lidera LDPR ne pomeshalo Gosdume prinyat' vo vtorom chtenii popravki k zakonu ob OSAGO // Pervyy kanal. 2017. 15 марта. URL: https://www.1tv.ru/news/2017-03-15/321617-shumnoe_vystup le-nie_lidera_ldpr_ne_pomeshalo_gosdume_prinyat_vo_vtorom_cht enii_popravki_k_zakonu_ob_osago.

11. LDPR pokinula zasedanie GD posle ugrozy Zhirinovskogo rasstrelyvat' deputatov // NTV. 2017. 5 марта. URL: <http://www.ntv.ru/novosti/1783077/>.

12. Ne na tu narvalsya — Pushkina ob isterike Zhirinovskogo. 2017. 15 марта. URL: https://tvzvezda.ru/news/vstrane_i_mire/content/201703151637-epab.htm.

13. Obukhov A. Zhirinovskiy poobeshchal «Edinoy Rossii» sudy i rasstrely // МК.ru. 2017. 15 марта. URL: <http://www.mk.ru/politics/2017/03/15/zhirinovskiy-pobeshhal-edinoy-rossii-sudy-i-rasstrely.html>.

14. Skandal'noe vystuplenie V. Zhirinovskogo na zasedanii Gosdumy. 2017. 15 марта. URL: <https://ok.ru/video/262352471497>.

15. «Khamstva nel'zya dopuskat'»: Gosduma prizvala Zhirinovskogo izvinit'sya // NTV. 2017. 15 marta. URL: <http://www.ntv.ru/novosti/1783100/>.
16. Alferov A. V., Kustova E. Yu., Chervonyy A. M. Issledovanie parlamentskogo diskursa 2014—2016 gg.: kontseptualizatsiya itogov // Politicheskaya lingvistika. 2016. Vyp. 5 (59). S. 9—15.
17. Bolotnov A. V. Idiostil' informatsionno-mediynoy yazykovoy lichnosti: kommunikativno-kognitivnye aspekty issledovaniya : dis. ... d-ra filol. nauk : 10.02.01. — Tomsk, 2016.
18. Grani zhurnalistskogo obrazovaniya: missiya i masterstvo : monogr. / pod red. T. A. Semilet, I. V. Fotievoy. — Barnaul : IP Kolmogorov I. A., 2016.
19. Deyk T. A. van. Yazyk. Poznanie. Kommunikatsiya : per. s angl. / sost. V. V. Petrova ; pod red. V. I. Gerasimova ; vstup. st. Yu. N. Karaulova i V. V. Petrova. — M. : Progress, 1989.
20. Dubrovskaya T. V. Rechevye zhanry «osuzhdenie» i «obvinenie» v russkoy i angliyskoy lingvokul'turakh. — Penza, 2014.
21. Zakieva T. M., Ramazanova A. A. Lingvostilisticheskie strategii vyrazheniya sub"ektivnoy otsenki v korpuse informatsionno-analiticheskikh tekstov // Politicheskaya lingvistika. Vyp. 5 (59). S. 62—69.
22. Zaliznyak Anna A. O semantike shchepetil'nosti (obidno, sovestno i neudobno na fone russkoy yazykovoy kartiny mira) // Logicheskiy analiz yazyka. Yazyki etiki. — M., 2000. S. 101—118.
23. Karasik V. I. Yazykovoe proyavlenie lichnosti. — Volgograd, 2014.
24. Kul'tura russkoy rechi : entsikl. slovar'-spravochnik / pod red. L. Yu. Ivanova, A. P. Skovorodnikova, E. N. Shiryaeva i dr. — M. : Flinta : Nauka, 2003.
25. Plotnikova S. N. Politik kak konstruktor diskursa reagirovaniya // Politicheskij diskurs v Rossii : materialy postoyanno deystvuyushchego seminaru / pod red. V. N. Bazyleva, V. G. Krasil'nikovoy. — M., 2005. Vyp. 8.
26. Rovinskaya T. L. Rol' SMI v deyatel'nosti «zelenykh» partiy (opyt SShA i FRG) // Vestn. Moskov. un-ta. Ser. 12, Politicheskie nauki. 2002. № 6. S. 90.
27. Sannikov A. V. Ponyatiya dostoinstva i smireniya // Yazykovaya kartina mira i sistemnaya leksikografiya. — M. : Yazyki slavyanskikh kul'tur, 2006. S. 405—470.
28. Timofeeva L. Vlast' i oppozitsiya v Rossii: problemy politicheskogo diskursa // Vlast' : obshchenats. nauch.-polit. zhurn. 2007. № 4. S. 3—9.
29. Fortunatov A. N. Vzaimodeystvie sub"ektov sotsial'noy kommunikatsii v mediareal'nosti : avtoref. dis. ... d-ra filos. nauk. — N. Novgorod, 2009.
30. Sheygal E. I. Semiotika politicheskogo diskursa. — M. : Gnozis, 2004.

РАЗДЕЛ 2. ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОММУНИКАЦИЯ

УДК 811.111'42:811.111/38(73)
ББК Ш143.21-51+Ш143.21-55

ГСНТИ 16.21.33; 16.21.27

Код ВАК 10.02.04; 12.00.02

Е. Ю. Алёшина, Н. А. Павлова, Б. В. Николаев
Пенза, Россия

КОНЦЕПТЫ «EQUITY» («РАВЕНСТВО») И «EQUALITY» («РАВНОПРАВИЕ») В КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЙ РИТОРИКЕ АМЕРИКАНСКИХ ПРЕЗИДЕНТОВ Б. ОБАМЫ И Д. ТРАМПА

АННОТАЦИЯ. Рассматривается вербализация концептов «равенство» («equity») и «равноправие» («equality») в публичных выступлениях американских президентов Б. Обамы и Д. Трампа. Концепты «равенство» («equity») и «равноправие» («equality») имеют особое значение для отражения принципа равноправия в конституционно-правовой риторике в целом и в американской риторике в частности. Проведен комплексный анализ названных номинаций согласно принципам, изложенным М. Я. Блохом (различаются три типа семантики: обычное значение, представленное в неспецифическом употреблении языка — коммонема; концептное значение, вычлененное в коллективном, культурно детерминированном осмыслении референта-означаемого — атпроксимема; строго понятийное значение в рамках некоторой научной дисциплины — ригорема). Анализ значения номинаций дополнен диктемным анализом. Вербализация указанных концептов происходит в диктемах текстов публичных выступлений Б. Обамы и Д. Трампа, посвященных проблеме реформы здравоохранения в США. Как показала история вопроса, изложенная в статье, данная проблема в течение нескольких лет (2013—2017 гг.) создавала конфликтную ситуацию и вызывала дискуссии американских политиков и общественности. Проведенный анализ корпуса текстов показал, что концепт реализуется главным образом в диктете текста (диктета как единица текста формируется одним или несколькими предложениями и выполняет функции номинации, предикации, тематизации и стилизации). При этом информационный комплекс диктеты способствует реализации концептного значения.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: равенство; равноправие; концепты; конституционно-правовая риторика; политический дискурс; американские президенты.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ: Алёшина Екатерина Юрьевна, кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой «Иностранные языки и методика преподавания иностранных языков», Педагогический институт им. В. Г. Беллинского Пензенского государственного университета; 440026, Россия, г. Пенза, ул. Лермонтова, 37, корп. 11, к. 472; e-mail: alcatherine@yandex.ru.

Павлова Наталья Анатольевна, кандидат педагогических наук, заведующий кафедрой «Иностранные языки», Педагогический институт им. В. Г. Беллинского Пензенского государственного университета; 440026, Россия, г. Пенза, ул. Лермонтова, 37, корп. 11, к. 230а; e-mail: nataliia.pavlova@inbox.ru.

Николаев Борис Викторович, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры «Уголовное право», Пензенский государственный университет; 420026, Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40, корп. 5, к. 406; e-mail: nikolboris@yandex.ru.

Принцип равноправия является основополагающим для правовой системы современного демократического правового государства. Рожденный в бурях буржуазных революций, он был официально провозглашен во французской Декларации прав человека и гражданина 1789 г.: «Люди рождаются и остаются свободными и равными в правах. Общественные различия могут основываться лишь на общей пользе» (статья 1). Данный принцип получил универсальное признание и закрепление после Второй мировой войны во Всеобщей декларации прав человека 1948 г. (статья 7) и Международном пакте о гражданских и политических правах 1966 г. (статья 2).

Американская модель закрепления и реализации принципа равноправия характеризуется рядом значительных особенностей. Вплоть до принятия в 1868 г. XIV поправки в Конституции США отсутствовало специальное положение о равноправии. XIV поправка имела ясно выраженную цель — противодействие рабству и расовой дискриминации и, таким образом, воплощала крайне ограниченную модель равноправия (в основном по признаку расовой принадлежности и цвета кожи). Эта концепция была более четко и

определенно юридически оформлена в Законе о гражданских правах 1866 г., гарантировавшем равные права с «белыми» всем гражданам США, «независимо от расы, цвета кожи, предшествующего рабского или подневольного положения». Кроме того, XIV поправка использует традиционную для либеральной в целом и в частности американской теории и практики конституционализма негативную модель закрепления принципа равноправия: «никто не может быть лишен», имеющую своим основным источником классическую концепцию естественных, надгосударственных и неотчуждаемых прав. Подобная форма закрепления данного основополагающего принципа привела к повышению значения правоприменительной практики в определении актуального содержания равноправия. Существенной особенностью американской правовой системы является ее крайняя децентрализация, признание естественной и широкой остаточной компетенции штатов и принципа делегирования полномочий федеральной власти. Это приводит к тому, что именно конституции штатов содержат специальные положения о равных правах. В данных конституционных текстах используются как об-

© Алёшина Е. Ю., Павлова Н. А., Николаев Б. В., 2017

щие положения: «все люди являются равно свободными и независимыми», «все равны перед законом», «никто не может быть лишен равной защиты со стороны закона», так и специальные нормы о запрете гендерной дискриминации, рабства, сегрегации, специальных привилегий, о гендерном равноправии, о защите равных прав особых групп или в особых сферах общественной жизни. Следует отметить и расширение перечня дискриминационных оснований, запрещенных конституциями штатов (пол, состояние здоровья, миграционный статус, вероисповедание, языковая принадлежность, политические убеждения, возраст, социальное происхождение или положение, принадлежность к определенной культуре и т. д.).

Современная юридическая наука признает основополагающий характер принципа равноправия как для конституционной практики, так и для правовой системы в целом. В то же время содержание данного принципа, различные аспекты его законодательного закрепления и надлежащего правоприменения являются предметом серьезных дискуссий. Анализ вербализации концептов «равенство» и «равноправие» в конституционно-правовой риторике американских президентов Б. Обамы и Д. Трампа позволит уточнить семантическое наполнение концептов и сферы их употребления в современной американской политической и юридической коммуникации. В то же время в филологическом аспекте данное исследование может способствовать раскрытию механизмов объективации концепта на разных уровнях отношения номинаций к действительности.

Понятие концепта получило широкое освещение в современной лингвистике. В исследованиях Н. Н. Болдырева, Е. С. Кубряковой, В. З. Демьянкова, В. А. Масловой и других были раскрыты различные аспекты концепта, концептосферы и картины мира. Вслед за М. Я. Блохом определим концепт как выделенное сознанием знание о некотором предмете (т. е. предмете мысли, составляющем элемент бытия — действительного или воображаемого) [Блох 2007: 101]. При этом картина мира представляет собой совокупность концептосфер, состоящих из объединений концептов. Поскольку концепт формируется на основе языка, картина мира также опосредуется языком. Точнее, картина мира есть «отражательное» интеллектуальное и пограничное ему чувственное содержание сознания, которое опосредовано языком. Язык включает в себя систему номинаций с их категориями, а также систему предикативного обращения номинаций, в ко-

торой реализуется отнесение номинаций к действительности на трех уровнях: пропозитивном, диктематическом, дискурсном.

Номинации обладают семантикой, которая воплощается в трех различных типах. Первый тип — обычное значение, представленное в неспецифическом употреблении языка (коммонема). Второй тип — концептное значение, вычлененное в коллективном, культурно детерминированном осмыслении референта-означаемого (аппроксимема). Третий тип — строго понятийное значение в рамках некоторой научной дисциплины (ригорема). Слово — носитель ригоремы представляет собой термин [Блох 2007: 102—103].

Проведем анализ номинаций «равенство» («equity») и «равноправие» («equality»), рассмотрев два типа их семантики (ригорему и коммонему) в логической взаимосвязи.

Термины «равенство» («equity») и «равноправие» («equality») часто употребляются в современной юридической науке и одновременно являются достаточно сложными по своему содержанию и применению. В английском языке данные термины различаются между собой. Так, под «равенством» («equity») понимается «справедливость, обращение с индивидами справедливо, в соответствии с их нуждами и требованиями» [Gifis 1998: 160], «непредвзятость в отношении кого бы то ни было». Термин стал известен с начала XIV в. [Online Etymology Dictionary 2010]. Такое понимание тесно связано с так называемым английским правом справедливости (court of equity), которое позволяло суду канцлера (the court of chancery) принимать правовое решение в тех случаях, когда формальная правовая процедура давала соответствующие легальные возможности. Таким образом, равенство имело значение обеспечения равных социальных, фактических возможностей лиц, не всегда гарантированных формальными правовыми предписаниями. С начала XV в. используется термин «равноправие» («equality») в значении «равенство в правах, привилегиях» [Online Etymology Dictionary 2010], «обладание равными правами при тождественных обстоятельствах», «равенство всех перед законом; право на равную правовую защиту без дискриминации» [Gifis 1998: 158]. Следует отметить, что в американской правовой терминологии чаще используются словосочетания «равные права» («equal rights»), «равная защита со стороны закона», что подчеркивает формально-юридический аспект данного принципа.

Терминологическое значение (ригорема) номинаций «равенство» («equity») и «равно-

праве» («equality») соотносимо со значением, представленным в неспецифическом употреблении языка (коммонемой). Например, словарь Макмиллана определяет «равенство» («equity») как «справедливый и разумный способ поведения, утверждающий равное отношение ко всем людям» (*a fair and reasonable way of behaving towards people, so that everyone is treated in the same way*), «равноправие» («equality») как «состояние равенства, особенно в правах, статусе и возможностях» (*the state of being equal, especially in having the same rights, status, and opportunities*) [Macmillan Dictionary Online].

Таким образом, можно сделать заключение, что в англоязычном правовом и языковом сознании в терминологическом и концептуальном плане традиционно проводится различие между равенством (в его понимании как обеспечения фактических равных социальных возможностей для всех лиц) и равноправием, равными правами, иными словами, равными правовыми возможностями, предоставляемыми государством и правом человеку для самостоятельной реализации своих потребностей.

Обратимся к анализу еще одного типа семантики — концептного значения номинаций «равенство» («equity») и «равноправие» («equality»), а также рассмотрим обращение данных номинаций к действительности, которое, по М. Я. Блоху, реализуется на трех уровнях формирования речи: пропозитивном, диктематическом и дискурсном. Пропозитивный уровень — уровень построения предложений, на этом уровне прямо либо косвенно выражаются суждения-пропозиции. Диктематический уровень — уровень построения элементарных тематических сегментов текста (речи) — диктем. Понятие диктемы было введено М. Я. Блохом в связи с дискуссией о сегментно-уровневой структуре языка [Блох 2000: 55—66]. Диктема как единица текста формируется одним или несколькими предложениями и выполняет функции номинации, предикации, тематизации и стилизации. Дискурсный уровень — уровень построения развернутого текста, которое осуществляется в форме дискурсно-объединения диктем, или диктемной дискурсивации. Будем рассматривать приведенные уровни как уровни вербализации (языковой объективации) концепта. Именно в процессе объективации формируется семантическая структура номинации. По утверждению Н. Ф. Алефиренко, средствами объективации концепта могут выступать слово, фразеологизм, словосочетание, структурная схема предложения и даже текст, если в нем раскрывается сущность какого-либо

концепта [Алефиренко 2004: 60—66].

Согласно сложившейся культурно-исторической традиции, концепты «равенство» («equity») и «равноправие» («equality») занимают важное место в американском сознании и публичном политическом дискурсе. Проанализируем концептное значение номинаций «равенство» («equity») и «равноправие» («equality») на материале американской президентской риторики по поводу реформы здравоохранения в США.

«Обамакэр» («Obamacare») — это неофициальное название проводимой администрацией Б. Обамы реформы здравоохранения и основного законодательного акта — Закона о защите прав пациента и доступности медицинской помощи, подписанного президентом Б. Обамой 23 марта 2010 г. Данная реформа считается одним из ключевых элементов достижений демократической президентской администрации за восьмилетний период и является первым столь масштабным изменением системы здравоохранения США со времен реформ президента Л. Джонсона в 1960-х гг. Основными задачами были провозглашены расширение перечня программ медицинского страхования (сокращение количества американцев, не охваченных данными программами, с 16 % (44 млн) до прогнозируемых 5 %), расширение и упорядочивание системы государственных субсидий по программам «Medicaid» (программа государственного медицинского страхования малоимущих) и «Medicare» (программа обязательного государственного медицинского страхования пожилых (старше 65 лет) людей), борьба с монополизацией рынка страховых услуг, усиление ответственности работодателей за необеспечение медицинского страхования работников.

Лейтмотивом реформы здравоохранения стала идея социального равенства, связанная с обеспечением дополнительных возможностей в сфере здравоохранения для наименее социально защищенных групп населения (малоимущие, иммигранты, пожилые) посредством усиления роли государства (как финансовой, так и административной) в системе здравоохранения и возложения дополнительных обременений на представителей социально-экономически доминирующих групп (работодателей, богатых, крупных предпринимателей, крупных страховых компаний).

Первые результаты реформы выглядели достаточно обнадеживающими: зафиксированы самые низкие темпы роста расходов на здравоохранение с 1960 г.; существенно расширено число американцев, имеющих меди-

цинскую страховку (до 90—92 % от общей численности населения); заработали специально созданные федеральные и региональные биржи страховых услуг для граждан и малых предприятий; расширены программы «Medicaid» и «Medicare». Несмотря на значительные достижения, реформа вызвала критику с точки зрения непоследовательности и незавершенности, в частности, указывалось на большую предпочтительность введения обязательного государственного медицинского страхования [Huberfeld 2016: 59—60], сохранение значительных ограничений в этой области для иммигрантов, прежде всего находящихся в заключении [Tovino 2016: 167—168, 226].

В то же время с начальных стадий реформа вызвала значительное сопротивление со стороны Республиканской партии, представлявшей в данном случае интересы крупных работодателей, состоятельных американцев, страховых компаний, настаивавших на необходимости изменения принципиальной концепции системы здравоохранения, начиная с предоставления государственных социальных гарантий в этой области к поощрению режима конкуренции на рынке медицинских страховых услуг, свободы и ответственности самих граждан в принятии решений в этой области, восстановлении системы формально-юридического равенства в системе здравоохранения. Прежде всего, были существенно замедлены темпы проведения реформы, что значительно снизило уровень ее эффективности. Во-вторых, решения Верховного суда США значительно ограничили возможности федеральной власти по проведению реформы. Так, решением по делу *Национальная федерация независимого бизнеса против Себелиус* (National Federation of Independent Business v. Sebelius, 567 U.S. 1 (2012)) Верховный суд предоставил штатам самостоятельно принимать решение о расширении программы «Medicaid» в отношении своих жителей [Siegel 2012: 29—30]. Наконец, новая республиканская администрация и республиканское большинство в конгрессе поставили своей целью «отмену» (в действительности, отмену или изменение отдельных положений и аспектов действующей системы) «Обамакэр», которая должна стать, кроме прочего, символическим политическим ударом по всему политическому наследию президента Б. Обамы.

В контексте дискуссий о реформировании здравоохранения разница между терминами «equity» («равенство») и «equality» («равноправие») может поясняться в публикациях научно-популярного характера,

например, на наглядном иллюстративном примере [MPH@GW Staff 2016]. При этом «equity» («равенство») предполагает предоставление гражданам условий и возможностей, ранее недоступных, которые позволят им оказаться в ситуации равных возможностей, в то время как «equality» («равноправие») предполагает обеспечение граждан равными правами и возможностями, в результате чего они, имея равные права и возможности, с учетом своих изначальных индивидуальных условий, остаются на разных уровнях в социальном и материальном плане.

Следует отметить, что в рассматриваемой нами конституционно-правовой публичной президентской риторике Б. Обамы и Д. Трампа, посвященной реформе здравоохранения, термин «равенство» («equity») не используется. Вероятно, это связано с достаточно узким предметным характером самого термина, принятого в юридической практике. Президенты-ораторы предпочитают строить свои выступления на «языке народа», не перегружая содержание речи терминологией.

На наш взгляд, концептное значение номинации (аппроксимема), формирующее семантику концепта, достаточно четко просматривается в диктате текста (дискурса) и включает информационно-коммуникативные характеристики высказывания.

Мысль об уравнивании граждан США в правах на медицинское обслуживание часто звучала в риторике Б. Обамы и являлась причиной критики его программы. Идея всеобщего равенства традиционно имеет в американской ментальности неоднозначные, скорее негативные коннотации, связанные с социализмом.

«Гибкий» подход к обеспечению населения недостающими услугами и возможностями, способствующий равенству («equity») американских граждан, отражен в следующей диктате текста речи Б. Обамы от 20 января 2015 г.:

...So it's time we stop treating childcare as a side issue, or as a women's issue, and treat it like the national economic priority that it is for all of us.

And that's why my plan will make quality childcare more available and more affordable for every middle-class and low-income family with young children in America — by creating more slots and a new tax cut of up to \$3,000 per child, per year.

Б. Обама подчеркивает, что новая программа позволит сделать детское здравоохранение более доступным для каждой семьи среднего класса и семьи с низким дохо-

дом. Основную семантическую нагрузку в структуре реализуемого в данной диктете концептного значения номинации «равенство» («equity») на пропозитивном уровне несет следующее предложение: ...*And that's why my plan will make quality childcare more available and more affordable for every middle-class and low-income family with young children in America...* Реализация концептного значения сопровождается актуализацией нескольких типов диктемной информации. Фактуальная информация (*by creating more slots and a new tax cut of up to \$3,000 per child, per year*) сочетается с интеллективной (*So it's time we stop treating... And that's why my plan...*) и импрессивной информацией, выраженной посредством повторов и гиперболлизации (*as a side issue, or as a women's issue; more available and more affordable for every... family*).

В речи от 30 октября 2013 г. Б. Обама объясняет преимущества своего плана медицинского обслуживания по принципу доказательств «от противного»:

And anyone defending the remnants of the old, broken system as if it was working for people, anybody who thinks we shouldn't finish the job of making the health care system work for everybody — especially when these folks offer no plan for the uninsured or the underinsured, or folks who lose their insurance each year — those folks should have to explain themselves. Because I don't think we should go back to discriminating against kids with preexisting conditions. I don't think we should go back to dropping coverage for people when they get sick, or because they make a mistake on their application.

В данном случае концептное значение номинации «равенство» («equity») реализуется главным образом в следующем предложении: ...*And anyone defending the remnants of the old, broken system as if it was working for people, anybody who thinks we shouldn't finish the job of making the health care system work for everybody...* Основная идея высказывания — необходимость сделать здравоохранение доступным для каждого. Представленные контраргументы, актуализирующие интеллективную диктемную информацию, утверждают необходимость заботы о тех, кто не имеет медицинской страховки, кто теряет страховку каждый год, о детях с хроническими заболеваниями, а также о тех, кто не смог правильно оформить страховку. При этом особую нагрузку в плане контраргументации несет концепт «дискриминация», объективированный на уровне суждения (*Because I don't think we should go back to discriminating against kids with preexisting conditions*).

Возможность выбора плана медицинского обслуживания подчеркивает в своих выступлениях Д. Трамп. При этом свобода выбора является ключевым аргументом в пользу нового плана Д. Трампа в противовес несостоятельному, контролируруемому государством плану Б. Обамы, который Д. Трамп намерен отменить:

The House bill to repeal and replace Obamacare will provide you and your fellow citizens with more choices — far more choices at lower cost. Americans should pick the plan they want. Now they'll be able to pick the plan they want, they'll be able to pick the doctor they want. They'll be able to do a lot of things that the other plan was supposed to give and it never gave. You don't pick your doctor, you don't pick your plan — you remember that one... You'll have a lot of choices.

В данной диктете текста выступления Д. Трампа от 13 марта 2017 г. утверждается возможность выбора как основное преимущество нового плана здравоохранения. В данном случае идея равенства («equity») заключается в предоставлении гражданам широкого выбора опций в системе здравоохранения по более низкой стоимости. Основную семантическую нагрузку в реализации концептного значения несет следующее предложение: ...*The House bill to repeal and replace Obamacare will provide you and your fellow citizens with more choices — far more choices at lower cost.* Реализация концептного значения сопровождается актуализацией интеллективной информации, отражающей ход мысли оратора (*Americans should pick the plan they want. Now they'll be able to pick the plan they want...*), которая сочетается с импрессивной, обуславливающей выразительность текста посредством лексических и синтаксических повторов (*with more choices — far more choice; they'll be able to pick the plan they want, they'll be able to pick the doctor they want*).

При этом Д. Трамп подчеркивает, что особое место в целевой аудитории нового плана медицинского обслуживания будет отведено наиболее нуждающимся (*people who need the help*):

Largely, I think beyond everything, if you look at what's going to happen — the competitive bidding — every element of what we're doing is competitive bidding, but we have to take care of people who need the help. And there are a lot of people like that.

Согласно раскрытым выше неспецифическому и терминологическому значениям номинации «equity», равенство предполагает возможности, предоставляемые тем, у кого их не было, и которые будут способствовать их **уравниванию** в правах и статусе. При

этом концептное значение номинации соответствует указанным типам значения.

Концепт «equality» («равноправие»), подобно рассмотренному концепту «equity» («равенство»), в текстах публичных выступлений Б. Обамы и Д. Трампа представлен и вербализуется преимущественно посредством высказываний в диктемах текста. Тем не менее выступления Б. Обамы содержат немногочисленные случаи использования термина *equal*, например, в контексте разговора об оплате труда женщин в речи от 15 ноября 2014 г.:

Today, women make up about half our workforce. But they still make 77 cent for every dollar a man earns. That is wrong, and in 2014, it's an embarrassment. A woman deserves equal pay for equal work...

В данном случае термин *equal*, повторяющийся дважды, используется в контексте разговора о равноправии женщин — вопроса, выступающего проблемным на протяжении ряда лет американской истории.

При этом Б. Обама в своих выступлениях, посвященных реформе здравоохранения, использует термин *inequality* («неравноправие») для обозначения существующей в обществе проблемы. Речь идет именно о неравенстве в правах:

There are other steps we can take to help families make ends meet, and few are more effective at reducing inequality and helping families pull themselves up through hard work than the Earned Income Tax Credit.

Объясняя принцип работы своего плана медицинского обслуживания, Б. Обама в выступлении от 3 декабря 2013 г. подчеркивает, что все американцы будут иметь равные возможности. Причем речь идет не об «уравнивании» граждан, а о предоставлении шанса каждому:

We will make it work for all Americans... Tell your coworkers. Tell your neighbors. Let's help our fellow Americans get covered. Let's give every American a fighting chance in today's economy.

В данном контексте основную нагрузку в реализации концептного значения *equality* несет предложение *Let's give every American a fighting chance in today's economy*. Реализация концептного значения сопровождается актуализацией импрессивной диктемной информации посредством синтаксического параллелизма и лексических повторов (*Tell your coworkers. Tell your neighbors. Let's help our fellow Americans get covered. Let's give every American a fighting chance in today's economy*).

Президент Д. Трамп, аргументируя преимущества своего плана в выступлениях от 28 февраля 2017 г. и 24 марта 2017 г., также

подчеркивает необходимость защитить всех американцев:

Mandating every American to buy government-approved health insurance was never the right solution for our country. The way to make health insurance available to everyone is to lower the cost of health insurance, and that is what we are going to do... Obamacare is collapsing, and we must act decisively to protect all Americans. I honestly believe the Democrats will come to us and say, look, let's get together and get a great healthcare bill or plan that's really great for the people of our country. And I think that's going to happen... I want great healthcare for the people of this nation.

В данном контексте концептное значение *equality* выражено достаточно обобщенно. Тем не менее можно предположить, что речь идет о доступности здравоохранения для всех граждан, о праве каждого на медицинское обслуживание. Семантическим центром высказывания выступает следующее предложение: *I want great healthcare for the people of this nation*. Реализация концептного значения сопровождается актуализацией нескольких типов диктемной информации: интеллективной и коммуникативно-установочной (*The way to make health insurance available to everyone is to lower the cost of health insurance, and that is what we are going to do...*), импрессивной, выраженной посредством параллелизма и повторов (*let's get together and get a great healthcare bill or plan that's really great for the people of our country... I want great healthcare for the people of this nation*).

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы о вербализации концептов «равенство» («equity») и «равноправие» («equality») в конституционно-правовой риторике Б. Обамы и Д. Трампа. Комплексный анализ номинаций «равенство» («equity») и «равноправие» («equality») на материале словарей, отражающих как строго терминологическое значение слова, так и его этимологию и употребление в юридической практике, показывает терминологическое и концептуальное различие «равенства» («equity») и «равноправия» («equality»), зафиксированное в сознании носителей английского языка. Более того, соответствующие концепты вербализуются в конституционно-правовой риторике Б. Обамы и Д. Трампа с сохранением их принципиального различия. В то же время следует отметить, что термины «равенство» («equity») и «равноправие» («equality») в публичных выступлениях президентов практически не используются, что, возможно, объясняется намерением избежать усложненности и тер-

минологической «загруженности» речи. Диктемный анализ позволяет обнаружить особенности вербализации концепта на уровне диктемы текста как его тематической единицы. При этом аргументация и импрессивность текста обнаруживаются и могут быть описаны посредством выявления особенностей информационного комплекса диктемы, в котором преобладает интеллективная, импрессивная и фактуальная информация.

ИСТОЧНИКИ

1. Remarks by the President and Governor Deval Patrick on the Affordable Care Act. 2013. 30 Oct. URL: <https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/2013/10/30/remarks-president-and-governor-deval-patrick-affordable-care-act> (date of access: 24.04.2017).
2. Remarks by the President on the Affordable Care Act. 2013. 3 Dec. URL: <https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/2013/12/03/remarks-president-affordable-care-act> (date of access: 25.04.2017).
3. President Obama. Weekly Address: Open Enrollment Starts Today. 2014. 15 Nov. URL: <https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/2014/11/15/weekly-address-open-enrollment-starts-today> (date of access: 23.04.2017).
4. Remarks by the President in State of the Union Address. 2015. 20 Jan. URL: <https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/2015/01/20/remarks-president-state-union-address-january-20-2015> (date of access: 11.05.2017).
5. Remarks by the President in a Discussion on the Affordable Care Act. Nashville, TN. 2015. 1 July. URL: <https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/2015/07/02/remarks-president-discussion-affordable-care-act-nashville-tn> (date of access: 25.04.2017).
6. Remarks by President Trump in Joint Address to Congress. 2017. 28 Febr. URL: <https://www.whitehouse.gov/the-press-office/2017/02/28/remarks-president-trump-joint-address-congress>

E. Y. Aleshina, N. A. Pavlova, B. V. Nikolaev
Penza, Russia

CONCEPTS «EQUITY» («RAVENSTVO») AND «EQUALITY» («RAVNOPRAVIE») IN THE CONSTITUTIONAL AND LEGAL RHETORIC OF THE AMERICAN PRESIDENTS B. OBAMA AND D. TRUMP

ABSTRACT. *The article discusses verbalization of the concepts «equity» and «equality» in public addresses of the US Presidents B. Obama and D. Trump. The concepts «equity» and «equality» play a great role in the description of the principle of equality in constitutional and legal rhetoric in general and in the US rhetoric in particular. Complex analysis of the abovementioned concepts is undertaken on the basis of the principles worked out by M. Y. Blokh (there are three types of semantics: general meaning found in non-specific use of the language – commoneme; conceptual meaning found in the culturally based interpretation of the named phenomenon – approximeme; strictly determined notion found in a certain scientific field - rigoreme). The analysis of the meaning of nominations is accompanied by dicteme analysis. Verbalization of the concepts is found in the texts of public addresses of B. Obama and D. Trump devoted to the reform of healthcare in the USA. The overview of the problem, presented in this article, showed that it gave rise to a conflict in 2013-2017 and stimulated discussion between the American politicians and the society. The analysis of the corpus of texts revealed that the concept is present in the text dicteme (dicteme as a text unit consisting of one or several sentences and performing the function of nomination, predication, topical and stylistic functions). The informational complex of a dicteme helps to express the meaning of the concept.*

KEYWORDS: equity; equality; concept; constitutional legal rhetoric; political discourse; American presidents.

ABOUT THE AUTHORS: *Aleshina Ekaterina Yuryevna, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Head of Department of Foreign Languages and Foreign Language Teaching Methods, Pedagogical Institute named after V. G. Belinsky, Penza State University, Penza, Russia.*

Pavlova Nataliia Anatolievna, Candidate of Pedagogy, Head of Department of Foreign Languages, Pedagogical Institute named after V. G. Belinsky, Penza, Russia.

Nikolaev Boris Victorovich, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Criminal Law, Penza State University, Penza, Russia.

REFERENCES

1. Remarks by the President and Governor Deval Patrick on the Affordable Care Act. 2013. 30 Oct. URL: <https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/2013/10/30/remarks-president-and-governor-deval-patrick-affordable-care-act> (date of access: 24.04.2017).
2. Remarks by the President on the Affordable Care Act. 2013.

(date of access: 03.05.2017).

7. Remarks by President Trump in a Listening Session on Healthcare. 2017. 13 March. URL: <https://www.whitehouse.gov/the-press-office/2017/03/13/remarks-president-trump-listening-session-healthcare> (date of access: 2.05.2017).

8. Remarks by President Trump on the Health Care Bill. 2017. 24 March. URL: <https://www.whitehouse.gov/the-press-office/2017/03/24/remarks-president-trump-health-care-bill> (date of access: 03.05.2017).

ЛИТЕРАТУРА

9. Алефиренко Н. Ф. Методологические основания исследования проблемы вербализации концепта // Вестн. ВГУ. Сер.: Гуманитарные науки. 2004. № 2. С. 60—66.
10. Блох М. Я. Проблема понятий концепта и картины мира в философии языка // Преподаватель XXI век. 2007. № 2. С. 101—105.
11. Блох М. Я. Диктема в уровневой структуре языка // Вопросы языкознания. 2000. № 4. С. 55—66.
12. Gifis S. H. Dictionary of Legal Terms. A Simplified Guide to the Language of Law. — New York : Barron's Educational Series, Inc., 1998. 580 p.
13. Huberfeld N., Roberts J. L. Health Care and the Myth of Self-Reliance // Boston College Law Review. 2016. Vol. 57. P. 1—60.
14. Macmillan Dictionary Online. URL: <http://www.macmillandictionary.com/dictionary/british/> (date of access: 24.04.2017).
15. MPH@GW Staff. What's the difference between equity and equality? 2016. 17 June. URL: <https://publichealthonline.gwu.edu/blog/equity-vs-equality/> (date of access: 24.04.2017).
16. Online Etymology Dictionary / © 2010 Douglas Harper. URL: http://www.etymonline.com/index.php?allowed_in_frame=0&search=equity (date of access: 24.04.2017).
17. Tovino St. A. The Grapes of Wrath: on the Health of Immigration Detainees // Boston College Law Review. 2016. Vol. 57. P.167—227.
18. Siegel N. S. Free Riding on Benevolence: Collective Action Federalism and the Minimum Coverage Provision // Law and Contemporary Problems. 2012. Vol. 75. № 3. P. 29—74.

4. Remarks by the President in State of the Union Address. 2015. 20 Jan. URL: <https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/2015/01/20/remarks-president-state-union-address-january-20-2015> (date of access: 11.05.2017).
5. Remarks by the President in a Discussion on the Affordable Care Act. Nashville, TN. 2015. 1 July. URL: <https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/2015/07/02/remarks-president-discussion-affordable-care-act-nashville-tn> (date of access: 25.04.2017).
6. Remarks by President Trump in Joint Address to Congress. 2017. 28 Febr. URL: <https://www.whitehouse.gov/the-press-office/2017/02/28/remarks-president-trump-joint-address-congress> (date of access: 03.05.2017).
7. Remarks by President Trump in a Listening Session on Healthcare. 2017. 13 March. URL: <https://www.whitehouse.gov/the-press-office/2017/03/13/remarks-president-trump-listening-session-healthcare> (date of access: 2.05.2017).
8. Remarks by President Trump on the Health Care Bill. 2017. 24 March. URL: <https://www.whitehouse.gov/the-press-office/2017/03/24/remarks-president-trump-health-care-bill> (date of access: 03.05.2017).
9. Alefirenko N. F. Metodologicheskie osnovaniya issledovaniya problemy verbalizatsii kontsepta // Vestn. VGU. Ser.: Gumanitarnye nauki. 2004. № 2. S. 60—66.
10. Blokh M. Ya. Problema ponyatiy kontsepta i kartiny mira v filosofii yazyka // Prepodavatel' XXI vek. 2007. № 2. S. 101—105.
11. Blokh M. Ya. Diktema v urovnevoy strukture yazyka // Voprosy yazykoznanija. 2000. № 4. S. 55—66.
12. Gifis S. H. Dictionary of Legal Terms. A Simplified Guide to the Language of Law. — New York : Barron's Educational Series, Inc., 1998. 580 p.
13. Huberfeld N., Roberts J. L. Health Care and the Myth of Self-Reliance // Boston College Law Review. 2016. Vol. 57. P. 1—60.
14. Macmillan Dictionary Online. URL: <http://www.macmillandictionary.com/dictionary/british/> (date of access: 24.04.2017).
15. MPH@GW Staff. What's the difference between equity and equality? 2016. 17 June. URL: <https://publichealthonline.gwu.edu/blog/equity-vs-equality/> (date of access: 24.04.2017).
16. Online Etymology Dictionary / © 2010 Douglas Harper. URL: http://www.etymonline.com/index.php?allowed_in_frame=0&search=equity (date of access: 24.04.2017).
17. Tovino St. A. The Grapes of Wrath: on the Health of Immigration Detainees // Boston College Law Review. 2016. Vol. 57. P. 167—227.
18. Siegel N. S. Free Riding on Benevolence: Collective Action Federalism and the Minimum Coverage Provision // Law and Contemporary Problems. 2012. Vol. 75. № 3. P. 29—74.

Ю. А. Антонова

Чанчунь, КНР

Н. Б. Руженцева

Екатеринбург, Россия

МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫЙ ОКОЛОПОЛИТИЧЕСКИЙ НАРРАТИВ В ПЕЧАТНЫХ И ЭЛЕКТРОННЫХ СМИ

АННОТАЦИЯ. В статье рассматривается феномен околополитического нарратива — совокупности текстов, не имеющей общественной значимости, сюжета и обладающей рядом специфических признаков. Межнациональный околополитический нарратив анализируется на материале такого крупного политического события, как победа на президентских выборах Дональда Трампа. Установлено, что тематикой околополитического нарратива в печатных СМИ являются камерные сюжеты — личная жизнь политика, факты из его биографии, описание внешности, близкие родственники, различного рода комментарии по вопросам, косвенно относящимся к собственно политической деятельности. Ведущей интенцией околополитического нарратива является гедонистическая интенция, направленная на то, чтобы привлечь внимание адресата не столько к фигуре самого политика, сколько к самому изданию, повысив с помощью камерных сюжетов читательский интерес. Жанровый корпус околополитического нарратива в известной степени соотносится с изданиями, ориентированными на идеологию разговорной речи. Это тексты-мнения, в которых тезис не подкреплён или слабо подкреплён фактологическими аргументами: слухи, комментарии, сплетни, скандалы, прогнозы, мистификации, приметы и др. В своде электронных СМИ свидетельствует о том, что ведущей интенцией текстов, косвенно относящихся к избранию Д. Трампа президентом США, также является гедонистическая интенция, направленная на привлечение внимания читателя к сайту, на котором размещены неофициальные высказывания о политике. Материал электронных СМИ свидетельствует о субъективном характере интерпретации фактов и о многоголосии текстов, отражающих разные точки зрения на фигуру Д. Трампа. Неофициальные высказывания соотносимы с публицистическим стилем и содержат аппликации разговорных элементов. В текстах отмечены черты эссеистической манеры письма, а также иная, чем в политическом нарративе, прагматическая функция агрессии и иронии. Основной целью агрессии в политическом нарративе является запугивание, в околополитическом же нарративе агрессия — это своеобразный ай-стоппер, средство привлечения внимания. Ирония в политическом нарративе — это насмешка, одно из важнейших средств уничтожения политического противника, в околополитическом же нарративе ирония соотносится с шуткой. В целом объём текстов, косвенно связанных с политиком, но не имеющих общественной значимости, постоянно увеличивается. Подобные тексты сопровождают собственно политический нарратив и постепенно приобретают черты цельноформировавшейся разновидности политического дискурса.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политический нарратив; околополитический нарратив; СМИ; электронные СМИ; медиатексты; медиадискурс; средства массовой информации; язык СМИ; политический дискурс; политические деятели; американские президенты.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ: Антонова Юлия Анатольевна, кандидат филологических наук, доцент, факультет русского языка, Цзилиньский институт иностранных языков «Хуацяо»; 130117, Китай, провинция Цзилинь (Гирич), г. Чанчунь, ул. Цзин Юэ, 3658; e-mail: yulia.rki@ya.ru.

Руженцева Наталья Борисовна, доктор филологических наук, профессор кафедры межкультурной коммуникации, риторики и русского языка как иностранного, Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург); адрес: 620017, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26, к. 285; e-mail: verbalis@mail.ru.

Традиционно под нарративом понимается любой повествовательный текст. Чтобы текст считался нарративом, в нем, по мнению О. А. Леонтович, должны присутствовать «повествователь/рассказчик, слушатель/читатель, персонажи, последовательность событий, переживаемых персонажами, каузальные отношения между ними, завершенность сюжета, отношение повествователя к тому, о чем идет речь» [Леонтович 2011: 93].

Сказанное безоговорочно может быть отнесено к событийному рассказу как разновидности нарратива или к иным художественным нарративным жанрам, однако «в настоящее время более популярно более широкое понимание нарратива, охватывающее литературные и нелитературные, художественные и нехудожественные, вербальные и невербальные повествования» [Там же: 94]. Как следствие, репертуар нарративов (нарратив исторический, юридический, медицинский и т. д.) включает в себя и такой формат, как политический нарратив.

Термин «политический нарратив» имеет ряд дефиниций. Приведем наиболее известные, с нашей точки зрения, определения этого понятия.

- «Под политическим нарративом понимается совокупность дискурсивных образований разных жанров, сконцентрированных вокруг определенного политического события» [Шейгал 1998]. «В качестве политического нарратива — сверткста рассматривается избирательная кампания, политический скандал, парламентские дебаты по определенной проблеме. Политическому нарративу — свертксту присущи такие характеристики, как общественная значимость сюжета, сюжетная двуплановость... сочетание первичных и вторичных текстов, множественность повествователей и, в связи с этим, сочетание содержательного единства с множественностью модальных установок» [Шейгал 2007: 87].

- «В рамках коммуникативного события метафора персонификации представляет нарратив как субъект дискурса в его темпоральной динамике, проходящий определен-

ные этапы своей „дискурсивной жизни“... Политический нарратив представляет собой текст лозунгового типа, содержащий в качестве понятийного ядра ключевые концепты актуального политического дискурса. В отличие от лозунга, за мини-текстом нарратива стоит развернутый текст культуры» [Там же].

• «Политический нарратив — это совокупность политических текстов разных жанров (листовка, лозунг, митинг, речь, партийная программа, аналитическая статья, телеинтервью и др.), сконцентрированных вокруг определенного политического события... Политический нарратив всегда существует в определенной политической ситуации и завершается вместе с изменением ситуации. Для политического нарратива характерны тематическое единство, общая событийная канва... локализованность во времени» [Чудинов 2006: 77—78].

Из сказанного следует, что политический нарратив в трактовке разных исследователей имеет несколько общих признаков. Он:

- сконцентрирован вокруг одного политического события / ситуации;
- развернут и локализован во времени;
- характеризуется общественной значимостью сюжета;
- реализует воздействующую интенцию;
- соотносим с определенным набором жанровых форм, и прежде всего с лозунгами.

В последнее десятилетие, наряду с политическим нарративом, в печатных и электронных СМИ появляется смежное явление, которое можно с известной долей условности назвать околополитическим нарративом. Под околополитическим нарративом в самом общем виде мы понимаем дискурсивный феномен:

- сконцентрированный вокруг одного политического события;
- развернутый во времени;
- сюжет которого не имеет прямой общественной значимости;
- реализующий гибридную (гедонистическую) интенцию, включающую в разных соотношениях информационную, ироническую, развлекательную, интерпретационную составляющие;
- соотносимый с неопределенным набором текстов нелозунгового характера, которые могут не иметь точного жанрового статуса.

В связи с понятием «общественная значимость» следует акцентировать внимание на том, что «в основе воздействия в сфере массовой коммуникации, несомненно, лежит присвоение адресатом содержащейся в тексте и значимой для него информации» [Платонова, Виноградов 1998: 255]. В свою очередь, под прямой общественно-политиче-

ской значимостью текста мы понимаем направленность последнего на освещение такой значимой информации, как собственно политические преобразования, связанные с фигурой того или иного политика или деятельностью партии. Основной функцией такого текста является формирование убеждений, мировоззрения потребителя политической информации. Косвенную же общественно-политическую значимость текста мы рассматриваем прежде всего как его направленность на привлечение внимания адресата к фигуре того или иного политика. Ведущей функцией таких текстов является гедонистическая: авторы стараются доставить удовольствие реципиенту самим процессом общения посредством СМИ и тем самым повысить привлекательность СМИ в глазах читателя.

В связи с межнациональным характером рассматриваемой в статье группы текстов хотелось бы заметить, что межнациональность присуща всем текстам, которые в той или иной мере касаются взаимодействия людей различных национальностей. Если мы пишем (говорим) для них, о них, совместно с ними, а они, в свою очередь, пишут (говорят) для нас, о нас, совместно с нами, то речь идет именно о взаимодействии людей двух или нескольких национальностей, которое может быть межличностным, межинституциональным, межъязыковым, межтекстовым и междискурсивным [Руженцева, Антонова 2013: 12]. Материалом данной статьи является корпус печатных и электронных текстов, связанных с единой политической ситуацией — избранием Д. Трампа на пост Президента США. Материал взят из электронных СМИ и массовых печатных изданий («АИФ», «АИФ-Урал», «Экспресс-газета», «Московский комсомолец» за март — июль 2017 г.). Таким образом, мы имеем дело с опосредованным межнациональным взаимодействием президента США Д. Трампа и современных российских СМИ, интерпретирующих его фигуру в ракурсе менталитета, аксиологии и языкового сознания российских авторов.

Следует заметить, что при анализе околополитического нарратива мы использовали не только понятие «жанр» (ввиду неопределенности жанрового статуса многих высказываний и их фрагментарности), но и понятие «текст», которое широко употребляется в научном обиходе вне его соотносительности с определенной жанровой формой [Болотнова 1999; Гальперин 1981; Майданова 2009; Чернухина 1987].

При анализе околополитического нарратива в печатных СМИ нами была предпри-

нята попытка проследить пути выхода этой совокупности текстов за рамки нарратива политического. К таким направлениям можно, с нашей точки зрения, отнести:

- количественное (увеличение объема и количества текстов, связанных с политиком, но имеющих косвенную общественную значимость);
- жанровое;
- прагмастилистическое;
- синкретическое (соединение в одном тексте фрагментов, имеющих прямую и косвенную общественно-политическую значимость).

Попытаемся проиллюстрировать сказанное.

1. Количественное направление

Тексты, сгруппированные вокруг фигуры политика, однако имеющие косвенную общественно-политическую значимость, неуклонно увеличиваются в количестве (в проанализированных изданиях их примерно 15) и в объеме: от 30—40 слов до 3000 и более. Так, публикация «Гламур в Белом доме» (МК. РРЕ. 1—8 марта, 2017), имеющая подзаголовок «Какой первой леди может стать Мелания Трамп», содержит более 3000 слов. Об околополитическом характере статьи свидетельствуют как ее тема (информация о жене Д. Трампа), так и система подзаголовков, читаемых как мини-текст и отражающих основное содержание публикации:

*Во всех позах
Бизнес-леди не помеха
Белого дома хозяйки
Главная мама*

2. Жанровое направление

Жанровый корпус околополитического нарратива постоянно расширяется, включая в себя формы, не свойственные политическому дискурсу. Приведем примеры.

Светские новости (события из жизни звезд)

В хите BON APPÉTIT Перри поет: „Мои бриллианты изменяют климат“. Но за пределами шоу-бизнеса она далека от шуток на серьезные темы. После недавнего мудрого решения Дональда Трампа выйти из Парижского соглашения по климату зомбированная пропагандой Кэти обратилась к президенту: „Я умоляю вас подумать о ваших детях и всех других детях мира» (Экспресс-газета. 2017. № 25).

Иронический редакционный комментарий

• **КОШКИ-МЫШКИ**

Д. Трамп, президент США: «Настоящий скандал (с компроматом на экс-советника М. Флинна). — Ред.) в том, что секретную информацию „разведка раздает, как конфетки“».

— Раньше был скандал со сбором данных — даже на ближайших союзников. Теперь с раздачей. Дальше, видимо, начнут продавать? „Кому фото из спальни Ангелы Меркель, недорого?“ (АИФ. 2017. № 9).

• **АМБИЦИИ РАЗБИТОГО КОРЫТА**

В. ЖИРИНОВСКИЙ, лидер ЛДПР: „Половина американцев голосовала за другую внешнюю политику. Если Трамп будет так нарушать свои обещания, то импичмент неизбежен. Тогда мы будем пить шампанское уже за импичмент“.

— Советуем быть осторожнее. Если начать пить за каждый поворот в непредсказуемой политике США, есть риск посадить печень (АИФ. 2017. № 16).

Комментарий специалиста

Примером может служить комментарий пластического хирурга по поводу изменения лица и фигуры Иванки Трамп — дочери Д. Трампа: «Иванка Трамп. Как хомячку обернуться красавицей» (Экспресс-газета. 2017. № 10), ср. вступительное слово редакции: *35-летняя Иванка, пожалуй, самая известная из пяти детей американского президента Дональда Трампа. Как только девочка подросла, ее постоянно пытались представить безалаберной прожигательницей жизни вроде Пэрис Хилтон. Да только Иванка с алкоголем и наркотиками не дружила, ПДД не нарушала, скандалов не закатывала. С отличием окончила Пенсильванский университет, в юности работала моделью, позже удачно занялась бизнесом, вышла замуж за еврея-миллионера, родила троих детей. Избалованную дочку богатого папы в ней выдает одно: число пластических операций. Проследить все этапы изменения лица и фигуры Иванки нам помог пластический хирург Сергей Колесов.*

Иронический прогноз

В качестве примера приведем фрагмент интервью: *„Трамп договорится с Путиным, а Порошенко останется с носом“ — уверен профессор Борис Хигер (Экспресс-газета. 2017. № 10):*

— Борис Юзикович, Владимир Путин сможет договориться с Трампом? Отношения между Россией и США станут лучше?

— Путин родился в год Дракона. А Трамп — в год Собаки. Вообще, Дракон с собакой не очень уживаются. Но если

брать по месяцам рождения (октябрь у Путина и июнь у Трампа), то здесь все замечательно. Они будут вести диалог и найдут общий язык. У США и России есть общий враг — терроризм. Вот это нас и объединит.

Слухи, байки

ТРАМП ГОЛОСИСТЫЙ

— Говорят, что кто-то из уральцев назвал Трампом петуха. Или это байка?

— Назвать петуха по фамилии американского президента пенсионерка из поселка Полеводство Свердловской области решила на волне интереса к выборам в США. За новостями женщина следит регулярно. „Петуха мне подарили на день рождения, когда он был еще цыпленком. Гляжу — ну вылитый Трамп! Такой же рыжий, с пышными бровями“, — рассказывает Галина Ивановна (АИФ-Урал. 2017. № 9).

Мистификация, непроверенная информация

Колдуй, баба, колдуй, дед

Противники Дональда Трампа нашли верный, по их мнению, способ вытурить законно избранного президента из Белого дома. Несколько десятков ведьм и колдунов должны одновременно призвать демонов, дабы те лишили Трампа возможности говорить и действовать. Выполнять ритуал следует ежемесячно и в полночь на убывающую луну, пока президент не будет отстранен от должности. Для синхронности действий решили использовать соцсети — тоже, можно сказать, адское изобретение. В ответ представители христианских общин обещали молиться за Дональда и его окружение, дабы ничего плохого с ними не случилось (Экспресс-газета. 2017. № 10).

Приметы

Трамп прошел хорошую армейскую службу. Мочки его ушей срослись с задней стенкой челюсти — это говорит о большой выносливости. А форма носа, кстати, свидетельствует о доброте (Экспресс-газета. 2017. № 10).

Кроме сказанного, следует упомянуть о нарастающей жанровой амальгамности (синкретизме) текстов, входящих в околополитический нарратив, и о реализации в них эссеистической манеры письма. «Эссе держится как целое именно энергией взаимных переходов, мгновенных переключений из образного ряда в понятийный, из отвлеченного — в бытовой» [Эпштейн 1987: 126]. Примером может служить переключение бытового и отвлеченного рядов в статье о Мелании Трамп, обеспечивающее текстовый синкретизм — сочетание общественно значимой и общественно не значимой инфор-

мации:

В 2005 году пара поженилась. Дональд всегда гордился своей бережливостью и хвастался тем, что получил чрезвычайно дорогое обручальное кольцо с 50 % скидкой (в обмен на рекламу ювелирной фирмы), а повар готовил для гостей бесплатно. // С недавнего времени супруги президентов или кандидатов на этот пост начали служить в качестве «суррогатов» во время предвыборных кампаний (это название в Америке широко используется и не считается оскорбительным). Кандидат в президенты просто физически не может поспеть во все города страны. Поэтому вместо него на агитационных мероприятиях часто выступают вторые половины, родственники или соратники. Чем более известная и уважаемая персона принимает на себя роль „суррогата“, тем больше политических очков она добавляет своему кандидату. Мишель Обама, например, была одним из главных „суррогатов“ Хилари Клинтон на прошедшей предвыборной гонке (МК. РРЕ. 1—8 марта 2017).

В целом жанровый корпус и тематика околополитического нарратива в настоящее время расширяются — создатели подобных текстов стараются не упустить ни одной точки зрения и воплотить ее посредством разнообразных форм.

3. Прагмастилистическое направление

Стилистика околополитического нарратива складывается под влиянием процессов и приемов, используемых в настоящее время и в политическом нарративе печатных СМИ: «Широкое распространение получают средства не прямой, подтекстовой оценки, ирония и др. Весь этот комплекс проблем (речевая агрессия, речевые стратегии и тактики, разнообразные политические приемы, вообще риторический, прагматический аспекты) весьма актуален» [Солганик 2012: 19].

Сказанное свидетельствует о том, что стилистика политических текстов, входящих в дискурс печатных СМИ, во многом определяется его прагматикой. Так, рассматривая коммуникативную стратегию как лингвопрагматическую категорию политического дискурса, целый ряд исследователей выделяет стратегию дискредитации и стратегию презентации политика [Клушина 2012: 271]. Однако прагматика, а отсюда и стилистика околополитического нарратива иные. Цель этой совокупности текстов — заинтересовать адресата, развлечь его и тем самым привлечь внимание к тому или иному изданию. Попытаемся продемонстрировать сказанное на примере сопоставления агрессии и иронии в

политическом и околополитическом нарративах.

ПОЛИТИЧЕСКИЙ НАРРАТИВ. В политическом нарративе «речевая агрессия поддерживает социальное и психологическое неравноправие коммуникантов, она направлена на снижение социального статуса адресата, его подчинение, на отрицательное эмоциональное воздействие, прежде всего запугивание» [Солганик 2012: 19]. Ср.: *Трамп откопал топор войны // Чем грозит России увеличение оборонного бюджета США* (МК РРЕ. 15—22 марта 2017); *Трамп должен получить по зубам за Сирию // Иначе Россия окажется в глухой обороне на всех фронтах* (Экспресс-газета. 2017. № 15).

ОКОЛОПОЛИТИЧЕСКИЙ НАРРАТИВ (интенция — развлечение).

— *Обама, покинувший Белый дом, будет строить козни Трампу?*

— *Обязательно. Обама же Крыса. Подлый и трусливый* (Экспресс-газета. 2017. № 10).

В целом речевые репрезентации агрессии в околополитическом нарративе — это своеобразные ай-стопперы, точки привлечения внимания. Подобную функцию реализует и ирония. В политическом нарративе ирония является «одним из средств уничтожения противника» [Демьянков 2012: 106]. В околополитическом нарративе ирония употребляется для создания смехового эффекта. В политическом нарративе ирония соотносима скорее с насмешкой, а в околополитическом — с шуткой, ср.:

Политический нарратив. *Трамп с барабаном и без // Удастся ли миру разгадать нового президента США?* (АИФ. 2017. № 10); *Трамп: бить или не бить? // Каковы у нового президента США шансы на импичмент* (АИФ. 2017. № 24).

Околополитический нарратив. *Кэти Перри не даст спуска Трампу* (Экспресс-газета. 2017. № 25).

Перейдем к анализу околополитического нарратива в **электронных СМИ**. В качестве материала мы использовали подборку публикаций М. Воложанина «27 колоритных фактов о Дональде Трампе» [Воложанин].

Попытка исследования околополитического нарратива в электронных СМИ имеет в данной статье комплексную (лингвистическую и лингвопрагматическую) направленность, поэтому при анализе текстов мы учитывали их 1) ведущую интенцию; 2) тематическую составляющую; 3) прагматические категории (характер интерпретации события/фигуры; голос/голоса авторов, стоящего за текстом); 4) особенности речевой организации текста.

1. Тексты с ведущей информационной

интенцией

● *Фамилия Трамп переводится как „козырь“. Это обстоятельство Дональду всегда нравилось, и он часто каламбурит сам про себя на этот счет. А изначально она звучала как Трумпф — так слово „козырь“ будет по-немецки. В Америку фамилию привез из Ренланд-Пфальца дедушка Дональда.*

Тема текста — этимологическая и биографическая информация о фамилии президента. Характер интерпретации субъективно-авторский (приписывание Д. Трампу авторского мнения: *Это обстоятельство Дональду всегда нравилось*). Текст двухголосный (две речевые партии — автора и Д. Трампа: *Он часто каламбурит сам про себя на этот счет*). Речевая организация текста предусматривает характерные для разговорной речи «непосредственность общения и отсутствие между его участниками официальных отношений» [Солганик 1995: 112] и легкий юмор (ассоциации: *козырь — козырный* — мнение Трампа о самом себе).

● *Успех Трампа во многом объясняется тем, что огромное количество американцев очень хорошо с ним знакомы. И дело даже не в вездесущей империи Трампа, а в том, что уже много лет он является одним из самых популярных шоуменов американского телевидения. Он вел многие всенародно любимые программы, и в созерцании его лица на экране выросло великое множество американцев, которым он, считай, родной человек.*

Тема текста — биографические сведения о Д. Трампе, косвенно относящиеся к собственно политической деятельности. Характер интерпретации — субъективно-авторский, усиливается легким юмором. Текст многоголосный — речевые партии автора и множества американцев. Речевая организация близка к публицистическому стилю с аппликацией разговорной конструкции (*которым он, считай, родной человек*).

● *Уже много лет Трамп спит всего лишь 4 часа в сутки, и ему этого хватает. Некоторые критики осторожно намекают, что хронический полувекковой недосып привел к некоторым, ммм... проблемам с менталитетом Дональда и именно этим объясняется его экстравагантность. Но вообще Дональд в свои 69 лет здоров как бык: он почти никогда не болеет, весит 100 кг при росте 192 см и просто пыхтит энергией.*

Тема текста — сведения о физическом состоянии Д. Трампа. Характер интерпретации — субъективно-авторский, усиливается юмором. Текст двухголосный — речевые партии автора и **некоторых критиков**. Ре-

чевая организация имитирует устную разговорную речь: *...привел к некоторым, ммм... проблемам с менталитетом; здоров как бык.*

2. Тексты с ведущей иронической интенцией

- *Своей прическе, в отличие от жен, Трамп не изменял с высшей школы — это его фишка. Странно выкрашенная, актуальная, как панталоны со штрипками, побитая молью — это все не важно. Зато каждый в Америке при виде шерстистого козырька воскликнет: „Ба! Да это же Дональд Трамп!“*

Тема текста — черта внешнего облика Д. Трампа. Интенция — ироническая. Характер интерпретации — субъективно-авторский: пробуждение ассоциаций типа «старомодный», «консервативный» посредством иронического комментария: *прическа Трампа актуальная, как панталоны со штрипками, побитая молью*. Текст двухголосный — 2 речевые партии (автора и массы американцев). Речевая организация имеет лексические и синтаксические черты разговорной речи (*это его фишка; „Ба! Да это же Дональд Трамп“*).

- *Трамп обращается к детям. Такой вывод сделали в Carnegie Mellon University в ходе исследования, которое изучало словарь и стилистические приемы, использовавшиеся последним десятком президентов в их предвыборных речах. Все президенты беседовали со своими избирателями, так сказать, присев на корточки. Спичрайтеры и имиджмейкеры тщательно обрабатывают тексты так, чтобы их могла понять самая широкая публика. Чтобы никаких непонятных слов, сложных логических конструкций и прочих ужасов высшего образования. Но если Буши, Обама и прочие Клинтонеры обычно использовали словарь, соответствующий норме школьника 7—8 классов, то Трамп обращается максимум к пятиклассникам. Например, старается как можно реже употреблять слова длиннее двух слогов. Единственное трехсложное слово, часто мелькающее в его речах, это „Америка“. Но тут уж ничего не поделаешь, избежать этого слова довольно трудно.*

Тема текста — специфика речи Д. Трампа. Интенция — ироническая (иронический комментарий: *чтобы никаких непонятных слов, сложных логических конструкций и прочих ужасов высшего образования*); характер интерпретации — субъективно-авторский (Трамп обращается максимум к пятиклассникам). Текст многоголосный — речевые партии автора и исследователей выступлений президентов США. Речевая организация

текста включает разговорные элементы (*Все президенты беседовали со своими избирателями, так сказать, присев на корточки*).

- *Дональд любит жениться на красивых моделях намного моложе себя. Грех, в общем, понятный и простительный. Вот его жены в порядке убывания. Что характерно, первая и третья жены — славянки: чешка и словенка.*

Тема текста — личная информация о Д. Трампе, сведения о его браках. Заметим, что подобная информация является типичной для гляцевых журналов: «Ключевыми для гляцевых изданий выступают понятия „мужчина“ и „женщина“ — в социально-психологическом, а не в биологическом аспектах» [Потсар 2007: 73]. Как следствие, интенция имеет смешанный характер: информационный и воздействующий (ироническая презентация жен Трампа: *вот его жены в порядке убывания*). Характер интерпретации — субъективно-авторский: *Грех в общем-то понятный и простительный*. Текст одноголосный (речевая партия принадлежит автору). Речевая организация текста близка к разговорной речи — короткие предложения, более свободные, чем в книжной речи, словосочетания.

3. Тексты с ведущей развлекательной интенцией

- *Любимый спорт Трампа — рестлинг. Да-да, те самые крутые клоуны с силиконовыми мышцами. Он часто вел рестлершоу и дружил с владельцем рестлерской ассоциации WWE Винсом Макмэнном. Впрочем, сам Трамп в боях сейчас, слава богу, не участвует, предпочитая отдыхать с клюшкой для гольфа. Для бизнеса этот вид спорта полезен, так как именно на гольфполях знакомятся и щебечут сильные мира сего.*

Тема текста — личная информация о Д. Трампе (его увлечения). Интенция имеет смешанный информационно-развлекательный характер (высказывание ближе скорее к шутке, чем к насмешке). Характер интерпретации — субъективно-авторский (*...сам Трамп в боях сейчас, слава богу, не участвует*). Текст одноголосный (речевая партия принадлежит автору). Речевая организация высказывания близка к разговорной речи: *щебечут сильные мира сего*.

4. Тексты с ведущей интерпретационной интенцией

- *Сейчас разгорается дискуссия, насколько Дональд Трамп соответствует персонажу знаменитого бестселлера Стивена Кинга „Мертвая зона“ — Грегу Стилсону. По книге, Стилсон — бывший комми-*

вожжер, абсолютно беспринципный мерзавец, который использует свой талант продавца в предвыборной гонке и готовится привести мир к ядерной катастрофе. Сходство и правда велико, особенно в описании того, что Стилсон говорит, какой окружает себя охраной и как проводит митинги. Но не стоит забывать, что внешне политика в США и правда во многом похожа на работу хорошего коммивояжера, когда речь идет о публичных выступлениях. Тем не менее параллель, конечно, выглядит пугающей.

Тема текста — сопоставление Д. Трампа с героем книги С. Кинга. Интенция реализуется при сопоставлении Д. Трампа с Греггом Стилсоном (параллель, конечно, выглядит пугающей). Текст многоголосный — речевые партии автора, героя книги Кинга и безымянных участников дискуссии. Речевая организация текста близка к публицистическому стилю с аппликациями разговорных элементов (*Сходство и правда велико*).

• *Дональд Трамп написал пять популярных книг про бизнес. Их многие покупают, потому что данные слова написал в таком порядке самый настоящей миллиардер, а для книг про бизнес это кое-что да значит. Но, судя по всему, книги писались в основном литературными рабами, потому что получились вполне скучными. Зато лекции для студентов бизнес-школ у Трампа получаются отличные, многие университеты мечтают получить его курс. Он вообще человек звука и шоу, а не текста.*

Тема текста — литературное творчество Д. Трампа и его преподавательская деятельность. Интенция интерпретационно-информирующая, направленная на трансляцию авторского мнения: *Он вообще человек звука, а не текста*. Характер интерпретации — субъективно-авторский (*книги... получились вполне скучными*). Текст многоголосный: речевые партии автора, покупателей книг Трампа, университетов, которые мечтают получить его курс. Речевая организация текста близка к публицистическому стилю с аппликациями разговорных элементов (*кое-что да значит*) и легким юмором (*данные слова написал в таком порядке самый настоящий миллиардер*).

Таким образом, текстовые фрагменты, входящие в состав околополитического нарратива в электронных СМИ, отличаются: а) тематическим разнообразием, однако предмет речи лишь косвенно затрагивает деятельность Д. Трампа как политика; б) реализуют 4 основные интенции (информационную, развлекательную, ироническую и интерпретационную) в разном соотноше-

нии; в) имеют субъективно-авторский характер интерпретации фактов; г) являются скорее многоголосными (отражают разные точки зрения); д) написаны в рамках публицистического стиля с аппликацией разговорных элементов.

Что касается жанровой идентификации текстов, входящих в подборку М. Вологжина, то в наибольшей степени они соотносятся с такими жанрами, как комментарий того или иного факта, описание, биография, скандал и прогноз. Приведем примеры двух последних разновидностей.

СКАНДАЛ. *Один из самых громких скандалов предвыборной кампании Трампа случился первого марта в Кентукки. Тогда охрана политика — здоровые белые мужики в форме — побили чернокожую протестантку, пришедшую на митинг с плакатом, обвинявшим Трампа в расизме.*

ПРОГНОЗ. *Иммигранты и выходцы из Латинской Америки тоже не станут для Трампа лояльной аудиторией. Один из его гениальных планов — построить на границе с Мексикой гигантскую стену и вышвырнуть за нее всех нелегалов с их потомством, вне зависимости от того, где и когда их дети родились и имеют ли они гражданство.*

Подобные формы, как и те, которые отмечены в печатных СМИ, соотносимы прежде всего с жанровым корпусом изданий, ориентированных на «идеологию речевого поведения, сложившуюся в сфере разговорной речи. Это идеология речевого поведения повседневной бытовой жизни, где господствует межличностная неофициальная коммуникация» [Коньков 2007: 58].

Как было сказано выше, тематика околополитического нарратива, сложившегося вокруг фигуры Д. Трампа, соотносится с группой текстов, сюжеты которых не имеют общественной значимости. Это личная жизнь политика, его биография, внешность, близкие люди и их частная жизнь, а также различного рода комментарии по вопросам, не относящимся к политической деятельности. Ведущей интенцией текстов, входящих в состав околополитического нарратива, является гедонистическая. Она имеет сложную природу и в разных соотношениях включает в себя информационную, ироническую, интерпретационную, развлекательную составляющие. Гедонистическая интенция направлена на то, чтобы тексты приносили удовольствие адресату, пробуждали его интерес не столько к политику, сколько к изданию или интернет-сайту. Жанровый корпус околополитического нарратива включает в себя прежде всего тексты-мнения, в которых те-

зис слабо подкреплён фактологическими аргументами. К таким текстам относятся сплетни, слухи, неформальные комментарии, скандалы, прогнозы, мистификации, приметы и иные формы, широко употребляемые в изданиях, ориентированных на идеологию разговорной речи. В целом массив текстов, которые можно, с нашей точки зрения, отнести к околополитическому нарративу, постоянно расширяется: околополитический нарратив возникает вокруг многих крупных политических фигур и событий и существует рядом с собственно политическим нарративом как оригинальный дискурсивный феномен.

ЛИТЕРАТУРА

1. Болотнова Н. С. Основы теории текста. — Томск : Изд-во Том. гос. пед. ун-та, 1999.
2. Вологжанин М. 27 колоритных фактов о Дональде Трампе! // Maxim. URL: http://www.maximonline.ru/longreads/get-smart/_article/donald-trump/.
3. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. — М. : Наука, 1981.
4. Демьянков В. З. Исследование текста и дискурса СМИ методами контрастивной политологической лингвистики // Язык СМИ и политика. — М. : МГУ, 2012. С. 77—120.
5. Коньков В. И. Книжное и разговорное начало в средствах массовой информации // Русская речь в средствах мас-

совой информации: стилистический аспект. — СПб. : СПбГУ, 2007. С. 56—63.

6. Клущина Н. И. Власть, СМИ и общество (стратегии и тактики формирования общественного мнения) // Язык СМИ и политика. — М. : МГУ, 2012. С. 262—283.
7. Леонтович О. А. Методы коммуникативных исследований. — М. : Гнозис, 2011.
8. Платонова О. В., Виноградов С. И. Прагматика и риторика дискурса в периодической печати. Сфера субъекта и выражение оценки // Культура русской речи. — М. : Норма-Инфра, 1998. С. 253—264.
9. Потсар А. Н. Речевое воздействие в глянцевах изданиях // Русская речь в средствах массовой информации: стилистический аспект. — СПб. : СПбГУ, 2007. С. 71—78.
10. Руженцева Н. Б., Антонова Ю. А. Межнациональный дискурс: модель в контексте эпохи / Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2013.
11. Солганик Г. Я. Введение // Язык СМИ и политика. — М. : МГУ. С. 5—26.
12. Солганик Г. Я. Стилистика русского языка. — М. : Дрофа, 1996.
13. Чернухина И. Р. Общие особенности поэтического текста. — Воронеж : ВГУ, 1987.
14. Чудинов А. П. Политическая лингвистика. — М. : Флинта : Наука, 2006.
15. Шейгал Е. И. Многоликий нарратив // Политическая лингвистика. 2007. Вып. 2 (22). С. 86—93.
16. Шейгал Е. И. Политический скандал как нарратив // Языковая личность: социолингвистические и эмотивные аспекты. — Волгоград : ВГПУ : СГУ, 1998. С. 55—68.
17. Эпштейн М. Законы свободного жанра (эссеистика и эссеизм в культуре нового времени) // Вопросы литературы. 1987. № 7. С. 120—152.

Yu. A. Antonova,
Changchun, China

N. B. Ruzhentseva
Ekaterinburg, Russia

INTERNATIONAL PARAPOLITICAL NARRATIVE OF PRINT AND ELECTRONIC MEDIA

ABSTRACT. *The article discusses the phenomenon of parapolitical narrative – a collection of texts of no social importance and plot, but having some specific features. International parapolitical narrative is analyzed on the basis of texts devoted to election victory of Donald Trump, which is the important political event. It is found that the topics of parapolitical narrative in print media are rather personal – private life of the politician, his biography, description of his appearance, close relatives, and comments on the questions having no direct relation to politics. The main intention of parapolitical narrative is hedonistic intention aimed at attraction of attention not to the politician but to the media itself, which is achieved through publication of personal information. The genres of parapolitical narrative are similar to the media focused on the ideology of colloquial speech. They include opinion-texts, where the main idea is not supported by the facts: gossip, comments, scandal, forecasts, mystification, omens, etc. The analysis of electronic media, in its turn, shows that the main intention of the texts, which are not directly connected with the presidential elections, is also hedonistic intention to attract the readers' attention to the website that publishes non-official data about the politician. The material of electronic media reveals the subjective nature in facts interpretation and polyphony of texts expressing different views on D. Trump. Non-official statements belong to publicistic style and they have colloquial elements. The texts are similar to essays, and they have a different pragmatic function of aggression and irony than is often used in political narrative. The main aim of aggression in political narrative is intimidation, while in parapolitical narrative it is rather an eye-stopper, the means of attention attraction. Irony in political narrative is mockery – one of the main means of political opponent destruction; irony in parapolitical narrative is rather a joke. In general, the number of texts that are related to politics indirectly is growing, but they have no social importance. Such texts are found in political narrative and they gradually acquire the features of a certain type of political discourse.*

KEYWORDS: *political narrative; parapolitical narrative; mass media; electronic media; media text; media discourse; media; mass media language; political discourse; political leaders; American presidents.*

ABOUT THE AUTHORS: *Antonova Yulia Anatolievna, Candidate of Philology, Associate Professor, Department of Russian Language, Jilin University, Jilin Province, Changchun, China.*

Ruzhentseva Natal'ya Borisovna, Doctor of Philology, Professor of Department of Intercultural Communication, Rhetoric and Russian as a Foreign Language, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia.

REFERENCES

1. Bolotnova N. S. Osnovy teorii teksta. — Tomsk : Izd-vo Tom. gos. ped. un-ta, 1999.
2. Vologzhanin M. 27 koloritnykh faktov o Donal'de Trampe! // Maxim. URL: http://www.maximonline.ru/longreads/get-smart/_article/donald-trump/.
3. Gal'perin I. R. Tekst kak ob'ekt lingvisticheskogo issledovaniya. — M. : Nauka, 1981.

4. Dem'yankov V. Z. Issledovanie teksta i diskursa SMI metodami kontrastivnoy politologicheskoy lingvistiki // Yazyk SMI i politika. — M. : MGU, 2012. S. 77—120.

5. Kon'kov V. I. Knizhnoe i razgovornoe nachalo v sredstvakh massovoy informatsii // Russkaya rech' v sredstvakh massovoy informatsii: stilisticheskiy aspekt. — SPb. : SPbGU, 2007. S. 56—63.

6. Klushina N. I. Vlast', SMI i obshchestvo (strategii i taktiki formirovaniya obshchestvennogo mneniya) // Yazyk SMI i politika. — M. : MGU, 2012. S. 262—283.

7. Leontovich O. A. Metody kommunikativnykh issledova-

niy. — M. : Gnozis, 2011.

8. Platonova O. V., Vinogradov S. I. Pragmatika i ritorika diskursa v periodicheskoy pechati. Sfera sub"ekta i vyrazhenie otsenki // Kul'tura russkoy rechi. — M. : Norma-Infra, 1998. S. 253—264.

9. Potsar A. N. Rechevoe vozdeystvie v glyantseykh izdaniyakh // Russkaya rech' v sredstvakh massovoy informatsii: stilisticheskiy aspekt. — SPb. : SPbGU, 2007. S. 71—78.

10. Ruzhentseva N. B., Antonova Yu. A. Mezhnatsional'nyy diskurs: model' v kontekste epokhi / Ural. gos. ped. un-t. — Ekaterinburg, 2013.

11. Solganik G. Ya. Vvedenie // Yazyk SMI i politika. — M. : MGU. S. 5—26.

12. Solganik G. Ya. Stilistika russkogo yazyka. — M. : Drofa,

1996.

13. Chernukhina I. R. Obshchie osobennosti poeticheskogo teksta. — Voronezh : VGU, 1987.

14. Chudinov A. P. Politicheskaya lingvistika. — M. : Flinta : Nauka, 2006.

15. Sheygal E. I. Mnogolikiy narrativ // Politicheskaya lingvistika. 2007. Vyp. 2 (22). S. 86—93.

16. Sheygal E. I. Politicheskii skandal kak narrativ // Yazykovaya lichnost': sotsiolingvisticheskie i emotivnye aspekty. — Volgograd : VGPU : SGU, 1998. S. 55—68.

17. Epshteyn M. Zakony svobodnogo zhanra (esseistika i esseizm v kul'ture novogo vremeni) // Voprosy literatury. 1987. № 7. S. 120—152.

В. П. Джиева, Т. Ю. Тамерьян
Владикавказ, Россия

РЕАЛИЗАЦИЯ КОНЦЕПТОВ *ЕДИНСТВО/ИУДЗИНАД* В ЮГООСЕТИНСКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ В СИТУАЦИИ РУССКО-ОСЕТИНСКОГО ДВУЯЗЫЧИЯ

АННОТАЦИЯ. В статье на материале русского и осетинского языков выявляется содержание концептов «единство/иудзинад», отражающих ключевую идею югоосетинского политического дискурса. Описание концепта «иудзинад» на материале осетинского политического дискурса предпринимается впервые. Концепт «единство» рассматривался М. В. Гавриловой на материале программ политических партий и выступлений российских президентов. Сопоставительное рассмотрение концептов обусловлено тем, что политический дискурс в Республике Южная Осетия реализуется в условиях активного русско-осетинского двуязычия: политическая коммуникация протекает на русском языке и на кударском говоре иронского диалекта осетинского языка, делопроизводство осуществляется как на русском, так и на осетинском языке. Материалом для исследования послужили тексты публичных выступлений А. И. Бибилова — спикера парламента Южной Осетии (в 2015—2017 гг.) и президента Республики Южная Осетия (с 2017 г.), а также материалы СМИ («Единая Осетия»). Анализ репрезентаций концептов в конкретных текстах предваряется этимологической справкой: слова «единство» и «иудзинад» восходят к общему индоевропейскому корню. Лексемы, репрезентирующие концепт русского языка, образуются при помощи префиксов, указывающих на соединение (в том числе ранее разделенных элементов), совместные действия. Установлено, что рассматриваемый концепт представлен в югоосетинском политическом дискурсе следующими когнитивными признаками: общегосударственные интересы и морально-культурные ценности; коллективная идея сохранения национальной идентичности; единый порыв, общее стремление к реализации; воссоединение Южной и Северной Осетии; единство ветвей власти внутри республики; потребность южных осетин в этнической территориальной консолидации.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политический дискурс; языковая личность; концепты; концепты «единство/иудзинад»; русский язык; осетинский язык; когнитивные признаки.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Джиева Варвильна Павловна, аспирант, Северо-Осетинский государственный университет им. К. Л. Хетагурова; 362025, Россия, г. Владикавказ, ул. Ватутина, 44-46; e-mail: jio.varvilina@mail.ru.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Тамерьян Татьяна Юльевна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры иностранных языков для неязыковых специальностей факультета иностранных языков, Северо-Осетинский государственный университет им. К. Л. Хетагурова — СОГУ; 362025, Россия, г. Владикавказ, ул. Ватутина, 44-46; e-mail: tamertu@mail.ru.

Политическая лингвистика активно вбирает в себя эвристики дискурс-анализа и когнитивной методологии, а сфера научного интереса расширяется за счет анализа новых аспектов взаимодействия языка, власти и общества (дискурс терроризма, дискурс «нового мирового порядка», политкорректность, социальная толерантность и др.) [Чудинов 2011: 22].

Одним из направлений политической лингвистики является изучение ключевых концептов политической коммуникации, описание семантико-когнитивных процессов, отражающих изменения общественного сознания, выявление универсальных и национально-культурных особенностей политического дискурса.

По мнению Е. И. Шейгал, восприятие действительности преломляется в сознании языковой личности, отражаясь в языке в виде концептов, которые детерминируются особенностями национальной культуры и личным опытом говорящего. Концептуальная система адресанта получает свое вербальное выражение именно в процессе порождения дискурса, речетворчества, поэтому адекватный анализ составляющих эту систему концептов должен проводиться в рамках коммуникативного подхода [Шейгал 2002: 24].

У каждого народа существует своя специфическая картина мира, отражающая реальные закономерности природы. Под кар-

тиной мира понимается целостный, глобальный образ мира, который является результатом всей духовной активности человека. Такая картина мира может быть различной у представителей разных эпох, национальных, социальных, возрастных групп, может трансформироваться в ходе приобретения новых знаний о мире.

В каждом языке специфически преломляется опыт народа. Значения языковых единиц оказывают влияние на мировосприятие и поведение людей — носителей той или иной лингвокультуры. Единицей лингвокультуры является концепт (А. Вежбицкая, С. Г. Воркачëв, В. И. Карасик, В. В. Колесов, Н. А. Красавский, В. В. Красных, М. В. Пименова, Г. Г. Слышкин, Ю. С. Степанов, Э. Сепир, А. Д. Шмелев). Концепты, принадлежащие политическому сознанию, обладают определенной спецификой (М. Д. Невинская, Н. В. Трошина, А. Э. Сенцов, Ю. А. Шакиров, М. В. Гаврилова, Т. Н. Рогачëва, И. В. Соловей, Е. В. Декленко, К. Г. Перевалова).

В настоящем исследовании вслед за С. Г. Воркачевым концепт мы понимаем как «единицу коллективного знания/сознания (отправляющую к высшим духовным ценностям), имеющую языковое выражение и отмеченную этнокультурной спецификой» [Воркачев 2001: 70].

Политический дискурс, конструируя «по-

литическую реальность», определяет существующую расстановку политических сил в обществе, тем самым устанавливая правила политической игры, что позволяет создавать прогнозируемые перспективы для дальнейшей политической деятельности. Целостное представление политической реальности в Республике Южная Осетия (далее РЮО) возможно через обращение к концептам **единство/уудзинад**.

Описание концепта **уудзинад** на материале осетинского политического дискурса предпринимается впервые. Концепт **единство** рассматривался М. В. Гавриловой на материале программ политических партий и выступлений российских президентов.

Политический дискурс в РЮО реализуется в условиях активного русско-осетинского двуязычия. Политическая коммуникация осуществляется на русском языке и на кударском говоре иронского диалекта осетинского языка. Делопроизводство ведется как на русском, так и на осетинском языках [Джиоева, Тамерьян 2016].

Исследование политической коммуникации в Республике Южная Осетия — новое направление для современной лингвистики [Бекоева, Джиоева, Тамерьян 2015]. В данной работе выявляется содержание концептов **единство/уудзинад**, отражающих специфику югоосетинского политического дискурса, на основе семантико-когнитивного, концептуального, лингвокультурного и коммуникативного методов исследования.

В качестве материала исследования нами привлекались тексты публичных выступлений А. И. Бибилова — спикера парламента (с мая 2015 по апрель 2017 г.), президента РЮО с 2017 г., передающие идеологию дискурса политического лидера, а также материалы СМИ («Единая Осетия»).

Слова **единство** и **уудзинад** восходят к общему индоевропейскому корню **ei-, *i-*. В осетинском языке корень *уу* происходит от иранского **aiva*, а в русском языке **единство** восходит к церковнославянскому **юдинъ**.

В русскоязычной лексикографии начала XX в. слова **единение** и **единство** определяются как синонимы. «Единение» толкуется как **соединение; согласие и единство; единомыслие**. «Единство» означает **свойство единого, составляющего одно целое; единомыслие, единомыслие** [Даль 1994]. Иными словами, общими для синонимов были семы общего духовного и ментального планов. В XX в. лексические значения данных слов претерпели ряд изменений. В «Толковом словаре русского языка» под ред. С. И. Ожегова **единение** определяется как **тесная связь; союз; сплоченность** (слово снабжено

стилистической пометой *высокое*). **Единство** толкуется как **цельность, нераздельность; неразрывность связи; общность, полное сходство, совпадение** [Ожегов 1982]. Общими сематами для слов **единство** и **единение** стали *'нераздельность', 'полное сходство'*.

Лексема **уудзинад** появилась в осетинорусских словарях во второй половине XX в. в значении **единство, сплоченность народа** [Касаев 1993]. В толковом словаре осетинского языка слово **уудзинад** отсутствует.

В ядро номинативного поля концептов **единство/уудзинад** входят лексеммы **единство, единение, граждане, народ; мах** «мы».

Среди составляющих номинативного поля концептов **единство/уудзинад** выделяются следующие русскоязычные и осетинорусские номинации: прямые номинации — **единство, единение/уудзинад** «единение»; производные номинации — **объединение, воссоединение, соединение/æсиуудзинад** «соединение»; однокоренные слова, единицы разных частей речи, словообразовательные связанные с основными средствами вербализации — **единый, единогласно, объединить/бауугонд** «единый»; симилары, т. е. близкие по значению слова — **возвращение, воссоздание, консолидация, согласие, союзничество, вхождение/æмцæдисад** «союз», **æмцард** «совместная жизнь», **æмцъд** «совместные усилия»; контекстуальные синонимы — **интеграция, сотрудничество, дзыллæ** «народ»; окказиональные, индивидуально-авторские — **преодоление разделения, достижение главной национальной идеи, сохраниться как этнос, вековая мечта осетинского народа / ирон адæмы уумиаг фидæн**; словосочетания — Южная Осетия, народ Южной Осетии, Парламент Республики, полная интеграция / **максималон интеграции** и др.

Лексеммы, репрезентирующие концепт **единство**, образуются от корня **един** при помощи префиксов **об-, вос-, воз-, со-**.

Данные приставки указывают вектор движения. Приставка **о-/об-** обозначает **соединение в одно целое разных элементов (объединение)**; приставка **вос-** передает значение повторного соединения ранее разделенных частей (**воссоединение**); приставка **со-** означает совместные действия. Приставки символизируют векторы реализации **единства** в языковом сознании югоосетинских политиков.

Ключевое слово, репрезентирующее концепт **уудзинад**, образуется от корня **уу** при помощи суффикса **-дзинад**.

В политическом дискурсе наблюдается наполнение концептов **единство/уудзинад**

актуальными для политической жизни страны смыслами. **Единство/иудзинад** репрезентируется как условие достижения политических целей представителей власти: единения народа внутри югоосетинского сообщества, объединения Северной и Южной Осетии в составе РФ. В речевой практике

политиков информативно значимым является единение народа, объективирующее самую высокую духовную ценность. Общине для имен концептов в русском и осетинском языках являются семы 'связь' и 'единение'.

Таблица

Структура концепта ЕДИНСТВО/ИУДЗИНАД

Фреймовые модели	Субфреймы	Кол-во мод.	Кол-во мод.
Фрейм «ЕДИНСТВО ВНУТРИ ОБЩЕСТВА»	<p>Субфрейм «Согласованная деятельность депутатов на благо народа» Русскоязычная репрезентация: <i>единое понимание; единогласно; мы (37); все депутаты; Парламент Республики; Парламент (8)</i> Осетиноязычная репрезентация: <i>Республикæ Хуссар Ирыстоны Парламент «Парламент Республики Южная Осетия»; мах (9) «мы»; парламент «парламент»; депутаттæ «депутаты»; нæ депутаттæ «наши депутаты»; нæ парламент «наш парламент»; депутаттæ иууылдæр «все депутаты»</i></p>	64	187
	<p>Субфрейм «Согласованность руководства республики и народа в соблюдении законов» Русскоязычная репрезентация: <i>Республика Южная Осетия (все ветви власти + народ); мы (государство + + власть + народ) (6); наш народ (власть + народ); наша республика (власть + народ); идёт к народу (власть + народ); знает чаяния народа (власть + народ); власть ближе к народу (власть + народ); югоосетинское общество (власть + народ); Южная Осетия (народ + власть); мы (парламент + народ) (8); народ Южной Осетии (спикер + все); президент должен знать свой народ (президент + все); мы (спикер + народ) (4)</i> Осетиноязычная репрезентация: <i>Хуссар Ирыстон «Южная Осетия»; Ирыстон «Осетия»; Республикæйы адæм «народ Республики»; мах (2) «мы»; Хуссарирьыстойнаг æхсæнад «югоосетинское общество»; адæм «народ»; Хуссар Ирыстоны адæм «народ Южной Осетии»</i></p>	37	
	<p>Субфрейм «Традиционные духовные ценности» Русскоязычная репрезентация: <i>граждане РЮО (3); народное единство; осетины; югоосетинские подразделения; РЮО (весь народ); общественное согласие (весь народ); мы (народ + + власть против внешних врагов) (11); мы (весь народ) (23); Южная Осетия (весь народ) (4); граждане; каждый гражданин республики (все) (2); объединение всех (всего общества); единство (всего общества); общество раздроблено, расколото; судьба Южной Осетии</i> Осетиноязычная репрезентация: <i>Ирон адæм «осетины»; æхсæнады иудзинад «единение общества»; æхсæнады дихдзинад «раскол общества»; хуссарирьыстойнаг(2) «югоосетинский»</i></p>	61	
	<p>Субфрейм «Следование общим внутрипартийным принципам всеми депутатами партии большинства» Русскоязычная репрезентация: <i>мы (лидер партии и однопартийцы) (21); наша партия; партия «Единая Осетия»</i> Осетиноязычная репрезентация: <i>мах «мы»; нæ парти «наша партия»</i></p>	25	
Фрейм «ЕДИНЕНИЕ ВЕТВЕЙ ВЛАСТИ»	<p>Субфрейм «Общность целей и задач» Русскоязычная репрезентация: <i>консолидация других политических сил (все ветви власти); мы (ветви власти) (2); вышли из народа (единение ветвей власти); все политические силы Южной Осетии (все ветви власти); мы с президентом (спикер + президент); мы (руководство республики) (19); разрешать вопросы между ветвями власти</i> Осетиноязычная репрезентация: <i>мах «мы»; Хицауад «правительство, представители власти»</i></p>	27	27

Фреймовые модели	Субфреймы	Кол-во мод.	Кол-во мод.
Фрейм «ЕДИНСТВО ОСЕТИИ» (1)	<p>Субфрейм «Политический союз» Русскоязычная репрезентация: воссоединение Осетии — дорога с двусторонним движением; воссоздание единой Алании; мы (Южная и Северная Осетия) (2); единое национальное территориальное пространство; создание одной республики в составе РФ; вхождение в состав РФ и воссоединение Осетии; совместная рабочая группа с Парламентом РСО Алания</p> <p>Осетиноязычная репрезентация: Ирыстон «Осетия»; нæ Ирыстон «наша Осетия»; алы ирон адæймаг «каждый осетин»; мах «мы»; æмцард кæнын «жить вместе»; æмцыд кæнын «шагать вместе / в ногу»</p> <p>Субфрейм «Создание общего национального, территориального, государственного, республиканского пространства» Русскоязычная репрезентация: воссоединение Осетии; единство Осетии; идея реализации вековой мечты осетинского народа; дело, выстраданное многими поколениями защитников Осетии; объединение Осетии; объединить две части Осетии; возрождение и развитие нашего народа; осетинский народ (2); Осетия; мы не можем жить раздельно; сохраниться как этнос, как нация; у нас, у осетин; развиваться как единый организм; Единая Осетия; объединение; реализация национальной идеи осетинского народа; достижение главной национальной идеи осетинского народа; единство осетинского народа; объединение — объективный процесс; осетинский народ скоро будет един; осетинский народ не будет жить в расчлененном виде; преодоление разделения осетинского народа; вековая мечта народа; осетинский народ должен быть един; народ Осетии готов к тому, чтобы мы объединились; воссоединение с братьями; единство народа; единство Осетии — единение народа; воссоединение двух частей одного целого</p> <p>Осетиноязычная репрезентация: Иудзинад «единство»; Ирон адæмы бауу кæнын «объединение осетинского народа»; Ирон адæмы иумиаг фидæн «общее будущее всего осетинского народа»; Ирыстонæ сæппæт цæрджыты сæйраг бæллиц «сокровенное желание (вековая мечта) всех осетин»; Иу адæм «единый народ»</p>	14	49
Фрейм «ЕДИНСТВО ОСЕТИИ» (2)	<p>Субфрейм «Общее территориальное пространство Севера и Юга Осетии в составе РФ» союзничество и интеграция; интеграция с РФ; сотрудничество с Советом Федерации; полная интеграция с РФ; интеграция всех министерств с российскими министерствами; вхождение Южной Осетии в состав РФ; единое территориальное пространство с РФ; возвращение Южной Осетии в состав России</p> <p>Осетиноязычная репрезентация: Æмцæдисад æмæ интеграци «союз и интеграция»; интеграци «интеграция»; максималон интеграци «максимальная интеграция»; мах (9) «мы»; ирон адæм «народ Осетии / осетины»</p>	21	21

Как демонстрируют примеры в таблице, концепт **иудзинад** несет положительный аксиологический заряд в рамках югоосетинской политики. Он репрезентирует общегосударственные интересы и морально-культурные ценности: *Мах фидарсæй уырны, растæндæр гъеныр кæй фæзынд Хуссар Ирыстонæн реалон фадат серъезон къæдзæф акæнынсæн Ирыстонæ сæппæт цæрджыты сæйраг бæллиц сæххæст уа, уымæ Ирон адæмы бауу кæнынсæн, максималон интеграцимæ бадзырдыл къухтæ сæрфыссыны фæрцы.* — «Мы твердо верим, что у Южной Осетии наконец появился шанс сделать шаг вперед к осуществлению глав-

ной мечты всех жителей Осетии, к объединению Осетии путем подписания договора о максимальной интеграции» [РПП «Единая Осетия»] (перевод наш. — В. Д., Т. Т.); *Уымсæй иуминутон конъюнктурон цæстæнгас сæмæ политикон амбициты тыххæй ма спайда кæнын нысан кæны, ирон адæмы иумиаг фидæны тыххæй сæ цард чи рауæлдай кодта, уыдонæ намасы раз фыдракæнд саразын <...>* — «Не воспользоваться эти шансом в угоду сиюминутным конъюнктурным амбициям значило бы перечеркнуть подвиг тех, кто пожертвовал собой ради единого будущего для всех осетин...» [РПП «Единая Осетия»] (перевод наш. — В. Д., Т. Т.).

Концепт **единство** отражает ценности осетинского этнического сознания, передает коллективную идею сохранения национальной идентичности: Глава **государства** должен, по нашему глубочайшему убеждению, знать свой **народ**, жить среди своего **народа** и знать его проблемы [Парламент Республики Южная Осетия].

Использованием маркеров **единство народа, народ, граждане Южной Осетии** в политическом дискурсе репрезентируется **единый порыв, общее стремление к реализации общенародных целей**:

Народ должен видеть, что и исполнительная, и законодательная, и судебная власть делают все возможное, чтобы **гражданам Южной Осетии** жилось комфортно на своей родной земле... [Парламент Республики Южная Осетия]; <...> **единства народа** не будет без того, чтобы политическая элита не реорганизовалась, точнее, не избавилась от внутренних противоречий [Парламент Республики Южная Осетия].

Ведущим фактором объединения осетинского народа является **единство** всех ветвей государственной власти республики: Убежден, что политическая ситуация в Республике Южная Осетия не будет напряженной и все ветви власти в дальнейшем будут конструктивно **сотрудничать** в полном взаимодействии при решении задач, определенных **народом Республики Южная Осетия** [Парламент Республики Южная Осетия].

Приводимый ниже фрагмент демонстрирует стратегию **единства** и интеграции применительно к работе внутри парламента: <...> в то же время по многим вопросам у депутатов было **единое** понимание тех или иных проблем и решения принимались **единогласно** [Парламент Республики Южная Осетия].

Заемствованное слово **консолидация** (от лат. *consolidare* «укреплять») частотно в политическом дискурсе наряду с лексемой **единство**: <...> именно образование имеет ключевую роль в духовно-нравственной консолидации общества, в укреплении социальной **солидарности**, в повышении уровня доверия человека к согражданам, обществу, **государству** [РПП «Единая Осетия»]; И дай Бог, чтобы эти шаги были направлены на **консолидацию** общества, а не на раскол <...> [РПП «Единая Осетия»].

Достичь **единства и консолидации**, найти то, что объединит людей, придерживающихся различных мнений, разных политических взглядов, найти то общее, что консолидирует их, политики считают очень важным: **Мы не превозносимся над другими политическими партиями, мы ходим по земле**

и общаемся с нашими согражданами, и призываем своих коллег к этому же — к созданию и неустанному труду во имя интересов Отечества [РПП «Единая Осетия»].

Синонимичные словосочетания **единство общества и консолидация общества** передают ключевую идею политического развития.

Именно **единство** общества является условием решения задач, стоящих перед государством: Если **мы** называем себя **государством** и говорим, что **мы независимые**, тогда есть руководство, которое должно обеспечить население рабочими местами. Это уже экономический вопрос и, без сомнения, социальный [Парламент Республики Южная Осетия].

Концептуальные метафоры как способ описания действительности формируются при помощи прямых соответствий между когнитивными областями источника и цели в структурируемой по подобию источника области [Лакофф, Джонсон 1980].

Потребность южных осетин в этнической территориальной консолидации нашла свое отражение в оппозитивной метафорической модели, в которой представлено, с одной стороны, разъединение, а с другой — соединение частей целого: И вы тоже точно знаете, что в основе нашей идеологии должно быть возрождение, которое невозможно без возвращения к истокам, **воссоединения двух частей одного целого** в лоне сильного непобедимого государства <...> осетинский народ <...> еще недолгое время будет жить в **расчлененном виде**, и <...> уже скоро будет **един** [РПП «Единая Осетия»]; Мы не можем жить раздельно. Если у нас, у осетин, не будет **единого** национального, территориального пространства, мы не сможем развиваться как **единый организм** [РПП «Единая Осетия»].

Процесс воссоединения разделенного народа осмысливается посредством метафоры движения:

Воссоединение Осетии — дорога с двусторонним движением [РПП «Единая Осетия»].

Следует подчеркнуть, что стремление к **единству** осетинского народа понимается в политической коммуникации Южной Осетии как восстановление исторической справедливости и реализация многовековой мечты народа: <...> а **объединились** перед решением судьбоносных задач — преодоление разделения осетинского народа и **восстановление исторической справедливости, воссоздание единой Алании** [РПП «Единая Осетия»]; Эта идея — **многовековая мечта народа** <...> [РПП «Единая Осетия»].

Единство в данном контексте выступает как основа новой идеологии.

Идея воссоединения Южной и Северной Осетии в составе единого государства в политическом дискурсе эксплицируется посредством синонимического ряда репрезентантов *единство, единение, объединение*: **Единство Осетии должно начаться с единения народа** [РПП «Единая Осетия»]; <...> **воссоединение с нашими братьями...** [РПП «Единая Осетия»]; **Осетинский народ должен быть *един* и в составе РФ** [РПП «Единая Осетия»].

Концепт *единство* реализует во внешней политике Югоосетинского государства стремление к возвращению Южной Осетии в состав РФ, образованию единого территориального пространства с РФ и, таким образом, реализации полной интеграции с РФ: **Несмотря на сильнейшее давление со стороны ряда чиновников исполнительной власти и некоторых политических сил, наша партия с момента создания четко придерживается курса на *возвращение Южной Осетии в состав России*** [РПП «Единая Осетия»]; **Партия «Единая Осетия» также обращается ко всем политическим силам Южной Осетии с призывом сплотиться вокруг идеи *возвращения в состав России*** [РПП «Единая Осетия»]; **Получается, что мы все за то, чтобы Южная Осетия вошла в состав России** <...> [РПП «Единая Осетия»].

При изучении текстов политических выступлений на материале русского и осетинского языков нами были выявлены следующие когнитивные векторы актуализации идеи единства в югоосетинской политической коммуникации: общность целей и задач внутри югоосетинского сообщества; согласованная деятельность ветвей власти на благо народа; общие историко-культурные ценности всех жителей Осетии как на Севере, так и на Юге; общее территориальное пространство Севера и Юга Осетии в составе РФ.

В югоосетинском политическом дискурсе *единство* объективируется как образ народа, республики, государства. Слово *народ* в толковом словаре Т. Ф. Ефремовой трактуется следующим образом: население, объединенное принадлежностью к одному государству, жители страны; нация, национальность, народность; основная часть трудящегося населения страны; то же, что люди [Ефремова]. Общим семантическим признаком для этих номинаций является общность людей.

В билингвальном сознании осетин концепты *единство/иудзинад* отражают общегосударственную и этнокультурную ценность, коллективную идею сохранения националь-

ной идентичности, формируют образ жителей Южной Осетии и всего осетинского народа. **Единство/иудзинад** обладает политической аксиологией, создаваемой векторами воссоединения Осетии, единения народа внутри югоосетинского сообщества, объединения Северной и Южной Осетии в составе РФ. Потребность южных осетин в этнической и территориальной консолидации реализуется метафорически при помощи оппозитивной метафорической модели, в которой представлено, с одной стороны, существующее разъединение этноса, а с другой — соединение этноса как единого целого.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. — М.; Л.: Изд-во Академии Наук СССР, 1958.
2. Абаев В. И. Русско-осетинский словарь. — М.: Сов. энцикл., 1970. 584 с.
3. Бекоева И. Д., Джиоева В. П., Тамерьян Т. Ю. Доминантные политтехнологии югоосетинского политического дискурса // Политическая лингвистика. 2015. № 4 (54). С. 72—76.
4. Бекоева И. Д., Джиоева В. П., Тамерьян Т. Ю. Стратегии власти в аспекте югоосетинского политического дискурса // Вестн. ПГЛУ. 2015. № 4. С. 173—176.
5. Воркачëв С. Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании // Филологические науки. 2001. № 1. С. 64—72.
6. Гацалова Л. Б., Парсиева Л. К. Большой русско-осетинский словарь: ок. 60 000 слов и выражений / Учреждение Рос. акад. наук Сев.-Осетинский ин-т гуманитарных и социальных исследований им. В. И. Абаева ВНИЦ РАН и Правительства РСО-А. — Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2011. 687 с.
7. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. — М.: Прогресс, 1994.
8. Джиоева В. П., Тамерьян Т. Ю. Стратегии власти в югоосетинской парламентской коммуникации // Вестн. ПГЛУ. 2016. № 2. С. 153—158.
9. Джиоева В. П. Вербальная реализация политической стратегии правительства // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2015. № 4. С. 27—32.
10. Джиоева В. П., Тамерьян Т. Ю. Стратегии и тактики борьбы за власть в югоосетинской парламентской коммуникации // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2016. № 2. С. 23—27.
11. Джиоева В. П., Тамерьян Т. Ю. Парламентская коммуникация в билингвальном аспекте // Научная мысль Кавказа. 2016. № 4. С. 130—133.
12. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. URL: slovonline.ru.
13. Касаев А. М. Осетинско-русский словарь. — Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 1993. 384 с.
14. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. 1980. Переизд. 2008.
15. Маслова В. А. Когнитивная лингвистика: учеб. пособие. — М.: Тетрасистемс, 2004. 189 с.
16. Ожегов С. И. Словарь русского языка. — М.: Русский язык, 1984.
17. Словарь русского языка: в 4 т. — М., 1982.
18. Парламент Республики Южная Осетия. URL: www.parliament/rso.org.
19. РПП «Единая Осетия». URL: www.edinayaosetia.ru.
20. Толковый словарь русского языка: 100 тыс. слов / под ред. Д. Н. Ушакова. — М.: ООО «Стандарт», 2016. 848 с.
21. Чудинов А. П. Современная политическая коммуникация: учеб. пособие / Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2009. 292 с.
22. Чудинов А. П. Современная политическая лингвистика: учеб. пособие / Э. В. Будаев, М. Б. Ворошилова, Е. В. Дзюба,

Н. А. Красильникова ; отв. ред. А. П. Чудинов ; Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2011. 252 с.

23. Шейгал Е. И. Культурные концепты политического дискурса // Коммуникация: теория и практика в различных социальных контекстах : материалы Междунар. науч.-практ. конф. «Коммуникация 2002». — Пятигорск : ГТГЛУ, 2002. С. 24—26.

24. Словарь политических терминов / сост. А. А. Лызан, А. Бородай, А. П. Кваша. — Краматорск : ДГМА, 2014.

25. Graber D., McQuail D., Norris P. Introduction: Political Communication on a Democracy // The Politics of News: the news of politics / ed. by Doris Graber, Denis McQuail, Pippa

Norris. — Washington, D. C. : Adivision of Congressional Quarterly Inc., 1998. P. 1—16.

26. Howarth D. Discourse. Foundational account of discourse theory and discourse analysis that clearly outlines the new methodology. Buckingham : Open Univ. Pr., 2000.

27. Kuhn T. The Structure of Scientific Revolutions, 3rd edn, Chicago : Univ. of Chicago Pr., 1996.

28. Tameryan T. Yu. Chancellor of Germany in the metaphoric mirror of political discourse // Вопросы когнитивной лингвистики. — Тамбов, 2015. № 4 (45). С. 81—87.

V. P. Dzhioeva, T. Y. Tameryan
Vladikavkaz, Russia

THE CONCEPT “UNITY” IN THE SOUTH OSSETIAN POLITICAL DISCOURSE IN THE SITUATION OF RUSSIAN-OSSETIAN BILINGUALISM

ABSTRACT. Based on Russian and Ossetian, the article reveals the content of the concept “unity/iudzina”, which manifests the main idea of South Ossetian political discourse. This is the first attempt to describe the concept “iudzina” on the basis of Ossetian political discourse. The concept “unity” was studied by M.V. Gavrilova on the basis of political parties programs and the speeches of the Russian Presidents. Comparative analysis of the concepts is determined by the fact that political discourse in South Ossetia is realized in two languages: political communication exists in Russian and in Kudar subdialect of Iron dialect of the Ossetian language. The documents are made both in Russian and Ossetian languages. The material for this research is made of the texts of public speeches of A.I. Bibilov – Speaker of the Parliament of South Ossetia in 2015 – 2017 and President of South Ossetia since 2017 and mass media publications (United Ossetia). Before the analysis of the concept representation in the texts we provide etymological description of the words “unity” and “iudzina” that have to the same Indo-European root. The words representing the concept in Russian are made with prefixes denoting union (including the elements separated before) and joint actions. It is argued that the concept has the following cognitive features in South Ossetian political discourse: the state interests and cultural values; the general idea of preservation of national identity; the joint strive for realization; reunion of South and North Ossetia; the unity of the branches of the government in the republic; the need for ethnic territorial consolidation in South Ossetia.

KEYWORDS: political discourse; linguistic persona; concepts; unity; iudzina; the Russian language; the Ossetian language; cognitive features.

ABOUT THE AUTHOR: Dzhioeva Varvilina Pavlovna, Post-Graduate Student, North-Ossetia State University, Vladikavkaz, Russia.

ABOUT THE AUTHOR: Tamer'yan Tat'yana Yul'evna, Doctor of Philology, Professor of Department of Foreign Languages for Non-Linguistic Specialties, Faculty of Foreign Languages, North-Ossetia State University, Vladikavkaz, Russia.

REFERENCES

1. Abaev V. I. Istoriko-etimologicheskii slovar' osetinskogo yazyka. — M. ; L. : Izd-vo Akademii Nauk SSSR, 1958.

2. Abaev V. I. Russko-osetinskii slovar'. — M. : Sov. entsikl., 1970. 584 s.

3. Bekoeva I. D., Dzhioeva V. P., Tamer'yan T. Yu. Dominantnye politicheskoye yugoosetinskogo politicheskogo diskursa // Politicheskaya lingvistika. 2015. № 4 (54). С. 72—76.

4. Bekoeva I. D., Dzhioeva V. P., Tamer'yan T. Yu. Strategii vlasti v aspekte yugoosetinskogo politicheskogo diskursa // Vestn. PGLU. 2015. № 4. С. 173—176.

5. Vorkachev S. G. Lingvokulturologiya, yazykovaya lichnost', kontsept: stanovlenie antropotsentricheskoy paradigmy v yazykoznanii // Filologicheskie nauki. 2001. № 1. С. 64—72.

6. Galsalova L. B., Parsieva L. K. Bol'shoy russko-osetinskii slovar' : ok. 60 000 slov i vyrazheniy / Uchrezhdenie Ros. akad. nauk Sev.-Osetinskii in-t humanitarnykh i sotsial'nykh issledovaniy im. V. I. Abaeva VNTs RAN i Pravitel'stva RSO-A. — Vladikavkaz : IPO SOIGSI, 2011. 687 s.

7. Dal' V. I. Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka : v 4 t. — M. : Progress, 1994.

8. Dzhioeva V. P., Tamer'yan T. Yu. Strategii vlasti v yugoosetinskoy parlamentskoy kommunikatsii // Vestn. PGLU. 2016. № 2. С. 153—158.

9. Dzhioeva V. P. Verbal'naya realizatsiya politicheskoy strategii pravitel'stva // Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoy lingvistiki. 2015. № 4. С. 27—32.

10. Dzhioeva V. P., Tamer'yan T. Yu. Strategii i taktiki bor'by za vlast' v yugoosetinskoy parlamentskoy kommunikatsii // Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoy lingvistiki. 2016. № 2. С. 23—27.

11. Dzhioeva V. P., Tamer'yan T. Yu. Parlamentskaya kommunikatsiya v bilingval'nom aspekte // Nauchnaya mysl' Kavkaza. 2016. № 4. С. 130—133.

12. Efremova T. F. Novyy slovar' russkogo yazyka. URL: slovonline.ru.

13. Kasaev A. M. Osetinsko-russkiy slovar'. — Vladikavkaz : IPO SOIGSI, 1993. 384 s.

14. Lakoff Dzh., Dzhonson M. Metafori, kotorymi my zhivem. 1980. Pereizd. 2008.

15. Maslova V. A. Kognitivnaya lingvistika : ucheb. posobie. — M. : Tetrasistems, 2004. 189 s.

16. Ozhegov S. I. Slovar' russkogo yazyka. — M. : Russkiy yazyk, 1984.

17. Slovar' russkogo yazyka : v 4 t. — M., 1982.

18. Parlament Respubliki Yuzhnaya Osetiya. URL: www.parliament/rso.org.

19. RPP «Edinaya Osetiya». URL: www.edinayaosetia.ru.

20. Tolkovyy slovar' russkogo yazyka : 100 tys. slov / pod red. D. N. Ushakova. — M. : OOO «Standart», 2016. 848 s.

21. Chudinov A. P. Sovremennaya politicheskaya kommunikatsiya : ucheb. posobie / Ural. gos. ped. un-t. — Ekaterinburg, 2009. 292 s.

22. Chudinov A. P. Sovremennaya politicheskaya lingvistika : ucheb. posobie / E. V. Budaev, M. B. Voroshilova, E. V. Dzyuba, N. A. Krasil'nikova ; отв. ред. А. П. Чудинов ; Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2011. 252 с.

23. Sheygal E. I. Kul'turnye kontsepty politicheskogo diskursa // Kommunikatsiya: teoriya i praktika v razlichnykh sotsial'nykh kontekstakh : materialy Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. «Kommunikatsiya 2002». — Pyatigorsk : GTGLU, 2002. С. 24—26.

24. Slovar' politicheskikh terminov / sost. А. А. Лызан, А. Бородай, А. П. Кваша. — Краматорск : ДГМА, 2014.

25. Graber D., McQuail D., Norris P. Introduction: Political Communication on a Democracy // The Politics of News: the news of politics / ed. by Doris Graber, Denis McQuail, Pippa Norris. — Washington, D. C. : Adivision of Congressional Quarterly Inc., 1998. P. 1—16.

26. Howarth D. Discourse. Foundational account of discourse theory and discourse analysis that clearly outlines the new methodology. Buckingham : Open Univ. Pr., 2000.

27. Kuhn T. The Structure of Scientific Revolutions, 3rd edn, Chicago : Univ. of Chicago Pr., 1996.

28. Tameryan T. Yu. Chancellor of Germany in the metaphoric mirror of political discourse // Вопросы когнитивной лингвистики. — Тамбов, 2015. № 4 (45). С. 81—87.

Л. Ю. Иванова (Леонтьева)
Санкт-Петербург, Россия

**ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ СМЫСЛОВЫХ ПОЗИЦИЙ В МЕЖДУНАРОДНОМ МЕДИАДИСКУРСЕ
РОССИЙСКО-ГЕРМАНСКИХ И РОССИЙСКО-БРИТАНСКИХ ОТНОШЕНИЙ**

АННОТАЦИЯ. *Смысловая позиция эксплицируется в виде выражения жизненной позиции, точки зрения, определенного понимания факта, явления. Смысловая позиция выступает неким мировоззренческим базисом субъекта, а реализована и осмыслена она может быть только через процесс интеракции — в диалоге, в диалогических отношениях. Международные отношения как процесс взаимодействия государств предполагают наличие смысловых позиций, на основании которых каждый международный актор строит линию поведения по отношению к другим акторам. На формирование смысловой позиции международного актора влияют его цели в рамках международной политики, его стратегия, которые чаще всего прямо не артикулируются и поэтому выявлены могут быть только постфактум. Международное политическое общение в медиадискурсе представлено рядом типовых коммуникативных ситуаций с общей направленностью либо конфликтности, либо согласия, что в конкретных текстах-высказываниях проявляется через взаимодействие смысловых позиций. В этом аспекте анализируется медиадискурс, отражающий российско-германские и российско-британские отношения. На примере коммуникативных ситуаций, в которых российская сторона формулирует ответы на обвинения и упреки, выделяются тематические группы лексик, воплощающие смысловую позицию нападения в состоянии конфликтности. Анализируются и другие виды конфликтного столкновения смысловых позиций (например, высмеивание иной позиции). Унисон смысловых позиций в медиатекстах о международных отношениях наблюдается в моменты, когда экстралингвистические факторы взаимодействия описываются в терминах кооперации, сотрудничества, что требует обращения к концепту «свой — чужой».*

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: медиадискурс; СМИ; средства массовой информации; медиалингвистика; политический дискурс; российско-германские отношения; российско-британские отношения; международные отношения; политические конфликты.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Иванова (Леонтьева) Любовь Юрьевна, старший преподаватель кафедры речевой коммуникации Санкт-Петербургского государственного университета; 199004, Россия, Санкт-Петербург, 1-я линия В. о., д. 26, ауд. 703; e-mail: lyubov.leonteva@gmail.com.

**1. Смысловая позиция в речевом
взаимодействии государств, отраженном
медиадискурсом**

Международное политическое общение в тот или иной исторический этап производит набор актуальных смыслов, которые организуют речевое взаимодействие государств, обеспечивают взаимодействию соответствующие регулярность и тональность. Так, общение двух стран формирует специфичную семантическую зону в общем контексте международной политики — организуется дискурс взаимодействия, вырабатывается общая система высказываний — «дискурсивная формация» в терминологии М. Фуко [Фуко 2012: 221]. Применительно к сфере международной политики трактовка политического дискурса формулируется как «способ вербальной коммуникации между субъектами социально-политических взаимоотношений (включающий в себя написание текстов, их прочтение и обмен ими), связанный с различными общественно-политическими контекстами» [Макарычева 2007: 19].

Опосредованность политического дискурса средствами массовой информации замечена многими исследователями (В. З. Демьянков, Г. А. Наминова, Е. И. Шейгал и др.). Политическая коммуникация чаще всего не просто реализуется посредством медиа, но «СМИ фактически являются основной средой ее существования» [Шейгал 2004: 21]. При этом журналистика не остается беспристрастным ретранслятором текстов полити-

ческого общения, но влияет и на его смысл, поскольку обслуживает интересы тех или иных политических сил. Медиадискурс существует как коммуникативный процесс, где производится обмен смыслами между аудиторией и политическими акторами [Сулина 2014: 221]. Понимаемый как «тематически сфокусированная, социокультурно обусловленная речемыслительная деятельность в массмедийном пространстве» [Кожемякин 2010: 14], медиадискурс представляет собой, по замечанию Е. А. Кожемякина, преимущественно посредническую деятельность, потому что его предметом являются не столько общественно-политические процессы, сколько способы их описания, передачи знания о них, а также конвертация информации в смыслы [Там же].

Конвертация информации в смыслы в массмедийном дискурсе воплощается в том или ином журналистском речевом жанре, выбор которого зависит от интенции автора. Л. Р. Дускаева, развивая мысль М. М. Бахтина о диалогической природе речевых жанров, указывает на то, что внутрижанровое взаимодействие смысловых позиций — основа журналистских речевых жанров. В газетной публицистике гипотеза адресата (его смысловой позиции) влияет на композиционные качества текста [Дускаева 2012].

Смысловая позиция эксплицируется в виде выражения жизненной позиции, точки зрения, определенного понимания факта, явления [Дускаева 2012: 15]. Будучи субъективной системой координат, она выражает

оценку фактов и событий жизни в соответствии с внутрисубъектной дифференциацией по шкале «хорошо — плохо». В этом отношении смысловая позиция выступает неким мировоззренческим базисом субъекта, а реализована и осмыслена она может быть только через процесс интеракции — в диалоге, в диалогических отношениях, по мнению М. М. Бахтина, не сводимых лишь к логическим или лингвистическим, но возможных «между целыми высказываниями разных речевых субъектов» [Бахтин 1979: 296] и учитывающих внешние факторы взаимодействия — «интердискурс серии формулировок, вытекающих из различных и оторванных друг от друга высказываний, объединяемых между собой в определенные лингвистические формы (эти формы обладают взаимоцитированностью, взаимоповторяемостью, взаимопарафразированием, они противопоставляются друг другу и преобразовываются друг в друга)» [Куртин 1999: 99].

Международные отношения как процесс взаимодействия государств предполагают наличие смысловых позиций, на основании которых каждый международный актор строит линию поведения по отношению к другим акторам. На формирование смысловой позиции международного актора влияют его цели в рамках международной политики, его стратегия, которые чаще всего прямо не артикулируются и поэтому выявлены могут быть только постфактум — «с точки зрения поведения субъекта, т. е. с точки зрения анализа последствий его поступков, а не мыслей и декларируемых намерений» [Цыганков 2004: 255]. Однако в краткосрочной перспективе, не предполагающей обнаружения скрытых интенций государственной политики, выявление особенностей речевых характеристик взаимодействия смысловых позиций в пределах медиадискурса, ретранслирующего смысловые позиции государств, представляется полезным в современных условиях нарастания конфликтности межнационального общения.

2. Конфликтное взаимодействие смысловых позиций России и Германии, России (СССР) и Великобритании в рамках медиадискурса

В современных российских СМИ особое внимание уделяется отражению общения России с Великобританией и Германией, история взаимодействия с которыми у нашей страны знает примеры как плодотворного сотрудничества, так и грозного противостояния. Взаимодействие с этими странами в медиадискурсе представлено

через ряд типовых коммуникативных ситуаций, в которых смысловые позиции могут либо конкурировать (на современном этапе), либо звучать в унисон (в предыдущие периоды взаимодействия) и выражать соответственно осуждение, упреки, обвинения либо одобрение, поощрение. Реализуются эти смысловые позиции «по диагонали», т. е. в неисчисляемом количестве текстовых высказываний, и основываются при этом, по выражению Ж.-Ж. Куртина, на уже существующих высказываниях-«преконструктах», на пресуппозициональном знании [Куртин 1999: 99]. По нашим наблюдениям, смысловая позиция того или иного государства, эксплицированная в медиадискурсе, обладает таким качеством, как ригидность, т. е. она с малой долей вероятности способна вбирать в себя новые смыслы и значения, оценивая события на основе стереотипов-«преконструктов».

Конфликтные, или диссонирующие, смысловые позиции взаимодействуют в конкретных текстах-высказываниях, где автор-журналист, становясь на защиту одной из позиций, воспринимает смысловую позицию противника элементом общей гипотезы об адресате (по Л. Р. Дускаевой), при этом учитывает ее как мнение «второго» лица в содержательной и речевой структуре речевого жанра, в котором выполнен его материал. Так принципиальная диалогичность журналистских речевых жанров усложняется еще одним диалогом — диалогом смысловых позиций, выработанных государствами в условиях международного общения. На современном этапе диссонирующие смысловые позиции оказываются в таких коммуникативных ситуациях, представленных в русскоязычном медиадискурсе, в которых российская сторона формулирует ответы на обвинения и упреки, выраженные британской и германской смысловыми позициями.

Смысловая позиция нападения в состоянии конфликтности воплощается в медиадискурсе с помощью лексики соответствующей семантики; отмечены следующие варианты:

1) **обвинение:** *Министр иностранных дел Великобритании Борис Джонсон обвинил Россию в затягивании войны в Сирии* (Лента.ру. 25.09.2016);

2) **угроза/требование:** *Дэвид Кэмерон пригрозил России „существенными санкциями“* (Регнум. 23.02.2015);

3) **сообщение о мерах:** *Россию в качестве наказания надо лишить крупных международных турниров; Британский союз биатлонистов объявил о бойкоте этапа Кубка мира в Тюмени* (Газета.ру. 21.12.2016);

4) **сообщение о смене/укреплении позиции:** *Ангела Меркель (Angela Merkel) вчера объявила, что в случае ее избрания канцлером на сентябрьских выборах займет „критическую“ позицию в отношении президента России Владимира Путина* (ИноСМИ. 15.07.2005);

5) **провокация:** *Глава МИД Великобритании Борис Джонсон хотел бы видеть демонстрации у стен российского посольства в ответ на действия Москвы в Сирии* (ТАСС. 11.10.2016).

Смысловая позиция ответа на обвинения и нападения в ситуации конфликтности эксплицируется в медиадискурсе с помощью лексики соответствующей семантики; отмечены следующие варианты:

1) **отрицание справедливости обвинения:** *„Британскому военному министру, прежде чем пускаться в маловероятные рассуждения о якобы ответственности России за ситуацию в Сирии и, в частности, в Алеппо, необходимо задуматься, а что же сделано самой Великобританией в этой несчастной стране?“ — заявил Конашенков* (РИА-Новости. 10.10.2016);

2) **отрицание обоснованности требования/угрозы:** *По этому поводу необходимо подчеркнуть, что требования о выводе так называемых иностранных войск из Донбасса не имеют никакого отношения к реальности, потому что никаких иностранных войск на территории Донбасса по определению нет* (Лента.ру. 27.06.2016);

3) **сообщение об ответных мерах:** *Разумеется, любые планы по приближению военной инфраструктуры НАТО к российским границам приводят к ответным шагам с тем, чтобы восстановить необходимый паритет* (РГ. 08.10.2015);

4) **сообщение о реакции на смену/укрепление позиции:** *„Мэй предложила США „вовлечь Путина во взаимодействие, но быть начеку“. Прежде Лондон открыто призывал к вражде. Осторожный сдвиг в позиции“, — написал Пушков на своей страничке в Twitter* (Известия. 27.01.2017);

5) **высмеивание:** *Все верно, кроме двух слов: вместо „Россия“ нужно поставить „Великобритания“, а вместо „Сирия“ — „Ирак“* (Лента.ру. 25.09.2016); *„Видимо, Борис Джонсон перешел от слов к делу и применил оружие, которым грозил России, — стыд“, — написала официальный представитель российского дипведомства. — „Нам действительно за него стыдно“* (ТАСС. 11.10.2016).

Взаимодействие этих смысловых позиций можно рассмотреть через сцепления журналистских речевых жанров. Например,

сегодня речевая реализация взаимодействия смысловых позиций России и Германии, имеющих длительную историю отношений, демонстрирует определенный градус конфликтности. Конфликтность проявляется на текстовом уровне в использовании конфликтной лексики (военной метафоры, навешивания ярлыков, формулировки претензий и взаимных упреков). Так, в журналистских материалах, выполненных в речевом жанре «Предложение к решению проблемы» (классификация по Л. Р. Дускаевой) и представляющих противоположные — российскую («Германия и Россия: снова враги или все-таки друзья» — РИА «Новости». 20.05.2016) и германскую («Санкции против России, немедленно!» — «ИноСМИ». 16.12.2016) — смысловые позиции, диалогическая семантика пропитывается семантикой конфликтности, иллюкативность проявляется побуждением к противостоянию, эмоциональностью, тревогой, возмущением, иногда даже гневом, который насыщен семантикой противостояния [см. подр.: Ivanova 2017]. В этих текстах были задействованы большинство упомянутых вариантов конфликтного речевого взаимодействия в рамках медиадискурса (напр., обвинение — отрицание обвинения, угроза — отрицание обоснованности угроз и т. д.).

Появление в политическом дискурсе высказываний и мнений об оппонентах способно провоцировать ответные реплики в пределах медиадискурса. В таком случае в журналистском тексте взаимодействуют не только смысловые позиции, представляющие собой обобщенное восприятие ситуации и ее участников, но и конкретные высказывания политиков. «Диалогические обертны» (по М. М. Бахтину) в этом случае наполняют ответное — реагирующее — высказывание: реплика-реакция вынуждена цитировать оппонента, надстраивать противоречивые высказывания модусными словами, выражающими несогласие. Одним из примеров такого конфликтного взаимодействия смысловых позиций в российском медиадискурсе выступает отражение опосредованного средствами массовой информации диалога, в котором руководитель английской службы контрразведки МИ-5 Эндрю Паркер квалифицирует Россию как угрозу («Глава МИ5 заявил, что Россия представляет „усиливающуюся угрозу“ Британии» — «ИноСМИ». 01.11.2016), а в ответных репликах российские политики, чью речь цитируют СМИ, отвергают обвинения либо высмеивают позицию выступавшего («Песков назвал голословными заявления главы МИ-5 об исходящей от России угрозе» (Interfax.ru.

01.11.2016) и «МИД РФ отнесся с иронией к словам шефа МИ-5 о российской угрозе» — Interfax.ru. 02.11.2016). В данном примере взаимодействие смысловых позиций обладает характеристиками непосредственного конфликтного диалогического общения. Иницирующая реплика британского служащего насыщена модально-речевыми маркерами угрозы, речевыми средствами иллокутивной категории обвинения (*угроза, опасность, тайные действия, агрессивные способы, пропаганда, шпионаж, подрывные действия, кибератаки, киберугрозы*).

В медиaprостранстве данное интервью выполняет функцию стимулирования ответа, ожидаемого от обвиняемого субъекта, или, в терминах коммуникативистики, это реплика-стимул, провоцирующая реплику-реакцию. Конфликтный способ стимулирования ставит второго участника общения — респонсора — в позицию выбора ответного речевого поведения. О диалогическом взаимодействии смысловых позиций свидетельствуют предикаты с семантикой несогласия в заметке «Интерфакса»: *не можем с ними согласиться, не сможем принимать эти голословные заявления во внимание*. Иллокутивная категория несогласия пронизывает весь текст, описывающий речевую реакцию пресс-секретаря президента, и реализуется не только указанными глагольными формами, но и другими модусными словами — прилагательными (*голословный, необоснованный*), причастиями (*не соответствующий действительности*), существительными (*доказательства*), предложениями со значением противопоставления (*в отличие от*). Характеристика собственных действий производится с использованием мелиоративной лексики (*отстаивание своих интересов за рубежом, продвижение своих интересов, принципы взаимовыгодных отношений, выстраивание добрых и взаимовыгодных отношений*), а также посредством подчеркивания соответствия норме: *возможности, предоставленные нормами международного права*.

Высмеивание иной позиции — еще один вид конфликтного столкновения смысловых позиций, образец которого видим во втором из упомянутых материалов агентства «Интерфакс». Высказывание-реакция сотрудника российского внешнеполитического ведомства в ответ на провокативную реплику британского госслужащего демонстрирует сразу несколько приемов для построения иронии, что и ретранслирует журналист: а) применение цитации для реализации контрастивного отрицания — цитата как выражение иной смысловой позиции готовит к восприятию собственной (*использование Москвой всего*

модельного ряда для продвижения своей внешней политики, угрожающей стабильности его страны); б) соположение процитированной и собственной фразы, вызывающее эффект комизма, суть которого в насмешливом причислении к «модельному ряду» орудий в «руках Кремля» того факта, что на пост министра иностранных дел Великобритании назначен не последовательный политик Борис Джонсон; в) подчеркивание субъективного отношения к ситуации (*я ответила, у меня есть*); г) использование номинаций и выражений, характерных для речи оппонента — «Москва», «дело рук Кремля».

На данном этапе в медиадискурсе международных отношений России с Германией и Великобританией преобладает конфликтность. Исследованный материал показывает, что смысловые позиции западных стран противопоставляются российской смысловой позиции по ключевым политическим вопросам. В медиадискурсе это реализуется в использовании соответствующей лексики, в конструктивных качествах медиатекстов.

Неконфликтное общение стран имело место в предыдущие исторические периоды.

3. Унисон смысловых позиций России и Германии, России (СССР) и Великобритании в рамках медиадискурса

Унисон смысловых позиций в медиатекстах о международных отношениях наблюдается в моменты, когда экстралингвистические факторы взаимодействия описываются в терминах кооперации, сотрудничества — «такого процесса взаимодействия двух или нескольких акторов, в котором исключается применение вооруженного насилия и доминируют совместные поиски реализации общих интересов» [Цыганков 2004: 440]. В медиадискурсе принадлежность акторов к той или иной кооперации обнаруживается через противопоставление иной кооперации. Так, в конце 1980-х гг. в британском медиадискурсе частотным было обозначение приверженности к Североатлантическому союзу, выраженное притяжательными конструкциями: «*America's ally*», «*Reagan's friend*», «*NATO country*». В то же время в советском медиaprостранстве принадлежность к соцлагерю обозначается описательными конструкциями с использованием эмоционально-оценочной книжной лексики: «*братская дружба с нашими ближайшими соратниками и союзниками*», «*страны великого социалистического сотрудничества*», «*наша Родина и ее союзники*». Через принадлежность к военно-политическим блокам государства выражают свои смысло-

вые позиции. Нахождение Англии в НАТО обязывало придерживаться принятых ею проамериканских традиций, а Советский Союз, в свою очередь, разрабатывал идеологическую основу для своего военного блока. Здесь неизбежно противопоставление одного лагеря другому.

Следовательно, кооперативность в медиадискурсе задействует базовую оппозицию политической идеологии «друг/враг». Она осуществляется как объединение усилий во избежание внешней угрозы. В коммуникации эта оппозиция реализуется через концепт «свой — чужой». Как известно, концепт — важная составляющая политического дискурса, представляющая, по определению Ю. С. Степанова, «сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека» [Степанов 2001: 43]. Е. И. Шейгал концептом называет «ментальную репрезентацию культурно значимого феномена в массовом сознании», которая фиксируется в лексикографических толкованиях имени концепта, синонимических связях, образных переосмыслениях, ассоциативных реакциях [Шейгал 2004: 70].

Разграничение «своих» и «чужих» в советском медиадискурсе советско-британских отношений осуществлялось как через непосредственное имя концепта (например, «„переиграть“ другую сторону и диктовать ей свои условия» — Известия. 12.03.1985), так и косвенно — с помощью контекстуальных синонимов («западные союзники» / «страны Варшавского договора»). В английском медиадискурсе конца 1980-х гг. в отношениях с СССР дифференциация «свой — чужой» основывается на противопоставлении по принципу «отсутствия восточности», что является определяющей чертой «„европейских“ идентичностей» [Морозов 2006], и в текстах реализуется через контекстные противопоставления: «Moscow will not get as much money as it needs from the West», «A spiralling deterioration in East-West relations would follow» (Times. 12.06.1991).

В диалоге смысловых позиций, реализуемом в текстах о международных отношениях, согласие, унисон демонстрируются в высказываниях с семантикой согласия либо одобрения — в жанре **предложения, комплимента, одобрения** в контексте позитивного, сдержанного, компромиссного или отстраненного типа диалогического взаимодействия. Медиадискурс международных отношений России и Германии в 2001 г., описывающий позитивное взаимодействие смысловых позиций, демонстрировал такие примеры: президент **предложил** под эгидой форума проводить „круглые столы“, **вы-**

сказался за развитие сотрудничества с Германией, канцлер выразил уверенность, что „Петербургский диалог“, который будет проходить ежегодно, займет свое постоянное место в российско-германских отношениях (РБК. 09.04.2001). Как видим, заявления политиков со значением адресованности содержат предикаты и предикативные конструкции, несущие положительные коннотации.

Гармоничный межгосударственный диалог, диалог-согласие, возможен, как указывалось выше, при соответствующих внешних факторах — совпадении интересов у акторов либо при ожидании выгоды. Как нам видится, на фоне серьезных политических изменений в 1985—1991 гг., в период перестройки, смысловые позиции Великобритании и СССР претерпевают изменения и в какой-то мере преодолевают свою ригидность. Действительно, одобрительные реплики-реакции в британском медиадискурсе возникают на основе фиксации собственных политических выгод или надежд на них. Положительно-оценочная лексика появляется в английском газетном дискурсе в начале 1990-х: *there is a chance that a free and democratic Russia may take its place alongside the other free democracies of Europe; A free and democratic Russia would, however, be a prize of incalculable value, not just to the Russians themselves, but to the whole of Europe and indeed to the whole world; It must be in the interests of the West to encourage those Russians who are now struggling* (Independent. 25.01.1990).

Реплики-реакции в процессе смыслового речевого взаимодействия в советском медиадискурсе того же времени производятся в тональности согласия: **Мы приветствуем такое развитие советско-британских отношений** (Советская Россия. 07.04.1989). Согласие и стремление к кооперации могут проявляться на текстовом уровне в корректировке наполняемости концепта «свой — чужой». Примечательно, что в советском медиадискурсе в конце 1980-х гг. в материалах об Англии и советско-британских отношениях «чужой» (противник) начинает обретать характеристики, окрашенные положительными коннотациями, — «конструктивный», «позитивный», даже «дружественный». В речи советского лидера М. С. Горбачева бывшие противники объединяются в «мы», прежде используемое в советской газете только в отношении соотечественников или идеологических сторонников: «...мы можем быть рядом друг с другом, раз есть взаимопонимание, доверие и когда хорошая атмосфера в отношениях между

нами... Мы ценим диалог с Великобританией, с ее правительством, с госпожой Тэтчер... Сегодня мы и смогли в конструктивном плане рассмотреть различные вопросы мировой политики» (Советская Россия. 07.04.1989). В этих фрагментах мы выступает в значении субъекта возможных и желательных совместных действий бывших противников, что трактуется нами как стремление к согласию, кооперации.

4. Выводы

Международное политическое общение в медиадискурсе представлено рядом типовых коммуникативных ситуаций с общей направленностью либо конфликтности, либо согласия, что в конкретных текстах-высказываниях проявляется через взаимодействие смысловых позиций. Смысловая позиция как отношение к фактам, событиям, персонажам и ситуациям нединамична, в ней проявляются основные мировоззренческие подходы обобщенного (в международном масштабе) субъекта к действительности, и фиксируется она на речевом уровне — в диалоге. Смысловая позиция, обнаруживаемая только в интеракции, т. е. через взаимодействие с иной смысловой позицией, вербализует актуальные интенции международного субъекта, которые, однако, могут не совпадать с общей стратегией государства в международной политике. Медиадискурс демонстрирует в конкретных текстах-высказываниях противопоставление как обобщенных субъектов-стран и их смысловых позиций, так и конфликтное речевое взаимодействие отдельных представителей — носителей и за-

щитников идеологии своих государств, выражающих свою принадлежность вербально. Унисон смысловых позиций наблюдается на фоне кооперации, которая помогает дифференцировать ее участников и неучастников с помощью концепта «свой — чужой».

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. — М.: Искусство, 1979.
2. Дускаева Л. Р. Диалогическая природа газетных речевых жанров. Изд. 2-е, испр. и доп. — СПб., 2012.
3. Кожемякин Е. А. Массовая коммуникация и медиадискурс: к методологии исследования // Науч. вед. Белгород. гос. ун-та. Сер.: Гуманитарные науки. 2010. № 2 (73). Вып. 11. С. 13—21.
4. Куртин Ж.-Ж. Шапка Клементиса (заметки о памяти и забвении в политическом дискурсе) // Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса. — М.: Прогресс, 1999. С. 95—105.
5. Макарычева М. Г. Российское направление современной внешней политики США (политические проблемы и экспертно-аналитическое обеспечение) : автореф. ... дис. д-ра полит. наук : 23.00.04. — Н. Новгород, 2007.
6. Морозов В. Е. Понятие государственной идентичности в современном теоретическом дискурсе // Международные процессы. 2006. Т. 4. № 1 (10), янв.-апр. URL: <http://www.intertrends.ru/tenth/007.htm>.
7. Степанов Ю. С. Константы: словарь русской культуры. 2-е изд. — М.: Академический проект, 2001.
8. Сулина О. В. Политический медиадискурс как элемент дискурсивного пространства // Вестн. ВГУ. Сер.: Филология. Журналистика. 2014. № 1. С. 217—222.
9. Фуко М. Археология знания. — СПб.: Гуманитарная академия, 2012. 416 с.
10. Цыганков П. А. Теория международных отношений : учеб. пособие. — М.: Гардарики, 2004.
11. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. — М., 2004.
12. Ivanova (Leonteva) L. Yu. Russian-German relations in the discourse of the modern Russian press: linguistic aspects // Media Linguistic : International Scientific Journal. — St. Petersburg, 2017. № 1 (16). P. 96—108.

L. Y. Ivanova (Leonteva)
St Petersburg, Russia

INTERACTION OF SEMANTIC POSITIONS IN THE INTERNATIONAL MEDIA DISCOURSE OF THE RUSSIAN-GERMAN AND RUSSIAN-BRITISH RELATIONS

ABSTRACT. *Semantic position reveals itself in the expression of one's view of life, opinion and interpretation of the fact or phenomenon. Semantic position is the basis of the person's world view; it can be expressed and comprehended during interaction or dialogue. International relations as a process of interaction of the states presuppose the presence of semantic positions, based on which every international actor chooses their behavior with the other actors. Formation of semantic position of an international actor is influenced by the goal of international policy and strategy, which are often not expressed directly, that is why they are revealed after the event. International political communication in media discourse is represented by a number of typical communicative situations with the same goal of either conflict or agreement, which is revealed in certain texts via interaction of semantic positions. From this point of view media discourse of Russian-German and Russian-British relations is analyzed. On the basis of communicative situations, in which the Russian part articulates the response on the accusations and reprimands, we single out topical groups of vocabulary that reveal the semantic position of attack in conflict. Some other types of conflict confrontation are analyzed as well (for example, ridicule of the other view). The common features of semantic positions in media texts devoted to international relations are found when extralinguistic factors of interaction are described in terms of cooperation, partnership and the use of the concept "we – the others".*

KEYWORDS: *media discourse; mass media; media linguistics; political discourse; Russia-Germany relations; Russia-United Kingdom relations; international relations; political confrontation.*

ABOUT THE AUTHOR: *Ivanova (Leonteva) Liubov Yurevna, Senior Lecturer of the Department of Speech Communication, St. Petersburg State University, Russia.*

REFERENCES

1. Bakhtin M. M. Estetika slovesnogo tvorchestva. — M.: Iskusstvo, 1979.
2. Duskaeva L. R. Dialogicheskaya priroda gazetnykh rachevykh zhanrov. Izd. 2-e, ispr. i dop. — SPb., 2012.
3. Kozhemyakin E. A. Massovaya kommunikatsiya i mediadiskurs: k metodologii issledovaniya // Nauch. ved. Belgorod. gos. un-ta. Ser.: Gumanitarnye nauki. 2010. № 2 (73). Vyp. 11. S. 13—21.
4. Kurtin Zh.-Zh. Shapka Klementisa (zamетки o pamyati i zab-

venii v politicheskom diskurse) // Kvadratura smysla: Frantsuzskaya shkola analiza diskursa. — M. : Progress, 1999. S. 95—105.

5. Makarycheva M. G. Rossiyskoe napravlenie sovremennoy vneshney politiki SShA (politicheskie problemy i ekspertno-analiticheskoe obespechenie) : avtoref. ... dis. d-ra polit. nauk : 23.00.04. — N. Novgorod, 2007.

6. Morozov V. E. Ponyatie gosudarstvennoy identichnosti v sovremennom teoreticheskom diskurse // Mezhdunarodnye protsessy. 2006. T. 4. № 1 (10), yanv.-apr. URL: <http://www.intertrends.ru/tenth/007.htm>.

7. Stepanov Yu. S. Konstanty: slovar' russkoy kul'tury. 2-e izd. — M. : Akademicheskij proekt, 2001.

8. Sulina O. V. Politicheskij mediadiskurs kak element diskur-

sivnogo prostranstva // Vestn. VGU. Ser.: Filologiya. Zhurnalistska. 2014. № 1. S. 217—222.

9. Fuko M. Arkheologiya znaniya. — SPb. : Gumanitarnaya akademiya, 2012. 416 s.

10. Tsygankov P. A. Teoriya mezhdunarodnykh otnosheniy : ucheb. posobie. — M. : Gardariki, 2004.

11. Sheygal E. I. Semiotika politicheskogo diskursa. — M., 2004.

12. Ivanova (Leonteva) L. Yu. Russian-German relations in the discourse of the modern Russian press: linguistic aspects // Media Linguistic : International Scientific Journal. — St. Petersburg, 2017. № 1 (16). P. 96—108.

А. В. Колмогорова, А. А. Калинин, Ю. А. Горностаева
Красноярск, Россия

РАЗРАБОТКА КОМПЬЮТЕРНОЙ ПРОГРАММЫ АВТОМАТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА И КЛАССИФИКАЦИИ ПОЛЯРИЗОВАННЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ ПО УРОВНЮ ИХ МАНИПУЛЯТИВНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ: ПРАКТИЧЕСКИЕ РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена обсуждению практических результатов, полученных в рамках проекта по разработке компьютерной программы — классификатора англоязычных политических текстов о России по уровню их манипулятивного воздействия. Актуальность проекта обусловлена тем, что в условиях информационной войны и проницаемости национальных массмедийных пространств англоязычные манипулятивные тексты могут служить не только подогреванию русофобии среди западных читателей, но и, в случае репоста или перепечатки, стать инструментом манипулирования сознанием владеющих английским языком представителей российского гражданского общества. Методология создания программы-классификатора основана на лингвистических методах дискурс-анализа и социолингвистического эксперимента, а также на алгоритме прецедентного машинного обучения «Дерева решений». В качестве параметров оценки используется относительное количество в тексте следующих маркеров манипуляции: военной лексики, нацистского лексикона, лексем с префиксами «pro-» и «anti-», морфемы «soviet», маркеров манипулятивности, полученных в социолингвистическом эксперименте, и имен политических лидеров, в частности Владимира Путина. Результатом проверки является атрибуция текста как принадлежащего к одному из 4 классов, сопровождаемая соответствующим сообщением: класс 1 — тексты, не содержащие манипуляции (сообщение: «This text doesn't seem to have any bias»), класс 2 — тексты с низким уровнем манипулятивности (сообщение: «Bias degree is low»), класс 3 — тексты со средним уровнем манипулятивности (сообщение: «Bias degree is medium»), класс 4 — тексты с высоким уровнем манипулятивности (сообщение: «Bias degree is high»). В настоящее время прототип программы успешно апробирован в Междисциплинарном центре исследований цифровой экономики СФУ.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: манипулятивное воздействие; политический дискурс; поляризованный дискурс; компьютерные программы; медиадискурс; СМИ; средства массовой информации; политические тексты; английский язык.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ: Колмогорова Анастасия Владимировна, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой романских языков и прикладной лингвистики, Сибирский федеральный университет; 660041, Россия, г. Красноярск, пр-т Свободный, 82, стр. 1, к. 234; e-mail: nastiakol@mail.ru.

Горностаева Юлия Андреевна, аспирант кафедры романских языков и прикладной лингвистики, Сибирский федеральный университет; 660041, Россия, г. Красноярск, пр-т Свободный, 82, стр. 1, к. 333б; e-mail: yulyatald@ya.ru.

Калинин Александр Андреевич, старший преподаватель кафедры романских языков и прикладной лингвистики, Сибирский федеральный университет; 660041, Россия, г. Красноярск, пр-т Свободный, 82, стр. 1, к. 333б; e-mail: verbalab@yandex.ru.

Введение

Данная статья посвящена обсуждению компьютерной программы — классификатора англоязычных политических текстов по уровню выраженности в них манипулятивного воздействия, созданной научным коллективом Лаборатории прикладной лингвистики и когнитивных исследований Сибирского федерального университета.

Разработка проекта начата в 2015 г. на фоне нарастающей политической конфронтации между Россией и США в контексте «крымского вопроса». Проект направлен на решение задач информационной безопасности российского массмедийного пространства и предусматривает разработку и внедрение компьютерной программы с удобным интерфейсом, способной автоматически обрабатывать большие массивы политических текстов на английском языке, посвященных России, и классифицировать их по степени выраженности в них техник и приемов манипуляции массовым сознанием читателя. Актуальность разработки связана с тем, что в условиях информационной войны западных СМИ против России манипуляция массовым сознанием используется как в отношении западного читателя для подогревания русо-

фобии (при этом манипулятивные тексты в случае репоста или перепечатки могут превратиться в орудие внутренней информационной войны в медиапространстве России), так и в целях намеренного искажения картины мира молодого поколения россиян, владеющих английским языком.

Компьютерная программа адресована рядовым интернет-пользователям и информационным агентствам для самостоятельного анализа и отбора качественного англоязычного массмедийного контента.

В настоящее время программа, созданная на основе статистической обработки лингвистических маркеров манипуляции в тексте и технологии машинного обучения по прецедентам, апробирована в Междисциплинарном центре исследований цифровой экономики СФУ. В дальнейшем планируется разработка мобильного приложения, а также аналогичного классификатора для русскоязычных текстов.

1. Теоретический и технологический базис дизайна программы

Под манипуляцией мы понимаем, вслед за Т. ван Дейком [Dijk 2006: 360], коммуникативную и интерактивную практику, которая предполагает, что манипулятор, занимаю-

щий определенную авторитетную социальную позицию, действуя в своих интересах и злоупотребляя своей властью, устанавливает контроль над другими людьми, как правило, против их воли. Манипулятор, преследуя собственные цели, заставляет людей совершать определенные поступки, которые лежат в сфере интересов манипулятора и противоречат интересам манипулируемых [Dijk 2006].

Разграничивая вслед за рядом авторов [Паршин 2007; Стернин 2012] собственно речевое воздействие и манипуляцию, при отборе материала исследования мы руководствовались таким принципом: если в политическом дискурсе *отсутствуют открытые проявления воздействия* (например, призывы, оскорбления, предикаты негативно-оценочного характера и др.), но при этом дискурс имеет целью *ущемление интересов* объекта воздействия в виде намеренного искажения его картины мира посредством активизации в его сознании негативных эмоциональных состояний страха, агрессии, отвращения и введения на данном фоне некоторой, зачастую фактологически верной, информации (о разграничении манипуляции информацией и манипуляции людьми см.: [Billing, Marinho 2014]), то такое воздействие мы считаем манипулятивным.

Материал исследования составили тексты, репрезентирующие так называемый поляризованный дискурс — дискурс, возникающий на фоне конфликта политических интересов двух крупных социально-политических субъектов (партий, политических лагерей, государств) и пропагандирующий стереотипные представления об оппоненте, очерняющий его репутацию, целью которого является деление глобальной социальной среды на две группы — своих (in-groups) и чужих (out-groups) [Eissa et al. 2014].

Таким образом, манипуляция в рамках поляризованного политического дискурса в контексте отношений в паре *Россия — Запад* должна обнаруживать следующие свойства: формирование политическими элитами гипертрофированного образа врага на фоне подогревания чувств страха, тревоги, агрессии по отношению к нему; при этом собственно фактическая информация, которая сама по себе не дает никаких поводов для подобных чувств, в таком контексте начинает осмысливаться искаженно, в определенном, нужном субъектам манипуляции ракурсе.

Первоначальная выборка составила 100 статей, посвященных отношениям США и России на фоне украинского кризиса, из американских периодических изданий *The*

New York Times, *The Washington Post* за период с 2014 по 2015 г. Мы исходили из методологической посылки о том, что в рамках англоязычного поляризованного дискурса субъектом манипуляции является американская политическая элита, ее объектом, как правило, — массовый американский читатель, а мишенью — Россия и российское гражданское общество, соответственно, именно представители последнего будут наиболее чувствительны к искажениям информации о себе, к маркерам манипуляции, мишенью которой являются они сами. Таким образом, в результате социолингвистического эксперимента (см. подр.: [Колмогорова, Калинин, Талдыкина 2016]) были выявлены первичные маркеры манипуляции массовым сознанием в англоязычном политическом дискурсе о России. В дальнейшем анализ выборки текстов, в которых встречаются данные «первичные» маркеры, позволил выявить еще 5 маркеров манипуляции: 1) военная терминология (на данный момент представлен список из 960 лексических единиц); 2) лексика по тематике нацизма (160 лексических единиц); 3) морфема *soviet*; 4) лексемы из составленного по итогам эксперимента списка маркеров манипуляции (тематика страха, агрессии, вторжения); 5) упоминание прецедентных для данной тематики личностей и феноменов (например, Владимир Путин); 6) прилагательные с антонимическими приставками *anti-* и *pro-*.

Затем, используя двухвыборочный *t*-критерий Стьюдента для независимых выборок, мы проанализировали статистическую значимость отличий в характеристических функциях выявленных 6 маркеров в контрольной (150 контрольных текстов, случайно взятых с сайтов тех же американских изданий) и экспериментальной (150 манипулятивных текстов, проанализированных по методике Т. ван Дейка экспертом-лингвистом) выборках. В качестве порога статистической значимости было выбрано значение в 5% (0,05).

Для всех маркеров, кроме маркера «лексика по тематике нацизма», порог статистической значимости различий в частотности в контрольной и экспериментальной выборках был преодолен. Таким образом, пять маркеров оказались статистически значимыми именно для манипулятивных текстов. Шестой маркер, не показавший статистической значимости, после дополнительного анализа также не был отброшен: было принято решение принимать его во внимание тогда, когда статистически значимым оказывается еще хотя бы один маркер.

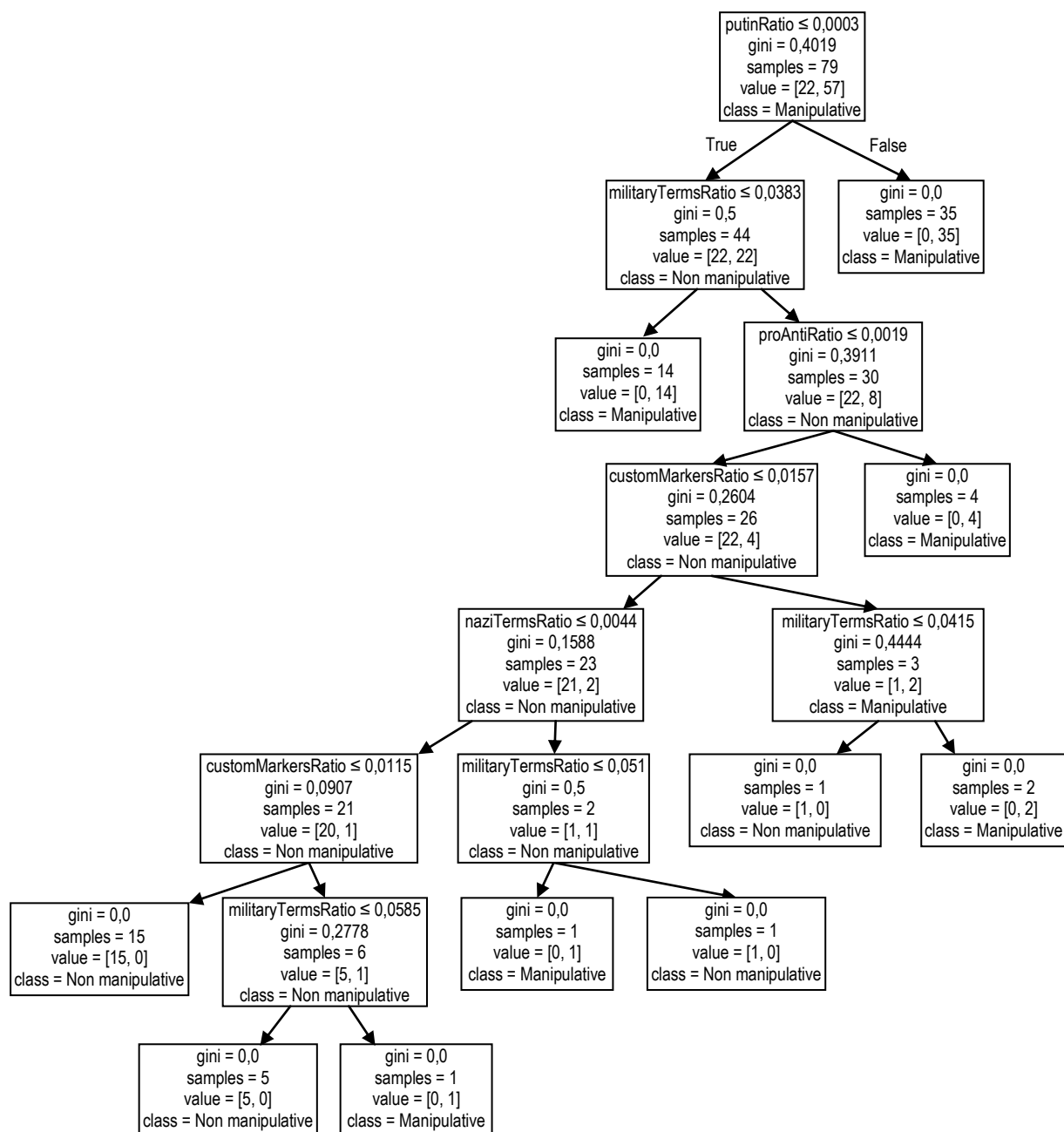

Рис. 1. Пример работы алгоритма «Деревья решений» при классификации одного из текстов

В качестве подхода к разработке классификатора мы выбрали технологию машинного обучения с учителем (обучение по прецедентам), основной принцип которой — по частным данным, представляющим набор пар «объект — ответ», выявить закономерности, присущие не только конкретной обучающей выборке, но и генеральной совокупности данных [Прикладная и компьютерная лингвистика 2016]. В нашем случае в качестве обучающей выборки рассматривалось множество объектов — массмедийных политических англоязычных текстов о России, преследующих цель манипуляции массовым сознанием читателя. Каждому объекту из обучающей выборки приписывался признак

«Является манипулятивным» на основании измерения шести маркеров манипуляции, которые в контексте машинного обучения получили статус параметров (feature). Параметр, или фича, в машинном обучении определяется как индивидуальное измеряемое свойство (признак) исследуемого объекта (*a feature is an individual measurable property of a phenomenon being observed* [Bishop 2006]). «Натренированная» на размеченных данных (пары «объект — ответ») модель затем позволяет распространить усвоенные при работе с ними закономерности на «свежую» выборку текстовых данных.

Что касается этапов работы, то независимо от сферы применения можно выделить

общие этапы решения задачи машинного обучения [Ножина, Луценко 2016], основные из которых: постановка задачи исследования, определение требований к данным, сбор первичных данных, их предварительный анализ, улучшение качества данных, выбор наилучшего алгоритма обучения, настройка параметров алгоритма для улучшения качества получаемой модели, интерпретация полученных результатов.

В рамках нашей работы в качестве алгоритма для обучения модели был выбран алгоритм «Деревья решений» [Люгер 2005]. Построение деревьев классификации — совокупность методов аналитической обработки больших массивов информации с целью выявить в них значимые закономерности и/или систематические связи между предикторными переменными, которые затем можно применить к новым совокупностям изменений. Деревья решений представляют собой последовательные иерархические структуры, состоящие из узлов, которые содержат правила, т. е. логические конструкции вида «если... то...». Конечными узлами дерева являются «листья», соответствующие найденным решениям и объединяющие некоторое количество объектов классифицируемой выборки.

Так, на рис. 1 представлено одно из первых «деревьев решений» для классификации множества из 79 текстов. Построение дерева решений идет сверху вниз. В первом узле компьютер констатирует, что из 79 загруженных предположительно манипулятивных текстов 35 содержат статистически большое количество использований имени собственного *Poutine*, что уже является основанием для их классификации как манипулятивных. Оставшиеся 44 текста проверяются на наличие военной лексики: в 14 ее количество статистически значимо, а в 30 — нет. Первые 14 попадают в категорию манипулятивных, а оставшиеся 30 проверяются на наличие других маркеров и т. д. В дальнейшем данный алгоритм был модифицирован по причинам, которые обсуждаются ниже, но тем не менее принцип «Деревья решений» был сохранен.

2. Интерфейс онлайн-версии программы и алгоритм работы с ней

При поддержке Центра цифровой экономики СФУ полученная модель была использована в онлайн-версии программы, доступной в режиме тестирования [Text manipula-

tive bias estimation]. На рис. 2 представлен скриншот начальной страницы программы.

Для проверки текста на манипулятивность необходимо вставить его в форму «Paste your text», затем набрать кодовое слово в поле «Enter your code», предварительно запросив его по ссылке *xyz@verba lab.ru* (расположена после вопроса «Don't have code?»), и нажать на кнопку «Check text».

Рассмотрим результаты проверки трех произвольно взятых из англоязычных СМИ текстов.

Текст 1 [Nardelli, Rankin, Arnett 2015].

Vladimir Putin's approval rating at record levels

Almost nine out of 10 Russians approve of their president, according to survey that also highlights support for Ukraine strategy

Vladimir Putin's approval rating is at record levels, with nine out of 10 Russians saying they have a positive view of their president. Putin had an approval of 87% in July, and an all-time high of 89% in June, according to Levada Centre polling.

Following a drop in popularity in 2012 and 2013, when Putin's approval ratings dropped into the 60s, the Russian president's popularity picked up again last year on the back of events in Ukraine.

According to separate Levada figures from June, 66% believe that western sanctions are meant to humiliate and weaken Russia, and only 5% think they are about ending the conflict in Ukraine.

*Some 70% of Russians believe the country should stick to its current position on Ukraine, while 20% say it would be better to make concessions in order to avoid sanctions. 87% support **the annexation of Crimea**, and only 4% think that the eastern regions of Donetsk and Luhansk should return to their pre-conflict status.*

However, when it comes to the economy, only 13% describe Russia's current predicament as good, while 53% describe it as average and 31% as either bad or very poor.

*With nine out of 10 Russians approving of Putin, **the president's ratings are now better than they were in 2008, at the start of the Russian-Georgian war.***

They are also unusually high compared with the popularity of other world leaders. Only Angela Merkel comes anywhere near Putin, with nearly seven in 10 Germans approving of the chancellor.

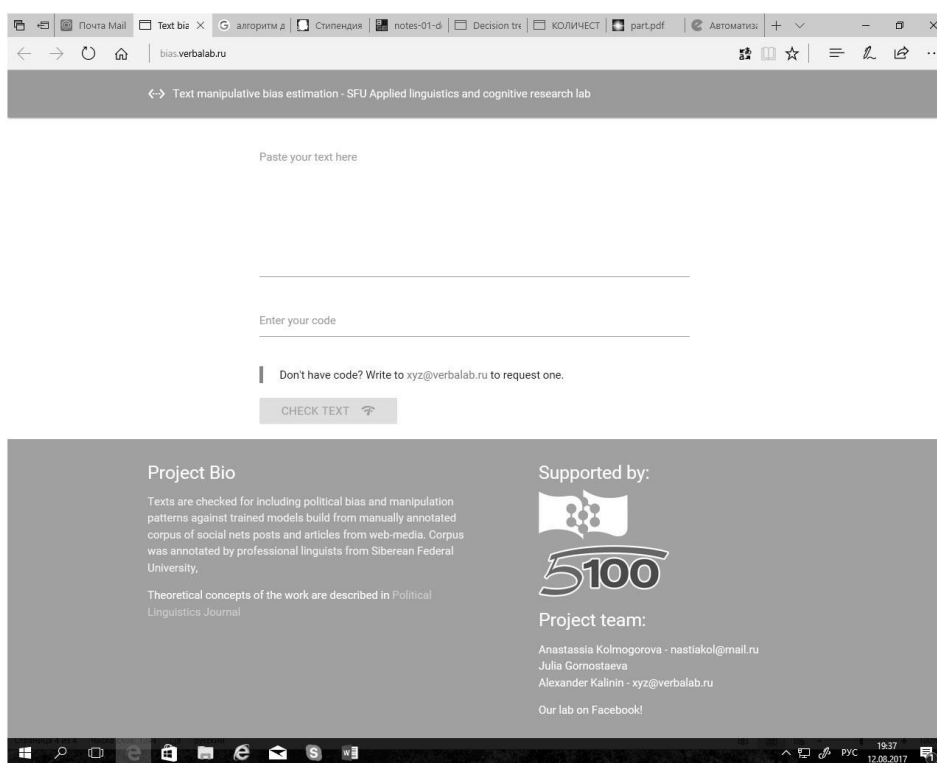

Рис. 2. Скриншот начальной страницы онлайн-версии программы

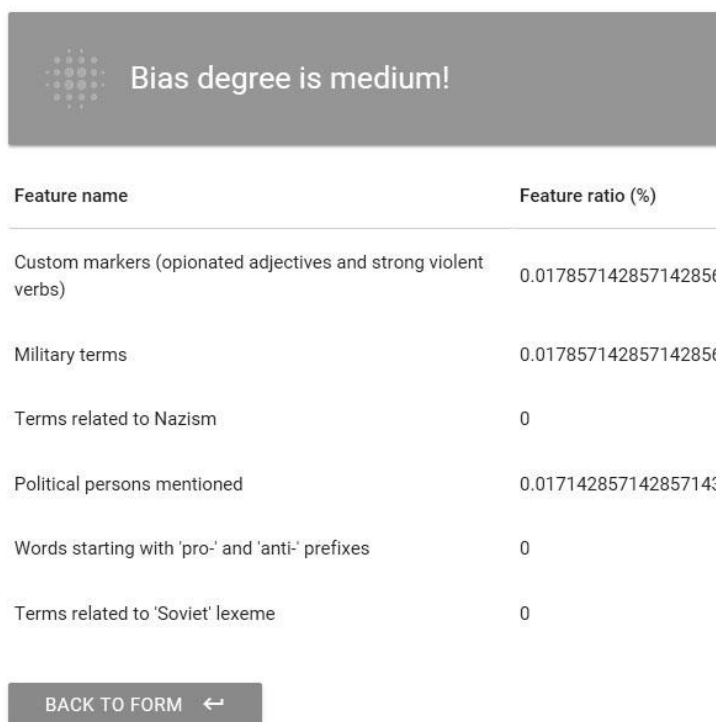

Рис. 3. Результаты проверки классификатором текста 1

При проверке классификатор помещает данный текст в категорию «среднего уровня манипулятивности» (*Bias degree is medium*) (рис. 3), поскольку выявлено присутствие трех параметров — первичные маркеры манипуляции, установленные в эксперимен-

тальной работе (*custom markers*), военная лексика (*military terms*) и политические персоналии (*political persons mentioned*). Однако статистические показатели данных параметров не достигают уровня, характерного для текстов с ярко выраженной манипуляцией.

Если мы проведем собственно дискурсивно-коммуникативный анализ текста 1, то увидим, что, хотя в нем нет открытых стратегий, направленных на дискредитацию России и российского президента, — в статье говорится о небывало высоком рейтинге В. Путина среди россиян по опросам 2015 г., — тем не менее всякое упоминание высокого уровня поддержки россиянами своего президента сопровождается ссылкой на такие события, как «украинский кризис», «аннексия Крыма», «военный конфликт между Россией и Грузией»: *рейтинг президента, после спада в 2012—2013 гг., вновь поднялся на фоне событий на Украине; 87 % россиян поддерживают аннексию Крыма; сейчас рейтинг президента даже выше, чем в 2008, когда начался военный конфликт между Россией и Грузией*. Таким образом, посредством намеренного соположения информации манипуляция все-таки осуществляется (формируется мнение о том, что позиция Кремля в отношении Украины — не борьба за национальные геополитические интересы, а всего лишь ловкий предвыборный ход), хотя и не имеет той силы воздействия, что, например, в тексте 2.

Текст 2 [Putting Russia's Crimean Intervention in Context 2014].

Текст объемом около 3000 знаков озаглавлен «Putting Russia's Crimean Intervention in Context». Статистическая оценка показывает, что в тексте содержатся пять маркеров манипуляции из шести: «первичные» маркеры, выделенные в экспериментальной работе; военная лексика; нацистская лексика;

лексема с префиксами *pro-* и *anti-*; лексема, содержащая морфему *Soviet*. Текст классифицируется программой как имеющий высокую степень манипулятивности (Bias degree is high) (рис. 4).

Рассмотрим несколько примеров из текста 2:

Russia's military intervention in Crimea and subsequent buildup of forces throughout the region has raised speculation that Russia could choose to intervene elsewhere in the former Soviet space, including in mainland Ukraine, Moldova, Georgia or perhaps even the Baltic states (военное вторжение России в Крым и последующее наращивание военного присутствия в регионе наводит на размышления о том, что в принципе Россия может вторгнуться в любую страну постсоветского пространства: в центральные области Украины, Молдавию, Грузию или, возможно, даже в страны Балтии).

Из фактической информации в данном пассаже артикулируется только то, что территория Крыма вошла в состав Российской Федерации, и то, что в прошлом Украина, Молдова, Грузия и страны Балтии входили в состав Советского Союза. Однако использование лексического повтора с семой «вторжение» (*intervention, intervene*), военной лексики (*military, buildup of forces*), а также апелляция к образу «Советов» в эпоху холодной войны актуализируют в сознании читателя образ врага, угрозы, вызывающей чувство тревоги за будущее, на фоне которого факты воспринимаются искаженно и предсказуемо предвзято.

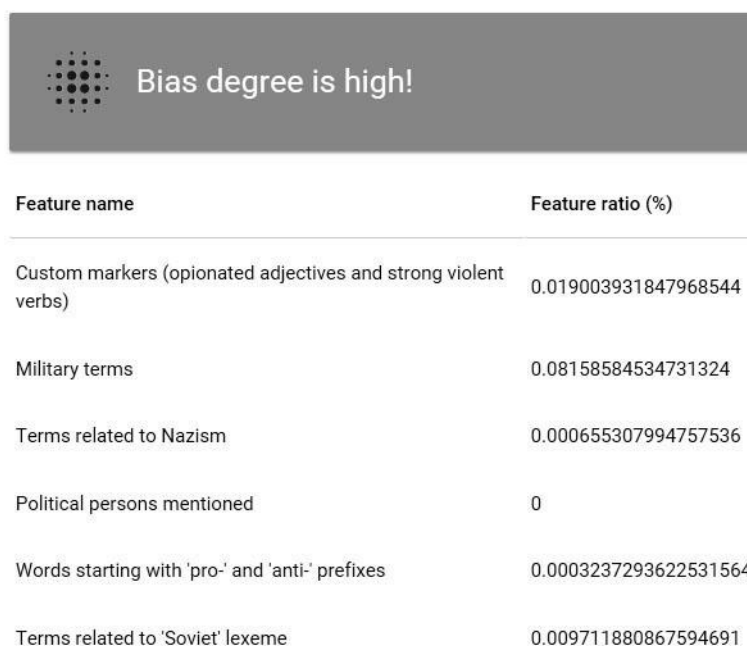

Рис. 4. Результаты проверки классификатором текста 2

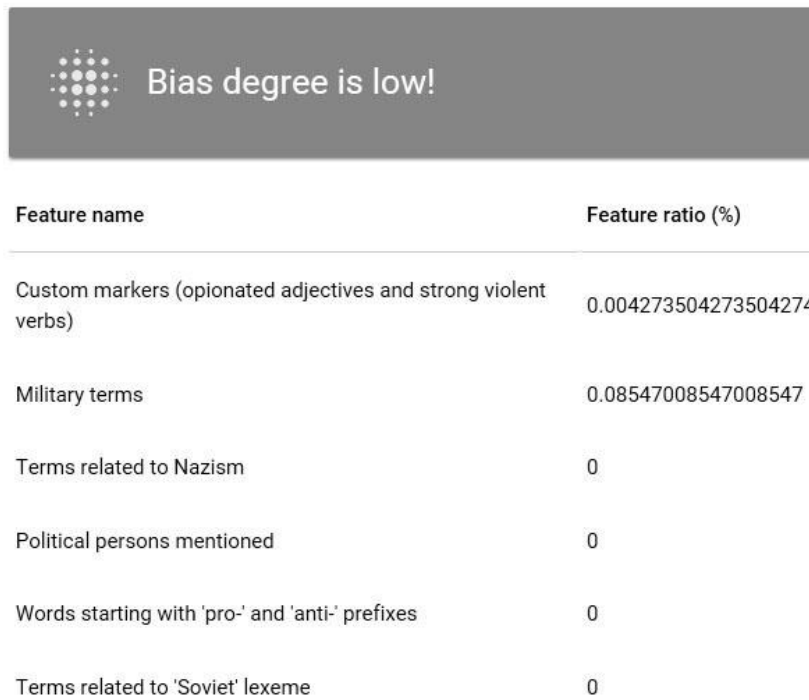

Рис. 5. Результаты проверки классификатором текста 3

Russia's most recent actions in Crimea follow a pattern similar to that of its interventions in other parts of the former Soviet space over the past 25 years. This pattern, though it varies in terms of specific application, broadly consists of three categories: the organization of ethnic Russian or pro-Russian social and political groups and movements; the deployment or support of informal or unofficial security forces in key areas; and finally the launching of formal military operations (недавние действия России в Крыму выстроены по привычному сценарию вторжения, многократно опробованному в течение последних 25 лет в других регионах бывшего СССР. Этот сценарий хотя и варьируется в зависимости от конкретных условий, но в общих чертах состоит из трех этапов: создание общественных движений, состоящих из этнических русских и сочувствующих русским представителей других этнических групп; формирование или поддержка уже существующих сил безопасности в ключевых точках региона; и, наконец, начало официальной военной операции).

В данном пассаже мы вновь наблюдаем набор военной лексики (*intervention, military operations, security forces*), упоминание СССР (*the former Soviet space*) и деление, с одной стороны, на русских и прорусски настроенных людей (*pro-Russian social and political groups*), с другой — всех остальных. Создав таким образом необходимое эмоциональное состояние у читателя, авторы тек-

ста переходят к изложению фактов (ввод советских войск на территорию бывшей в ту пору советской республикой Литвы в 1991 г. после объявления последней в одностороннем порядке своей независимости; советское, а затем российское военное присутствие в Приднестровье; ввод войск в Абхазию и Южную Осетию в 2008 г. для защиты геополитических интересов России), которые в уже заданном фокусе восприятия приобретают то смысловое содержание, которое и нужно было субъекту манипуляции.

Наконец, рассмотрим текст 3 [White 2017].

An unarmed Russian air force jet flew over multiple sensitive Washington, DC area locations on Wednesday, according to a report by CNN.

The reported flight was conducted in accordance with the Treaty on Open Skies, which allows participating members to conduct observational flights over other countries' military facilities. A source told CNN that American military personnel were on board.

The US Capitol, the Pentagon, Central Intelligence Agency and the presidential retreat at Camp David were among the sites that the aircraft reportedly flew over — in addition to the Trump National Golf Club in Arlington, Virginia. Sources told CNN the aircraft was also scheduled to visit the New Jersey town of Bedminster, where Donald Trump is currently on vacation.

Between the Treaty on Open Skies taking effect in 2002 and 2016, the United States flew more than twice as many flights over Russia than vice versa, according to a US State Department fact sheet.

“The Treaty’s primary value is its role in building transparency and confidence, not intelligence gathering,” the fact sheet says, “allowing members to “avoid surprises in a cooperative way.”

While America already has some imaging capacity, the fact sheet adds, “there are significant parts of Russia best imaged by Treaty aircraft. The Treaty provides valuable information, especially for our Allies and partners that do not have the same imaging capabilities as the US.”

Классификатор помещает данный текст в категорию текстов с низким уровнем манипуляции (рис. 5) — «Bias degree is low».

Текст британского издания посвящен факту полета российского самолета-разведчика над стратегическими объектами в Вашингтоне — Капитолием, Пентагоном, ЦРУ. Отмечается, что полет был осуществлен в рамках Договора о так называемом «открытом небе», согласно которому самолеты США также совершают наблюдательные полеты над российскими объектами.

Хотя в тексте содержится военная лексика и несколько маркеров, выделенных в ходе экспериментальной работы, однако данные лексемы и речевые клише не используются для нагнетания атмосферы страха и создания образа врага — употребление военной лексики обусловлено тематикой сообщаемой информации.

3. Проблемы, обнаруженные во время тестирования

Во время тестирования прототипа программы исследовательский коллектив столкнулся с некоторыми проблемами, для большинства которых решение было найдено.

Проблема выборки. Первоначально выборка, на которой тренировался алгоритм, была составлена только из текстов, в которых по результатам дискурсивного анализа лингвистами-экспертами был установлен факт наличия манипулятивных стратегий и техник. После обучения алгоритм опирался на статистические закономерности именно таких текстов, в результате, встретив имя *Poutine*, программа классифицировала текст как манипулятивный. Тогда обучающая выборка была расширена за счет неманипулятивных текстов, содержащих некоторые из маркеров манипулятивности. Например, в выборку были включены тексты, рассказывающие о полете В. Путина с журавлями,

или репортажи с мест военных событий в Сирии, где используется много военной терминологии, но текст не затрагивает отношения России и США и не имеет манипулятивного характера.

Проблема учета количества параметров. На рис. 1 было показано, что первоначально в результате применения алгоритма «Деревья решений» текст классифицировался как манипулятивный уже в том случае, если у него присутствовал один ярко выраженный параметр (и эта проблема связана с предыдущей — несбалансированностью обучающей выборки). Однако тестирование показало, что при таком подходе практически все политические поляризованные тексты классифицируются как манипулятивные. Тогда было принято решение о шкалировании по критерию количества ненулевых параметров. Так, если в тексте параметры с ненулевым значением составляют от 0 до 1, то текст неманипулятивный, от 2 до 3 — низкой степени манипулятивности, 4 — средней, 5—6 — высокоманипулятивный текст.

В перспективе валидность получаемых результатов должна улучшаться: чем большее количество текстов «пройдет» через классификатор, тем больше статистических закономерностей будет выявлено, а значит, тем точнее будет анализ.

Заключение

Созданный научным коллективом Лаборатории прикладной лингвистики и когнитивных исследований классификатор англоязычных политических текстов является научной разработкой, потенциальными потребителями которой могут стать интернет-пользователи, в том числе акторы social media (блогеры, ютуберы), стремящиеся к получению и обсуждению объективной качественной информации из англоязычных источников, а также государственные органы, проводящие мониторинг объективности информации, поступающей в российское массмедийное пространство. В качестве перспектив проекта рассматривается продвижение программы в форме мобильного приложения, доступного для скачивания, а также создание аналогичного классификатора для русскоязычных текстов.

ИСТОЧНИКИ

1. Nardelli A., Rankin J., Arnett G. Vladimir Putin's approval rating at record levels // The Guardian. 2015. 23 July. URL: <https://www.theguardian.com/world/datablog/2015/jul/23/vladimir-putins-approval-rating-at-record-levels> (date of access: 12.08.2017).
2. Putting Russia's Crimean Intervention in Context // Stratfor. 2014. 12 Apr. URL: <https://worldview.stratfor.com/article/putting-russias-crimean-intervention-context>.
3. Text manipulative bias estimation. URL: <http://bias.verbalab.ru/>.

4. White J. B. Russian airforce jet flies over Washington DC // Independent. 2017. 9 Aug. URL: <http://www.independent.co.uk/news/world/americas/russia-jet-flight-washington-dc-a7885331.html> (date of access: 14.08.2017).

ЛИТЕРАТУРА

5. Колмогорова А. В., Калинин А. А., Горностаева Ю. А. Языковые маркеры манипуляции в поляризованном политическом дискурсе: опыт параметризации // Политическая лингвистика. 2016. № 4 (58). С. 194—200.

6. Люгер Дж. Ф. Искусственный интеллект: стратегии и методы решения сложных проблем. — М. : Вильямс, 2005.

7. Ножина Е. П., Луценко А. В. Типовые этапы решения задачи обучения по прецедентам // Перспективы развития информационных технологий. 2016. № 29. С. 11—15.

8. Паршин П. Б. Речевое воздействие: основные сферы и разновидности. — М. : Эксмо, 2007.

9. Прикладная и компьютерная лингвистика / под ред. И. С. Николаева, О. В. Митрениной, Т. М. Ландо. — М. : Ленанд, 2016.

10. Стернин И. А. Основы речевого воздействия. — Воронеж, 2012.

11. Billig M., Marinho Ch. Manipulating information and manipulating people // Critical Discourse Studies. 2014. № 11: 2. P. 158—174. DOI: 10.1080/17405904.2013.852982.

12. Bishop C. Pattern recognition and machine learning. — Berlin : Springer, 2006.

13. Dijk. T. A. van. Discourse and manipulation // Discourse and Society. 2006. № 17 (2). P. 359—383.

14. Eissa M. M. Polarized discourse in the news // Procedia — Social and Behavioral Sciences. 2014. P. 70—91.

A. V. Kolmogorova, A. A. Kalinin, J. A. Gornostaeva
Krasnoyarsk, Russia

COMPUTER PROGRAM DESIGN FOR CLASSIFYING ENGLISH POLARIZED POLITICAL TEXTS BY THEIR MANIPULATIVE IMPACT: RESULTS AND DISCUSSION

ABSTRACT. *The article discusses the results in terms of the project devoted to designing a computer classifier of English polarized political texts about Russia by their manipulative impact. The project relevance is due to the fact that English texts largely using manipulative technics and strategies could serve as an instrument of information war against the Russian civil society. In the situation of national mass media areas penetrance, such texts, after reposting and reprinting by Russian Internet users or Internet media, could have a serious impact on the worldview of young Russian people speaking English. The computer classifier is built on the linguistic methodology of discourse analysis and sociolinguistic experiment, while its technological basis is grounded on the supervised machine learning approach using decision trees algorithm. Our feature list includes the Soviet lexicon items, the Nazi lexicon items, military terms, discursive markers of manipulation selected by the respondents, the prefixes “pro-”, “anti”, the morpheme “Soviet” and precedent names or political personalities. After checking the text fragment, the classifier attributes it to one of the four classes and displays on the screen the appropriate message: texts without any manipulation (This text doesn't seem to have any bias), texts with low degree of manipulation (Bias degree is low), texts with medium degree of manipulation (Bias degree is medium), highly manipulative texts (Bias degree is high). The computer program's prototype has been successfully tested in the Centre of Digital Economics of Siberian Federal University.*

KEYWORDS: *manipulation; political discourse; polarized discourse; computer program; media discourse; mass media; media; political text; the English language.*

ABOUT THE AUTHORS: *Kolmogorova Anastasia Vladimirovna, Doctor of Philology, Full Professor, Head of Department of Romance Languages and Applied Linguistics, Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia.*

Gornostaeva Julia Andreevna, Post-graduate Student, Department of Romance Languages and Applied Linguistics, Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia.

Kalinin Alexander Andreevich, Senior Lecturer of the Chair of Romance Languages and Applied Linguistics, Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia.

REFERENCES

1. Nardelli A., Rankin J., Arnett G. Vladimir Putin's approval rating at record levels // The Guardian. 2015. 23 July. URL: <https://www.theguardian.com/world/datablog/2015/jul/23/vladimir-putins-approval-rating-at-record-levels> (date of access: 12.08.2017).

2. Putting Russia's Crimean Intervention in Context // Stratfor. 2014. 12 Apr. URL: <https://worldview.stratfor.com/article/putting-russias-crimean-intervention-context>.

3. Text manipulative bias estimation. URL: <http://bias.verba-lab.ru/>.

4. White J. B. Russian airforce jet flies over Washington DC // Independent. 2017. 9 Aug. URL: <http://www.independent.co.uk/news/world/americas/russia-jet-flight-washington-dc-a7885331.html> (date of access: 14.08.2017).

5. Kolmogorova A. V., Kalinin A. A., Gornostaeva Yu. A. Yazykovye markery manipulyatsii v polyarizovannom politicheskom diskurse: opyt parametrizatsii // Politicheskaya lingvistika. 2016. № 4 (58). S. 194—200.

6. Lyuger Dzh. F. Iskustvennyy intellekt: strategii i metody resheniya slozhnykh problem. — M. : Vil'yams, 2005.

7. Nozhina E. P., Lutsenko A. V. Tipovye etapy resheniya zadachi obucheniya po pretsedentam // Perspektivy razvitiya informatsionnykh tekhnologiy. 2016. № 29. S. 11—15.

8. Parshin P. B. Rechevoe vozdeystvie: osnovnye sfery i raznovidnosti. — M. : Eksmo, 2007.

9. Prikladnaya i komp'yuternaya lingvistika / pod red. I. S. Nikolaeva, O. V. Mitreninoy, T. M. Lando. — M. : Lenand, 2016.

10. Sternin I. A. Osnovy rechevogo vozdeystviya. — Voronezh, 2012.

11. Billig M., Marinho Ch. Manipulating information and manipulating people // Critical Discourse Studies. 2014. № 11: 2. P. 158—174. DOI: 10.1080/17405904.2013.852982.

12. Bishop C. Pattern recognition and machine learning. — Berlin : Springer, 2006.

13. Dijk. T. A. van. Discourse and manipulation // Discourse and Society. 2006. № 17 (2). P. 359—383.

14. Eissa M. M. Polarized discourse in the news // Procedia — Social and Behavioral Sciences. 2014. P. 70—91.

О. А. Кукатова
Ташкент, Узбекистан

РЕЧЕВАЯ СТРАТЕГИЯ ОППОЗИЦИОНИРОВАНИЯ И РЕПРЕЗЕНТИРУЮЩИЕ ЕЕ ТАКТИКИ В ДИПЛОМАТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена анализу речевой стратегии оппозиционирования в современном русском дипломатическом дискурсе. Материалом исследования послужили интервью кадровых дипломатов, размещенные на официальном сайте МИД РФ (www.mid.ru). Цель работы — выявить особенности речевой стратегии оппозиционирования в публичном дипломатическом дискурсе. Основные задачи исследования — выявление тактик речевой стратегии оппозиционирования и анализ репертуара языковых средств репрезентации данной стратегии в дипломатическом дискурсе. Стратегия оппозиционирования нацелена на возможность представлять себя как лицо отстраненное, отчужденное, лично не заинтересованное в чем-либо, стремящееся к объективизации происходящего, к выполнению роли переговорщика, часто роли третьей стороны в переговорном процессе, а также лицо, целью которого является снижение конфликтности в переговорном процессе. Стратегия оппозиционирования в публичном дипломатическом дискурсе представлена такими тактиками, как тактика дистанцирования, тактика опровержения (ложной или неточной информации), тактика сомнения (в истинности/ложности описываемого положения дел), а также тактика неявной (скрытой) критики, тактика прямой (открытой) критики. При анализе репертуара языковых средств данных тактик особое внимание заслуживают способы выражения неявной критики (наличие имплицитной информации), которые позволяют маскировать неявный диалог говорящего (дипломата) и другой стороны переговорного процесса.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: дипломатический дискурс; политический дискурс; политическая риторика; речевые стратегии; речевые тактики; политическая коммуникация.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Кукатова Ольга Алексеевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русской филологии факультета зарубежной филологии Национального университета Узбекистана имени М. Улугбека; 100174, Ташкент, ул. Университетская, 4; e-mail: kukatova.olga@mail.ru.

Механизмы речевой коммуникации в сфере дипломатии представляются недостаточно исследованными, что связано с определенной закрытостью (непубличностью) дипломатической сферы.

Как известно, любая речевая деятельность социальна по своей природе, так как представляет собой модель поведения в определенной ситуации общения, а также целенаправленна, так как обеспечивает решение какой-либо коммуникативной задачи. Проблематика настоящей статьи находится в русле того направления современной лингвистики, которое связано с решением целого комплекса задач, связанных со способами достижений говорящим определенной коммуникативной цели. В данном случае речь идет об исследовании речевых стратегий и репрезентирующих их тактик в рамках публичного дипломатического дискурса^[1].

Понятия *речевой стратегии* и *речевой тактики* взаимообусловлены и соотносятся как основополагающая цель (стратегия) и задачи (тактики), необходимые для реализации данной цели. Различия же в определении данных понятий, как нам кажется, связаны с фокусом внимания исследователя: что для исследователя важнее — общая направленность речевого поведения (цель) или конкретные шаги в реализации стратегии (задачи). Вслед за целым рядом исследователей, под речевой стратегией мы будем понимать общую направленность речевого поведения говорящего, ведущую к достижению той или иной коммуникативной цели, под тактикой — необходимые шаги для достижения данной коммуникативной

цели [Иссерс 2002: 54; Паршина 2005: 8—9; Ярославцева 2007: 76—77].

Как известно, одна и та же речевая стратегия, в частности стратегия оппозиционирования, может быть представлена в разных дискурсах и в каждом из них иметь свои особенности выражения.

Анализ материала показывает, что в публичном дипломатическом дискурсе стратегия оппозиционирования представлена следующими тактиками: тактикой дистанцирования^[2], опровержения (ложной или неточной информации), сомнения (в истинности/ложности описываемого положения дел), а также тактикой неявной (скрытой) критики и прямой (открытой) критики. Каждая из приведенных тактик имеет присущие ей языковые средства презентации, указанные тактики чаще всего *сочетаются*, а не реализуются отдельно друг от друга.

Языковая реализация первых трех речевых тактик в публичном дипломатическом дискурсе достаточно часто осуществляется при помощи ксенопоказателей *дескать, мол*.

Ксенопоказатели (ксенопоказателями Н. Д. Арутюнова называет «знаки чужого голоса, отчуждаемой речи, чужого мира» [Арутюнова 2000: 437]) *дескать, мол* в современном русском языке служат для передачи чужой речи [Арутюнова 2000; Падучева 2011; Баранов 1994], сигнализируют читателю (слушателю) о смене субъектов речи, отстраняют «себя» от слов «другого», а также сигнализируют о смене точки зрения автора текста, т. е. смене «себя» на «другого» [Белова 2011: 49—52].

Ксенопоказатели *дескать*, мол с точки зрения их положения в высказывании семантически и функционально достаточно близки друг другу, однако есть и некоторые различия, которые и определяют их возможность/невозможность репрезентировать ту или иную тактику в публичном дипломатическом дискурсе.

В исследуемом дискурсе показатель *дескать* не только указывает на чужую речь, но и вводит информацию, которую дипломат последовательно, во всех случаях либо опровергает, ставя ее под сомнение, либо критикует в последующем контексте или определяет как неверные действия партнеров. Например: *Наши коллеги пытаются сказать нам, что „ИГ“ смогло образоваться только потому, что кризис в Сирии затянулся, и сейчас в Сирию как магнитом тянет всех суннитов, потому что, **дескать**, алавиты против суннитов применяют силу, не отдают власть. Это очень опасные попытки. ...Недопустимо пытаться представлять этот конфликт как противостояние внутри ислама* (все примеры в данной статье взяты из интервью, выступлений и ответов на вопросы, расположенных на официальном сайте МИД РФ [Министерство иностранных дел Российской Федерации]), где в части высказывания, оформленной с помощью *дескать*, присутствует сомнение в подлинности излагаемого положения дел, предположение об искаженности происходящего (*недопустимо пытаться представлять*), а также критическая оценка происходящего (*Это очень опасные попытки*).

Чужая речь (речь «другого»), оформленная с помощью *дескать*, может состоять из двух и более пропозиций (положений дел), в нее может быть вкраплена речь собственно говорящего, выражающая критическую оценку одного из описываемых положений дел. Например: *Мои западные партнеры говорят, что не надо вспоминать старое, действительно, в Ливии была совершена ошибка, но не в том, что было сделано, а в том, что не успели сделать: надо было, **дескать**, сразу после того, как свергли М. Каддафи, как его совершенно отвратительным образом казнили в прямом эфире под одобрительные возгласы зрителей, в том числе за океаном, **вводить оккупационные войска и налаживать там жизнь**. Сомневаюсь, что этот рецепт заслуживает, во-первых, исполнения на практике, а во-вторых, какого-то тиражирования. Сейчас мы имеем ситуацию, которая досталась нам в наследство от абсолютно авантюрной безответствен-*

*ной политики, которую проводил Североатлантический альянс. Само же содержание чужой речи подвергнуто прямой и достаточно резкой критике, на что указывают слова *авантюрной безответственной политики* и сомнение в правильности применения таких действий на практике в дальнейшем.*

Само по себе употребление показателя *дескать* позволяет говорящему если не противопоставлять себя «другому», то по крайней мере *дистанцироваться*, четко разделять свой текст и чужой с последующим недвусмысленным критическим комментарием чужого текста, возлагать ответственность за информацию, вводимую *дескать*, на «другого», что является характерной особенностью анализируемого типа текста. Сравните с другими примерами, где чужая речь также вводится с помощью *дескать*, однако противопоставление или дистанцирование «себя» и «другого» отсутствует: а) *Он мне намекнул, что, дескать, **обязательно приду***; б) *У меня и в мыслях не было говорить, что, дескать, **потерял***. Ксенопоказатель в примере а просто служит для оформления чужой речи, а в б и вовсе не является показателем чужой речи.

Кроме того, показатель *дескать* вводит пропозицию, неистинность которой опровергается говорящим с помощью приведения исторических фактов. Например: *Исторические факты не подтверждают расхожий тезис о том, что Россия, дескать, всегда находилась на европейских задворках, была аутсайдером европейской политики. Напомню в этой связи о том, что крещение Руси в 988 г... способствовало рывку в развитии государственных институтов, социальных отношений и культуры, превращению Киевской Руси в полноправного члена тогдашнего европейского общества. Здесь степень дистанцированности «себя» и «другого» усиливается еще и за счет использования экспрессивно окрашенной лексики: **на европейских задворках**. Что касается ксенопоказателя *мол*, то его употребление в дипломатическом дискурсе в основном не является знаком жесткого противопоставления «себя» «другому», открытой критики, опровержения ложной информации, не служит указанием на нецелесообразность или несерьезность предпринимаемых (предпринятых) шагов, однако не исключает установления определенной дистанции между «собой» и «другим». Например: *Я имел в виду, что после тех трагических событий (публичной казни Муаммара Каддафи) нам, действительно, говорили, что Россия потеряла арабский мир. Этого в итоге не произошло, потому что**

говорилось все на эмоциях, в ситуации, когда возникла некая эйфория — **мол, пришли революционеры, и сейчас мы все решим и все сделаем**. Из данного примера видно, что **мол** вводит даже не пересказанную говорящим чужую речь, а свободно интерпретируемую говорящим точку зрения «другого», тогда как в высказываниях с **дескать** происходит близкое к оригинальному тексту цитирование слов, к которым у говорящего резко отрицательное отношение, т. е. такие высказывания «нацелены прежде всего на передачу „чужого смысла“, а не чужих слов» [Артунова 2000: 443]. Сравните уже приведенный ранее пример: **...дескать, сразу после того, как свергли М. Каддафи, ...вводить войска и налаживать там жизнь** — со словами Барака Обамы: **Возможно, это провал в подготовке плана на следующий день после вторжения в Ливию. На тот момент я считал это (вторжение) правильным шагом** [Б. Обама: «Я допустил ошибки...»].

Анализ текстов интервью в дипломатическом дискурсе показывает, что после чужой речи, вводимой **мол**, **обычно** не бывает слов опровержений, критики. Однако это не значит, что такие контексты совершенно исключены. Например: **Наши оппоненты говорят, что уже есть набор международных инструментов, которые необходимо, мол, лишь более эффективно задействовать, и этого будет достаточно. Это поверхностная оценка. Речь идет о совершенствовании норм международного права с учетом новых реальностей**. В отрывке присутствует отрицательная оценка речи «другого», а также аргументация своей позиции. В примерах такого типа частицы **мол** и **дескать** взаимозаменяемы, четкое разграничение **мол** и **дескать** провести сложно [Падучева 2011: 7], однако надо заметить, что **дескать** преимущественно употребляется в контекстах, где говорящий достаточно ясно заявляет о своей дистанцированности, критикует речь «другого», опровергает его доводы, указывает на неистинность заявленной «другого».

Говоря о тактике опровержения ложной или неточной информации в рамках речевой стратегии оппозиционирования, нельзя не сказать о ксенопоказателе **якобы** («Указывает на предположительность высказывания, на сомнение в его достоверности» [Якобы]), который, так же как и **дескать, мол**, является показателем чужой речи, однако, в отличие от них, в **якобы** дополнительно имеется значение **недостоверности**, которое и формирует отрицательное отношение говорящего к той пропозиции, которая следует

непосредственно за **якобы**. Не всегда, но достаточно часто за высказыванием, вводимым **якобы**, следует и опровержение. Например: **Сейчас сама Турция оказалась под шквалом критики в связи с тем, что она ввела боевые подразделения в Ирак, ссылаясь якобы на договоренность о тренировке курдов. Багдад такие договоренности опровергает**. Еще одним проявлением речевой стратегии оппозиционирования является тактика неявной критики, а также тактика прямой, открытой критики, которые имеют весьма нетривиальные средства и способы выражения. Например: **Подчеркнута и задача возобновления переговорного процесса, который был приостановлен в условиях, когда часть оппозиции (объект критики) заняла совершенно не конструктивную позицию и пыталась выдвигать предварительные условия** (характеристика объекта критики). При использовании тактики прямой критики такие компоненты высказывания, как объект критики и характеристика данного объекта, названы прямо, без введения имплицитной информации, а также слов и выражений, вуалирующих или затемняющих смысл высказывания. Сравните с примерами в следующих контекстах: **В прошлом были случаи, когда некоторые наши партнеры поддавались искушению попустительствовать экстремистам ради достижения неких геополитических целей**, прежде всего — сменить неуютный режим... // **Теперь, когда мы записали необходимость комплексного решения всех этих проблем, я надеюсь, и у оппозиции, и у тех, кто контролирует ее различные группы, не будет больше причин, чтобы „отлынивать“ от своих обязательств**. // ... извлечь **какие-то еще односторонние геополитические выгоды**. // Привели примеры **определенной предвзятости в некоторых действиях** этих исполнительных структур, где употребление местоимений типа **некоторые, некие, кто-то, какие-то, некто, нечто**, словосочетаний типа **одна из сторон, некоторые политики, активно-агрессивное меньшинство**, синтаксических конструкций типа **те, кто..., говорят, что** намекает на объект критики, но не называет его прямо, как говорится, смягчает удар, отсылает к предыдущим текстам речей и выступлениям дипломата или многочисленным сообщениям в СМИ, где содержится прямое указание на объект критики. Кроме того, необходимо сказать, что широкий общественный резонанс, который получили события в Украине и на Ближнем Востоке, способствовал формированию тех фоновых

знаний адресата, которые необходимы для понимания подобных контекстов. Таким образом, именно имплицитный компонент (фоновые знания) данных высказываний содержит указание на настоящий объект критики.

Тактика неявной критики может быть реализована также с помощью апелляции к источнику, заслуживающему доверие как у международного сообщества, так и у конфликтующей стороны, с целью убедить конфликтующую сторону выполнять нечто (к примеру, достигнутые договоренности). При этом апеллирование к такому источнику занимает в высказывании (тексте) препозицию, а затем следуют критические замечания. Например: *Обсуждался украинский вопрос, где была подтверждена центральная роль Контактной группы и ее рабочих групп. Нашими американскими партнерами была подтверждена позитивная оценка деятельности „нормандской четверки“.* Наши собеседники — *Дж. Керри* и заместитель Госсекретаря *В. Нуланд*... подтвердили, что их работа на украинском направлении будет нацелена на то, чтобы помочь достигать договоренности в *Контактной группе*, „нормандском формате“, а не подменять эти доказавшие свою полезность механизмы.

Кроме того, неявная критика вообще может не содержать каких-либо критических слов, замечаний, непосредственных обращений в адрес другой стороны. Например: *Центральной задачей является выполнение Минских договоренностей во всей их полноте и в той последовательности, которую излагает Минское соглашение от 12 февраля 2015 г., американцы с этим согласны.* Здесь создается утвердительная объективная модальность за счет отсутствия субъектов, указывающих на конфликтующие стороны, а также отсутствия указания на какой-либо источник информации в той части высказывания, которая представляет собой описание действий украинской стороны, а затем уже апелляцию к источнику, заслуживающему доверие у конфликтующей стороны (*Американцы с этим согласны*). Первая часть высказывания содержит имплицитный^[3] компонент *Минские договоренности выполняются не в полной мере*, который и является настоящим объектом критики. Еще пример: *Минские договоренности не подлежат какой-то интерпретации по своей сути*, в котором модальность утверждения позволяет говорящему отстраниться, дистанцироваться, быть объективным, выражая свою позицию достаточно твердо, апеллируя к документу, признанному мировым сообществом и подписанному не-

сколькими сторонами переговорного процесса, и в то же время содержит имплицитный компонент *делаются попытки интерпретировать Минские договоренности*, который, так же как и в предыдущем примере, является объектом критики.

При использовании тактики неявной критики достаточно частотны случаи употребления конструкции «отглагольный дериват *попытка(и)* + инфинитив» (*попытки спровоцировать ситуацию, навязать другим волю, удержать доминирование* и т. д.), которая заключает в себе имплицитный компонент «существует некая сторона, пытающаяся делать/сделать нечто», являющийся настоящим объектом критики. Например: *Но знаем и об очень опасных попытках представлять эти противоречия как отражение раскола в мусульманском мире* (имплицитный компонент: «есть некая сторона, которая пытается представлять эти противоречия как отражение раскола в мусульманском мире»).

Имплицитный компонент семантики высказывания может быть заключен также в чужой речи, которая вообще может не иметь каких-либо формальных показателей, а представлять собой риторический вопрос. Например: *Сирийские курды составляют примерно 15 % населения и занимают значительную, причем ключевую часть территории. Знаете, какой аргумент был выдвинут против их участия? Зачем их приглашать, если они не борются против Б. Асада?* (имплицитный компонент: «есть те, которые борются с Асадом» и «только те, кто борются с Асадом, могут участвовать в переговорном процессе»). Второй имплицитный компонент и является объектом критики. Чужая речь здесь как бы «маскирует» второй имплицитный компонент, принадлежащий третьей стороне (первые две стороны — это сам говорящий и представители курдской стороны), что рождает неявный диалог. Таким образом, средством выражения неявной (скрытой) критики является имплицитная информация, в частности, фоновые знания адресанта и адресата, которые смягчают критику, делают ее не столь категоричной.

Подводя итог, необходимо сказать, что особенностью речевых тактик в рамках стратегии оппозиционирования в публичном дипломатическом дискурсе является их представленность на уровне высказывания; выявленные языковые средства позволяют говорящему обнаруживать и представлять себя в дипломатическом дискурсе как лицо отстраненное, отчужденное, лично не заинтересованное в чем-либо, а стремящееся к

объективизации происходящего, к выполнению роли переговорщика, часто роли третьей стороны в переговорном процессе, а также позволяют снижать конфликтность. Особого внимания заслуживают способы выражения неявной критики (наличие имплицитной информации), которые позволяют маскировать неявный диалог говорящего (дипломата) и другой стороны переговорного процесса.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1]. Вслед за Л. М. Терентием дипломатический дискурс рассматривается нами «как особая форма коммуникативной деятельности, главное отличие которой от других видов коммуникации заключается в ее разнонаправленном характере, что обусловлено различными целями и задачами, реализуемыми в разных контекстах — публичном и закрытом» [Терентий 2010: 48]. Однако любая форма дипломатического дискурса (публичная или непубличная) «направлена на обеспечение безопасности государства, сотрудничество, поиск согласия с зарубежными странами» [Кожетова 2012: 2].

[2]. Речевая тактика дистанцирования рассматривалась на материале политического дискурса в рамках стратегии самопрезентации, а также как неспецифическая, т. е. характерная для нескольких стратегий, в работе О. Н. Паршиной, где под дистанцированием понимается отстраненность, отчужденность [Паршина 2005: 79—83].

[3]. В лингвистике термин «импликация» употребляется в значении подразумевания, трактуемого как фоновые знания коммуникантов о предшествующей ситуации, пресуппозиция, грамматическая неполнота предложения, эллиipsis, подтекст, текстовая импликация. Выражение имплицитного в языке является языковой универсалией [Медынская 1971] и связано с законом экономии языковых средств, а также с таким закономерным для естественного языка феноменом, как асимметрия плана содержания и плана выражения. Имплицитные (элиминируемые) компоненты собственно и возникают в результа-

те подобной асимметрии [Падучева 1985: 48—78; Арнольд 1982: 88; Карцевский 2000; Жарина 2006].

* Организация, запрещенная в РФ (*прим. ред.*).

ЛИТЕРАТУРА

1. Арнольд И. В. Импликация как прием построения текста и предмет филологического изучения // Вопросы языкознания. 1982. № 4. С. 83—92.
2. Арутюнова Н. Д. Показатели чужой речи де, дескать, мол. К проблеме интерпретации речеповеденческих актов // Язык о языке. — М., 2000. С. 437—449.
3. Барак Обама: «Я допустил ошибки при планировании интервенции в Ливии» // RT. URL: <https://russian.rt.com/article/158089>.
4. Белова В. М. Частица «мол» как дискурсивное слово (на материале мемуаров монтажного типа) // Вестн. Череповец. гос. ун-та. 2011. № 2 (30). Т. 2. С. 49—52.
5. Баранов А. Н. Заметки о дескать и мол // Вопросы языкознания. 1994. № 4. С. 114—124.
6. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. — М., 2002.
7. Жарина О. А. Категория имплицитности как основа для формирования единиц дискурса и текста (на материале русского и английского языков) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Ростов н/Д, 2006. 24 с.
8. Карцевский С. О. Об асимметричном дуализме лингвистического знака // Введение в языковедение. — М. : Аспект Пресс, 2000. С. 76—81.
9. Кожетова А. С. Лингвопрагматические характеристики дипломатического дискурса (на материале вербальных нот) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. — М., 2012. 22 с.
10. Медынская В. Л. Об имплицитных структурах, выражающих некоторые синтаксические категории в русском языке // Филологические науки. 1971. № 3. С. 38—45.
11. Министерство иностранных дел Российской Федерации : сайт. URL: <http://www.mid.ru/ru>.
12. Падучева Е. В. Высказывание и его соотнесенность с действительностью. — М. : Наука, 1985. 271 с.
13. Падучева Е. В. Показатели чужой речи: мол и дескать // Изв. РАН. Сер. литературы и языка. 2011. Т. 70, № 3. С. 13—19.
14. Паршина О. Н. Стратегии и тактики речевого поведения современной политической элиты России : дис. ... д-ра филол. наук. — Саратов, 2005. 325 с.
15. Терентий Л. М. Дипломатический дискурс как особая форма политической коммуникации // Вопросы когнитивной лингвистики. 2010. № 1. С. 47—57.
16. Якобы // Словарь русского языка (МАС). URL: <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/32/ma478203.htm>.
17. Ярославцева А. Е. Репрезентация речевых стратегий и тактик в агитационном тексте : дис. ... канд. филол. наук. — Томск, 2007. 211 с.

О. А. Kukatova
Tashkent, Uzbekistan

SPEECH STRATEGY OF OPPOSITION AND THE TACTICS REPRESENTING IT IN THE DIPLOMATIC DISCOURSE

ABSTRACT. *The article is devoted to the analysis of speech strategy of opposition in the modern Russian diplomatic discourse. The study is based on the interviews of diplomats posted on the official website of the Russian Foreign Ministry (www.mid.ru). The goal of the work is to reveal the peculiar features of the strategy of opposition in the public diplomatic discourse. The main tasks of the research are to expose the strategy of opposition and to analyze the repertoire of linguistic means representing this strategy in the diplomatic discourse. The opposition strategy is aimed at the presentation of oneself as a person who is alienated, estranged, and not interested in the case, striving to objectify what is happening, to fulfill the role of the negotiator, often the role of a third party in the negotiation process, as well as a person whose goal is to resolve the problem in the negotiation process. The opposition strategy in the public diplomatic discourse is represented by the following tactics: the tactics of distancing, the tactics of refutation (false or inaccurate information), the tactics of doubt (in the truth of the falsity of the described state of affairs), as well as the tactics of implicit (hidden) criticism, the tactics of direct (open) criticism. When analyzing the repertoire of the language means of these tactics, special attention is paid to the ways of expressing implicit criticism (the presence of implicit information), which allow masking the implicit dialogue of the speaker (diplomat) and on the other hand to the negotiation process.*

KEYWORDS: *diplomatic discourse; political discourse; political rhetoric; speech strategy; communicative strategy; communicative tactics; political communication.*

ABOUT THE AUTHOR: *Kukatova Olga Alekseevna, Associate Professor, Department of Russian Philology, Faculty of Foreign Philology, National University of Uzbekistan named after Mirzo Ulugbek.*

REFERENCES

1. Arnol'd I. V. Implikatsiya kak priem postroeniya teksta i predmet filologicheskogo izucheniya // *Voprosy yazykoznaniiya*. 1982. № 4. S. 83—92.
2. Arutyunova N. D. Pokazateli chuzhoy rechi de, deskat', mol. K probleme interpretatsii rechevedencheskikh aktov // *Yazyk o yazyke*. — M., 2000. S. 437—449.
3. Barak Obama: «Ya dopustil oshibki pri planirovani interventsii v Livii» // RT. URL: <https://russian.rt.com/article/158089>.
4. Belova V. M. Chastitsa «mol» kak diskursivnoe slovo (na materiale memuarov montazhnogo tipa) // *Vestn. Cherepovets. gos. un-ta*. 2011. № 2 (30). T. 2. S. 49—52.
5. Baranov A. N. Zametki o deskat' i mol // *Voprosy yazykoznaniiya*. 1994. № 4. S. 114—124.
6. Issers O. S. Kommunikativnye strategii i taktiki russskoy rechi. — M., 2002.
7. Zharina O. A. Kategoriya implitsitnosti kak osnova dlya formirovaniya edinits diskursa i teksta (na materiale russskogo i angliyskogo yazykov) : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. — Rostov n/D, 2006. 24 s.
8. Kartsevskiy S. O. Ob asimmetrichnom dualizme lingvisticheskogo znaka // *Vvedenie v yazykovedenie*. — M. : Aspekt Press, 2000. S. 76—81.
9. Kozhetova A. S. Lingvopragmaticheskie kharakteristiki diplomaticheskogo diskursa (na materiale verbal'nykh not) : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. — M., 2012. 22 s.
10. Medynskaya V. L. Ob implitsitnykh strukturakh, vyrazhayushchikh nekotorye sintaksicheskie kategorii v russskom yazyke // *Filologicheskie nauki*. 1971. № 3. S. 38—45.
11. Ministerstvo inostrannykh del Rossiyskoy Federatsii : sayt. URL: <http://www.mid.ru/ru>.
12. Paducheva E. V. Vyskazyvanie i ego sootnesennost' s deystvitel'nost'yu. — M. : Nauka, 1985. 271 s.
13. Paducheva E. V. Pokazateli chuzhoy rechi: mol i deskat' // *Izv. RAN. Ser. literatury i yazyka*. 2011. T. 70, № 3. S. 13—19.
14. Parshina O. N. Strategii i taktiki rechevogo povedeniya sovremennoy politicheskoy elity Rossii : dis. ... d-ra filol. nauk. — Saratov, 2005. 325 s.
15. Terentiy L. M. Diplomatcheskiiy diskurs kak osobaya forma politicheskoy kommunikatsii // *Voprosy kognitivnoy lingvistiki*. 2010. № 1. S. 47—57.
16. Yakoby // *Slovar' russskogo yazyka (MAS)*. URL: <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/32/ma478203.htm>.
17. Yaroslavtseva A. E. Rerezentatsiya rechevykh strategiy i taktik v agitatsionnom tekste : dis. ... kand. filol. nauk. — Tomsk, 2007. 211 s.

Е. А. Косолюкина, С. А. Маник
Иваново, Россия

**МОДЕЛИРОВАНИЕ ЗНАЧЕНИЯ ТЕРМИНОВ «ТЕРРОРИЗМА» (*TERRORISM, TERRORIST, TERRORIST ACT*):
АВТОРСКИЙ АЛГОРИТМ**

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена вопросу всестороннего описания лексического значения терминов «терроризма» на базе теоретических исследований отечественных и зарубежных лингвистов по проблемам дискурса, семантики и лексикографии. Актуальной проблеме описания названных терминов в специализированных справочниках делает то, что в связи с всеобщей глобализацией сетевого общения в Интернете и значительным прогрессом информационных технологий термины сферы терроризма вышли за рамки официально-делового дискурса международных отношений и политического медиадискурса, получили дополнительные оттенки значения. Предлагается и иллюстрируется на примере ряда слов авторский алгоритм выведения подробной дефиниции того или иного термина, включающий следующие пункты: рассмотрение дефиниций анализируемого понятия, предложенных в лексикографических источниках; компонентный анализ дефиниций для выделения основных элементов значения; рассмотрение вариантов употребления анализируемого понятия в основных дискурсах его реализации и определение дополнительных (приобретенных) компонентов значения; контент-анализ с выделением дополнительных (приобретенных) компонентов значения; анализ свободных ассоциаций у носителей языка для проверки объективности и достоверности выделенных компонентов значения; анализ свободных ассоциаций, полученных путем массового анкетирования, с установлением значения рассматриваемого понятия, хранящегося в языковом сознании носителя языка; сопоставление полученных данных и выработка наиболее полной дефиниции понятия. Даются дефиниции, полученные в качестве финального продукта применения авторского метода выведения наиболее полно актуального значения терминов «терроризма».

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: лексические значения; лексикографический дискурс; политический дискурс; медиадискурс; терроризм; терминология.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ: Косолюкина Елизавета Алексеевна, магистр кафедры английской филологии, факультет романо-германской филологии, Ивановский государственный университет; 153025, Россия, г. Иваново, ул. Ермака, д. 39, корп. 3, к. 274; e-mail: elizavetakosolyukina@gmail.com.

Маник Светлана Андреевна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры английской филологии, факультет романо-германской филологии, Ивановский государственный университет; 153025, Россия, г. Иваново, ул. Ермака, д. 39, корп. 3, к. 274; e-mail: samanik76@gmail.com.

Международный терроризм стал главным вызовом человечеству в XXI в. Все медиаканалы освещают не только ужасные, жестокие атаки и нападения на мирное население, но и контртеррористические мероприятия властей. Вместе с тем террористами называют и террористов-одиночек, которые на грузовиках врезаются в толпы гуляющих людей, и террористов-смертников, подрывающих себя в общественных местах, и борющиеся за свою свободу и независимость вооруженные формирования. В связи с всеобщей глобализацией сетевого общения в Интернете и значительным прогрессом информационных технологий термины терроризма вышли за рамки официально-делового дискурса международных отношений и политического медиадискурса, а также получили дополнительные оттенки значения. Встает вопрос всестороннего и актуального, учитывающего специфику их функционирования, описания данных терминов в специализированных справочниках.

Таким образом, актуальность данной исследовательской работы, главная цель которой заключается в моделировании авторского алгоритма выведения максимального количества значений терминов «терроризма» (*terrorism, terrorist, terrorist act*), актуальных на момент проведения исследования, не вызывает сомнений.

На основе анализа трудов по особенностям политического дискурса [Chilton 2008;

Чудинов 2012; Шейгал 2000; Маник 2014] было установлено, что коммуникация внутри него характеризуется наличием риторических приемов и целенаправленностью отбора языковых средств, так как это необходимо для достижения политиком-оратором поставленной цели. Одним из таких средств является метод влияния на восприятие реципиента посредством слов-определений, имеющих дополнительные коннотации. Так, термин, который по своей природе является специальным понятием, стремящимся к однозначности, в контексте речи оратора начинает восприниматься вкупе со всеми навязанными адресату оценками и приобретает определенные коннотации.

В исследованиях современного медиадискурса [Гришаева 2014; Добросклонская 2008] установлено, что в публицистических текстах присутствует часть политических языковых стратегий из-за приведения в них прямых или косвенных цитат политических деятелей, а также стратегии, реализуемые самими журналистами, так как текстам СМИ характерна интенция воздействия на реципиента посредством языковых манипуляций.

В свою очередь, язык международных отношений, в противовес политическому дискурсу и дискурсу СМИ, стремится к использованию терминов в их прямом значении, без коннотаций, ведущих к разночтениям.

Таким образом, представляется возможным сделать вывод о том, что некоторые особенности рассмотренных дискурсов могут повлиять на значение анализируемых терминов терроризма, что следует учитывать при выведении значения выбранных понятий [Косолюкина 2017].

Из существующих в современной лингвистике подходов к выделению и описанию значений слова (ассоциативный, параметрический, признаковый, ситуационный и др.) наиболее перспективным, на наш взгляд, является рассмотрение семантики через призму когнитивной лингвистики, в рамках которой исходят из предпосылки, что в слове можно выделить несколько различных типов значений в соответствии со сферами рассмотрения.

Во-первых, существуют различные лексикографические справочники для общих и специальных целей, в которых зафиксировано значение рассматриваемой лексической единицы. Представляется целесообразным использовать компонентный анализ, поскольку он позволяет выявить основные компоненты значения путем сопоставления определений, предложенных словарями различных типов.

Во-вторых, важно выделить психолингвистическое значение, которое отличается от первого глубиной содержания, так как учитывает не только основные компоненты, но и дополнительные, приобретенные в различных контекстах, а также на основе общих познаний человека о мире. В настоящем исследовании для вычленения значений данного типа используется главным образом метод свободных ассоциаций, так как он за счет опроса большого количества носителей языка дает возможность получить наиболее объективную информацию.

Третий тип значения слова — это специфичное значение, реализующееся в рамках различных дискурсов, дискурсное значение. Наиболее адекватным методом его установления является контент-анализ, нацеленный на работу непосредственно с контекстами употребления анализируемых понятий. Данный вид анализа является достаточно трудоемким и затратным по времени, поэтому было решено обратиться к корпусным технологиям анализа, которые облегчают работу исследователя с большими массивами текстов; мы остановили выбор на функциях, доступных на платформе *Sketch Engine* [Маник 2014]:

- конкорданс (concordance) — системная опция, выводящая на экран все возможные контексты употребления необходимого понятия из массива загруженных текстов;

- очерк сочетаемости слова (word sketch) — функция, позволяющая рассмотреть наиболее частые варианты сочетания анализируемого понятия.

На основе вышеизложенного был разработан следующий авторский алгоритм выявления детальной дефиниции термина:

- 1) для вычленения основных компонентов значения, а также для построения «каркаса» будущего толкования рассматриваются дефиниции анализируемого понятия, предложенные в лексикографических источниках;

- 2) посредством компонентного анализа отобранных дефиниций выделяются основные элементы значения анализируемого термина;

- 3) для определения дополнительных (приобретенных) компонентов значения рассматриваются различные варианты употребления анализируемого понятия в основных дискурсах его реализации;

- 4) посредством контент-анализа выделяются дополнительные (приобретенные) компоненты значения на материале текстов основных дискурсов, в которых оно реализуется;

- 5) для проверки объективности и достоверности выделенных основных и дополнительных (приобретенных) компонентов значения проводится анализ свободных ассоциаций у носителей языка;

- 6) посредством анализа свободных ассоциаций (в данном случае посредством массового анкетирования) определяется значение рассматриваемого понятия, хранящееся в языковом сознании носителя языка;

- 7) после сравнения, а также объединения полученных значений (значения, выведенного из анализа письменных материалов, и значения, полученного путем опроса носителей языка) разрабатывается наиболее полная дефиниция анализируемого понятия [Косолюкина 2017].

В соответствии с первым пунктом алгоритма был проанализирован ряд официальных дефиниций, предложенных толковыми англоязычными словарями различного типа, а именно:

- общими толковыми словарями [Oxford Living Dictionaries; Longman Dictionary of Contemporary English Online; Dictionary.com; Macmillan Dictionary; Cambridge Dictionary];

- словарями политической лексики [iAmerican Spirit Political Dictionary; Safire's Political Dictionary, Political Dictionary; The Concise Oxford Dictionary of Politics; Hyper Dictionary];

- словарями и глоссариями, посвященными терминологии «терроризма» [Terrorism Glossary (a); Terrorism Terminology; Counter-Terrorism Definitions and Terminology; 11-September; Terrorism Glossary (b)].

ТОЛКОВАНИЯ ИССЛЕДУЕМЫХ

ТЕРМИНОВ В ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКАХ

Terrorism

Анализ дефиниций, предложенных общими толковыми англоязычными словарями, выявил, что двумя основными компонентами значения термина «terrorism» в общих толковых словарях являются 1) применение насилия (**use of violence**); 2) достижение политических целей (**political aims**).

Интересно отметить, что компоненты, обозначающие в качестве основной цели терроризма религиозные или идеологические ценности (т. е. сочетания **religious aims, ideological aims**), отсутствуют.

Анализ дефиниций термина «terrorism» в политических англоязычных словарях показал, что по сравнению с общими толковыми словарями толкования меньше по объему и включают лишь ряд самых основных единиц, представленных общими словарями, а именно: применение насилия (**use of violence**), достижение политических целей (**political aims**), запугивание (**intimidation**), воздействие (**coercion**).

Дефиниции из специальных словарей терминологии терроризма в большинстве своем, кроме перечисленных выше компонентов, особое внимание уделяют тому факту, что помимо политических (**political aims**) современный терроризм преследует религиозные и идеологические цели (**religious aims, ideological aims**).

Таким образом, сопоставительный анализ позволил сформировать следующий «каркас» определения для термина «terrorism» (компоненты указаны с цифрами, соответствующими частоте их упоминания):

Terrorism is unlawful (2) use of violence (9), intimidation (6), bombing (1) or shooting (1) **against** civilians (1), noncombatant targets (2) **to** obtain political (10) religious (2), ideological (2) aims, intimidate (5) or coerce (6).

Terrorist

Общие толковые словари не содержат никаких конкретных деталей, описывающих, какую личность из себя представляет современный террорист, так как они характеризуют его/ее лишь узким набором основных компонентов значения, который во многом перекликается с компонентами основного понятия терминологии данной тематики — «terrorism». Террорист — это личность, прибегающая к насилию (**use of violence**) для устрашения (**intimidation**), а также для достижения определенных политических целей (**political aims**).

В политических словарях личность террориста описывается с указанием на характерные особенности, такие как радикаль-

ность (**radical**) и преступность (**unlawful**), а также расширяется круг преследуемых целей, т. е. помимо политических указываются религиозные цели (**religious**), плюс прослеживается идея манипуляции, воздействия и управления (**coercion**).

Рассмотрение специальных англоязычных словарей терроризма, а точнее компонентный анализ толкований термина «terrorist», показало, что новых компонентов, которые можно было бы добавить к уже выведенным, в дефинициях нет. Определения лишь подтвердили объективность результатов анализа на базе словарей двух предыдущих типов.

В связи с этим был сделан вывод, что термин «terrorist» в лексикографическом дискурсе имеет следующее определение (компоненты указаны с цифрами, соответствующими частоте их упоминания):

Terrorist is a radical individual motivated by religious fervor or politics **who uses** unlawful violence (6), intimidation (3), bombing (1) and shooting (1) **against** civilians for political (5) aims, coercion (2) of people.

Terrorist act

Последним этапом исследования в рамках данного пункта алгоритма является анализ толкований понятия «terrorist act», представленных в словарях различных типов. Компонентный анализ выявил, что в общих толковых словарях дается краткое толкование, которое представляет террористический акт как угрозу или прямое применение насилия (**threat or use of violence**) для запугивания или влияния (**intimidation or coercion**), способствующих достижению определенных политических целей (**political aims**). В свою очередь, в политических словарях к политическим целям террористического акта добавляются религиозные (**religious**) и идеологические (**ideological**), а также указывается на незаконный характер данного действия (**violation of law**). Наиболее полное описание рассматриваемого явления представлено в специальных англоязычных словарях терроризма, т. е. в них регистрируются все рассмотренные выше компоненты значения.

Сопоставительный анализ словарных данных позволил выработать толкование-«каркас» для термина «terrorist act» (цифры после компонентов соответствуют частоте их упоминания):

Terrorist act is a violation of law (1) **which means** use of violence (1) **or** threat of violence (1), intimidation (5) or coercion (2) **against** civilians (1) **to** attain goals that are political (2) or religious (2) or ideological (2) in nature **or** influence the government (1), to intimidate the pub-

lic (1).

На данном этапе важно отметить, что все рассмотренные понятия имеют политический характер (так как компонент значения *political* является самым частотным).

Третий шаг предложенного алгоритма предполагает анализ контекстов употребления изучаемых терминов в их основных дискурсах реализации.

ТЕРМИНЫ СФЕРЫ ТЕРРОРИЗМА В ДИСКУРСЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Материалами исследования на данном этапе в основном служили официальные документы различных жанров с сайта ООН (*written statement, summary record, preliminary report, resolution*), а также с сайтов американских и британских агентств по борьбе с терроризмом. Для проведения контент-анализа данная выборка текстов была объединена в единый текстовый документ объемом 324 страницы и загружена на сайт *Sketchengine.co.uk* для создания авторского лингвистического корпуса, объем которого в результате составил 91 162 входные единицы.

После создания корпуса в поисковую строку вводился один из изучаемых терминов сферы терроризма, чтобы для него выстроился конкорданс, посредством которого можно проанализировать слово в ближайшем контекстном окружении. Такой подход позволил установить следующее:

- в качестве определений для терминов терроризма используются только слова **criminal, violent, intimidating**. Данные лексемы в процессе коммуникации в рамках дискурса международных отношений формируют у аудитории соответствующие описательные фреймы значения терминов «terrorism», «terrorist» и «terrorist act». Однако важно заметить, что данные фреймы полностью соответствуют компонентам словарного значения рассматриваемых терминов;

- рассматриваемые термины приобретают некоторое количество дополнительных фреймов значений, которые имеют не описательный характер, а являются своего рода уточнениями, т. е. описывают различные виды того или иного понятия. Например:

- **terrorism**: *State Terrorism, International Terrorism, Political Terrorism, Religious Terrorism, Ecoterrorism, Narco-Terrorism, Bioterrorism, Cyberterrorism, Nuclear terrorism*;
- **terrorist**: *individuals inspired by other terrorists, individuals who can be directed or encouraged by other terrorists, lone wolf, terrorist gang*;
- **terrorist act**: *Nuclear / Biological / Chemi-*

cal terrorist attack, Bombings, Armed Attacks, Assassinations, Hijackings, Kidnappings, Hostage taking.

Уточнения подобного рода могут быть важны во многих случаях. Например, часто возникает вопрос, можно ли то или иное происшествие классифицировать как террористический акт, судить ли главных подозреваемых при вынесении приговора за террористические преступления, а самое главное, кого можно характеризовать термином «террорист», так как сегодня вопросы этики и толерантности чрезвычайно важны.

Также ресурс *Sketch Engine* дает возможность детально представить сочетаемость слова (*Word Sketch — WS*), а это повышает эффективность работы с контекстами.

Данные, полученные посредством функции *очерка сочетаемости слова*, подтвердили вывод о том, что в рамках дискурса международных отношений рассматриваемые термины действительно употребляются в их общепринятом словарном значении, так как:

- во-первых, *WS* продемонстрировал малое количество или полное отсутствие (как в случае с термином *terrorist act*) прилагательных и дополнительных слов, описывающих данные явления с какой-либо стороны;

- во-вторых, даже при условии, что подобные слова-определения присутствуют, они во многом совпадают с теми, что представлены в словарных толкованиях.

Таким образом, выведенные ранее определения были дополнены следующими уточняющими фреймами значения:

Terrorism is unlawful use of violence, intimidation, bombing or shooting **against** civilians, noncombatant targets **to** obtain political, religious, ideological aims, intimidate or coerce. **It can be of different types: State Terrorism, International Terrorism, Political Terrorism, Religious Terrorism, Ecoterrorism, Narco-Terrorism, Bioterrorism, Cyberterrorism, Nuclear terrorism.**

Данное определение подразумевает, что сообщения, посвященные действиям террористов, передают аудитории информацию о том, что сегодня в мире встречаются различные типы терроризма, которые различаются:

- в зависимости от места: государственный/международный терроризм (**State Terrorism, International Terrorism**);

- преследуемой цели: политический/религиозный/экологический/наркотерроризм (**Political Terrorism, Religious Terrorism, Ecoterrorism, Narco-Terrorism**);

- методов осуществления: биологическое

оружие (**Bioterrorism**), хакерство (**Cyberterrorism**), ядерное оружие (**Nuclear terrorism**).

Terrorist is a radical individual motivated by religious fervor or politics or *individual inspired, directed or encouraged by other terrorists who uses* unlawful violence, intimidation, bombing and shooting **against** civilians for political aims, coercion of people. **It can be of different types:** *lone wolf, terrorist gang.*

Согласно данной дефиниции, аудитория получает представление о том, что террористический акт может осуществить как отдельная террористическая группировка (**terrorist gang**), так и один человек (**lone wolf**), а также о том, что исполнители либо изначально являются личностями, преследующими определенные цели (**motivated by religious fervor or politics**), либо становятся таковыми под влиянием других террористов (**inspired, directed or encouraged by other terrorists**).

Terrorist act is a violation of law **which means** use of violence **or** threat of violence, intimidation or coercion **against** civilians **to** attain goals that are political or religious or ideological in nature **or** influence the government, to intimidate the public. **It can be of different types:** *Nuclear / Biological / Chemical terrorist attack, Bombings, Armed Attacks, Assassinations, Hijackings, Kidnappings, Hostage taking.*

Террористические движения сегодня располагают большим количеством различных типов орудий осуществления террористических актов. Включение номинаций данных актов в определение необходимо для более точного и глубокого понимания сущности соответствующего явления. Таким образом, представленная дефиниция информирует о том, что террористические акты могут быть ядерными (**Nuclear terrorist attack**), биологическими (**Biological terrorist attack**), химическими (**Chemical terrorist attack**), а также осуществляться в виде взрывов (**Bombings**), вооруженных атак (**Armed Attacks**), убийств (**Assassinations**), угонов (**Hijackings**), похищений (**Kidnappings**) и захвата заложников (**Hostage taking**).

АНАЛИЗИРУЕМЫЕ ТЕРМИНЫ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Материалами исследования на данном этапе стали англоязычные речи на тему современного терроризма и методов борьбы с ним, произнесенные британскими и американскими политическими деятелями в 2016 г. Всего было отобрано 30 статей, они тоже были сведены в один документ, который впоследствии был загружен на сайт платформы *Sketch Engine* для создания авторского

корпуса политического дискурса (в результате получилось 82 536 входных единиц).

На основе данных анализа контекстов употребления рассматриваемых терминов с помощью конкорданса был сделан вывод о том, что в политическом дискурсе действительно реализуются стратегии манипулирования значениями терминов через словоопределения, позволяющие формировать конкретные, необходимые оратору, описательные фреймы значения в языковом сознании аудитории.

Так, при рассмотрении конкорданса для термина «terrorism» особенно бросилось в глаза частое употребление словосочетания «**sponsors of terrorism**», т. е. особый акцент делается на том, что в наши дни терроризм активно финансируется как изнутри какой-либо группировки, так и извне. Благодаря подобному вливанию средств, террористическое движение продолжает расти и усиливаться. То есть, акцентируя внимание на финансовой стороне вопроса, политики-ораторы стремятся показать аудитории реальные масштабы данной проблемы.

Другой важной темой, затрагиваемой в речах политиков, является необходимость объединения стран мира для поиска путей решения данной проблемы (**to stand united against terrorism, overcoming terrorism**), а также призывы к ведению борьбы с терроризмом на международной арене (**fight against terrorism, defeating terrorism, to take action against terrorism**).

Анализ словосочетаний с термином «terrorism» позволил определить, что в рамках политического дискурса данное понятие приобретает следующие описательные фреймы:

- **культурный:** исламский / джихадистский / религиозный (*the Islamist terrorist gang, jihadist terrorism*);
- **территориальный:** международный / глобальный / мировой (*international terrorism, global terrorism*);
- **описывающий характер:** радикальный / экстремистский / запугивающий / смертельный (*radical islamic terrorism, threat from terrorism is real, deadly terrorist threat, jihadist extremists' terrorism*).

Главной особенностью политического дискурса, выведенной на основе анализа статистики частотности употребления, является то, что в большинстве случаев политики-ораторы, употребляя термины «терроризма», относят их к культуре ислама (напр., *Islamist terrorism, radicalisation and terrorism, radical islamic terrorism, fight against terrorism and extremism*). То есть, в отличие от словарного определения, в котором в основном

говорится о политической подоплеке происходящих террористических актов, в речах политических деятелей терроризм представит оружием религиозной войны.

Изучение конкорданса и отчета о сочетаемости для термина «terrorist» демонстрирует, что исполнитель террористического акта в политическом дискурсе описывается как личность:

- специально подготовленная и обученная для выполнения своей миссии (**well-prepared, specially trained: the killers were directed by a terrorist organization, terrorists prepared, an al-Qaeda terrorist ran a training camp, terrorist training manuals, terrorists watching and analysing every move**);

- являющаяся «человеком вне закона», преступником (**criminal: terrorists and those who commit criminal offences, criminals and terrorists, terrorist offences, track and intercept terrorists and criminals, using multiple identities for terrorist, criminal**).

Информации и контекстов с выражением «terrorist acts» в отобранных материалах представлено мало, однако имеющиеся позволили сделать вывод, что в данном дискурсе деяния террористов оцениваются как хорошо спланированные (**well-planned: preparation of terrorist acts, acts of terrorism generally are being prepared, to carrying out terrorist acts at a time determined by their sponsors**) и незаконные (**unlawful: terrorist acts are committed with these illegal weapons, possible terrorist incidents and what that means for arrests**) мероприятия.

Представилось логичным на данном этапе не менять уже разработанные толкования (объединяющие в себе «каркас», составленный на основе лексикографического дискурса, и дополнительную информацию, полученную в ходе анализа дискурса международных отношений), так как необходимо подтвердить наличие выведенных описательных компонентов значения. Подтверждение включения в дефиницию требует именно эта группа фреймов (описательные фреймы значения), так как в политическом дискурсе они имеют исключительно субъективный характер. Лишь факт того, что термин действительно приобрел оттенки значения или сменил их в языковом сознании аудитории, может стать основанием для их добавления.

ТЕРМИНЫ СФЕРЫ ТЕРРОРИЗМА В МЕДИАДИСКУРСЕ

Современные СМИ — мощное средство формирования «нужных», «правильных» мыслей, мнений и ценностей в сознании общества. В рамках публицистических статей

присутствует большое количество различного рода манипулятивных стратегий, сохранившихся при цитации или же включенных в текст его авторами. Поэтому особое внимание стоило уделить словам-определениям именно в рамках данного дискурса.

Для решения данной задачи были отобраны статьи двух англоязычных новостных агентств — *Reuters* (UK) и *United Press International* (US) за 2016 г. (по 8 статей за месяц). Всего в лингвистический корпус «Mass media» на сайт *Sketch Engine* было загружено 192 публицистических англоязычных текста; после обработки корпуса в нем было зарегистрировано 135 983 входные единицы.

В ходе анализа контекстов употребления термина «terrorism» в дискурсе массмедиа было отмечено, что данное понятие реализуется в значении, получающемся в результате наложения политического дискурса и дискурса международных отношений на словарное толкование. Таким образом, контент-анализ позволил выделить те же самые основные и дополнительные фреймы значения. То есть в данном дискурсе терроризм описывается как явление, которое:

- хорошо спонсируется (**well-sponsored: financing of terrorism, state sponsor of terrorism, financing of global terrorism**);

- нелегально (**unlawful: crime of passion, terrorism offense**);

- насильственно (**violent: violence and terrorism, tyranny of terrorism**);

- внушает страх (**fearful: fear of terrorism, threat of terrorism, cited the threats of terrorism**);

- реализуется на международном (**international: international terrorism, global terrorism**) и государственном (**domestic: internal terrorism, homegrown terrorism**) уровне.

Описательные фреймы значения, характерные для проанализированных ранее дискурсов, также сохраняются при употреблении термина «terrorist», а именно:

- радикальность (**radical: terrorist radicalization, boost a terrorist regime**);

- нелегальность (**criminal: arrest and prosecution of terrorists, bring terrorists to justice in our courts, a charter for criminals and terrorists, growing number of illegal terrorist**);

- подготовленность (**specially trained: sophisticated terrorist, foreign terrorist fighters, a recruitment tool for terrorists**).

В случае с термином *террористический акт* отмечается лишь одно различие: в СМИ освещается реакция общества на произошедшее, поэтому особое распространение получили слова-определения, обозначающие концепт страха. Таким образом, в каче-

стве описательных фреймов значения для термина *terrorist act* выступают:

- спланированность (**well-planned**: *preparation of terrorist acts, to carrying out terrorist acts*);
- незаконность (**out of law**: *criminal terrorist acts, illegal terrorist*);
- запугивание (**fearful**: *violent terrorist acts, fear of terrorist act*).

Однако наиболее важным и интересным наблюдением, которое было сделано на основе анализа таблиц очерка сочетаемости слова, стало то, что медиадискурс действительно продолжает тенденцию, заложенную в политическом дискурсе, и даже усиливает ее. Наибольшее внимание в текстах масс-медиа уделяется тому, что терроризм сегодня — это средство ведения религиозной войны, носящее радикальный и экстремистский характер (e.g. *radical Islamic terrorism; crime of passion; radical jihadism; Islamic extremist terrorism*). То сеть для термина *терроризм* в данном случае характерны фреймы *исламистский (Islamic)* и *радикальный (radical)*.

Соответственно человек, виновный в террористическом деянии, описывается как принадлежащий к определенной религиозной группировке (*ISIS terrorists, Islamist terrorist*), а его/ее террористический акт — как совершенный в рамках радикального, экстремистского движения (*radical and criminal terrorist acts, verifiable radical Islamic terror attacks, jihadist extremists terror act*). О политической же подоплеке террористических деяний, которая является основным компонентом словарного значения терминов «терроризма», не было обнаружено ни единого упоминания.

Таким образом, у термина «terrorism» в данном случае наблюдаются фреймы *исламистский (Islamic)* и *радикальный (radical)*, у «terrorist» — *исламистский (Islamic/Islamists)* и *игиловец (ISIS terrorist)*, у «terroristic act» — *радикальный (radical)* и *экстремистский (extremists)*.

Но, так же как и в случае с политическим дискурсом, пока рано вводить данные фреймы значения в авторские толкования соответствующих слов, так как необходимо подтвердить факт того, что они закрепились в сознании носителей языка.

ВЫДЕЛЕНИЕ ЗНАЧЕНИЯ ТЕРМИНОВ МЕТОДОМ СВОБОДНЫХ АССОЦИАЦИЙ (АНКЕТИРОВАНИЕ)

Последний этап предложенного алгоритма — проверка объективности полученного результата, а также подтверждение необходимости введения дополнительных

описательных фреймов значения.

Проведение подобного рода проверки было решено осуществить посредством метода анализа свободных ассоциаций, собранных у определенной целевой группы посредством специально составленной анкеты-опросника [Terrorism in mass media].

Для получения наиболее точных сведений при работе с англоязычным дискурсом логичнее всего было опросить исключительно носителей английского языка. Таким образом, к сотрудничеству были приглашены жители Великобритании и Соединенных Штатов Америки обоюбого пола из различных возрастных групп. Всего в опросе приняло участие 360 человек.

Носителям языка было предложено пройти тест, составленный на базе онлайн-платформы *Google Forms*, которая позволяет создавать электронные анкеты для сбора информации. Респондентам было предложено ответить на следующие вопросы:

1. How would you define words «terrorist» and «terrorist act»?
2. What adjectives would you use describing word «terrorism»?
3. What is the background of terrorism today to your mind?

Анализ полученных от носителей языка свободных ассоциаций позволил заключить, что в качестве основных описательных фреймов значения терминов «терроризма» проявляются (фреймы представлены в порядке убывания частотности) **religious, ideological, political, criminal, fearful, extreme, fanatical**. Данные фреймы во многом совпадают с теми, что были изначально предложены в лексикографическом дискурсе. Однако любопытным является то, что собранные ответы подтвердили наблюдаемую в политическом дискурсе и дискурсе масс-медиа тенденцию к переносу акцентов с политического на религиозный и идеологический характер террористических деяний.

Таким образом, появилась возможность добавить в авторские определения следующие описательные фреймы значения:

- **terrorism**: угроза (threat), хорошо спонсируется (well-sponsored), международный (international), государственный (domestic), радикальный (radical), экстремистский (extremists);
- **terrorist**: хорошо и специально подготовленный (well-prepared, specially trained), вне закона (criminal), радикальный (radical);
- **terrorist act**: хорошо спланирован (well-planned), нелегальный (unlawful), запугивающий (fearful).

МОДЕЛИРОВАНИЕ АВТОРСКИХ ДЕФИНИЦИЙ ТЕРМИНОВ СФЕРЫ ТЕРРОРИЗМА

На основе всего вышесказанного в качестве результата применения авторского метода выведения наиболее полного актуального набора значений терминов сферы «терроризма» были получены следующие определения (курсивом выделены фреймы, измененные или добавленные за счет проведения контент-анализа контекстов употребления данных терминов в различных дискурсах).

Terrorism is a well-sponsored unlawful use of violence, bombing or shooting **against** civilians, noncombatant targets **to obtain in most cases religious and ideological and sometimes political aims in order to intimidate society and then coerce it. It can be of different types: State Terrorism, Religious Terrorism, Narco-Terrorism, Bioterrorism, Cyberterrorism, Ecoterrorism, Nuclear terrorism. It presents great threat to every member of modern society on international and domestic levels so it MUST be fought against.**

Terrorist is a radical criminal motivated usually by religious fervor or sometimes by politics. He or she is often directed or encouraged by terrorists and well-prepared, specifically trained by them **and uses** unlawful violence, bombing and shooting **against** civilians **to intimidate society and coerce it. It can be of different types: lone wolf, terrorist gang.**

Terrorist act is a well-planned and sophisticated violation of law **which means** use of violence **or** threat of violence **against** civilians **to** attain goals that are *as a rule religious or ideological and in some cases political* in nature **or** influence the government, to intimidate the public. **It can be of different types: nuclear / radiological / biological / chemical terrorist attack, bombings, firebombings, armed attacks, assassinations, hijackings, kidnappings, hostage taking.**

При сравнении двух типов толкований рассматриваемых терминов (толкования, предложенные в лексикографических источниках, и толкования, полученные путем авторского метода выведения значения слова) становится очевидной разница в их наполняемости, поскольку определение для термина, выстроенное на основе анализа всех дискурсов его реализации с учетом их особенностей, является более полным и объемным по содержанию. Такой подход целесообразно использовать в специализированных словарях, дополняя дефиниции иллюстративными примерами из разных видов дискурса.

Подробное изучение значения какого-либо понятия важно в условиях непосредственной работы с ним, а также при необходимости выяснения его сущности, особенно если определение или употребление данного понятия характеризуется какими-либо спорными моментами (так, как это происходит сейчас с терминами «терроризма»). Применение предлагаемого авторского алгоритма выведения значения слова, сформированного в рамках настоящей исследовательской работы, позволит зарегистрировать в онлайн лексикографических справочниках более полную информацию, отражающую актуальное значение и его оттенки в момент обращения.

Целесообразно проводить подобного рода анализ по отношению к терминам политики, так как они могут менять оттенки своего значения под влиянием как характерных особенностей самого дискурса, так и из-за частого явления перехода из политического дискурса в другие коммуникативные дискурсы, чьи характерные особенности также могут повлиять на значение.

Большим плюсом предложенного метода является то, что финальный продукт носит скорее объективный, чем субъективный характер, так как предполагает проверку результата с обращением к восприятию носителей языка.

ИСТОЧНИКИ

- 11-September. URL: <http://11-sept.org/Glossary/t.html>.
- Cambridge Dictionary. URL: <http://dictionary.cambridge.org>.
- Counter-Terrorism Definitions and Terminology. URL: https://www.herts.police.uk/advice/prevent_counterterrorism/definitions_and_terminology.aspx.
- Dictionary.com. URL: <http://www.dictionary.com>.
- Hyper Dictionary. URL: <http://www.hyperdictionary.com>.
- iAmerican Spirit Political Dictionary. URL: <http://www.iamericanspirit.com>.
- Longman Dictionary of Contemporary English Online. URL: <http://www.ldoceonline.com>.
- Macmillan Dictionary. URL: <http://www.macmillandictionary.com>.
- Oxford Living Dictionaries. URL: <https://en.oxforddictionaries.com>.
- Safire's Political Dictionary, Political Dictionary. URL: <http://politicaldictionary.com>.
- Terrorism Glossary (a). URL: <http://www.terrorism-research.com>.
- Terrorism Glossary (b). URL: <https://web.archive.org/web/20130316123817/http://www.doglegs.net/cclovett/toppage1.htm>.
- Terrorism in mass media : Google form. URL: <https://goo.gl/forms/7hHjJetDIBoCqbhZ2>.
- Terrorism Terminology. URL: <http://www.newslab.org/resources/terrorgloss.htm>.
- The Concise Oxford Dictionary of Politics. URL: <http://www.oxfordreference.com/view/10.1093/acref/9780199207800.01.0001/acref-9780199207800>.

ЛИТЕРАТУРА

6. Гришаева Л. И. Парадоксы медиалингвистики. — Воронеж : Наука-Юнипресс, 2014. 295 с.
17. Добросклонская Т. Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ. — М. : Флинта, 2008. 203 с.
18. Косолюкина Е. А. Подходы к описанию значения терминологии международных отношений английского языка

(на примере терминологии терроризма) : дис. ... магистра. — Иваново, 2017. 153 с.

19. Маник С. А. Современные техники интерпретации английской общественно-политической терминологии : моногр. — М. : ИИУ МГОУ, 2014. 278 с.

E. A. Kosolyukina, S. A. Manik
Ivanovo, Russia

**MODELING THE MEANING OF TERRORISM TERMS (*TERRORISM, TERRORIST, TERRORIST ACT*):
AUTHOR'S STRATEGY**

ABSTRACT. *The article argues the necessity of detailed description of lexical meaning of the terms belonging to the sphere of "terrorism" on the basis of theoretical research of Russian and foreign linguists devoted to the problems of discourse, semantics and lexicography. The urgency of such description of terms in specialized reference guides is determined by globalization of network communication in the Internet and a serious progress of information technologies, which brought the terms of terrorism beyond official discourse of international relations and political media discourse; they acquired additional shades of meaning. The author's algorithm of defining a term is offered; it includes the following stages: the analysis of the existing definitions found in lexicographic discourse; component analysis of the definitions to single out the core elements of the meaning; analysis of the usage of the term in typical discourses and identification of additional (acquired) components of the meaning; analysis of free associations of native speakers to prove the existence of the identified components of the meaning; analysis of free associations in questionnaires to find the meaning of the term kept in the mind of native speakers; comparative analysis of the results and a full definition of the term. The article provides definitions of the "terrorist" terms, which are the result of the author's methodology.*

KEYWORDS: *lexical meaning; lexicographic discourse; political discourse; media discourse; terrorism; terminology.*

ABOUT THE AUTHORS: *Kosolyukina Elizaveta Alekseevna, Master's Degree Student, Department of English Philology, Faculty of Romano-Germanic Philology, Ivanovo State University, Ivanovo, Russia.*

Manik Svetlana Andreevna, Candidate of Philology, Associate Professor, Department of English Philology, Faculty of Romano-Germanic Philology, Ivanovo State University, Ivanovo, Russia.

REFERENCES

1. 11-September. URL: <http://11-sept.org/Glossary/t.html>.
2. Cambridge Dictionary. URL: <http://dictionary.cambridge.org>.
3. Counter-Terrorism Definitions and Terminology. URL: https://www.herts.police.uk/advice/prevent_counterterrorism/definitions_and_terminology.aspx.
4. Dictionary.com. URL: <http://www.dictionary.com>.
5. Hyper Dictionary. URL: <http://www.hyperdictionary.com>.
6. iAmerican Spirit Political Dictionary. URL: <http://www.iamericanspirit.com>.
7. Longman Dictionary of Contemporary English Online. URL: <http://www.ldoceonline.com>.
8. Macmillan Dictionary. URL: <http://www.macmillandictionary.com>.
9. Oxford Living Dictionaries. URL: <https://en.oxforddictionaries.com>.
10. Safire's Political Dictionary, Political Dictionary. URL: <http://politicaldictionary.com>.
11. Terrorism Glossary (a). URL: <http://www.terrorism-research.com>.
12. Terrorism Glossary (b). URL: <https://web.archive.org/web/20130316123817/http://www.doglegs.net/cclovett/toppage1.htm>.

20. Чудинов А. П. Политическая лингвистика : учеб. пособие. — М. : Флинта, 2012. 252 с.

21. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01. — Волгоград, 2000. 431 с.

22. Chilton P. A. Analysing Political Discourse: Theory and Practice. — New York ; London : Routledge, 2008. 226 p.

13. Terrorism in mass media : Google form. URL: <https://goo.gl/forms/7hHjJetDIBoCqbhZ2>.

14. Terrorism Terminology. URL: <http://www.newslab.org/resources/terrorgloss.htm>.

15. The Concise Oxford Dictionary of Politics. URL: <http://www.oxfordreference.com/view/10.1093/acref/9780199207800.01.0001/acref-9780199207800>.

16. Grishaeva L. I. Paradoksy medialingvistiki. — Voronezh : Nauka-Yunipress, 2014. 295 s.

17. Dobrosklonskaya T. G. Medialingvistika: sistemnyy podkhod k izucheniyu yazyka SMI. — М. : Flinta, 2008. 203 s.

18. Kosolyukina E. A. Podkhody k opisaniyu znacheniya terminologii mezhdunarodnykh otnosheniy angliyskogo yazyka (na primere terminologii terrorizma) : дис. ... магистра. — Иваново, 2017. 153 с.

19. Маник С. А. Современные техники интерпретации английской общественно-политической терминологии : моногр. — М. : ИИУ МГОУ, 2014. 278 с.

20. Чудинов А. П. Политическая лингвистика : учеб. пособие. — М. : Флинта, 2012. 252 с.

21. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01. — Волгоград, 2000. 431 с.

22. Chilton P. A. Analysing Political Discourse: Theory and Practice. — New York ; London : Routledge, 2008. 226 p.

РАЗДЕЛ 3. ЯЗЫК — ПОЛИТИКА — КУЛЬТУРА

УДК 81'373:81\38:81'42
ББК Ш105.51+Ш105.55

ГСНТИ 16.21.55

Код ВАК 10.02.19

Л. А. Гаврилов, Р. И. Зарипов, А. С. Романов
Москва, Россия

ОБ ЭКСПРЕССИВНОСТИ «МЕРТВЫХ» МЕТАФОР

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена рассмотрению функционирования в речи «мертвых» метафор. Несмотря на существующий еще со времен Ш. Балли тезис об их неспособности создавать образ в сознании реципиента, показывается, что в определенных условиях они могут «оживать». Это происходит при употреблении в речи дополнительных, ранее не упоминавшихся потенциальных компонентов (таксонов) образа, первоначальному восприятию «мертвых» метафор не носителями языка и не специалистами в соответствующих областях знаний и других приемах. По-настоящему стертыми могут признаваться метафоры, полностью утратившие свою образность, не имеющие дубликатов значения и использующиеся исключительно для номинации явлений или предметов действительности, у которых нет иных вариантов наименования. С учетом таких параметров, как экспрессия, непредсказуемость, новизна и синонимия, можно составить градацию, представленную авторской, узуальной, «слабой» и «мертвой» метафорами. Отнесение метафоры к тому или иному разряду в словарях не всегда соответствует ее действительному стилистическому потенциалу: «мертвая» и «слабая» метафоры могут оказаться конвенциональными или даже окказиональными. Статья предназначена для студентов и аспирантов филологического направления, лингвистов и преподавателей иностранных языков.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: экспрессивность; метафоры; метафорические образы; фразеологизмы; буквализация метафор; разговорная речь.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ: Гаврилов Лев Алексеевич, кандидат филологических наук, профессор, профессор кафедры французского языка, Военный университет Министерства обороны Российской Федерации; 111033, Россия, Москва, ул. Б.Садовая, 14; e-mail: lieutenant-en-chef@ya.ru.

Зарипов Руслан Ирикович, кандидат филологических наук, начальник группы Центра (лингвистического Министерства обороны РФ) Военного университета; Военный университет Министерства обороны Российской Федерации; 111033, Россия, Москва, ул. Б.Садовая, 14; e-mail: lieutenant-en-chef@ya.ru.

Романов Александр Сергеевич, кандидат филологических наук, докторант, Военный университет Министерства обороны Российской Федерации; 111033, Россия, Москва, ул. Б.Садовая, 14; e-mail: biyalka@mail.ru.

В современных метафорологии, концептологии и когнитивистике по критерию стилистической значимости метафоры принято дифференцировать на окказиональные (они же авторские, индивидуальные, креативные, творческие), конвенциональные (узуальные, широкого употребления), «слабые» (реализующие стандартные метафорические переносы) и «мертвые» (генетические, стершиеся, «окаменелые»). За период своей «жизни» они проходят путь от первой до последней категории, представители которой не вызывают образа в сознании реципиента.

Действительно, по мере роста частотности употребления метафоры в разговорном стиле, публицистике и художественной литературе теряется ее новизна и, как следствие, нивелируется ее экспрессивность. В иных функциональных стилях, научном, официально-деловом и техническом, «живые» метафоры и вовсе по умолчанию отсутствуют.

Тем не менее в определенных условиях «мертвые» метафоры могут восстанавливать свою эмоционально-экспрессивную окраску и даже обладать персуазивным (суггестивным) потенциалом. В свете этого в настоящей статье авторы ставят под сомнение категоричность определения «мертвых образов» Ш. Балли [Bally 1921: 195] и утверждают, что стершиеся метафоры способны

оказывать экспрессивное (а в общественно-политических текстах — и манипулятивное) воздействие на реципиента.

Едва ли не впервые проблема экспрессивности «мертвых» метафор рассматривается в словаре русских политических метафор А. Н. Баранова и Ю. Н. Караулова [Баранов, Караулов 1994]. Их большая заслуга заключается в том, что в предисловии к своему труду авторы не только определили основные способы реанимации «мертвой» метафоры, но и подкрепили тезисы актуальными примерами [Там же: XVIII—XXI]:

- введение следствия из метафоры с помощью указания дополнительного свойства объекта метафоризации в той же самой модели;
- замена имени модели в метафоре на синоним или квазисиноним (метафорическое варьирование);
- отсылка к идиоме;
- отсылка к прецедентному тексту;
- метафоризация элемента сюжета прецедентного текста;
- введение других метафорических моделей, связанных с данной на уровне следствий.

Проследим процесс актуализации и концептуального воздействия стертых метафор на некоторых примерах.

Всем известно выражение «пирамида

© Гаврилов Л. А., Зарипов Р. И., Романов А. С., 2017

власти», описывающее принцип устройства власти, при котором главное лицо (пик пирамиды) делегирует свои полномочия своим подчиненным, те — своим и т. д. Это выражение имеет в своей основе образ пирамиды как символ иерархии, однако оно настолько частотно в современном политическом языке, что практически утратило всякую образность. Например: «В отличие от христианства, ислам строгой „лестницей подчиненности“ не обладает. Да, есть, конечно, муллы, имамы и муфтии. Но это — не четкая пирамида власти, не отношения руководителя и подчиненного, а, скорее, свидетельство неодинаковой образованности и разного уровня знаний отдельных персон в сфере теологии» [Добрынин 2016]. Однако стоит придать этому «мертвому» образу дополнительные, ранее не упоминавшиеся потенциальные компоненты (таксоны), изменить контекст, и он «оживает»: *Некогда монолитная пирамида власти заколебалась, дала первые трещины... Надрываясь от перенапряжения, мы стараемся приподнять чугунную пирамиду власти и, бросив ее об пол, разбить. А она то падает на бок, то раскалывается на меньшие пирамидки, которые почти мгновенно собираются вновь в огромную, почти египетскую* [Цит. по: Баранов, Караулов 1994: 54].

Как мы видим, отдельные глаголы («заколебалась», «раскалывается», «собираются»), прилагательные («монолитная», «чугунную», «меньшие», «огромную», «почти египетскую») и словосочетания («дала первые трещины», «бросив ее об пол», «падает на бок») заставляют реципиента представить некий материальный массивный объект с остроугольной вершиной, совершающий обозначенные действия и испытывающий внешнее воздействие. По сути, эта развернутая метафора может быть отнесена к классу окказиональных: все образы, созданные автором, новы и уникальны.

Для воссоздания бывшего яркого образа, заложенного в метафоре, достаточно и меньшего количества дополнительных компонентов. Например, в политическом языке широко известны избитые метафорические выражения со сферой-мишенью «система», обладающие слабой образностью, хотя и не полностью ее потерявшие: «умирающая система», «загнивающая система», «прогнившая система». Однако в контексте они могут приобретать яркие, осязаемые черты с помощью добавления всего одного словосочетания, не противоречащего метафоре смерти, а, наоборот, дополняющего ее: *Последние судороги умирающей системы могут*

быть особенно опасны [Цит. по: Баранов, Караулов 1994: 34]. Удвоение морбиальной метафоры весьма эффективно способствует сознательному (подсознательному) убеждению реципиента в неизбежности краха системы. Без этих метафорических образов для данной цели потребовалось бы гораздо больше слов и аргументов.

«Система координат» — и вовсе «окаменелое» политическое выражение, однако воспринимать его по-другому заставляет всего одно определение: *Президиум АН СССР обещает... отдать свой будущий гараж в подвале строящегося здания президиума... А по-другому — в нормальной, а не дурдомовской системе координат — мы уже и не мыслим* [Цит. по: Баранов, Караулов 1994: 133].

В политическом языке уже давно потеряла свой изначальный образ «дорожная карта». Но употребление связанного с ней на уровне следствий метафорического образа дороги ведет к созданию вполне представляемой картины: *План Шаталина — это лучшее, что есть. Это — дорожная карта. Правда, дорога с ухабами. Со многими* [Цит. по: Баранов, Караулов 1994: 284]. Реанимированная «мертвая метафора» уподобляет реализацию плана Шаталина езде по неровной, ухабистой дороге, показывая реципиенту, что реализовать этот план будет непросто.

Актуализация стертых метафор достигается, как мы видим, эксплицитным указанием в тексте дополнительных свойств и следствий из них — приемом «остранения» [Там же: XVII]. Это могут быть свойства любого характера — от простых определений до сложных фразеологизмов, отсылок к прецедентным текстам и даже метафор других моделей.

Тем не менее отдельные положения и примеры работы А. Н. Баранова и Ю. Н. Караулова можно оспорить. Так, с точки зрения критерия стилистической значимости авторы словаря выделяют лишь «живые» и «стертые» метафоры, приравнивая к ним конвенциональные [Там же: XIII], тогда как их градация более детализирована. Например, последние по классификации Ш. Балли отнюдь не являются утратившими свой образ метафорами и приравниваются им к разряду «конкретных» («чувственных») образов, включающих также окказиональные метафоры.

В классификации Х. де Ландтшер, методу расчета силы воздействия метафор которой исследовал А. Н. Баранов, в ряду указанных выделяется еще один пласт метафор — «слабые» метафоры, реализующие стандартные для соответствующего языка метафорические переносы [Цит. по:

Баранов 2013: 253]. По большому счету, следуя этой логике, мы не можем назвать стертой даже простую метафору «Переговоры — это бой». По-настоящему стертыми могут признаваться метафоры, полностью утратившие свою образность, не имеющие дубликатов с тем же значением и использующиеся исключительно для номинации явлений или предметов действительности, у которых нет иных вариантов наименования (см. табл. 1).

Можно утверждать, что именно такая градация в полной мере удовлетворяет сложившейся на сегодняшний день системе взглядов отечественных лингвистов на аспекты стилистической значимости метафоры и выступает базисом математического инструментария расчета ее экспрессивности и конфликтогенности. Если сравнивать эту классификацию с положениями Ш. Балли и словаря русских политических метафор А. Н. Баранова и Ю. Н. Караулова 1994 г., то получим терминологические соответствия, представленные в табл. 2.

Для полной ясности подчеркнем еще раз: сейчас авторская метафора может называться окказиональной, творческой или креативной; узуальная — конвенциональной, метафорой широкого употребления; «мертвая» — генетически стертой, «окаменелой».

Если возвращаться к приему «остранения», о котором упоминалось выше, авторы словаря иллюстрируют его словами известного дипломата относительно прошедших в Женеве тяжелых переговоров: «Пришлось выдержать жестокий бой, но победа достигнута». Здесь допускается фактическая ошибка, вытекающая *nitium* из упрощенной классификации метафор по критерию стили-

стической значимости, когда конвенциональную метафору, несмотря на верное определение названия, посчитали стертой.

Безусловно, использованная здесь военная метафора распространена в русском политическом языке и нередко появляется в речи подсознательно, поэтому представляется сложным создать с ее помощью новый, неординарный образ. Единственный путь — прибегнуть (*volens-nolens*) к приему «остранения», что и сделал наш дипломат. Во-первых, им добавлены отдельные слова разговорной речи, не относившиеся до этого к устойчивым оборотам военного характера: «пришлось выдержать», «жестокий». Во-вторых, синтаксическое построение высказывания носит разговорный характер (отсутствует подлежащее, используется фамильярное «пришлось»), что придает ему необычный вид. В-третьих, само высказывание, в котором отсутствует прямая номинация обсуждаемого объекта (переговоров), а есть лишь развернутая метафора, обладает для реципиента неожиданной новизной: кто из отечественных дипломатов последнего времени комментировал переговоры в подобной манере?

Кроме того, следует учесть тот факт, что комментарии официальных лиц всегда воспринимаются аудиторией с повышенным вниманием и понимаются практически буквально, особенно если они произнесены на камеру или по радио, а не прочитаны в колонке статьи. Именно по этой причине заявления политических деятелей в сравнении со словами политтехнологов и журналистов оказываются более продуктивными в структурировании политической картины мира в сознании (подсознании) реципиента.

Таблица 1. Факторы, определяющие экспрессивность метафоры

метафора	экспрессия	непредсказуемость	новизна	синонимия
авторская	+	+	+	+
узуальная	+	частичная	частичная	+
«слабая»	+	–	–	+
«мертвая»	–	–	–	–

Таблица 2. Классификации метафор по критерию стилистической значимости

Х. Ландтшер	Ш. Балли	А. Н. Баранов, Ю. Н. Караулов (1994)
авторские	«конкретные» = «чувственные» образы	«Живые» = креативные = творческие
узуальные		
«слабые»	«эмоциональные» образы	«мертвые» = конвенциональные
«мертвые»	«мертвые» образы	

Таким образом, рядовая, казалось бы, военная метафора выглядит «посвежившей», «воскреснувшей», и было бы преувеличением называть ее стертой.

Наконец, стилистическая значимость метафоры определяется не тем, как воспринимает сферу-мишень (переговоры) субъект метафорического воздействия, т. е. дипломат, как утверждают авторы словаря, а тем, как ее воспринимает объект метафорического воздействия — аудитория. Более того, дипломат может даже сознательно не различать два понятия, переговоры и войну, и поэтому по умолчанию говорить о первом из них в военных терминах, но для реципиента, как было показано выше, в подобном контексте и с учетом характера комментария официального лица метафора приобретает новый оттенок. Таким образом, в данном случае метафору ни в коем случае нельзя считать стертой, хотя и окказиональной ее нельзя назвать, поскольку образ не так ярок и нов.

Стоит упомянуть и о случаях первоначального восприятия «мертвых» метафор, представляющих собой отдельные словосочетания, устойчивые клише и отдельные термины, неспециалистами в соответствующих областях знаний. Такие конструкции могут показаться реципиенту эмоционально окрашенными, а иногда — даже неожиданными и парадоксальными.

Подобные лексические единицы приобретают экспрессивность за счет контрастивного эффекта, который создается на фоне общепринятых представлений о том, что в научном стиле лексика в принципе однозначна и строго системна. Тот факт, что в ряде случаев для раскрытия и доказательства выдвигаемых в тексте положений, а также представления, познания и понимания новых понятий авторы научных текстов могут сознательно прибегнуть к метафорам, нередко оказывается для реципиента открытием. Хотя тропеическое (метафорическое) терминообразование применяется вовсе не для эмоционального воздействия на реципиента, оно ведет к созданию кратковременного, но яркого и запоминающегося образа в его сознании: «Черная дыра — область пространства-времени, гравитационное притя-

жение которой настолько велико, что покинуть ее не могут даже объекты, движущиеся со скоростью света, в том числе кванты самого света».

Подобная «внезапная» образность метафор проявляется и у тех, кто находится в процессе освоения иностранного языка. Так, изучающие французский язык как иностранный часто воспринимают экспрессивными такие слова и выражения, как “Le malade baisse de jour en jour”, “une verte vieillesse”, “une maigre compensation”, “une parole blessante”, “étouffer in cri” и др. [Bally 1921: 194]. Справедливости ради стоит отметить, что сам Ш. Балли относит их к разряду слабых, но «живых» метафор («эмоциональных образов»), экспрессию которых носитель языка может постичь через интеллектуальное усилие. В сознании же иностранца эти образы «расцветают» и соответствуют уровню конвенциональных и творческих метафор («конкретных»/«чувственных» образов, по Балли).

Таким образом, принадлежность метафоры к какому-либо разряду «на бумаге» не всегда соответствует ее действительному стилистическому потенциалу: «мертвая» и «слабая» метафоры могут оказаться конвенциональными или даже окказиональными. Это проявляется как в письменной, так и в разговорной речи и зависит от использования в тексте приемов актуализации: введения следствий из метафоры или других метафорических моделей, связанных с данной на уровне следствий, замены имени модели в метафоре на синоним или квазисиноним, отсылки к идиоме или прецедентному тексту, а также метафоризации элемента сюжета прецедентного текста.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баранов А. Н. Введение в прикладную лингвистику : учеб. пособие. Изд. 4-е, испр. и доп. — М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. 368 с.
2. Баранов А. Н., Караулов Ю. Н. Словарь русских политических метафор. — М. : Редакция АСМ : Помовский и партнеры, 1994. 351 с.
3. Добрынин В. Франция решила создавать версию «европейского ислама» // REGNUM. URL: <https://regnum.ru/news/society/2190712.html> (дата обращения: 02.05.2017).
4. Черная дыра // Википедия. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Черная_дыра (дата обращения: 17.03.2017).
5. Bally Ch. Traité de stylistique française. Premier volume. Seconde édition. — Paris : Librairie C. Klincksieck, 1921. 331 p.

L. A. Gavrilov, R. I. Zaripov, A. S. Romanov
Moscow, Russia

ABOUT EXPRESSIVENESS OF “DEAD” METAPHORS

ABSTRACT. *The article discusses functioning of “dead” metaphors in speech. In spite of the view of C. Bally that they cannot create a definite image in the mind on the addressee, the article argues that in certain conditions such metaphors can “come alive”. It happens when some additional components of the image, not mentioned before, appear in speech; when the “dead” metaphor is interpreted by non-native speakers and non-specialists in the sphere; and in some other cases. The dead metaphors proper are those metaphors that have no figurativeness, no semantic counterpart; they are used to name the phenomenon or the object of reality, which has no other name. Taking into account such parameters as expressiveness, unpredictability, novelty and synonymy, it is possible to make a scale that includes author’s, usual, “weak”, and “dead” metaphors. Reference of metaphor to this or that group in the dictionary often doesn’t correspond to its actual*

stylistic potential: “dead” or “weak” metaphors may become conventional or occasional. The article is of interest to the students and post-graduate students of Philology, linguists and foreign language teachers.

KEYWORDS: *expressiveness; metaphors; metaphorical image; phraseological unit; lateralization of metaphor; colloquial speech.*

ABOUT THE AUTHORS: *Gavrilov Lev Alekseevich, Candidate of Philology, Professor, Department of the French Language, Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Moscow, Russia.*

Zaripov Ruslan Irikovich, Candidate of Philology, Head of the Group (Linguistic Ministry of Defense of the Russian Federation) of Military University, Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Moscow, Russia.

Romanov Aleksander Sergeevich, Candidate of Philology, Doctoral Student, Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Moscow, Russia.

REFERENCES

1. Baranov A. N. Vvedenie v prikladnyuyu lingvistiku : ucheb. posobie. Izd. 4-e, ispr. i dop. — M. : Knizhnyy dom «LIBRO-KOM», 2013. 368 s.
2. Baranov A. N., Karaulov Yu. N. Slovar' russkikh politicheskikh metafor. — M. : Redaktsiya ASM : Pomovskiy i partnery, 1994. 351 s.
3. Dobrynin V. Frantsiya reshila sozdat' versiyu «evropeyskogo islama» // REGNUM. URL: <https://regnum.ru/news/society/2190712.html> (data obrashcheniya: 02.05.2017).
4. Chernaya dyra // Vikipediya. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Chernaya_dyra (data obrashcheniya: 17.03.2017).
5. Bally Ch. Traité de stylistique française. Premier volume. Seconde édition. — Paris : Librairie C. Klincksieck, 1921. 331 p.

Л. В. Енина, О. В. Ильина, Е. В. Каблуков, Э. В. Чепкина
Екатеринбург, Россия

**ПРАКТИКИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ РОССИЯН
ПОД ВЛИЯНИЕМ МЕДИАКОНЦЕПТА «ИНФОРМАЦИОННАЯ ВОЙНА»**

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена лингвистическому исследованию национально-гражданской идентификации россиян. Теоретической базой исследования выступает мягкая концепция идентичности, которая делает акцент на изменчивости, фрагментарности, множественности идентичности и имеет исключительно символическое — дискурсивное — измерение. Предлагается рассматривать национально-гражданскую идентичность россиян как самостоятельный дискурсивный концепт, аналитически отличный от сходных, но не совпадающих с ним понятий «этнос», «нация». На материале наиболее цитируемых, по данным «Медиалогии», российских СМИ анализируются практики национально-гражданской идентификации и их взаимосвязь с концептом «информационная война». Его наличие обуславливает систематическое конструирование в медиадискурсе реальности, в которой создается образ врага, а для аудитории СМИ конструируется роль жертвы враждебных действий. Выявлено широкое распространение смысла «Россия, россияне — сплоченное единство» на всю политическую тематику дискурса российских СМИ. Хотя упоминаются политические течения, отмеченные как актуальные для современной России (либерализм, фашизм), однако их политическое содержание размывается до неразличения, они просто маркируются как неприемлемые. Политическая однородность большинства россиян увязывается с фигурой Президента РФ и характеризуется сплоченным единством перед враждебными силами (Запад, либеральные оппозиционеры). Внешнеполитическая идентификация представляет Россию прежде всего как государство и поддерживается устойчивой оппозицией «Россия — Запад».

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: СМИ; средства массовой информации; дискурсивные практики; информационные войны; национальная идентичность; гражданская идентичность; россияне; политический дискурс; медиадискурс; медиаконцепты.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ: Енина Лидия Владимировна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и стилистики, департамент «Факультет журналистики» Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина; 620051, Россия, Екатеринбург, пр. Ленина, 51; e-mail: enina.lidia@gmail.com.

Ильина Ольга Владимировна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и стилистики, департамент «Факультет журналистики» Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина; 620051, Россия, г. Екатеринбург, пр-т Ленина, 51; e-mail: ilina.usu@gmail.com.

Каблуков Евгений Викторович, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и стилистики, департамент «Факультет журналистики» Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина; 620051, Россия, г. Екатеринбург, пр-т Ленина, 51; e-mail: ekablukov@gmail.com.

Чепкина Элина Владимировна, доктор филологических наук, заведующая кафедрой русского языка и стилистики, департамент «Факультет журналистики» Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина; 620051, Россия, г. Екатеринбург, пр-т Ленина, 51; e-mail: chepkina@gmail.com.

Подходы к исследованию идентичности в лингвистических науках и определение понятия «дискурсивная идентичность». В отечественной лингвистике можно выделить две основные традиции понимания идентичности (в данном случае неважно, чьей идентичности — индивида или группы); эти традиции, говоря словами Роджерса Брубейкера, представляют собой «жесткую и мягкую концепции идентичности» [Брубейкер 2012: 84]. Упрощенно представляя эти концепции, можно сказать, что жесткая концепция фиксируется на поиске в языке и речи устойчивых элементов в пределах длинных временных отрезков, на обнаружении целостности, однородности идентичности, проявляющейся в речевой деятельности [Крысин 2001; Прохоров, Стернин 2006; Шмелев 2002]. А мягкая концепция делает акцент на изменчивости, фрагментарности, множественности идентичности [Батлер 2000; Батлер 2011; Брубейкер 2012; Лаппо

2013; Савкина 2001; Сандомирская 2002; Слободяник 2007; Филлиппс, Йоргенсен 2008 и др.]. В данном исследовании мы придерживаемся мягкой концепции идентичности, которая обязана своим происхождением социальному конструктивизму и предлагает смотреть на идентичность прежде всего как на социальную переменную, имеющую исключительно символическое — дискурсивное — измерение. Поэтому наше исследование не претендует на анализ массового сознания и построение национальной картины мира, а посвящено поиску текущих закономерностей формирования идентичности, которая конструируется в разных текстах дискурса современных российских СМИ. В этом смысле мы ведем исследование в сфере лингвистики дискурса, как это понимает О. Г. Ревзина: «...лингвистику дискурса не занимает вопрос о связанном, завершеном тексте, о принципах его устройства; ее измерение — это проникновение сквозь раз-

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ. Проект «Национально-гражданская идентичность россиян в дискурсе СМИ: концепт „информационная война“ как мобилизационный фактор идентификации» № 16-04-00460/17-ОГОН.

© Енина Л. В., Ильина О. В., Каблуков Е. В., Чепкина Э. В., 2017

ные тексты. Нужно выйти к той форме бытования языка, которая дана не на уровне конструктов (порождение, понимание — то, что происходит в сознании субъекта, и то, что непосредственно недоступно наблюдению), а на уровне материальной телесности. Этим уровнем является реально высказанное, произнесенное, закрепленное „на белизне бумаги“ [Ревзина 1999: 27]. Исследователь-лингвист, который придерживается мягкой концепции идентичности, ставит вопрос не о репрезентации идентичности средствами языка, а о конструировании идентичности в дискурсе.

Мы опираемся на понимание дискурса в русле идей М. Фуко — как относительно устойчивого поля смыслов, упорядочиваемых группами дискурсивных практик. Любой дискурс структурируется собственными правилами формирования объектов и концептов, правилами формирования субъектных позиций дискурса, подчиняющихся процедурам включения и исключения [Фуко 1996; Филлипс, Йоргенсен 2008; Чепкина, Енина 2012; Чернявская, Молодыхенко 2014 и др.].

По словам Л. Филлипс и М. Йоргенсен, «все подходы к дискурс-анализу... построены на идеях М. Фуко об истине. Он понимает ее как нечто, что создается дискурсивно» [Филлипс, Йоргенсен 2008: 35]. В силу специфики организации дискурса СМИ для его анализа нам ближе развивающая идеи М. Фуко концепция дискурса Ш. Муфф и Э. Лакло, которые делают акцент на том, что в каждом историческом периоде сосуществуют различные дискурсы, борющиеся за право определять истину и присваивать ее дискурсивному знаку, в том числе концепту [Laclau, Mouff 1985].

Дискурс СМИ — это такое дискурсивное пространство, в котором одновременно циркулируют разные, в том числе взаимоисключающие, мнения и транслируются, явным или скрытым способом, разные ценностно-нормативные, политические, профессиональные ориентиры. Содержательная неоднородность органична для дискурса СМИ, если в публичном пространстве не подавляются разные политические и идеологические позиции.

Таким образом, свойствами дискурсивной идентичности являются динамичность, множественность, ситуативность. Динамичность указывает на способность идентичности к трансформации в текущей коммуникации, множественность подчеркивает ее семантическую неоднородность, ситуативность связана с закономерностями организации конкретного дискурса. При таком понимании идентичности и ее свойств она есть всегда промежуточный результат социаль-

ных, в том числе дискурсивных процессов. Говоря «промежуточный», мы подчеркиваем невозможность завершения процесса идентификации. Дискурсивная идентичность подобна течению реки, которое нельзя остановить, но можно сфотографировать. Принимая во внимание эту специфику дискурсивной идентичности, необходимо при ее выявлении учитывать временные границы исследуемого дискурса.

Идентификация как категория анализа дискурсивной идентичности. Мы считаем, что для описания структуры дискурсивной идентичности, носящей динамический характер, необходима другая категория анализа: мы должны переместить исследовательский взгляд с понятия идентичности на понятие идентификации как отдельного дискурсивного акта установления тождества или различия с чем-/кем-нибудь. То, что «идентификация лишена „овеществляющих“ коннотаций идентичности» [Брубейкер 2012: 89], позволяет увидеть множественность идентификаций, объединенных общим дискурсивным объектом, но принципиально не сводимых к целостному феномену.

Собственно с лингвистической точки зрения идентификация может быть осуществлена с помощью слова (*преподаватель, журналист, добрый, красивый*), словосочетания (*председатель правительства, заведующий кафедрой, русский патриот*), клишированного выражения (*все бабы дуры*), законченного смыслового фрагмента (например, слова Сергея Доренко о долге журналиста: *если на любую радиостанцию, в любое средство массовой информации, звонит человек и говорит: я с места аварии, то твой долг его выслушать* — можно рассмотреть как профессиональную идентификацию журналиста) или даже объемного текста (например, повествование о своей биографии становится самоидентификацией говорящего). Семантическое наполнение отдельной идентификации определяется только исходя из конкретной коммуникативной ситуации и закономерностей дискурса в целом. Разумеется, семантика идентификаций может быть сходной, взаимодополняющей или взаимоисключающей, но все идентификации, разнородные структурно и семантически, связаны с одним и тем же объектом дискурса [см. также: Енина 2016].

Вводя понятие «идентификация», мы можем предложить следующее определение дискурсивной идентичности. Дискурсивная идентичность — это дискурсивный концепт (мы опираемся на понимание дискурсивного концепта, предложенное Э. В. Чепкиной:

«В связи с анализом определенного дискурса рассматриваются только такие концепты, которые принадлежат этому дискурсу и не могут отождествляться с ментальными структурами реальных коммуникантов, действующих в данном дискурсивном пространстве» [Чепкина 2000: 10]), организованный по сетевому принципу, т. е. это нецентрированный комплекс идентификаций одного объекта дискурса, который связан тематически, может иметь разные смысловые конфигурации на основе отношений подобия, различия, смежности и других и способен трансформироваться за счет добавления/исключения идентификаций и изменения смысловых отношений между ними.

Анализ дискурсивной идентичности может касаться как исследования структуры концепта в рамках определенного дискурса, так и рассмотрения отдельных дискурсивных практик идентификаций. Под дискурсивными практиками понимаются закономерности передачи и развертывания смыслов [Чепкина, Енина 2012; см. также: Майданова, Чепкина 2011; Иссерс 2014].

Национально-гражданская идентичность россиян: определение понятия. Исходя из принципиальной семантической неоднородности дискурса СМИ мы считаем важным обратиться к поиску сети идентификаций россиян, на основе которых дискурсивно формируется воображаемое «мы — россияне». Для того чтобы выявить и описать репертуар идентификаций россиян в СМИ, мы предлагаем термин *национально-гражданская идентичность*. Национально-гражданская идентичность рассматривается как самостоятельный дискурсивный концепт, аналитически отличимый от сходных, но не совпадающих с ним понятий, таких как этнос, нация, территориальная или государственная принадлежность и др. Термин «национально-гражданская» вводится для того, чтобы уйти от единичного определения «национальная», так как понятия *нация* и *этнос* не всегда различаются не только в публицистических, но и в научных текстах. К вводимому близок термин «государственная идентичность», однако мы отказываемся от него, поскольку «государственная идентичность» указывает на территориально-административное ограничение содержания концепта. Таким образом, национально-гражданская идентичность не сводится к этнической, государственной или территориальной принадлежности, но нелинейно соотносится с ними, а слово «гражданская» как основное в словосочетании вмещает в себя многоаспектность идентификаций в связи с неформальными гражданскими институтами.

Кроме того, добавление определения «гражданская» позволяет вместить в термин разнообразные социальные идентификации, основанные на «объективной» категоризации, например *региональная* или *конфессиональная*, и на «субъективной» категоризации, например: *пятая колонна*, *патриоты*. Предлагаемый термин «национально-гражданская идентичность» (этот термин в своих работах использовала Л. М. Дробижева, но в значении «государственная идентичность» [см., напр.: Дробижева 2010]) видится предпочтительным по перечисленным выше причинам.

Таким образом, под **национально-гражданской идентичностью россиян** понимается сеть идентификаций, смысл которых связан с самоотнесением или приписыванием группе лиц принадлежности к сообществу, объединяемому на основе не только гражданства РФ и связи с территорией РФ, но и на основе русского языка, на основе связи с историей России и с видением путей ее развития, на основе культурных ценностей и образа жизни. В конкретном журналистском тексте эти смыслы могут пересекаться или присутствовать по отдельности, могут быть представлены развернуто или фрагментарно.

Мы считаем, что в российских СМИ с 2014 г. практики национально-гражданской идентификации находятся под влиянием медиаконцепта «информационная война». Будучи включенным в информационную повестку СМИ, этот концепт требует от субъектов дискурса определенности (само)идентификации, в первую очередь в отношении своей политико-идеологической позиции. То же относится к большинству персонажей, упоминаемых в медиатекстах.

«Информационная война» как концепт в дискурсе СМИ. Понятие информационной войны, введенное в оборот во второй половине XX в., интерпретируется российскими исследователями не только как противостояние в информационной сфере, осуществляемое главным образом посредством масс-медиа [Манойло 2009; Панарин 2006; Шатило, Шорни 2008], т. е. двустороннее столкновение, но и как информационное воздействие на массовое сознание, связанное с достижением каких-либо целей [Почепцов 2000], как действия, направленные на достижение информационного превосходства над неким противником [Тихомиров 2012; Чернышов 2012], вне зависимости от того, осуществляет ли он какие-либо агрессивные шаги, т. е. действительно ли является противником.

Вторая группа подходов позволяет вве-

сти феноменологическое переосмысление информационной войны как дискурсивного конструкта, т. е. части «реальности», которая создается главным образом в медиадискурсе и может не иметь корреляций с так называемой действительностью — подлинной реальностью, к описанию которой стремятся историки. Исследователь медиадискурса, как и потребитель массовой информации, имеет дело с концептами дискурса, одним из которых является «информационная война». Таким образом, не оспаривая возможность изучения информационной войны как исторического факта, мы исходим из того, что потребитель информационного продукта (массовая аудитория) сталкивается с данным феноменом и сознает наличие информационной войны лишь тогда, когда массмедиа конструируют соответствующую реальность [Луман 2005].

В нашем понимании «информационная война» — это концепт, функционирующий как часть технологии борьбы за власть, в том числе за установление истины, этот концепт служит в рамках медиадискурса последовательному и систематическому конструированию реальности, в которой какому-либо объекту и/или его образу, функционирующему в медиадискурсе, приписываются резко негативные характеристики, создается образ врага, а для аудитории СМИ конструируется роль жертвы враждебных действий. Присутствие в тексте дискурсивного концепта «информационная война» может быть определено как по базовому имени «информационная война», так и по ряду его лингвистических маркеров: негативные оценки, военные метафоры, отрицательно-оценочная, в том числе стилистически сниженная, лексика по отношению к политическим, идеологическим оппонентам.

Национально-гражданская идентичность россиян: политическое направление идентификаций. Мы хотим проследить наличие или отсутствие взаимосвязи концепта «информационная война» с национально-гражданскими идентификациями россиян в дискурсе российских СМИ.

В основе исследования лежат 149 журналистских текстов, отобранных в ходе проведения мониторинга российских СМИ в период с 23 марта по 29 марта 2015 года. Мониторингом были охвачены те СМИ, которые, по данным «Медиалогии» (автоматизированная система мониторинга СМИ), занимали первые два места по рейтингу цитируемости среди российских СМИ: газеты «Коммерсантъ» и «Известия», журналы «Форбс» и «Starhit», телеканалы «Россия 24» и «Дождь», радиостанции «Русская

служба новостей» и «Эхо Москвы», интернет-ресурсы *Lenta.ru* и *Rbk*. Рейтинг цитируемости показывает те российские СМИ, которые пользуются авторитетом среди профессионального журналистского сообщества. Отбор текстов был осуществлен методом сплошной выборки из базовых журналистских жанров — новостных выпусков, информационных заметок и интервью. Авторские журналистские программы типа «Агитация и пропаганда» не рассматривались в связи с большим тяготением не столько к журналистскому, сколько к политическому дискурсу.

Выделенные при анализе эмпирического материала национально-гражданские идентификации были классифицированы по тематическому признаку. Количественно первые три места распределены между политическим (100), экономическим (56), территориальным (41) направлениями идентификации. Далее значимую частотность получили морально-нравственное (32), цивилизационное (24), военное (24) и историческое (20) направления. Остальные направления получили менее 10 упоминаний: правовое (9), профессиональное (9), религиозное (8), спортивное (5) и этническое (4).

Как видно из статистики, подавляющее количество идентификаций россиян связано с политической тематикой. Это показывает, что актуальная повестка дня в анализируемый период связана прежде всего с мировыми и российскими политическими событиями. Кроме того, выступают экспертами, собеседниками в интервью и являются гостями теле- и радиопрограмм в подавляющем большинстве представители государственных структур власти. Иными словами, практики отбора персонажей и экспертов в дискурсе российских СМИ имеют относительно узкий диапазон.

Базовое имя концепта «информационная война» присутствует в 7 текстах, лингвистические маркеры концепта обнаружены в 53 текстах.

Внутриполитическое направление национально-гражданской идентичности и его взаимодействие с концептом «информационная война». С. О. Калганова в политическом направлении идентичности россиян в СМИ выделяет две тематические линии — внутриполитическую и внешнеполитическую [Калганова 2016]. Однако семантически обе линии объединяются общими дискурсивными практиками идентификации. В обеих тематических линиях номинации *россияне*, *русские* *российские граждане*, *жители страны* практически не используются, в большинстве случаев в текстах и

заголовках происходит метонимическая замена на *Россия, Родина* и/или на местоимение *мы*. Такая замена обеспечивает широкое распространение смысла *Россия, россияне* — *сплоченное единство* на всю политическую тематику дискурса российских СМИ.

Различие между внутривнутриполитическими и внешнеполитическими оппонентами наблюдается в том, с какими тематическими направлениями идентификации они вступают в отношения смежности.

В идентификациях с внутривнутриполитической тематикой обозначаются разные политические течения, отмеченные как актуальные для современной России: *либерализм, неонацизм, национализм, фашизм, либерал-фашизм*. Построить такой перечислительный ряд политических течений нам позволяет их общая функция в текстах — пейоративная оценка чуждой для субъекта речи политической позиции. Собственно политическое содержание называемых политических течений в публичной речи размывается до неразличения [см. также: Каблуков 2016: 210].

Смысл преобладающей политической однородности граждан России часто присутствует в информационных текстах о результатах социологических опросов. Политическая однородность связана не с политическим течением или партией, а с фигурой Президента РФ: *В этом смысле данное исследование подтверждает высокий уровень доверия президенту, который, безусловно, распространяется на всю его команду. Одним из достижений Владимира Путина за 15 лет стала стабильная и предсказуемая политика, в том числе взвешенные и выверенные кадровые решения. Граждане понимают и ценят это. Если мы доверяем президенту, то доверяем и человеку, который с ним работает* (Известия. Больше половины граждан поддерживают команду президента. 23.03.2015).

Также политическая идентификация россиян характеризуется сплоченным единством перед внешними и внутренними враждебными силами, которые в разной степени конкретизируются: *Запад, либеральные оппозиционеры, пятая колонна* и под. Установление сплоченной политической идентичности россиян происходит с помощью отрицательно-оценочных идентификаторов, например, политических оппонентов за рубежом: *...Америка спровоцировала и теперь раздувает конфликт на Украине, развязывая новую холодную войну* (Россия 24. В Конгрессе США предложили забыть о ненависти к России. 29.03.2015).

Конкретизация враждебных сил может достигать персонификации. Так, при обсуж-

дении снятия неприкосновенности с депутата Государственной думы Ильи Пономарева журналист называет прежде всего юридические основания предстоящего события в связи с возбуждением против И. Пономарева уголовного дела. Далее журналист приводит мнения представителей фракции «Единая Россия», КПРФ, «Справедливая Россия», ссылаясь на общее мнение фракции ЛДПР и дает слово самому Илье Пономареву. Однако все депутаты похожим образом говорят о том, что И. Пономарев противопоставил себя *Родине*, что его *оппозиционная деятельность против власти перешла в оппозиционную деятельность по отношению к собственной стране*. И таким образом нарушения в расходовании денежных средств при оплате лекционной деятельности Пономарева игнорируются, а снятие депутатских полномочий целиком переводится в политическую плоскость — враждебность по отношению к стране в целом.

Так, депутат Госдумы от партии «Единая Россия» Франц Клинецвич говорит: *Меня лично как человека ну просто не устраивает все, что делает Пономарев, с точки зрения его позиционирования к Родине, которая его воспитала, дала образование, сделала депутатом Государственной думы. Ты критикуй отдельно взятых начальников и так далее, но не занимайся подрывной работой в отношении своей страны. Очень многие абсолютно четко не разделяют то, что делает Пономарев. Так сложились обстоятельства, которые Илюша сам выстроил сегодня вот вокруг себя*.

Обратим внимание, что в приведенном фрагменте Ф. Клинецвич идентифицирует себя в качестве не политика, а частного лица: *меня лично как человека не устраивает все, что делает Пономарев*. При этом в его словах *родина* выступает наивысшей силой, в которой сосредоточена воля российских граждан: *Родина, которая его... сделала депутатом Государственной думы* (Эхо Москвы. Снятие депутатской неприкосновенности с депутата Пономарева. 26.03.2015). Сам *Илья Пономарев* выступает как агент противостоящей России стороне и выполняет *подрывную работу в отношении своей страны*.

Формально внутривнутриполитическое разнообразие партий в дискурсе СМИ присутствует, и журналисты, как правило, включают противоположную точку зрения в свои тексты. Однако формальное разнообразие не влечет за собой содержательных политических различий. Если рассматривать всю совокупность политических идентификаций по данным мониторинга, то истинность смысла

«политического единства России» обосновывается с помощью многочисленных повторов этого смысла персонажами дискурса СМИ [см. о способах обоснования истинности концепта в дискурсе СМИ: Чепкина 2000: 177—178]. Концепт «информационная война» воплощен в лице зарубежных противников и их агентов, которые распространяют негативную информацию о России. Эта информация тиражируется в текстах российских СМИ.

Внешиполитическое направление национально-гражданской идентификации и его взаимодействие с концептом «информационная война». Поскольку внешнеполитическая идентификация представляет Россию прежде всего как государство, как международного субъекта, эти идентификации вступают в отношения смежности с идентификациями территориальной тематики. Территориальное направление также поддерживается устойчивой оппозицией *Россия — Запад*, которая оказывается тесно связанной с концептом «информационная война».

Следует отдельно подчеркнуть, что часто воспроизводятся негативные идентификации, способные задеть достоинство граждан России, типа *Москва должна уступить [США. — авт.] „за спасибо“*. Такого рода высказывания приписываются западным политическим оппонентам. Так, на канале «Россия 24» цитируются слова Стивена Коэна (в тексте он представлен как *профессор Нью-Йоркского университета, историк*): *Каждый политический лидер в Америке со времени прихода Путина к власти говорил: мы не должны позволить России какую-либо сферу интересов. Это, кстати, и любимое выражение вице-президента Байдена: „Россия не может иметь сфер влияния“. И все это в тот момент, когда США двигают военный Альянс НАТО к границам России. Это самое быстрое наращивание сферы влияния в истории в мирное время. Примерно 400 тысяч квадратных миль. Не имеет прецедентов в истории демонизация российского лидера Путина. Мы, к примеру, никогда так не очерняли коммунистических лидеров. Сейчас это болезнь Америки, а не Путина (Россия 24. В Конгрессе США предложили забыть о ненависти к России. 29.03.2015)*. Несмотря на то, что концепт «информационная война» в этом фрагменте не присутствует, медиапротивник, негативно относящийся к России, вполне материализован: *политический лидер в Америке; вице-президент Байден, США, военный Альянс НАТО*.

В целом для субъектной позиции журна-

листа в информационных жанрах важна ориентация на «объективность», поэтому прямые сигналы личного отношения к передаваемой информации отсутствуют. В связи с этим концепт «информационная война» употребляется в речи журналистов, как правило, со ссылкой на чужое мнение. Например: *Еще раньше, в декабре 2014 года, Стець (Юрий Стець — министр информационной политики Украины) объявлял, что в его ведомстве появится департамент, занимающийся вопросами информационной войны* (Lenta.ru. 24.03.2015. Аксенов заявил о невозможности украинского вещания в Крыму).

Речь персонажей и экспертов в текстах СМИ активно структурируется оценочными практиками [Автохутдинова 2015]. Оценка *России* присутствует в их прямой или косвенной речи. В высказываниях российских политических деятелей и в цитируемых высказываниях зарубежных политиков или в приписываемых им суждениях *Россия* комбинирована с концептом «информационная война» и его лингвистическими маркерами. При этом в большинстве высказываний российских персонажей *Россия* идентифицируется либо как жертва информационной войны, либо как сторона, противостоящая этой войне, но не как ее активный участник.

Внешиполитические идентификации *России* в текстах на политическую тематику распределяются на дискурсивные практики по установлению различия или сходства. Активны практики указания на идентичность через установление различия в его крайнем выражении — резком противопоставлении, открытой вражде. Складывается антагонистический тип отношений между дискурсивными объектами *Россия* и *Запад*. Последний объект иногда конкретизируется до *Украины, Польши, США, Дании, Канады* или обобщается до *стран ЕС, стран НАТО, западной цивилизации*. Открытая враждебность приписывается противоположной стороне.

Смыслы враждебности пересекаются на условиях взаимодополнения со смыслами, реализуемыми в военном направлении национально-гражданской идентификации россиян. Постулирование военного противостояния также подчеркивает прежде всего территориальные границы государств.

Менее активны практики через установление отношений сходства, союзничества. Сходство по политической позиции наблюдается между объектами *Россия* и *Болгария, Сирия, Молдавия, страны Арктического совета, Межпарламентский союз*. Здесь наблюдается пересечение политического с экономическим направлением национально-

гражданской идентификации. Однако обращение в текстах к практикам идентификации через отношения союзничества, как правило, сопровождается упоминанием враждебной стороны. Так, текст начинается позитивной оценкой действий российских политиков: *Лишенные права голоса в парламентской ассамблее Совета Европы российские парламентарии переориентировали свою внешнеполитическую деятельность на более представительную организацию.* Далее приводятся слова Сергея Гаврилова, члена делегации, главы комитета по собственности Госдумы: *К России в этой организации (Межпарламентский союз. — авт.) традиционно позитивное отношение. Страны Азии, Африки, особенно Латинской Америки никогда за всю историю не выступали с агрессивными заявлениями в адрес России. Работу с ПАСЕ мы считаем бесперспективной. Это сборище не всегда адекватных и радикально настроенных депутатов, которые не могут реализовать себя в реальной политике. Выслушивать их русофобские заказные выступления не имеет смысла* (Известия. 25.03.2015. Федеральное собрание меняет ПАСЕ на Межпарламентский союз). Как известно, выбор стилистически сниженной лексики, характеризующей европейских парламентариев, обладает большим воздействующим потенциалом, чем позитивно-оценочная лексика, адресованная более представительной организации. Этот пример показывает устойчивое распределение стилистического выбора между дискурсивными практиками по установлению различия и сходства в политической идентификации.

Политическая идентификация россиян в нежурналистской речи дискурса СМИ. В информационных заметках и интервью журналисты часто соблюдают баланс положительного и отрицательного и обычно дистанцируются от концепта «информационная война», однако гости теле- и радиопрограмм и эксперты такой баланс соблюдают далеко не всегда. Особенно в условиях прямого эфира на радио они нередко используют неаргументированные заявления и резкие оценки.

Рассмотрим программу «Позиция» на радиостанции «РСН» — интервью под названием «Информационную войну против России на Западе называют конструктивной критикой» (РСН. Позиция. 24.03.2015). Ведущая программы Мария Андреева беседует с Вадимом Деньгиным, депутатом Государственной думы. Тему информационной войны начинает журналист, введение этой темы подчеркивает актуальностью: *Вадим Евге-*

ньевич, тут часто обсуждают такое понятие, как информационная война, сравнивают, кто выигрывает, кто проигрывает. С Вашей точки зрения как обстоит дело? Кто выигрывает в информационной войне, связанной с конфликтом на Украине: Россия, Евросоюз?

Приглашенный в качестве эксперта Вадим Деньгин, отвечая на поставленный вопрос, многократно употребляет концепт «информационная война» и активно высказывается от имени «мы». Т. ван Дейк, анализируя речь в английском парламенте, пишет: «Использование типичного в политической сфере местоимения „наш“ указывает на то, с какими группами ассоциирует себя говорящий. Впрочем, нужно учесть, что подобная групповая самоидентификация не носит объективный характер, а служит частью моделей и социальных репрезентаций говорящих, которые уже имеют групповую принадлежность. В условиях конкретной специфической речи такие самоидентификации имеют стратегическую направленность („мы, демократы“) и исключают других („мы в Англии“ — по отношению, в первую очередь, к белому населению). Дискурсивная поляризация „мы/они“, типичная для политического дискурса, отражает не только ментальные репрезентации тех, о ком говорят (англичане/мусульмане), но и категории участников (как они представлены в контекстных моделях), к которым обращаются в коммуникативной ситуации („мы как консерваторы“ / „они как лейбористская оппозиция“»)» [ван Дейк 2015: 217]. Иными словами, кроме формальных лингвистических показателей типа местоимения *мы* и его падежных форм, необходимо учитывать общий контекст и окружающие смыслы, чтобы найти, какую именно коллективную идентификацию демонстрирует говорящий, употребляя местоимение «мы». Анализ употребления местоимения «мы» в публичной речи персонажей-экспертов подтверждает тезис ван Дейка. Большей частью групповая самоидентификация представителя государственной власти с помощью местоимения «мы» демонстрирует, что свою политическую идентичность он расширяет до объединения себя со всей страной: *В большинстве случаев на Западе не видят никакой информационной войны. По их предположению, ее ведет только мы. А на Западе считают, что это нормальная, конструктивная критика в отношении Российской Федерации. Конструктивной критики я не вижу, а информационную войну развязали как раз пятая колонна, Запад. Хотя, словосочетание „пятая колонна“ стало уже ругательным,*

американцы, европейцы достаточно активно торпедуют. Мы же прекрасно помним недавнее формирование нового министерства информации на Украине, где стали активно поощрять появление так называемых универсальных интернет-солдат, блогеров, которые стали торпедовать Российскую Федерацию. Некоторое время назад ходили слухи о том, что США выделили порядка 25 миллионов долларов на армию блогеров для торпедирования именно Российской Федерации, для разжигания слухов, вражды, для подвержения сомнению курса нашего правительства, президента, депутатов. Я считаю, что в этой информационной войне, к счастью, нет никаких победителей, потому что России нет смысла в ней участвовать. Мы всегда стараемся от этого отодвигаться. Всё происходящее — это попытки навязать нам ее такими способами, как создание на Украине вышеупомянутого министерства, появление этих блогеров и так далее. Нам вообще наплевать на эту войну, что хотите, то и говорите (РСН. Позиция. Депутат Деньгин: «Информационную войну против РФ на Западе называют критикой». 24.03.2015).

Этот фрагмент ярко демонстрирует практику приписывания враждебных действий стороне, которую говорящий оценивает как враждебную не столько внешнеполитическому курсу российской власти, сколько всем гражданам страны. Депутат не использует конкретные номинации для собственной политической идентификации, но при этом многократно употребляет местоимение «мы». Семантическая размытость, неопределенность употребления этого местоимения — это не случайность, а выбор говорящего. Нам здесь важна не столько авторская интенция, сколько именно воспроизведение коммуникативного опыта публичного говорения, когда демонстрируются практики национально-гражданской идентификации через процедуру различения, противопоставления. Чужая сторона более конкретизирована, чем своя: *наша национально-гражданская идентификация становится возможной, становится более определенной благодаря враждебному окружению. Описание действий «информационного противника» выполняется с использованием лексики из тематической группы «война»: торпедуют; универсальные интернет-солдаты; армия блогеров для торпедирования именно Российской Федерации; вражда.*

Национально-гражданская идентификация россиян осуществляется, в соответствии с темой беседы, по признаку их отношения к

информационной войне. Присутствуют два варианта идентификации россиян, один из которых автор оценивает как ложный, навязываемый россиянам извне: *В большинстве случаев на Западе не видят никакой информационной войны. По их предположению, ее ведем только мы.* Вторая, истинная, по мнению говорящего, идентификация жителей России имеет противоположный смысл: *Я считаю, что в этой информационной войне, к счастью, нет никаких победителей, потому что России нет смысла в ней участвовать. Мы всегда стараемся от этого отодвигаться. <...> Нам вообще наплевать на эту войну, что хотите, то и говорите.*

Постулирование острой актуальности национально-гражданской идентификации россиян в соотнесении с концептами «война» и «информационная война» присутствует в интервью на радио РСН с Виктором Баранцом, военным обозревателем газеты «Комсомольская правда», полковником в отставке, как представил его ведущий программы «Умные парни». В. Баранец постоянно увязывает, употребляет рядом концепты «война» и «патриотизм», последний рассматривается как важнейшее качество, которое должно быть воспитано у россиян. Так, он с гордостью рассказывает, что Министерство обороны планирует построить парк: *Это будет уникальный парк, и я посмею сказать, что он будет единственным в мире в своем роде, поскольку люди там не только увидят военную технику. Там они смогут пострелять, пожить в блиндаже, купить себе военную форму, покататься на броневике, послушать концерт, поесть гречневой каши с тушенкой, это будет такой гигантский военно-патриотический университет (РСН. Умные парни. Баранец: «Армия не просит повышения зарплат, у военных есть совесть». 27.03.2015).*

Возможность приобщиться к военным артефактам и элементам военного быта говорящий оценивает как важный образовательный проект: *Здесь военный патриотизм стоит на первом месте; это будет такой гигантский военно-патриотический университет.* Такое постулирование неразрывного соединения патриотизма и военно ориентированного мышления, военного образования для всех, пусть в игровой, развлекательной форме, демонстрирует дискурсивную практику конструирования такой идентичности россиян, которая в мирное время наполнена мобилизационными ожиданиями войны, противостояния врагам и патриотизмом как готовностью к участию в каких-то формах войны.

Тот же смысл воспитания военного патриотизма подчеркивается как главная задача военного парада на Красной площади в честь Дня Победы: *Всего парад будут обеспечивать более 80 тысяч военнослужащих. Представьте себе, какое гигантское количество народа на этом важнейшем крупнейшем политическом мероприятии этого года будет присутствовать. <...> Мы россияне, у нас есть свои традиции, в нашем историческом арсенале великие победы. Может быть, нам забыть победу в войне 1812 года? <...> У нас есть Великая Победа, у нас есть Священная Победа, у нас есть традиция проведения парада на Красной площади. Это не просто торжественное мероприятие (я не люблю это слово), это великий гражданский и военно-патриотический университет.* Показательна практика объединения в последней фразе *гражданского и военно-патриотического.*

Здесь дискурс о современной России и ее гражданах формируется таким образом, что патриотизм тотально определяется через связь с армией, гордость военными победами и боеготовность страны в настоящем. Слово *университет* неоднократно метафорически употребляется по отношению к военно-патриотическому воспитанию потому, на наш взгляд, что таким образом задается ценностная иерархия: военный патриотизм выше и важнее светского университетского образования.

Возможную интерпретацию перечисленных славословий военному патриотизму как свидетельства милитаристских планов России, несущих угрозу другим государствам, говорящий опровергает, апеллируя к концепту «информационная война», которая трактуется как политическая игра со скрытыми целями: *эти панические крики, что русский Иван со своими ракетными клыками собирается отхапать какую-то карликовую Эстонию, это информационно-политическая провокационная игра, что придет русский Иван захватить Эстонию. <...> Это паранойя. Прибалтийская паранойя. <...> Есть скандинавская паранойя. <...> Эти лицемерные спекуляции имеют разные причины. С одной стороны, эти паникеры таким образом выколачивают из своих правительств военный бюджет. Это такая игра. <...> И чем сильнее нагнетается российская угроза, тем сильнее этот колпак того, что придет русский Иван. Тем сильнее это довлеет над правительствами, которые лезут в карман собственному народу. Такая спекулятивная игра.*

В итоге с помощью нескольких логических ходов дискурсивно конструируется ме-

дийная картина военно-политической ситуации для России и других государств. Во-первых, военно-патриотическое воспитание и образование всех российских граждан (*университеты*) необходимо для осознания величия страны и памяти о ее великих военных победах. Во-вторых, беспокойство сопредельных стран насчет возрастания военной угрозы со стороны России, резко актуализировавшей военную тематику во внутренней пропаганде, это либо *паранойя*, либо *лицемерная игра* — и то, и другое не соответствует истине, с точки зрения персонажа. В-третьих, военная угроза существует, но исходит не от России, а напротив, от ее соседей: *Но сами натовцы признали, что за последний год у них в 10 раз увеличилось количество военных учений. Представьте себе эту гигантскую военную машину, которая разогревается у наших границ, и пыль из-под траков которых оседает на золотых куполах наших псковских соборов. <...> Всё, что делается в сопредельных районах Европы, полахивает военной угрозой. <...> И мы должны сидеть с вами, курить сигареты и пить кофе? <...> У нас армия находится в постоянно разогретом состоянии.*

Мы видим, что в основе представленной логики лежит именно концепт «информационная война». Утверждается, что патриотизм россиян невозможен без военной составляющей. (Само)идентификация каждого россиянина как патриота требует его согласия с этой позицией. Иностранные соседи, не принимающие такую идентичность граждан России, либо охвачены паранойей, либо лицемерно лгут, либо сами представляют военную угрозу для нашей страны. В любом случае возражения против истины *военного патриотизма* — это свидетельства информационной войны против россиян-патриотов.

Создание образа врага, конечно, способствует консолидации круга своих. Но если посмотреть на эту ситуацию с точки зрения практик национально-гражданской идентификации, то круг своих становится пустым, свободным знаком с «незаявленной» собственной ценностью, знаком, с которым может себя отождествить любой представитель массовой аудитории.

Выводы. В рейтинговых СМИ национально-гражданская идентичность россиян предстает как сетевой концепт, в котором ведущую роль играют политические идентификации россиян с общим смыслом сплоченного единства. Истинность такого смыслового наполнения обеспечивается многократными повторами в разных текстах СМИ. В идентификациях-высказываниях номина-

ции *россияне, русские, российские граждане, жители страны* практически не употребляются, в большинстве случаев используется метонимическая замена на *Россия, Родина* и/или на местоимение *мы*, что также «работает» на конструирование смысла единства граждан. Однородная политическая идентификация *России* устанавливается через отрицательно-оценочную идентификацию враждебной стороны с разной степенью конкретизации. Также активно воспроизводятся цитаты или обобщенные мнения с отрицательными идентификациями по отношению к России, что может быть интерпретировано как свидетельство ведения информационной войны западными противниками. При этом прежде всего конструируется однородность круга *своих* с лишением этого круга набора конкретных позитивных ценностных смыслов. В зависимости от того, какую субъектную позицию занимает говорящий, журналиста или эксперта, персонажа, определяется сужение или расширение стилистического выбора и свободы выражения ценностной позиции.

Конструирование в дискурсе СМИ реальности, основанной на констатации чрезвычайного положения, в котором оказалась Россия, по крайней мере, в 10-е гг. XXI в., интенсифицирует практики выбора политической национально-гражданской идентичности россиян, что связано с фактором наличия в медиадискурсе концепта «информационная война». Обнаруживается смежность политического и территориального направления в национально-гражданской идентификации россиян.

ЛИТЕРАТУРА

1. Автохутдинова О. Ф. «Другой» как персонаж в СМИ: дискурсивные практики конструирования : автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Екатеринбург, 2015. 29 с.
2. Батлер Дж. Гендерное беспокойство // Антология гендерной теории : сб. пер. / сост. и коммент. Е. И. Гапоновой и А. Р. Усмановой. — Минск, 2000. С. 297—346.
3. Батлер Дж. Гендерное регулирование // Неприкосновенный запас: дебаты о политике и культуре. 2011. № 2 (76). С. 11—29.
4. Брубейкер Р. Этничность без групп. — М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. 408 с.
5. Дейк Т. ван. Дискурс и власть: репрезентация доминирования в языке и коммуникации. Изд. 2-е. — М. : УРСС : ЛИБРОКОМ, 2015. 352 с.
6. Дробижева Л. М. Национально-гражданская и этническая идентичность: проблемы позитивной совместимости // Россия реформирующаяся / Ин-т социологии РАН. 2008. № 7. С. 214—227. URL: <https://www.civisbook.ru/files/File/Nacional-no-grajd.pdf> (дата обращения: 4.11.2016).
7. Дробижева Л. М. Идентичность и этнические установки русских в своей и иноэтнической среде // Социологические исследования. 2010. № 12. С. 49—58.
8. Енина Л. В. Идентичность как дискурсивный концепт и механизмы идентификации // Политическая лингвистика. 2016. № 6 (60). С. 159—167.
9. Иссерс О. С. Дискурсивная практика: к определению понятия // Современная речевая коммуникация: новые дискурсивные практики : моногр. / отв. ред. О. С. Иссерс. — Омск : Изд-во Ом. гос. ун-та, 2011. С. 37—61.
10. Каблук Е. В. Идеологема «либерализм» в современном российском проправительственном медиадискурсе // Журналистика цифровой эпохи: как меняется профессия : материалы Междунар. науч.-практ. конф., Екатеринбург, 14—15 апр. 2016 года. — Екатеринбург, 2016. С. 209—212.
11. Калганова С. О. «Россия» как дискурсивный объект СМИ: тематические направления идентификации // Информационное поле современной России: практики и эффекты : сб. ст. XIII Междунар. науч.-практ. конф. (20—22 окт. 2016 г.) / под ред. Р. П. Баканова. — Казань : Изд-во Казан. ун-та, 2016. С. 193—202.
12. Крысин Л. П. Современный русский интеллигент: попытка речевого портрета // Русский язык в научном освещении. 2001. № 1. С. 90—106.
13. Лаппо М. А. Самоидентификация: семантика, прагматика, языковые ресурсы. — Новосибирск : Изд-во НГПУ, 2013. 180 с.
14. Луман Н. Реальность масс-медиа. — М. : Праксис, 2005. 253 с.
15. Майданова Л. М., Чепкина Э. В. Медиаатекст в идеологическом контексте. — Екатеринбург : Гуманитарный ун-т, 2011. 304 с.
16. Манойло А. В. Информационно-психологическая война в вооруженном конфликте в Южной Осетии // Власть. 2009. № 9. С. 81—85.
17. Панарин И. Н. Информационная война и геополитика. — М. : Поколение, 2006. 553 с.
18. Почепцов Г. Г. Информационные войны. — М. : Рефлбук : Ваклер, 2000. 573 с.
19. Прохоров Ю. Е., Стернин И. А. Русские: коммуникативное поведение. — М. : Флинта : Наука, 2006. 238 с.
20. Ревзина О. Г. Язык и дискурс // Вестн. Москов. ун-та. Сер. 9. Филология. 1999. № 1. С. 25—33.
21. Савкина И. «Пишу себя...». Автодокументальные женские тексты в русской литературе первой половины XIX века. — Tampere : Univ. of Tampere. 2001. 360 с.
22. Сандомирская И. Книга о родине. Опыт анализа дискурсивных практик // Wiener Slawistischer Almanach. — Wien, 2002. Sond. 50. 281 с.
23. Слободяник Н. Б. Конструирование идентичности в политическом дискурсе: к вопросу о роли социального антагонизма (о концепции политического дискурса Лаклау и Муффа) // Политическая лингвистика. 2007. № 2 (22). С. 60—67.
24. Тихомиров С. А. К вопросу о некоторых технологиях ведения «информационных войн» // Армия и общество. 2012. № 3 (31). С. 47—51.
25. Филлипс Л. Дж., Йоргенсен М. В. Дискурс-анализ: теория и метод. — Харьков : Гуманитарный центр, 2008. 352 с.
26. Фуко М. Порядок дискурса // Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. — М. : Касталь, 1996. С. 47—97.
27. Чепкина Э. В. Русский журналистский дискурс: текстопорождающие практики и коды (1995—2000). — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2000. 279 с.
28. Чепкина Э. В., Енина Л. В. Дискурсивные практики журналистики: метод анализа // Стилистика завтрашнего дня : сб. ст. к 80-летию профессора Григория Яковлевича Солганика. — М. : МедиаМир, 2012. С. 291—308.
29. Чернышов Ю. Г. Информационные войны — мифы и реальность // Современная Россия и мир: альтернативы развития : сб. науч. ст. — Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2012. С. 4—6.
30. Чернявская В. Е., Молодыхенко Е. Н. История в дискурсе политики: лингвистический образ «своих» и «чужих». — М. : ЛЕНАНД, 2014. 200 с.
31. Шатило Я. С., Шорин И. Ю. Психологические аспекты информационной войны // Информационная безопасность регионов. 2008. № 1. С. 18—23.
32. Шмелев А. Д. Русский язык и внеязыковая действительность. — М. : Языки славянской культуры, 2002. 496 с.
33. Laclau E., Mouffe C. Hegemony and Socialist Strategy. Towards a Radical Democratic Politics. — London : Verso, 1985. 197 p.

L. V. Enina, O. V. Il'ina, E. V. Kablukov, E. V. Chepkina
Ekaterinburg, Russia

PRACTICES OF POLITICAL IDENTIFICATION OF RUSSIANS UNDER THE INFLUENCE OF "INFORMATION WARFARE" MEDIA CONCEPT

ABSTRACT. The article is a linguistic study of the national-civil identification of the Russians. The theoretical basis of the research is a "soft" concept of identity, which emphasizes variability, fragmentation and plurality of identity, which has only symbolic (discursive) dimension. It is proposed to consider the national-civil identity of the Russians in the media texts as an independent discursive concept, analytically distinguishable from similar but not identical "ethnos" and "nation" concepts. The practices of national-civil identification are analyzed in connection with the concept of "information warfare" on the material of the most cited Russian media (according to Medialogy). Its presence causes the systematic construction of the media discourse reality, in which the image of the enemy is created, and for the media audience the role of the victim of hostile actions is constructed. The study showed that the national-civic identity of the Russians today is constructed mainly in the political and ideological directions. The wide dissemination of the meaning "Russia, Russians — a cohesive unity" on the whole political theme of Russian media discourse is revealed. Political trends noted as relevant to modern Russia (liberalism, fascism) are mentioned infrequently, and their political content is blurred, they are simply labeled as unacceptable. The political homogeneity of the Russians is associated with the figure of the President of the Russian Federation and is characterized by a cohesive unity in front of the hostile forces (West, liberal oppositionists). Foreign-policy identification represents Russia primarily as a state and is supported by "Russia-West" persistent opposition.

KEYWORDS: mass media; media; discursive practices; information warfare; national identity; civil identity; the Russians; political discourse; media discourse; media concepts.

ABOUT THE AUTHORS: Enina Lidia Vladimirovna, Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Russian and Stylistics, Faculty of Journalism, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia.

Il'ina Olga Vladimirovna, Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Russian and Stylistics, Faculty of Journalism, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia.

Kablukov Evgeniy Viktorovich, Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Russian and Stylistics, Faculty of Journalism, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia.

Chepkina Elina Vladimirovna, Doctor of Philology, Head of Department of Russian and Stylistics, Faculty of Journalism, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia.

REFERENCES

1. Avtokhudinova O. F. «Drugoy» kak personazh v SMI: diskursivnye praktiki konstruirovaniya / avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. — Ekaterinburg, 2015. 29 s.
2. Batler Dzh. Gendernoe bespokoystvo // Antologiya gendernoy teorii : sb. per. / sost. i komment. E. I. Gaponovoy i A. R. Usmanovoy. — Minsk, 2000. S. 297—346.
3. Batler Dzh. Gendernoe regulirovanie // Neprikosnovenny zapas: debaty o politike i kul'ture. 2011. № 2 (76). S. 11—29.
4. Brubeyker R. Etnichnost' bez grupp. — M. : Izd. dom Vysshay shkoly ekonomiki, 2012. 408 s.
5. Deyk T. van. Diskurs i vlast': reprezentatsiya dominirovaniya v yazyke i kommunikatsii. Izd. 2-e. — M. : URSS : LIBROKOM, 2015. 352 s.
6. Drobizheva L. M. Natsional'no-grazhdanskaya i etnicheskaya identichnost': problemy pozitivnoy sovmestimosti // Rossiya reformiruyushchayasya / In-t sotsiologii RAN. 2008. № 7. S. 214—227. URL: <https://www.civisbook.ru/files/File/Nacional-no-grajjd.pdf> (data obrashcheniya: 4.11.2016).
7. Drobizheva L. M. Identichnost' i etnicheskie ustanovki russkikh v svoey i inoetnicheskoy srede // Sotsiologicheskie issledovaniya. 2010. № 12. S. 49—58.
8. Enina L. V. Identichnost' kak diskursivnyy kontsept i mekhanizmy identifikatsii // Politicheskaya lingvistika. 2016. № 6 (60). S. 159—167.
9. Issers O. S. Diskursivnaya praktika: k opredeleniyu ponyatiya // Sovremennaya rechevaya kommunikatsiya: novye diskursivnye praktiki : monogr. / otv. red. O. S. Issers. — Omsk : Izd-vo Om. gos. un-ta, 2011. S. 37—61.
10. Kablukov E. V. Ideologema «liberalizm» v sovremennom rossiyskom propravitel'stvennom mediadiskurse // Zhurnalistika tsifrovoy epokhi: kak menyaetsya professiya : materialy Mezhdunar. nauch.-prakt. konf., Ekaterinburg, 14—15 apr. 2016 goda. — Ekaterinburg, 2016. S. 209—212.
11. Kalganova S. O. «Rossiya» kak diskursivnyy ob"ekt SMI: tematicheskie napravleniya identifikatsii // Informatsionnoe pole sovremennoy Rossii: praktiki i efekty : sb. st. XIII Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (20—22 okt. 2016 g.) / pod red. R. P. Bakanova. — Kazan' : Izd-vo Kazan. un-ta, 2016. S. 193—202.
12. Krysin L. P. Sovremennyy russkiy intelligent: popytka rechevogo portreta // Russkiy yazyk v nauchnom osveshchenii. 2001. № 1. S. 90—106.
13. Lappo M. A. Samoidentifikatsiya: semantika, pragmatika, yazykovye resursy. — Novosibirsk : Izd-vo NGPU, 2013. 180 s.
14. Luman N. Real'nost' mass-media. — M. : Praxis, 2005. 253 s.
15. Maydanova L. M., Chepkina E. V. Mediatekst v ideologicheskoy kontekste. — Ekaterinburg : Gumanitarnyy un-t, 2011. 304 s.
16. Manoylo A. V. Informatsionno-psikhologicheskaya voyna v vooruzhennom konflikte v Yuzhnoy Osetii // Vlast'. 2009. № 9. S. 81—85.
17. Panarin I. N. Informatsionnaya voyna i geopolitika. — M. : Pokolenie, 2006. 553 s.
18. Pocheptsov G. G. Informatsionnye voyny. — M. : Refl-buk : Vakler, 2000. 573 s.
19. Prokhorov Yu. E., Sternin I. A. Russkie: kommunikativnoe povedenie. — M. : Flinta : Nauka, 2006. 238 s.
20. Revzina O. G. Yazyk i diskurs // Vestn. Moskov. un-ta. Ser. 9. Filologiya. 1999. № 1. S. 25—33.
21. Savkina I. «Pishu sebya...». Avtodokumental'nye zhenskie teksty v russkoy literature pervoy poloviny XIX veka. — Tampere : Univ. of Tampere. 2001. 360 s.
22. Sandomirskaya I. Kniga o rodine. Opyt analiza diskursivnykh praktik // Wiener Slawistischer Almanach. — Wien, 2002. Sond. 50. 281 s.
23. Slobodyanik N. B. Konstruirovaniye identichnosti v politicheskoy diskurse: k voprosu o roli sotsial'nogo antagonizma (o kontseptsii politicheskogo diskursa Laklau i Muff) // Politicheskaya lingvistika. 2007. № 2 (22). S. 60—67.
24. Tikhomirov S. A. K voprosu o nekotorykh tekhnologiyakh vedeniya «informatsionnykh voyn» // Armiya i obshchestvo. 2012. № 3 (31). S. 47—51.
25. Fillips L. Dzh., Yorgensen M. V. Diskurs-analiz: teoriya i metod. — Khar'kov : Gumanitarnyy tsentr, 2008. 352 s.
26. Fuko M. Poryadok diskursa // Volya k istine: po tu storonu znaniya, vlasti i seksual'nosti. Raboty raznykh let. — M. : Kastal', 1996. S. 47—97.
27. Chepkina E. V. Russkiy zhurnalistskiy diskurs: tekstoporo-zhdayushchie praktiki i kody (1995—2000). — Ekaterinburg : Izd-vo Ural. un-ta, 2000. 279 s.
28. Chepkina E. V., Enina L. V. Diskursivnye praktiki zhurnalistiki: metod analiza // Stilistika zavtrashnego dnya : sb. st. k 80-letiyu professora Grigoriya Yakovlevicha Solganika. — M. : MediaMir, 2012. S. 291—308.

29. Chernyshov Yu. G. Informatsionnye voyny — mify i real'nost' // *Sovremennaya Rossiya i mir: al'ternativy razvitiya* : sb. nauch. st. — Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2012. S. 4—6.

30. Chernyavskaya V. E., Molodychenko E. N. *Istoriya v diskurse politiki: lingvisticheskiy obraz «svoikh» i «chuzhikh»*. — M. : LENAND, 2014. 200 s.

31. Shatilo Ya. S., Shorin I. Yu. *Psikhologicheskie aspekty informatsionnoy voyny* // *Informatsionnaya bezopasnost' regionov*. 2008. № 1. S. 18—23.

32. Shmelev A. D. *Russkiy yazyk i vneyazykovaya deystvitel'nost'*. — M. : Yazyki slavyanskoy kul'tury, 2002. 496 s.

33. Laclau E., Mouffe C. *Hegemony and Socialist Strategy. Towards a Radical Democratic Politics*. — London : Verso, 1985. 197 p.

Е. С. Коган
Екатеринбург, Россия

СОВЕТСКИЙ И ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОДЫ В ЗЕРКАЛЕ СЕВЕРНОРУССКОЙ ДИАЛЕКТНОЙ ЛЕКСИКИ И ФРАЗЕОЛОГИИ

АННОТАЦИЯ. В статье рассматриваются слова и фразеологизмы, возникшие в русских говорах в период XX (начиная со времени революции) — начала XXI в. Показано, какие реалии данного исторического периода нашли отражение и интерпретацию в языке. Предпринята попытка хронологической классификации этих языковых фактов, дается анализ мотивировки. Рассматриваемые в статье единицы не всегда фиксируются словарями, поскольку кажется, что прошло еще слишком мало времени для того, чтобы судить о статусе таких единиц: квалифицировать их как уже устоявшиеся и прочно вошедшие в состав языка или же отнести к категории временных явлений. Основной корпус материала представляют полевые записи Топонимической экспедиции Уральского университета, также используются данные диалектных словарей. Выделяются следующие периоды в истории России XX в., для каждого из которых характерны свои идеологические и культурные доминанты: период революции и Гражданской войны; постреволюционный период; Великая Отечественная война; послевоенный период; постсоветский период. Реалиями, получающими диалектную лексическую или фразеологическую номинацию, становятся новые технологические процессы сельского хозяйства; должности и статусы; предметы быта. Для диалекта XX в. характерно использование штампов начала советского периода, фразеологизация знаковых текстов, стремление к наукообразности. Существенно активнее используется номинация, которую можно обозначить как «регрессивная» (при которой новые лексемы и фразеологические единицы используются для обозначения уже известных идеограмм), нежели чем «прогрессивная» (номинация новых идеограмм через известные образы).

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: диалект; фразеология; лексика; семантика; революция; история XX века.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Коган Екатерина Сергеевна, научный сотрудник, топонимическая лаборатория, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина; 620083, Россия, г. Екатеринбург, пр-т Ленина, 51; e-mail: ekaterinakogan@yandex.ru.

Лексика языка обладает культурной спецификой и выступает как своего рода проявление ее в языке. «Очевидно, что основную культурную нагрузку несет лексика: слова и словосочетания. Из них складывается языковая картина мира, определяющая восприятие мира носителями данного языка» [Тер-Минасова 2000: 147]. О национальном колорите лексики и фразеологии писали Б. А. Ларин, В. Н. Телия, В. М. Мокиенко, Е. М. Верещагин и В. Г. Костомаров и др. [см.: Телия 1999: 13—24; Мокиенко 2009: 3—7; Верещагин, Костомаров 2005: 41—46]. Обычно рассмотрению в этом аспекте подвергаются традиционные фразеологизмы и слова, давно вошедшие в узус. Однако в языке постоянно возникают — на длительное или не очень продолжительное время — различные новые образования. И если закрепившиеся в составе языка фразеологические единицы и лексемы отображают традиционную картину мира с ее предметными и идейными константами (некоторые из которых на настоящий момент стали уже неопознаваемы^[1]), то единицы, возникающие в новое время, дают возможность проследить, какие перемены, происходящие в истории и культуре народа, воспринимаются как наиболее существенные и получают языковое отражение. По замечанию Б. А. Ларина, «фразеологизмы <...> всегда косвенно отражают воззрения народа, общественный строй, идеологию своей эпохи» [Ларин 1977: 156]. Это же высказывание справедливо и для изменений, затрагивающих лексический состав языка.

Революция 1917 г. явилась переломным моментом в истории России. Изменился политический строй, изменился уклад хозяйства, появились новые реалии. Такие изменения не могли не отразиться в языке. В говорах русского языка возникли устойчивые образные единицы, являющиеся реакцией на проведенные преобразования. Они не всегда фиксируются словарями, поскольку кажется, что прошло еще слишком мало времени для того, чтобы судить о статусе таких единиц: квалифицировать их как уже устоявшиеся и прочно вошедшие в состав языка или же отнести к категории временных явлений. Именно наблюдения за лексемами и фразеологизмами, возникшими в XX—XXI вв. в севернорусских говорах, стали объектом настоящей статьи. Основной корпус материала представляют полевые записи Топонимической экспедиции Уральского университета, также используются данные диалектных словарей.

Новые единицы, реализующиеся в говорах, представляют собой вербализацию новых идеограмм или использование новых образов для обозначения уже существующих понятий. Для каждого периода в истории России XX в. характерны свои идеологические и культурные доминанты.

Период революции и Гражданской войны не отмечен активной номинацией новых понятий, однако фиксируется использование образов этого важного для страны хронологического этапа. Контраст революционного и бытового подчеркивает негатив-

Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ «Контактные и генетические связи севернорусской лексики и ономастики» (проект 17-18-01351).

ную оценку нового строя. Это может быть проявлено в значении единицы, когда на основании цветовой символики происходит использование образа для эвфемизации: костр. окт. *красноармейцы пришли* 'о тэнсис' [ЛК ТЭ]. Другой путь — использование единицы в нейтральном значении, однако негативность оценки проявляется в контексте: костр. окт. *комиссарская еда* 'сытная, вкусная еда' (*Комиссары-те всё отбирали — вот, говорили, хорошо живут. Комиссарской бы еды нам. Кто хорошо ест — вот, скажем, комиссарская еда*) [ЛК ТЭ]; *комиссарик* 'лепешка из картофельных очистков, обычно без муки' (*Из картошки трахмал достанут, а из отёрышей этих пекли комиссариков. Комиссары-то последнее отнимали; Из картошки стряпали драники, комиссарики-то. В голодные годы муки комиссары не оставили*) [ЛК ТЭ]. Нейтральная оценка, подчеркивающая, однако, разницу из-за нового социального расслоения, прослеживается в лексемах костр. окт. *комиссар* и *комиссариха* 'человек, который живет в достатке, хорошо одевается, как правило, образован' (*Комиссары-те богатые люди, грамотные. Кто получше оденется — ну, скажем, комиссар; Комиссариха богатая и благородная женщина. Идёт — приоденется*).

Новые реалии воспринимаются, по-видимому, настолько ярко, что их имена переносятся на уже привычные, повседневные реалии, а это позволяет переосмыслить их, выделить новые черты у знакомых вещей. Так, *наган*, официально принятый на вооружение в русской армии еще в 1896 г., но ставший своеобразным символом революции, дает свое имя такому традиционному предмету, как точильный брусок (костр. шар. *С наганом [на покос] ходили. Сошьют футляр из кожи, из резины, из сапога, наган-то положат, как в кобуру* [ЛК ТЭ]).

Один из немногих отмеченных случаев номинации новых для того времени реалий — обозначение иностранных интервентов 1918 г. Поскольку на территории Архангельской области находились в основном силы Великобритании, для номинации стало использоваться искаженное заимствование из английского языка, представляющее собой наиболее часто произносимую интервентами фразу: арх. вин, прим, мез. *камана, каманы* 'английский или канадский солдат (как правило, об интервентах 20-х гг. XX в.)' (*Маленькая я была, к нам англичане приехали, интервенты. Всё говорили нам: „Кам он“ [искаженное английское come on]. Вот и прозвали их каманами*) [СГРС, 5: 44].

В постреволюционный период важнейшим идеологическим изменением стано-

вится отказ от религии и насаждаемый атеизм. Во фразеологии абстрактная идея сменяется мировоззрением, проявляется при помощи конкретного образа: костр. окт. *крест отлустить* 'не молиться, перестать быть верующим' [ЛК ТЭ]; ср. более позднее: костр. вох. *за Бога схватиться* 'стать верующим человеком' [ЛК ТЭ].

В повседневной речи закрепляется идеологическая лексика эпохи. Слово *ликвидировать(ся)*, пришедшее из штампов *ликвидация безграмотности* и т. п., расширило сферу сочетаемости и приобрело значение бытийного исчезновения, перехода в небытие: костр. вох. 'уничтожать' (костр. вох. *Птичек ликвидирует, зараза; Нехороша картошка, я ликвидировала её, мне не понравилась*); костр. пав. 'разрушиться, прийти в упадок' (костр. пав. *Там ни одного дома нет, всё ликвидировалось*); костр. вох. 'пропасть, умереть' (*Так вся семья и ликвидировалась, только старший сын и остался*). Также активно начинает использоваться слово *аннулировать(ся)*, появляющееся в речевом обороте незадолго до революции^[2], в значении (костр. шар.) 'исчезнуть, разрушиться, пропасть' (*Та деревня аннулировалась, да та*) [ЛК ТЭ]. В диалект попадают и политические термины, из-за своей непонятности подвергающиеся переосмыслению: костр. вох. *мандаты* 'вещи, пожитки' (*Мандаты свои складывайте*) [ЛК ТЭ]. В данном случае изменение семантики вызвано аттракцией с простореч. *манатки* и обценной лексемой.

Характерное для этого периода стремление к аббревиации, сложению слов проникает и в диалекты, закрепляясь там как в лексике сельскохозяйственной и производственной сферы, которая становится все более «научной», терминологически отмеченной: костр. кад. *весновспашка* 'поле под весенний сев' (*Осенью — рожь сеяли, весной, чтобы овёс да пшеницу посеять, надо весновспашку приготовить*); костр. пыщ. *грузоматка* 'сплавной плот, который тянут буксиром' (*Билана тоже сойма, грузоплот, грузоматка, билану буксир тянет*), — так и в повседневной речи: костр. кологр. *крутосыпь* 'крутой осыпающийся берег' (*Один берег крутой и осыпается — то крутосыпь, а другой берег пологий*).

Отражается во фразеологизмах и изменение жизни в деревне: влг. *в лаптях за трактором* 'о невозможности осуществления какого-либо действия, желания' [Золотые россыпи: 26]. Классовость мировосприятия проявляется во фразеологизмах: псков. сер. *буржуев потолок* 'о чрезмерно высоком уровне жизни' [СППиП: 62]; псков. гд. *жить*

что буржуи 'о богатой, обеспеченной, благополучной жизни кого-л.' [СППИП: 88]. Интересно отметить факт совмещения в одной фразеологической единице двух характеристик социального статуса: псков. гд. *дворяниться, как буржуй* 'о важничавшем и бездельничавшем человеке' (*Иванов Андрей у нас был, рыбзавод у няво имелся, работяга был, а другой-та не работал, дворянился, как буржуй*) [СППИП: 88]. Идеологические изменения проявляются и в переосмыслении понятия интеллигенции: костр. шар. *интеллигент* 'лентяй, тот, кто отлынивает от работы' (*Интеллигент вот этот, который приезжает да ничего не делает, все работы ему нипочем, может только отдыхать*) [ЛК ТЭ].

Ставший «дежурным» лозунг *пролетарии всех стран, соединяйтесь!* становится основой для фразеологизма перм. чернуш. *пролетария всех стран* 'о бойком, проворном, не обремененном делами человеке' (*Надька-то у нас в Башкирию уж сгоняла. Чё она — пролетария всех стран дак...*) [СРГЮП, 2: 472]. На развитие указанного значения, очевидно, влияет народная этимология слова *пролетарий*, сближающая его с *пролетать*, а также еще одно «дежурное» высказывание: «Пролетариату нечего терять, кроме своих цепей».

Происходит изменение хозяйственного уклада, появляются колхозы. Это порождает возникновение новых должностей: костр. окт. *красный сват* 'агитатор (призывающий вступить в колхоз, позднее — участвовать в выборах и т. п.)' (*Красные сваты всё ходили в колхоз звали. Теперь вот за „Единую Россию“; Однажды красные сваты пришли к нам, они сказали моему отцу: „Вот что, Худяков, вступай в колхоз, иначе тебе не устоять, раскулачат!“*) [ЛК ТЭ]. Укрупнение хозяйств, перевод скота из личного владения приводит к противопоставлению «государственный» (как «чужой») — «свой»: костр. с-гал. *инкубаторский* 'о ребенке, зачатом вне брака' (*Она сделала ребенка до замужества, говорят — инкубаторский*) [ЛК ТЭ].

Новый появившийся орган власти — сельсовет — на основании главенствующего положения за счет функций управления, решения вопросов дает переносную номинацию для обозначения *головой*: арх. леш. *Ты у Клавдеи спроси, у ее сельсовет работает*; влг. сокол. *Дак ведь в сельсовете-то совсем худо стало* [ЛК ТЭ].

Постреволюционная экономическая разруха, нестабильность также находят фразеологическое воплощение: костр. окт. *лешевы кошельки* 'мешки с рожью, овсом

и др., которые обменивались на разные товары после революции' (*Баушка рассказы-вала, как они носили лешевы кошельки. Менялись на одёжу, на лампы, кто на чего. Омманывали их часто*) [ЛК ТЭ]. Мотивация данного выражения является, вероятно, комплексной: кроме явной негативной оценки, стоящей за словом *леший*, здесь проявляется восприятие *лешего* как нечеловеческого и, следовательно, неправильного, не настоящего; также, вероятно, в данном случае отображаются представления о большом росте лешего^[3] (то, что для человека мешок, для него — кошелек).

Начинающаяся в стране электрификация во фразеологии получает и нейтральную (перм. киш. *световой столб* 'фонарной столб' [СРГЮП, 3: 183]), и весьма негативную оценку (коми у-цилем. *бесова обора* 'линия электропередач' [ФСРГНП, 1: 41]; ср. *обора* 'завязка лаптя').

Появляются и новые предметы быта (псков. гд. *заводить свой граммофон*^[4] 'начать ругать, высмеивать кого-л.' [СППИП: 32]).

В 1930-е гг. вводится система трудодней. Новый тип товарно-денежных отношений часто оценивается как обман, работа без выгоды для себя: новг. *работать за палочки* 'быть обманутым, работать без какого-л. вознаграждения, бесплатно'^[5] [Сергеева 2004: 231]. Однако можно говорить и о принятии данной системы, хоть и с легким оттенком иронии: псков. сер. *Ванька с трудоднями* 'о трудолюбивом колхознике с хорошим заработком' [СППИП: 19].

Общее обеднение, упадок хозяйства проявляются и в выражении коми у-цилем. *сталинская корова* 'коза' [ФСРГРК: 250], где атрибут *сталинская* выступает в позиции обозначения «неправильности», в традиционной культуре выражаемой при помощи прилагательных типа *цыганский, татарский* и пр. (ср. *цыганское солнышко* 'луна' [СРНГ, 39: 272]).

С 1938 г. появляется выражение *считайте меня коммунистом*, приобретшее в говорах несколько иное значение и расширившее сферу употребления: вместо прочной связки с ситуацией ухода куда-либо (как это происходит в разговорном варианте литературного языка) и практически нулевой собственной семантики оно используется для обозначения смирения, примирения со сложившимся отчаянным, безвыходным положением: коми прилуз. *Раньше никакая болезнь не брала, теперь — считай коммунистом, заляжешь на печь, отлѣживаешься* [ФСРГРК: 258].

Великая Отечественная война снова

ломает привычное течение жизни. На долгое время быт, уклад становится настолько иным, что целое поколение получает фразеологическую номинацию: костр. окт. *кукольные дети* 'дети, выросшие в голодные годы, питавшиеся в детстве куколом (отходами при околачивании льна)' (*Мы-то кукольные дети, чего видали в детстве-то? Куколь да пылохту или; Наше поколение-то кукольные дети, все травы переели*) [ЛК ТЭ]. Страшные события войны становятся основой для сравнений: костр. кад. *как хатынь* 'о разоренном, сожженном месте' (*После войны белорусскую деревню Хатынь сожгли дотла. Всё тут теперь как Хатынь*) костр. кад. [ЛК ТЭ].

По-видимому, к этому периоду следует отнести и лексему костр. окт. *камуляжка* 'фляжка, бутылка' [ЛК ТЭ], являющуюся искажением от «камуфляжка», поскольку камуфляж как таковой и камуфлирование фляг ранее не использовались в Российской империи и СССР.

Даже серьезные вещи со временем получают смеховое переосмысление. Фамилия самого известного диктора времен Великой Отечественной войны, Ю. Б. Левитана, становится апеллятивом, обозначающим много говорящего человека: костр. кад. *Много говорит человек, он левитан* [ЛК ТЭ].

К **послевоенным** нововведениям следует отнести, по-видимому, выражение новг. *голова как дом советов* 'кто-л. очень умный, толковый, сообразительный' [Сергеева 2004: 75], а также фразеологическое обозначение налога на бездетность (введенного в 1941 и 1944 гг.) — костр. вох. *налог на девок* (*Налог на девок был — как восемнадцать лет исполнилось — плати, что бездетный*) [ЛК ТЭ].

В 70—80-е гг. в состав языка входит аббревиатура милицейских протоколов *бомж* (<человек> без определенного места жительства) и активно осваивается диалектом в направлении образования разнообразных переносных значений. Невстроенность человека маргинального статуса в социум, его одинокость становится основанием для переноса костр. кад. *бомж* 'холостяк' (*У нас в домах по одному живут, называем бомжи, одиноких мужчин, которые и не женились*) [ЛК ТЭ]; специфический запах, являющийся характерной особенностью такого человека, приводит к образованию номинации костр. вох. *бомж* 'неудачно раскрывшаяся банка с соленьями' (*Крышку вот вздует, воздух оттуда выйдет, огурцы скиснут, вот и называется бомж. Что, говорят, ты мне бомжа продашь?*) [ЛК ТЭ]; неприязнительность же в еде и употребление в пищу

наиболее дешевых продуктов дает перенос костр. вох, мак. *бомж, бомжик* 'пакет быстрорастворимого супа, вермишели' (*„Супчики дня“, наверное, едите, я их все бомжики называю; Дай вилку — бомжа-то ести*) [ЛК ТЭ].

К фразеологизмам **постсоветского периода** относятся костр. окт. *едовые деньги* 'прибавка к пенсии, деньги на еду' [ЛК ТЭ], а также обозначение новых продуктов питания: перм. уинск. *бушева голяшка* 'импортные куриные окорочка' [СРГЮП, 1: 192], где смеховой эффект создается за счет восприятия отфамильного прилагательного в качестве указания на «обладателя» вместо обобщенного обозначения страны-импортера. Интерес представляет выражение костр. окт. *пелёвный чай* 'чай в пакетиках' [ЛК ТЭ] (время появления — также 1990-е гг.), где образ *пелёвы*, отходов от обмолота овса, используется для обозначения плохого качества чая. Эта же реалия получает и иное наименование, отображающее, вероятно, форму объекта и способ заварки: костр. вох. *лягушка, лягушонок* 'чайный пакетик' (*А чай лягушками?; У тебя есть лягушата-ти? Это чайные пакетики, это сейчас называют. В воду опускают, в кипяток — так лягушата-ти и есть*) [ЛК ТЭ].

В лексике этого периода находит отражение появление новых областей деятельности: костр. кад. *бегун* 'предприниматель' (*Теперь к кому мы относимся? К бегунам? Предприниматели, богачи. Приносим им — сам ложишь*) [ЛК ТЭ].

Развитие атомных разработок, начавшихся в 30-е гг., их сложность и требовательность к информационной адекватности человека стали характеристикой современного периода: костр. окт. *атомный* 'о современном ребенке' (*Нынче атомные все детки, за компьютером сидят*) [ЛК ТЭ].

Новые реалии, появляющиеся на рубеже XX—XXI вв., проникают и в деревенский быт, получая более простые и понятные номинации: костр. вох., окт. *брякотушка* 'мобильный телефон (или таксофон на столбе в деревне)' (*Гойду ко брякотушке, ценов не знаю, боюсь говорить-то; Эдакая-то брякотушка денег-то не берет*) [ЛК ТЭ]; костр. окт. *наушник, прибалыха* 'то же' (*По наушнику-то не умею говорить; Наушники у всех есть, прибалыхи-то. Всюду достанут, а с того света — нет*) [ЛК ТЭ] (при этом можно отметить некоторое недоверие к технологическому новшеству, проявляющееся в номинации *прибалыха*: ср. костр. вох., окт. *прибалыхнуть* 'приврать' [ЛК ТЭ]).

Отношение же к новой власти меняется на положительное: костр. шар. *советская*

власть кончилась 'хорошая дорога кончилась' („*Советская власть кончилась*“, — *так всегда говорили на полдороге из Одоевского в Конёво. Хорошая дорога кончилась, началась плохая*) [ЛК ТЭ].

Отдельную группу составляют выражения, в которых ключевой является ситуация освоения **новой лексики**. При этом слова могут использоваться как в более или менее присущем им значении (псков. пушк. *безгрешная бактерия* 'о тихом, смирном человеке' [СППиП: 15]; костр. вох. *инструкция* 'какое-л. дело, в котором много тонкостей' (*Печки раньше битые были, из глины их делали, дым выходил через колодцы... Это ж целая инструкция!*) [ЛК ТЭ]), так и практически без учета семантики, для большей экспрессивности, достигающейся за счет непонятности: псков. гд. *показать аннексию* 'ответить ударом на удар, дать сдачи' [СППиП: 15].

Становятся фразеобразующими обозначения новых реалий, ср.: перм. куед. *читать газету* 'оставаться голодным из-за отсутствия еды' [СРГЮП, 3: 364—365]; коми прилуз. *мерить асфальт* 'бесцельно, неприкаянно ходить, ничего не делая, бродить, слоняться' [ФСРГРК: 128]. Находят фразеологическое отражение новые продукты питания: кефир, который фабричным способом начинают производить в Москве с 1913 г., но в деревнях он появляется несколько позже, получает наименование костр. пав. *молоко из-под бешеной коровы* [ЛК ТЭ], в котором ощущается восприятие данного продукта как нового, непривычного для деревенской культуры. Фабричное производство молока осмысливается через образ человеческих отношений, разведение содой, по-видимому, воспринимается как параллель к древней идее «разбавления крови»: костр. окт. *дочку взамуж выдать* 'развести молоко содой' (*Нынче в городах-то какое молоко? Все дочку взамуж выдадут, в бутылки нальют*) [ЛК ТЭ]. В 20-е же годы в городской, а позднее, очевидно, и в деревенской культуре еды устойчивое место занимает салат «Оливье»^[6]: костр. парф. *Авилье по праздникам готовит*. *Это всем известный салат* [ЛК ТЭ].

В диалектной фразеологии отражаются и изменения в городской действительности: псков. остр. *липовый кондуктор* 'гроб' [СППиП: 46].

Таким образом, реалиями, получающими диалектную лексическую или фразеологическую номинацию, становятся новые технологические процессы сельского хозяйства; должности и статусы; предметы быта. Для диалекта XX в. характерно использование

штампов начала советского периода, фразеологизация знаковых текстов, стремление к наукообразности. Наименования новых реалий осмысляются и переосмысляются, становясь базой для переносных и фразеологических номинаций; привычные реалии быта, духовной сферы, мифологии используются для обозначения появившихся объектов. При этом существенно активнее используется номинация, которую можно обозначить как «регрессивная» (при которой новые лексемы и фразеологические единицы используются для обозначения уже известных идеограмм), нежели чем «прогрессивная» (номинация новых идеограмм через известные образы).

ПРИМЕЧАНИЯ

[1]. Речь идет в первую очередь о нечленимых образах фразеологических сращений по В. В. Виноградову типа *тянуть канитель*, где не распознается как образ канитель.

[2]. По данным Национального корпуса русского языка. Одна из первых фиксаций *аннулировать* — «Прошение заканчивается следующими словами: „прошу пронский Уездный Съезд приговор г. земского начальника 8 участка, от 17 апреля сего года, по обвинению меня в проступке, предусмотренном им 169 ст. Уст. о нак., аннулировать и от шестимесячного наказания оправдать. Степан Бирюков“» — в материале «Деревенские „юристы“» («Утро России». 1912. 7.06) [Аннулировать].

[3]. Ср.: костр. вох. *И Бог есть, и большой мужик (т. е. леший) есть. Кто это меня выше лесу нёс? Это ведь меня большой мужик нёс!* влг. баб. *Идет настух, смотрит - лежит на барабане: ноги этак, сам метра три длиной* и др.

[4]. Первые упоминания о появлении граммофонов в деревне относятся к 1910-м гг.: «Один местный крестьянин к сезону свадеб купил недорогой граммофон с пластинками и ходит по приглашениям по вечеринки, где за весьма приличную плату (от 1 рубля до 3) играет весь вечер различные плясовые пиесы» (Московские ведомости, 16 (03) марта 1910 г.). Повсеместную распространённость следует отнести, по-видимому, к более позднему периоду.

[5]. Скорее, «работать за трудовни».

[6]. Согласно Национальному корпусу русского языка, «Оливье» появляется в текстах с 1920-х гг. [Оливье].

ИСТОЧНИКИ

1. Аннулировать : результаты поиска // Национальный корпус русского языка. URL: [http://search2.ruscorpora.ru/search.xml?env=alpha&mycorp=\(\(created%253A%253E%253D%25221900%2522\)%2520%2526%2526%2520\(created%253A%253C%253D%25221950%2522\)\)&mysent=&mysize=74177649&mysentsize=6429322&mydocsize=50968&dpp=&spp=&spd=&text=lexform&mode=main&sort=gr_tagging&lang=ru&nodia=1&req=%E0%ED%ED%F3%EB%E8%F0%EE%E2%E0%F2%FC&p=2&docid=95937&sid=12](http://search2.ruscorpora.ru/search.xml?env=alpha&mycorp=((created%253A%253E%253D%25221900%2522)%2520%2526%2526%2520(created%253A%253C%253D%25221950%2522))&mysent=&mysize=74177649&mysentsize=6429322&mydocsize=50968&dpp=&spp=&spd=&text=lexform&mode=main&sort=gr_tagging&lang=ru&nodia=1&req=%E0%ED%ED%F3%EB%E8%F0%EE%E2%E0%F2%FC&p=2&docid=95937&sid=12) (дата обращения: 6.06.2017).

2. Золотые россыпи: словарь устойчивых оборотов речи в

вологодских народных говорах / отв. ред. Л. Ю. Зорина. — Вологда : ВГПУ, 2014.

3. ЛК ТЭ = Лексическая картотека топонимической экспедиции каф. русского языка и общего языкознания / УрФУ.

4. Оливье : результаты поиска // Национальный корпус русского языка. URL: [http://search2.ruscorpora.ru/search.xml?env=alpha&mydocsize=52736&dpp=&spp=&spd=&text=lexform&sort=gr_tagging&lang=ru&nodia=1&req=%CE%E8%E2%FC%E5&mode=main&mycorp=\(\(created%253A%253E%253D%25221880%2522\)%2520%2526%2526%2520%25221880%2522\)\)&mysent=&mysize=92608234&mysentsize=7845673](http://search2.ruscorpora.ru/search.xml?env=alpha&mydocsize=52736&dpp=&spp=&spd=&text=lexform&sort=gr_tagging&lang=ru&nodia=1&req=%CE%E8%E2%FC%E5&mode=main&mycorp=((created%253A%253E%253D%25221880%2522)%2520%2526%2526%2520%25221880%2522))&mysent=&mysize=92608234&mysentsize=7845673).

5. СГРС = Словарь говоров Русского Севера. — Екатеринбург, 2001—... Т. 1—...

6. Сергеева Л. Н. Материалы для идеографического словаря новгородских фразеологизмов. — Великий Новгород, 2004.

7. СППиП = Словарь псковских пословиц и поговорок / сост. В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. — СПб. : Норинт, 2001.

8. СРГЮП = Словарь русских говоров Южного Прикамья. Вып. 1—3 / под ред. И. А. Подюкова [и др.]. Пермь, 2010—2012.

9. СРНГ = Словарь русских народных говоров. Т. 1—... — М. ; Л., 1966—...

E. S. Kogan

Ekaterinburg, Russia

SOVIET AND POST-SOVIET PERIODS IN THE MIRROR OF NORTH-RUSSIAN DIALECTAL VOCABULARY AND PHRASEOLOGY

ABSTRACT. *The article discusses the words and phraseological units that appeared in Russian dialects in the XX century (after the Revolution) and the beginning of the XXI century. It is shown which realia of this historical period were fixed in the language. An attempt is undertaken to give a chronological classification of these facts and to provide the analysis of the motives. The language units, studied in the article, are not always fixed in the dictionaries, as it seems too early to define the status of such units: whether we should classify them as conventional units included in the language or they are rather some temporary phenomena. The material for this research consists of the notes of Toponymic expedition of the Ural University, and the data of the dialect dictionaries. The following periods of the XX century in the history of Russia are singled out, each of them having its own ideological and cultural dominants: the period of Revolution and civil war; post-revolution period; the Great Patriotic War; post-war period; post-soviet period. The realia, which got their lexical or phraseological nomination are new technological processes of agricultural industry; posts and status; household items. The dialect of the XX century is characterized by the use of clichés of the Soviet period, phraseologization of some texts and academic style. "Regressive" nomination is widely used, when new words and phraseological units are used to denote the existing ideograms. "Progressive" nomination (naming of new ideograms using the existing images) is rare.*

KEYWORDS: *dialect; phraseology; vocabulary; semantics; revolution; XX century history.*

ABOUT THE AUTHOR: *Kogan Ekaterina Sergeevna, Research Officer, Toponymic Laboratory, Ural federal University n.a. the first President of Russia B.N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia.*

REFERENCES

1. Annulirovat' : rezul'taty poiska // Natsional'nyy korpus russkogo yazyka. URL: [http://search2.ruscorpora.ru/search.xml?env=alpha&mycorp=\(\(created%253A%253E%253D%25221900%2522\)%2520%2526%2526%2520%25221900%2522\)\)&mysent=&mysize=74177649&mysentsize=6429322&mydocsize=50968&dpp=&spp=&spd=&text=lexform&mode=main&sort=gr_tagging&lang=ru&nodia=1&req=%E0%ED%ED%F3%EB%E8%F0%EE%E2%E0%F2%FC&p=2&docid=95937&sid=12](http://search2.ruscorpora.ru/search.xml?env=alpha&mycorp=((created%253A%253E%253D%25221900%2522)%2520%2526%2526%2520%25221900%2522))&mysent=&mysize=74177649&mysentsize=6429322&mydocsize=50968&dpp=&spp=&spd=&text=lexform&mode=main&sort=gr_tagging&lang=ru&nodia=1&req=%E0%ED%ED%F3%EB%E8%F0%EE%E2%E0%F2%FC&p=2&docid=95937&sid=12) (data obrashcheniya: 6.06.2017).

2. Zolotyie rossypi: slovar' ustoychivyykh oborotov rechi v vologodskikh narodnykh govorakh / отв. ред. Л. Ю. Зорина. — Вологда : ВГПУ, 2014.

3. ЛК ТЕ = Лексическая картотека топонимической экспедиции каф. русского языка и общего языкознания / УрФУ.

4. Олив'е : rezul'taty poiska // Natsional'nyy korpus russkogo yazyka. URL: [http://search2.ruscorpora.ru/search.xml?env=alpha&mydocsize=52736&dpp=&spp=&spd=&text=lexform&sort=gr_tagging&lang=ru&nodia=1&req=%CE%E8%E2%FC%E5&mode=main&mycorp=\(\(created%253A%253E%253D%25221880%2522\)%2520%2526%2526%2520%25221880%2522\)\)&mysent=&mysize=92608234&mysentsize=7845673](http://search2.ruscorpora.ru/search.xml?env=alpha&mydocsize=52736&dpp=&spp=&spd=&text=lexform&sort=gr_tagging&lang=ru&nodia=1&req=%CE%E8%E2%FC%E5&mode=main&mycorp=((created%253A%253E%253D%25221880%2522)%2520%2526%2526%2520%25221880%2522))&mysent=&mysize=92608234&mysentsize=7845673).

5. СГРС = Словарь говоров Русского Севера. — Екатеринбург, 2001—... Т. 1—...

6. Сергеева Л. Н. Материалы для идеографического словаря новгородских фразеологизмов. — Великий Новгород, 2004.

10. ФСРГРК = Кобелева И. А. Фразеологический словарь русских говоров Республики Коми. — Сыктывкар : Изд-во Сыктывкар. ун-та, 2004.

ЛИТЕРАТУРА

11. Верещагин Е. М., Костромаров В. Г. Язык и культура. Три лингвострановедческие концепции: лексического фона, рече-поведенческих тактик и сапиентемы. — М. : Индрик, 2005.

12. Ларин Б. А. История русского языка и общее языкознание: избр. работы. — М., 1977.

13. Мокиенко В. М. Образы русской речи: историко-этимологические очерки фразеологии. 3-е изд. — М. : Флинта, 2009.

14. Телия В. Н. Первоочередные задачи и методологические проблемы исследования фразеологического состава языка в контексте культуры // Фразеология в контексте культуры. — М. : Языки русской культуры, 1999. С. 13—24.

15. Московскія вѣдомости 16 (03) марта 1910 г. [Электронный ресурс] // Газетные старости. URL: <http://starosti.ru/article.php?id=22943> (дата обращения: 16.06.2017).

16. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация : учеб. пособие для студентов, аспирантов и соискателей по спец. «Лингвистика и межкультурная коммуникация». — М., 2000.

7. СППиП = Slovar' pskovskikh poslovits i pogovorok / sost. V. M. Mokienko, T. G. Nikitina. — Spb. : Norint, 2001.

8. СРГЮП = Slovar' russkikh govovor Yuzhnogo Prikam'ya. Vyp. 1—3 / pod red. I. A. Podyukova [i dr.]. Perm', 2010—2012.

9. СРНГ = Slovar' russkikh narodnykh govovor. T. 1—... — М. ; Л., 1966—...

10. ФСРГРК = Kobleva I. A. Frazeologicheskii slovar' russkikh govovor Respubliki Komi. — Syktyvkar : Izd-vo Syktyvkar. un-ta, 2004.

11. Vereshchagin E. M., Kostromarov V. G. Yazyk i kul'tura. Tri lingvostranovedcheskie kontseptsii: leksicheskogo fona, reche-povedencheskikh taktik i sapientemy. — M. : Indrik, 2005.

12. Larin B. A. Istoriya russkogo yazyka i obshchee yazykoznanie: izbr. raboty. — M., 1977.

13. Mokienko V. M. Obrazy russkoy rechi: istoriko-etimologicheskie ocherki frazeologii. 3-e izd. — M. : Flinta : Nauka, 2009.

14. Teliya V. N. Pervoocherednye zadachi i metodologicheskie problemy issledovaniya frazeologicheskogo sostava yazyka v kontekste kul'tury // Frazeologiya v kontekste kul'tury. — M. : Yazyki russkoy kul'tury, 1999. S. 13—24.

15. Moskovskiya viedomosti 16 (03) marta 1910 g. [Elektronnyy resurs] // Gazetnye starosti. URL: <http://starosti.ru/article.php?id=22943> (data obrashcheniya: 16.06.2017).

16. Ter-Minasova S. G. Yazyk i mezhkul'turnaya kommunikatsiya : ucheb. posobie dlya studentov, aspirantov i soiskateley po spets. «Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya». — M., 2000.

А. Д. Пашкова
Екатеринбург, Россия

УСИЛИТЕЛЬНЫЕ НАРЕЧИЯ КАК СРЕДСТВО ИНТЕНСИФИКАЦИИ ОЦЕНКИ РЕФОРМЫ ОБРАЗОВАНИЯ В МЕДИАПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ США

АННОТАЦИЯ. В статье рассматриваются усилительные наречия, используемые в американских СМИ для интенсификации оценки. Рассмотрены научные статьи, медийные публикации, обращения, интервью, посвященные реформе образования США и ее основным деятелям за 2012—2016 гг. Авторами выделены наиболее распространенные сферы-мишени оценки в отношении реформы и образовательной политики США в медиаполитическом дискурсе (снижение уровня образованности американцев; «истощение» учительского контингента; вопрос эффективности существующих образовательных программ и методов оценивания результатов; неодинаковый доступ к образовательным услугам из-за социального расслоения населения; преступность и насилие в школе). Анализ исследуемого материала позволяет говорить о преобладании отрицательной оценки реформы и ее ключевых фигур в СМИ. В работе дается обзор наиболее часто используемых авторами публикаций усилительных наречий для интенсификации оценки, а также осуществлен анализ их возможного прагматического эффекта на читательскую аудиторию. Особый интерес в изучении данной области представляют оценочные конструкции интенсификации оценки. В ходе исследования получены выводы о том, что усилительные наречия могут быть использованы в каждой из указанных видов конструкций, но преобладающей в американском медиаполитическом дискурсе, посвященном реформе образования и ее результатам, является оценочно-признаковая структура.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: усилительные наречия; политический дискурс; медиадискурс; СМИ; средства массовой информации; американские СМИ; реформа образования.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Пашкова Александра Дмитриевна, аспирант, Уральский государственный педагогический университет; 620017, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26, оф. 379; e-mail: Sasha-transaero@mail.ru.

Более полувека приоритетным направлением политики США является образование. Этот, а также связанные с ним вопросы реформирования и модернизации существующей системы являются дискуссионными, широко обсуждаются и оцениваются в СМИ представителями педагогического сообщества, политиками и общественностью.

В рамках данной работы нами были рассмотрены научные статьи, медийные публикации, обращения, интервью, посвященные реформе образования США и ее основным деятелям за 2012—2016 гг. общим объемом 670 страниц печатного текста. Анализ материала позволил нам определить наиболее распространенные сферы-мишени оценки в отношении реформы и образовательной политики США в СМИ, а именно:

- снижение уровня образованности американцев [Бьюкенен 2006: 73];
- «истощение» учительского контингента (teacher attrition [Boyer]);
- вопрос эффективности существующих образовательных программ и методов оценивания результатов [Korte];
- неодинаковый доступ к образовательным услугам («educational gap») людей, принадлежащих к разным социальным группам [Cook];
- преступность и насилие в школе («school crime and violence» [Bidwell]).

Обозначенные выше сферы-мишени характеризуют отрицательные стороны образовательной системы, указывая на них; авторы публикаций не просто дают им оценку, а, стремясь повысить эмоциональный заряд текста, нередко прибегают к средствам интенсификации конструкций

оценочной семантики. Остановимся на них более подробно.

Лингвистическая категория «интенсивность» нередко встречается в современных исследованиях, касающихся области экспрессивной стилистики, эмоциональности текста и оценочности. Весьма широк диапазон исследуемых языковых явлений данной области: градуальные характеристики прилагательных, существительных, глаголов (С. А. Швачко, В. В. Дегтярёва), способы и средства выражения интенсивности действия, признака, качества (Е. Н. Сергеева, О. Ф. Шевченко), состояния, степени интенсивности признака, языковые способы выражения большого и малого количества (Г. Г. Галич, И. И. Туранский, О. О. Иванова). Большое внимание уделено анализу семантики усилительных прилагательных, наречий и устойчивых сочетаний (И. Х. Беручашвили, Л. Я. Герасимова) [Китик 2004: 9].

Многие современные ученые сходятся во мнении, что интенсивность как выражение усиления является одним из возможных видов количественной характеристики признака. Подобное определение категории интенсивности восходит к Ш. Балли, который под последней понимал «все различия, сводящиеся к категориям количества, величины, ценности, силы и т. п., вне зависимости от того, идет ли речь о конкретных представлениях или об абстрактных идеях» [Балли 1961: 202]. Л. Я. Герасимова, придерживаясь подобного мнения, определяет интенсивность как «выражение усилительности, то есть один из видов количественной характеристики признака, процесса» [Герасимова 1970: 17].

Е. И. Шейгал указывает, что «категория интенсивности, обозначая приближенную количественную оценку качества, является частным проявлением категории количества, а именно той ее стороны, которая характеризуется как недискретное (неопределенное) количество...» [Шейгал 1981: 6].

Какой же может быть прагматическая цель автора, использующего в своем материале средства интенсификации оценки? Исследователи, занимающиеся процессами интенсификации (Н. Д. Арутюнова, Е. М. Вольф, И. И. Туранский), говорят о том, что цель интенсификации — не столько указание на то, что признак превышает норму, сколько введение в высказывание экспрессивного компонента, создание прагматического эффекта выразительности и образительности речи [цит. по: Щербатых 2016: 152]. Так, Е. М. Вольф указывает, что использование автором оценки с интенсификацией может быть продиктовано желанием «сделать высказывание более убедительным для собеседника и усилить его перлокутивный эффект» [Вольф 2009: 110—111].

Необходимо отметить, что интенсифицирующие конструкции могут быть использованы как с положительной, так и с отрицательной оценкой. Выбор подобных конструкций зависит от индивидуальных особенностей, а также коммуникативных намерений автора. С учетом специфики изучаемого материала можно говорить о преобладании отрицательных оценочных конструкций в медиаполитическом дискурсе о реформе образования.

Для выражения интенсивности могут быть применены средства различных уровней языка: фонетического, морфологического, лексического и синтаксического. Мы сосредоточим свое внимание на лексических средствах интенсификации в английском языке. К последним профессор И. И. Туранский относит: 1) аффиксацию и словосложение; 2) прилагательные интенсифицирующего содержания; 3) синонимические ряды глаголов; 4) усилительные наречия; 5) кванторные слова; компаративные фразеологические единицы (усилительные фразеологизмы). [Туранский 1990: 78].

Мы рассмотрим один из наиболее частотных лексических способов, влияющих на изменение интенсивности оценки в сторону ее усиления, а именно использование усилительных наречий, которые в сочетании с оценочными прилагательными, причастиями или существительными интенсифицируют значение последних.

Наречия-интенсификаторы неоднородны и многочисленны, что обуславливает отсут-

ствии единой классификации данной группы лексических средств. В качестве основания для классификации довольно часто используется степень изменения интенсивности, исходя из которой интенсификаторы делятся на две группы:

а) эмфасайзеры (*actually, certainly, clearly, obviously, really, just* и др.), цель которых — создать общий эффект усиления;

б) эмплифайеры, которые указывают на определенную отметку на шкале интенсивности выше ординарного уровня. Это бустеры (высокая степень интенсивности: *badly, deeply*) и максимайзеры (предельная отметка интенсивности: *absolutely, completely*) [Quirk, Greenbaum, Leech 1982: 195].

Е. М. Вольф, рассматривая данный вопрос, приходит к выводу, что «интенсификация оценки недискретна — нельзя измерить расстояние между хорошим и очень хорошим — и не ограничена определенным числом позиций, подобно степеням сравнения». Исследователь указывает, что «интенсификаторы составляют длинные, слабо организованные ряды из единиц, соотносенных друг с другом неопределенным образом» [Вольф 2009: 45].

Данная точка зрения находит подтверждение и в рассмотренном нами корпусе примеров. Действительно, набор наречий, используемых авторами для интенсификации оценки, довольно широк и разнообразен. Несомненно, частота употребления тех или иных усилительных наречий зависит от индивидуальных предпочтений и целей автора, вместе с тем нами был выделен ряд наречий, наиболее часто встречающихся в медиаполитическом дискурсе о реформе образования.

Всего нами было выделено 374 усилительных наречия, при этом к самым частотным отнесем следующие: *very* (109 примеров), *actually* (46), *really* (39), *particularly* (25), *certainly* (23). Приведем примеры: *It is a **very** demanding profession with an often overwhelming amount of pressure and responsibility tied to it* [Boyer]; *...they found that only 1.5 percent were **actually** ineffective* [Hansen]; *Having a review is **really** helpful* [Cook]; *The tension is **particularly** evident in the NCLB policies* [Hamilton]; *While it is **certainly** true that having good teachers is important* [Nelson].

Как показывает проведенный нами анализ, наибольшее количество примеров приходится на эмфасайзеры, создающие общий эффект усиления. Отдельного внимания заслуживает наречие *very*, наиболее востребованное из выделенных нами. Е. М. Вольф говорит об особом качестве данного наречия, заключающегося в переводе точных

обозначений в размытые [Вольф 2009: 53]. Вместе с тем ученый указывает, что интенсификаторы всегда вводят в оценочную конструкцию элемент приблизительности, размывают оценку. Так, интенция усиления оценки может быть рассмотрена не только в аспекте повышения экспрессивности высказывания, но и как нежелание точной дифференциации признака на оценочной шкале [Вольф 2009: 54].

Наряду с указанными нами выше, довольно большую группу составляют наречия *clearly* (12 примеров), *truly* (11), *completely* (11), *especially* (10), *deeply* (10), *absolutely* (7), *extremely* (6), *highly* (6). Например: *...their education are represented is **clearly** an issue for increasing profits*[Hansen]; *...these kinds of numbers are **truly** frightening* [Boyer]; *The reform movement seems **completely** uninterested in legislation* [Spicklemire, Johnson]; *...the gaps in education will prove **especially** problematic* [Cook]; *Opponents also claim that standardized testing, which is the heart of NCLB accountability, is **deeply** flawed and biased for many reasons...* [White]; *This situation is **absolutely** corrosive to actual learning* [Popham]; *Data-driven decision making" has become an **extremely** popular strategy for promoting school improvement* [Hamilton]; *...most teachers prefer to teach **highly** motivated kids who live in safe communities, and whose parents will contribute private money to the school* [Klein].

Большинство наречий данной группы — эмплифайеры. Присутствуя в текстах в меньшем по сравнению с эмфасайзерами количестве, они в сочетании с оценочными прилагательными отрицательной семантики способны значительно повысить пейоративный эффект оценки.

Отдельно следует остановиться на интенсификаторах, которые встречались в тексте единично. Они составляют 16 % от общего количества наречий. Несмотря на то что наиболее употребительным из рассмотренных нами выше интенсификаторов является «very», можно наблюдать тенденцию авторов к разнообразию используемого лексического материала. По мнению И. И. Туранского, «прагматический эффект воздействия интенсифицирующих конструкций тем больше, чем меньше степень стертости употребляемого выражения. Поэтому язык через своих носителей стремится к поиску все новых и новых средств выражения интенсивности, которые приходят на смену старым, штампованным, стершимся от частого употребления» [Туранский 1990: 133]. Действительно, наречие «very», являясь самым распространенным, постепенно теряет значение усиления и в некоторых случаях мо-

жет быть рассмотрено читателями как нейтральное. Авторы исследуемых нами статей о реформе образования, стремясь привлечь особое внимание к какому-либо вопросу либо желая в полной мере выразить свое отношение к той или иной проблеме, используют необычные, броские интенсификаторы. Приведем примеры: ***painfully** evident, **remarkably** well, **enormously** helpful, **drastically** reduced, **unimaginably** wealthy, **rigorously** trained, **willfully** obscure, **grossly** unfair, **strongly** established, **overwhelmingly** low-income, **increasingly** sophisticated, **widely** perceived, **primarily** concerned, **heavily** invested, **profoundly** negative, **exceptionally** good, **drastically** reduced, **overwhelmingly** impressive.*

Указанные нами выше примеры, с одной стороны, отражают индивидуальный стиль автора, а с другой — делают выражение более экспрессивным, эмоционально заряженным.

Определенный интерес в исследовании данной области представляет изучение оценочных конструкций интенсификации оценки. Н. В. Ильина называет оценочной ту конструкцию, в которой лексическая единица находится в предикативной позиции [Ильина 1984: 58]. Вслед за Н. В. Ильиной [Ibid.] выделим три типа ядерных оценочных предложений:

1.Связочная (копультиная) оценочно-признаковая структура:

S + Vbe + Adj.,

где S — объект оценки; Vbe — глагол-связка 'to be'; Adj. — оценочное прилагательное.

2.Связочная конструкция оценочно-классифицирующей характеристики:

S + Vbe + Adj + Nn-ev,

где Nn-ev — существительное неоценочной семантики.

3.Связочная структура оценочно-предметной характеристики:

S + Vbe + Nev,

где Nev — существительное оценочной семантики.

Анализ исследуемого нами материала показывает, что усилительные наречия могут быть использованы в каждой из указанных выше конструкций. Остановимся на них более подробно.

Общая модель оценочно-признаковой конструкции с усилительным наречием выглядит следующим образом:

Noun/Pronoun + Vbe + Adverb^{intens} +
+ Adjective^{evaluative} /Participle^{evaluative}

Приведем примеры: *This was **extremely** alarming* [Ravitch]; *These numbers are **absolutely** staggering* [Boyer]; *...the fact that it is leading to so many dropouts is **truly** disturbing*

[Bradley]; *This was really curious* [Hanford]; *...the latest fad for the reformers is very perplexing* [Hansen].

В вышеуказанных примерах оценочно-экспрессивный эффект удваивается, так как усилительные наречия сочетаются с прилагательными, уже заключающими интенсификацию в своей семантике.

Перейдем к оценочно-классифицирующим конструкциям, в которых усилительное наречие сочетается с оценочным прилагательным, использованным атрибутивно при существительном, редуцирующим семантический объем подлежащего. В данном случае модель оценочной конструкции будет такой:

Noun/Pronoun + Vbe + Adverb^{intens} +
+ Adjective^{evaluative} + Noun.

В тексте можно выделить следующие примеры: *They are very top-performing kids* [Cotton]; *...if we were a truly equitable district* [Dixon]; *...there is very little research to address that question* [Hamilton]; *"Data-driven decision making" has become an extremely popular strategy for promoting school improvement* [Hamilton]; *Teachers are extremely effective messengers to parents* [Klein].

Рассмотрим конструкции оценочно-предметной характеристики, в которых усилительные наречия определяют существительное. Например: *There are certainly profiteers who stand to make a buck* [Nelson]; *...their education are represented is clearly an issue for increasing profits* [Hansen]; *It is so very true that this is a shared responsibility* [Carpenter]; *These urban schools are the very places that need all of those factors* [Lynch]; *This definitely is a problem* [Boyer].

В первом из приведенных нами примеров мы видим двойную интенсификацию отрицательной оценки, так как семантика слова *profiteer* — *спекулянт* усиливается эмфасайзером *certainly*. Вместе с тем вызывают интерес примеры, в которых авторы усиливают действие наречия-интенсива *very*, употребляя его вместе с наречием *so* или превосходной степенью.

Таким образом, мы можем говорить о том, что рассмотренные нами усилительные наречия модифицируют ядерные оценочные конструкции всех вышеназванных типов. Кроме того, в исследуемом материале самыми распространенными являются оценочно-признаковые структуры: они составляют 49 % от общего количества оценочных предложений. Доля оценочно-классифицирующих предложений в текстах составляет 32 %, в то время как наименее востребованными для авторов являются оценочно-предметные структуры, на которые приходится 19 % случаев.

Вместе с тем к наиболее часто используемым в исследуемом нами медиаполитическом дискурсе о реформе образования США эмфасайзерам относятся *very, actually, really, particularly, certainly*. Наиболее употребительные эмплифайеры — *completely, deeply, absolutely, extremely*. Отдельно следует отметить стремление некоторых авторов разнообразить свою речь путем использования незаурядных сочетаний усилительных наречий и слов с оценочной семантикой, несомненно, повышающих эмоционально-экспрессивный заряд текста и способствующих заострению внимания читателя на наиболее значительных аспектах обсуждаемых проблем.

ЛИТЕРАТУРА

1. Балли Ш. Французская стилистика. — М.: Изд-во иностранной литературы, 1961. 394 с.
2. Бюкенен П. Правые и не-правые. Как неоконсерваторы заставили нас забыть о рейгановской революции и повлянили на Президента Буша: пер. с англ. — М.: АСТ, 2006. 348 с.
3. Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки. — М.: Либроком, 2009. 280 с.
4. Герасимова Л. Я. Усилительные наречия в современном английском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Л., 1970. 26 с.
5. Ильина Н. В. Структура и функционирование оценочных конструкций в современном английском языке: дис. ... канд. филол. наук. — М., 1984. 178 с.
6. Китик М. В. Снижение интенсивности высказывания в политическом дискурсе (на материале стенограмм заседаний Британского Парламента): автореф. ... канд. филол. наук. — Астрахань, 2003. 25 с.
7. Туранский И. И. Средства интенсификации высказывания в английском языке: учеб. пособие к спецкурсу для студентов педагогических институтов и факультетов иностранных языков / Куйбышев. гос. пед. ин-т. — Куйбышев, 1987. 78 с.
8. Туранский И. И. Семантическая категория интенсивности в английском языке. — М.: ВШ, 1990. 174 с.
9. Шейгал Е. И. Интенсивность как компонент семантики слова в современном английском языке: дис. ... канд. филол. наук. — М., 1981. 226 с.
10. Щербатых Е. Ю. Конструкции оценочной семантики в текстах современных англоязычных интервью: дис. ... канд. филол. наук. — Ярославль, 2016. 256 с.
11. Bidwell A. Report: School Crime and Violence Rise. URL: <https://www.usnews.com/news/articles/2014/06/10/incidents-of-school-crime-and-violence-on-the-rise-for-students-and-teachers> (date of access: 16.08.2017).
12. Boyer A. Problems Facing American Education. URL: <http://www.nationalforum.com/Electronic%20Journal%20Volumes/Boyer,%20Ashley%20Problems%20Facing%20American%20Education.pdf> (date of access: 16.08.2017).
13. Bradley R. T. Publik Education is Working... Well isn't that ironic. URL: <https://parishgov.wordpress.com/2012/05/13/publik-education-is-working-well-isnt-that-ironic> (date of access: 16.08.2017).
14. Carpenter Z. The Legacy of Arne Duncan, "A Hero in the Education Business". URL: <https://www.thenation.com/article/the-legacy-of-arne-duncan> (date of access: 16.08.2017).
15. Cook L. U. S. Education: Still Separate and Unequal. URL: <https://www.usnews.com/news/blogs/data-mine/2015/01/28/us-education-still-separate-and-unequal> (date of access: 16.08.2017).
16. Cotton C. It's Our Society That Has An Opportunity Gap. URL: http://www.huffingtonpost.com/entry/its-our-society-not-our-schools-that-has-an-opportunity-gap_us_58531324e4b039044707d4c4?utm_hp_ref=education-reform (date of access: 16.08.2017).

17. Dixon G. 8 Things The U.S. Must Do Now To Save Public Education. URL: http://www.huffingtonpost.com/entry/8-things-the-us-must-do-now-to-save-public-education_us_57d4af40e4b0273330ac42f5?utm_hp_ref=education-reform (date of access: 16.08.2017).

18. Hamilton L. S., Stecher B. M., Yuan K. Standards-Based Reform in the United States: History, Research, and Future Directions. URL: [file:///C:/Users/W7/Downloads/HamiltonStecherYuan_US-StandardsBasedReforms_120108%20\(1\).pdf](file:///C:/Users/W7/Downloads/HamiltonStecherYuan_US-StandardsBasedReforms_120108%20(1).pdf) (date of access: 16.08.2017).

19. Hanford E. An American way of teaching. URL: <http://www.americanradioworks.org/segments/an-american-way-of-teaching> (date of access: 16.08.2017).

20. Hansen D. education Reformers Are So Gullible. URL: http://www.huffingtonpost.com/da-le-hansen/education-reformers-are-s_b_7061670.html (date of access: 16.08.2017).

21. Klein J. The Failure of American Schools. URL: <https://www.theatlantic.com/magazine/archive/2011/06/the-failure-of-american-schools/308497> (date of access: 16.08.2017).

22. Korte G. The Every Student Succeeds Act vs. No Child Left Behind: What's changed? URL: <http://www.usatoday.com/story/news/politics/2015/12/10/every-student-succeeds-act-vs-no-child-left-behind-whats-changed/77088780> (date of access: 16.08.2017).

23. Lynch M. 10 Reasons the U. S. Education System Is Failing. URL: http://blogs.edweek.org/edweek/education_futures/2015/08/10_reasons_the_us_education_system_is_failing.html (date of access: 16.08.2017).

24. Nelson S. Education Reform Is Anti-American. URL: http://www.huffingtonpost.com/steve-nelson/education-reform-is-anti_b_8232342.html (date of access: 16.08.2017)

25. Popham G. Standardized Testing Misses The Mark When It Comes To Student's Cognitive Competency. URL: http://www.huffingtonpost.com/entry/standardized-testing-misses-the-mark-when-it-comes_us_590b8958e4b0f7118072428b (date of access: 16.08.2017).

26. Quirk R., Greenbaum S., Leech G., Svartvik J. A University Grammar of English. — Moscow, 1982. P. 150—200.

27. Ravitch D. Flunking Arne Duncan. URL: <http://www.nybooks.com/daily/2012/03/07/flunking-arne-duncan> (date of access: 16.08.2017).

28. Spicklemire K., Johnson S. Are Trump and DeVos Waging a War on Teachers. URL: <https://www.americanprogress.org/issues/education/news/2017/06/05/433548/trump-devos-waging-war-teachers> (date of access: 16.08.2017).

29. White D. Pros&Cons of the No Child Left Behind Act. URL: http://usliberals.about.com/od/education/i/NCLBProsCons_2.htm (date of access: 16.08.2017).

A. D. Pashkova

Ekaterinburg, Russia

AMPLIFYING ADVERBS AS A MEANS OF INTENSIFICATION OF EDUCATION REFORM EVALUATION IN AMERICAN MEDIA-POLITICAL DISCOURSE

ABSTRACT. *The article focuses on the amplifying adverbs used for evaluation intensification in American Mass Media. The authors examine the most widespread evaluation target-spheres of American education reform and policy in media-political discourse (decrease of literacy of the Americans; "depletion" of the teaching staff; doubt of efficiency of the existing educational programs and methods for result evaluation; inequality in access to education because of social stratification of the people; crimes and violence at schools). The analysis shows the prevalence of the negative evaluation of the education reform and its main figures in Mass Media. The paper presents the review of the most preferable amplifying adverbs and the analysis of their possible pragmatic effect on the readership. Constructions of evaluation intensification are of special interest in this field. The provided conclusions are: the amplifying adverbs may be used in every type of the evaluation constructions, attributive evaluation constructions are the most widespread in American Mass Media, devoted to the education reform and its main results.*

KEYWORDS: *intensifying adverbs; political discourse; media discourse; mass media; media; American mass media; reform of education.*

ABOUT THE AUTHOR: *Pashkova Alexandra Dmitrievna, Post-graduate Student, Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg).*

REFERENCES

1. Balli Sh. Frantsuzskaya stilistika. — M. : Izd-vo inostr. litry, 1961. 394 s.

2. B'yukenen P. Pravye i ne-pravye. Kak neokonservatory zastavili nas zabyt' o reaganovskoy revolyutsii i povliyali na Prezidenta Busha : per. s angl. — M. :AST, 2006. 348 s.

3. Volf E. M. Funktsional'naya semantika otsenki. — M. : Librokom, 2009. 280 s.

4. Gerasimova L. Ya. Usilitel'nye narechiya v sovremennom angliyskom yazyke : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. — L., 1970. 26 s.

5. Il'ina N. V. Struktura i funktsionirovanie otsennochnykh konstruksiy v sovremennom angliyskom yazyke : dis. ... kand. filol. nauk. — M., 1984. 178 s.

6. Kitik M. V. Snizhenie intensivnosti vyskazyvaniya v politicheskom diskurse (na materiale stenogramm zasedaniy Britanskogo Parlamenta) : avtoref. ... kand. filol. nauk. — Astrakhan', 2003. 25 s.

7. Turanskiy I. I. Sredstva intensivifikatsii vyskazyvaniya v angliyskom yazyke : ucheb. posobie k spetskursu dlya studentov pedagogicheskikh institutov i fakul'tetov inostrannykh yazykov / Kuybyshev. gos. ped. in-t. — Kuybyshev, 1987. 78 s.

8. Turanskiy I. I. Semanticheskaya kategoriya intensivnosti v angliyskom yazyke. — M. : VSh, 1990. 174 s.

9. Sheygal E. I. Intensivnost' kak komponent semantiki slova v sovremennom angliyskom yazyke : dis. ...kand. filol. nauk. — M., 1981. 226 s.

10. Shcherbatykh E. Yu. Konstruktsii otsennochnoy semantiki v tekstakh sovremennykh angloyazychnykh interv'yuu : dis. ... kand. filol. nauk. — Yaroslavl', 2016. 256 s.

11. Bidwell A. Report: School Crime and Violence Rise. URL: <https://www.usnews.com/news/articles/2014/06/10/incidents-of-school-crime-and-violence-on-the-rise-for-students-and-teachers> (date of access: 16.08.2017).

12. Boyer A. Problems Facing American Education. URL: <http://www.nationalforum.com/Electronic%20Journal%20Volumes/Boyer,%20Ashley%20Problems%20Facing%20American%20Education.pdf> (date of access: 16.08.2017).

13. Bradley R. T. Publik Education is Working... Well isn't that ironic. URL: <https://parishgov.wordpress.com/2012/05/13/publik-education-is-working-well-isnt-that-ironic> (date of access: 16.08.2017).

14. Carpenter Z. The Legacy of Arne Duncan, "A Hero in the Education Business". URL: <https://www.thenation.com/article/the-legacy-of-arne-duncan> (date of access: 16.08.2017).

15. Cook L. U. S. Education: Still Separate and Unequal. URL: <https://www.usnews.com/news/blogs/data-mine/2015/01/28/us-education-still-separate-and-unequal> (date of access: 16.08.2017).

16. Cotton C. It's Our Society That Has An Opportunity Gap. URL: http://www.huffingtonpost.com/entry/its-our-society-not-our-schools-that-has-an-opportunity-gap_us_58531324e4b039044707d4c4?utm_hp_ref=education-reform (date of access: 16.08.2017).

17. Dixon G. 8 Things The U.S. Must Do Now To Save Public Education. URL: http://www.huffingtonpost.com/entry/8-things-the-us-must-do-now-to-save-public-education_us_57d4af40e4b0273330ac42f5?utm_hp_ref=education-reform (date of access: 16.08.2017).

18. Hamilton L. S., Stecher B. M., Yuan K. Standards-Based Reform in the United States: History, Research, and Future Directions. URL: <file:///C:/Users/W7/Downloads/HamiltonStecher>

Yuan_US-StandardsBasedReforms_120108%20(1).pdf (date of access: 16.08.2017).

19. Hanford E. An American way of teaching. URL: <http://www.americanradioworks.org/segments/an-american-way-of-teaching> (date of access: 16.08.2017).

20. Hansen D. education Reformers Are So Gullible. URL: http://www.huffingtonpost.com/dale-hansen/education-reformers-are-s_b_7061670.html (date of access: 16.08.2017).

21. Klein J. The Failure of American Schools. URL: <https://www.theatlantic.com/magazine/archive/2011/06/the-failure-of-american-schools/308497> (date of access: 16.08.2017).

22. Korte G. The Every Student Succeeds Act vs. No Child Left Behind: What's changed? URL: <http://www.usatoday.com/story/news/politics/2015/12/10/every-student-succeeds-act-vs-no-child-left-behind-whats-changed/77088780> (date of access: 16.08.2017).

23. Lynch M. 10 Reasons the U. S. Education System Is Failing. URL: http://blogs.edweek.org/edweek/education_futures/2015/08/10_reasons_the_us_education_system_is_failing.html (date of access: 16.08.2017).

24. Nelson S. Education Reform Is Anti-American. URL: http://www.huffingtonpost.com/steve-nelson/education-reform-is-anti_b_8232342.html (date of access: 16.08.2017)

25. Popham G. Standardized Testing Misses The Mark When It Comes To Student's Cognitive Competency. URL: http://www.huffingtonpost.com/entry/standardized-testing-misses-the-mark-when-it-comes_us_590b8958e4b0f7118072428b (date of access: 16.08.2017).

26. Quirk R., Greenbaum S., Leech G., Svartvik J. A University Grammar of English. — Moscow, 1982. P. 150—200.

27. Ravitch D. Flunking Arne Duncan. URL: <http://www.nybooks.com/daily/2012/03/07/flunking-arne-duncan> (date of access: 16.08.2017).

28. Spicklemire K., Johnson S. Are Trump and DeVos Waging a War on Teachers. URL: <https://www.americanprogress.org/issues/education/news/2017/06/05/433548/trump-devos-waging-war-teachers> (date of access: 16.08.2017).

29. White D. Pros&Cons of the No Child Left Behind Act. URL: http://usliberals.about.com/od/education/i/NCLBProsCons_2.htm (date of access: 16.08.2017).

РАЗДЕЛ 4. РЕЦЕНЗИИ. ХРОНИКА

УДК 378.016:811.1
ББК Ш12/18-9

ГСНТИ 16.21.27

Код ВАК 10.02.20; 10.02.19

А. С. Бочарникова, С. А. Ерёмкина
Екатеринбург, Россия

FIVE LESSONS FOR DEVELOPING TOLERANCE. ПЯТЬ УРОКОВ РАЗВИТИЯ ТОЛЕРАНТНОСТИ

АННОТАЦИЯ. Авторы рецензии рассматривают достоинства учебного пособия «Пять уроков развития толерантности» (*Five lessons for developing tolerance = Пять уроков развития толерантности : практикум / А. П. Бекетова, Т. В. Куприна. Екатеринбург : УрФУ, 2016. 168 с.*). Актуальность данного пособия не вызывает сомнений и обусловлена современной поликультурной ситуацией в мире, диктующей, помимо изучения языка другого народа, необходимость осваивать нормы поведения в инокультурной среде. Отмечаются приемы, направленные на расширение словарного запаса учащихся и порождение собственного текста, которые задействованы в упражнениях. Недостаточная разработка проблем толерантности и межкультурного общения делает данное учебное пособие значимым и актуальным. Технологии рассчитаны на этнокультурные особенности русскоязычной аудитории. Задания учитывают методику работы над лексикой и грамматикой в рамках обучения иностранному языку. Пособие имеет интегрированный характер. Указывается на ряд эффективных технологий, используемых в практическом пособии и способствующих освоению понятия «толерантность». Тексты, представленные в практическом пособии, имеют культурно-языковую направленность и развивают кругозор и лингвистическую, языковую, коммуникативную и лингвострановедческую компетенцию учащихся. Нет сомнений, что в результате работы с данным учебным курсом у студентов сформируются глубокие знания о толерантности и формах паритетного межличностного и межкультурного взаимодействия.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: межкультурная коммуникация; методика преподавания иностранных языков; развивающие образовательные технологии; разговорная речь; виды речевой деятельности; речевая деятельность; методика преподавания иностранных языков в вузе; толерантность.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ: Ерёмкина Светлана Александровна, кандидат филологических наук, доцент, кафедра межкультурной коммуникации, риторики и русского языка как иностранного, Институт филологии, культурологии и межкультурной коммуникации, Уральский государственный педагогический университет; 620017, Россия, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26; e-mail: swegle@yandex.ru.

Бочарникова Александра Станиславовна, студентка 4 курса, Институт филологии, культурологии и межкультурной коммуникации, Уральский государственный педагогический университет; 620017, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26; e-mail: ifkimkuspu@yandex.ru.

Сложившаяся в мире поликультурная ситуация диктует, помимо изучения языка другого народа, необходимость осваивать нормы поведения в инокультурной среде. Представители различных культур имеют подчас значительные расхождения в восприятии окружающей среды, и это следует учитывать в ситуациях поликультурного общения, возникающих, к примеру, в университете. Университетская аудитория становится всё более многонациональной, и поэтому особое значение приобретает, помимо изучения языка, развитие навыков толерантного поведения.

В этом отношении не вызывает сомнения актуальность учебного пособия «**Five lessons for developing tolerance. Пять уроков развития толерантности: практикум**», подготовленного кандидатом педагогических наук, доцентом кафедры иностранных языков в области экономики и управления УрФУ (Уральского федерального университета) Т. В. Куприной и старшим преподавателем кафедры иностранных языков и перевода УрФУ А. П. Бекетовой. Данное пособие имеет целью развивать межкультурную толерантность с учетом требований к современным технологиям обучения английскому языку.

Рецензируемое учебное пособие предназначено для использования на занятиях

по иностранному языку со студентами высших учебных заведений.

Основной целью учебного пособия «Five lessons for developing tolerance. Пять уроков развития толерантности» является более глубокая разработка проблемы толерантности и конструктивного межкультурного общения. При этом повышение исходного уровня владения иностранным языком и формирование у обучающихся иноязычных компетенций, позволяющих им решать социально-коммуникативные задачи в различных областях общественно значимой деятельности при общении с зарубежными партнерами, является второй и не менее значимой задачей.

Практикум нацелен на то, чтобы формировать у студентов навыки толерантного поведения и развивать общекультурные компетенции, такие как осознание социальной значимости своей будущей профессии; соблюдение принципов этики поведения в поликультурной и многоязычной среде; способность совершенствовать и развивать свой интеллектуальный и общекультурный уровень; способность компетентно использовать на практике приобретенные умения и навыки во всех видах профессиональной деятельности.

Практикум «Five lessons for developing tolerance. Пять уроков развития толерантно-

сти» имеет коммуникативную направленность и зиждется на использовании проблемно-речевых и творческих упражнений, аутентичных ситуаций общения, предполагающих развитие умений подготовленной и спонтанной коммуникации и формирование межкультурной толерантности при общении в различных профессиональных ситуациях.

Необходимость развития толерантности у студентов обусловлена тем, что в поликультурном обществе востребованы специалисты, обладающие не только высоким профессиональным уровнем владения иностранным языком, но и способностью конструктивно взаимодействовать с людьми разных национальностей и культур в повседневном и деловом общении.

Практикум полностью посвящен развитию межкультурной коммуникации и комплексно решает данную проблему. Пособие состоит из пяти модулей: 1. *A Lesson of Respect for Others*. 2. *A Lesson of Polite Behavior*. 3. *A Lesson of Dealing with Differences*. 4. *A Lesson of Professional Behavior*. 5. *A Lesson of Being Part of a Global Society*. Каждый раздел содержит четыре темы, в которых представлены аутентичные тексты и задания на активизацию и закрепление теоретических и практических навыков по предложенным темам и даются упражнения на развитие диалоговых навыков.

При составлении заданий и упражнений использовано большое количество текстов, заимствованных из различных источников [Английский язык для менеджеров 2010; Соловова, Parsons 2011; Cotton, Falvey, Kent 2011; Foley, Hall 2012; Lebeau, Rees 2008; McCarthy, McCarten, Sandiford 2005]. Принцип отбора учебного материала предполагает интеграцию знаний из различных смежных предметных дисциплин, что способствует одновременному развитию как собственно коммуникативных, так и профессиональных и социальных умений у студентов.

Каждый раздел практикума содержит лексико-грамматический минимум, необходимый для вербализации речевых намерений в ситуациях, связанных с профессиональной деятельностью обучающихся.

Учебный материал изложен в пособии логично и последовательно, что способствует закреплению навыков межкультурного общения на иностранном языке, умений информативного и поискового чтения иноязычной литературы.

Авторы практикума «Five lessons for developing tolerance» строго соблюдают последовательность изложения лексико-грамматического и культурно-языкового материала по принципу «от простого к сложному».

Так, например, практикум начинается с изучения темы *A Lesson of Respect for Others* — «Урок уважения к другим», которая предполагает изучение различных граней понятия «толерантность». Урок разбит на несколько подтем: *What is tolerance?* — «Что есть толерантность?»; *Everybody is unique* — «Каждый уникален»; *In God's eyes we're all the same* — «В глазах Бога мы все одинаковы»; *Learn to notice beauty in everything* — «Учитесь замечать красоту во всем». В этом разделе пособия предусмотрено изучение таких лексических явлений, как номинации тематической группы «Толерантность»; составление синонимичных пар слов изучаемой темы; чтение, перевод и анализ словарных определений анализируемых терминов. Ряд упражнений направлен на формирование навыков чтения и понимания текста посредством серии вопросов для дискуссии по тексту, а также чтение и анализ предложений, выражающих стереотипное мнение о поведении людей различных национальностей. Например: *People blame innocent Arab Americans for terrorist attacks* — «Люди обвиняют невинных арабских американцев в террористических атаках». Отрабатывается знание грамматических форм слов и умение составлять предложение, включая в него фразы с атрибутивными конструкциями. Формируются умения составлять предложения различных структурных типов. Повышение уровня сложности излагаемого материала происходит за счет введения узкопрофессиональной терминологической лексики.

Второй урок *A Lesson of Polite Behavior* — «Урок вежливого поведения» включает изучение лексического материала по темам *Etiquette* — «Этикет», *Polite language* — «Речевая этика», *Good manners* — «Хорошие манеры» и *Gratitude* — «Формулы благодарности».

В этом разделе традиционно для всего пособия вначале помещается текст для чтения и анализа, далее предлагается лексический материал для обогащения словарного запаса учащихся, включаются стихи, песни и тексты, имеющие культурно-специфическую направленность, для демонстрации жизни англоязычных народов.

В третьем разделе практикума *A Lesson of Dealing with Differences* — «Урок борьбы с различиями» выделяются следующие подтемы: *Communication techniques* — «Коммуникационные методы»; *Tastes differ* — «Вкусы разнятся»; *People speak different languages* — «Люди говорят на различных языках»; *Active listening* — «Активное слушание». Студентам необходимо изучить перечень правил ведения разговора, проанализи-

зировать материалы к дискуссии о вкусах с конструкциями *Like very much, Dislike very much, Like a little, Dislike a little, Neutral forms*. Учащиеся сравнивают две формы английского языка — *Globish English* и *Neutral English* — и рассуждают, какова будет коммуникация в будущем. Параграф *Активное слушание* направлен также на отработку навыка аудирования текста.

Весьма интересным для студентов представляется четвертый раздел учебного пособия *A Lesson of Professional Behavior* — «Урок профессионального поведения». Подтемы: *Emotional leadership: personal and social qualities* — «Эмоциональное лидерство: личные и социальные качества»; *Negotiating skills* — «Навыки переговоров»; *Problem-solving and decision-making* — «Решение проблем и принятие решения»; *Good working environment* — «Хорошие производственные условия». Изучение данного учебного материала даст возможность студентам научиться вести деловые переговоры, выстраивать профессиональные отношения. Материалы раздела дают возможность поразмышлять об особенностях деловой коммуникации в англоязычных странах. Анализируя диалоги и составляя свои тексты по заданному алгоритму, учащиеся отрабатывают умение доказательно отстаивать свою точку зрения, высказать одобрение, согласие или несогласие с мнением партнера. Лексический минимум слушателей пополняют лексические и терминологические единицы, связанные с названиями профессиональных обязанностей переговорщиков.

Пятый раздел практикума *A Lesson of Being Part of a Global Society* — «Урок, обучающий способности быть частью глобального общества» включает подтемы *Globalization makes everyone equal* — «Глобализация делает всех равными»; *Intercultural competence* — «Межкультурная компетентность»; *English as an international language* — «Английский как международный язык» и *Twenty-first century learning* — «Обучение в XXI веке», которые знакомят обучающихся с обычаями и традициями разных народов, с терминологией, необходимой для формирования межкультурной компетентности. Изучение данной темы пособия позволит студентам понять, как знание разговорного английского помогает оказать влияние на других людей.

В результате работы с учебным пособием «Five lessons for developing tolerance» обучающиеся должны приобрести знания правил речевого этикета и международных норм этики говорения и поведения; профессиональной терминологии; основных грам-

матических структур, необходимых для устных форм общения и поиска информации в специальных текстах.

Рецензируемое пособие также предусматривает развитие умений понимания монологических и диалогических высказываний на заданную тему; выражения своих коммуникативных намерений; активного использования в речи основных лексико-грамматических структур и моделей английского языка; извлечения необходимой профессиональной информации из специальных текстов на иностранном языке.

В результате работы с учебным курсом «Five lessons for developing tolerance» у обучающихся формируются глубинные знания о толерантности; студенты осознают необходимость уважительного отношения к окружающим; учатся проявлять способности к равноправному диалогу и осваивают навыки толерантного межличностного и межкультурного взаимодействия.

Следует отметить высокую познавательную значимость учебных материалов пособия, знакомство с которыми не только представляет значительный профессиональный интерес для студентов, изучающих формы толерантного поведения, но и способствует повышению их мотивационного интереса к изучению иностранного языка.

По нашему мнению, данное учебное пособие также способно обеспечить развитие когнитивных и исследовательских умений, информационной и общей культуры учащихся, а также пополнить их знания о социальной и культурной специфике страны изучаемого языка.

В структуре учебного пособия успешно использованы преимущества коммуникативных методов обучения, принципов инновационных педагогических идей, которые стимулируют мотивационный интерес к изучению дисциплины и развивают познавательную и творческую активность личности, навыки профессиональной деятельности специалистов [Английский язык для менеджеров 2010; Верещагин, Костомаров 1990; Елизарова 2005; Зинченко, Зусман, Кирнозе, Рябов 2010; Культура и этнос; Соловова 2005].

К достоинствам учебного пособия «Five lessons for developing tolerance» также следует отнести разработку комплексной системы упражнений, направленной на развитие всех видов речевой деятельности. Особый акцент делается на применении интерактивных форм проведения занятий, предусматривающих использование представленных в пособии тем для групповых дискуссий, деловых и ролевых игр, на упражнения, ос-

нованные на проблемном изложении учебного материала, и глубокую словарную работу.

Отличительной особенностью пособия является его коммуникативная направленность. Авторам удалось разработать четкую структуру поэтапного обучения студентов коммуникативным стратегиям толерантного межличностного общения на английском языке.

По нашему мнению, к несомненным достоинствам рецензируемого учебного пособия можно также отнести использование проблемного изложения учебного материала, творческих упражнений, предполагающих развитие умения вести диалог; доступное для обучающихся объяснение различных лексико-фразеологических и грамматических конструкций, выполненное с использованием иллюстраций, схем и таблиц; разработку системы упражнений, позволяющих наряду с систематизацией ранее не изученного материала сформировать прочные лексико-грамматические навыки по разделам практикума.

Подводя итог, следует признать, что рецензируемое учебное пособие «Five lessons for developing tolerance» занимает важное место среди учебных материалов, подготовленных для курса «Межкультурная коммуникация», и продолжает традицию методических пособий, выполненных такими учеными, как Н. М. Боголюбова, Л. И. Гришаева, Л. В. Цурикова, О. А. Леонтович, Ю. Рот, Г. Коптельцева, С. Г. Тер-Минасова и А. П. Чудинов [Боголюбова 2009; Гришаева, Цурикова 2011; Леонтович 2007; Рот, Коптельцева 2006; Тер-Минасова 2012, 2008; Чудинов, Нахимова 2016].

На основании вышеизложенного следует сказать, что представленный практикум «Five lessons for developing tolerance» отвечает современным лингводидактическим требованиям, предъявляемым к учебным пособиям

такого типа. Пособие имеет практическую направленность и может быть рекомендовано в качестве дополнительного дидактического материала к изучаемому курсу «Межкультурная коммуникация».

ЛИТЕРАТУРА

1. Английский язык для менеджеров = English for Business Managers : учеб.-метод. пособие для студентов спец. «Менеджмент». — Минск : БГУ, 2010. 267 с.
2. Боголюбова Н. М., Николаева Ю. В. Межкультурная коммуникация и межкультурный обмен : учеб. пособие. — СПб. : СПбКО, 2009. 416 с.
3. Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Язык и культура. — М., 1990.
4. Гришаева Л. И., Цурикова Л. В. Введение в теорию межкультурной коммуникации : учеб. пособие. 4-е изд., испр. — М. : Академия, 2011. 336 с.
5. Елизарова Г. В. Культура и обучение иностранным языкам. — СПб. : КАРО, 2005. 352 с.
6. Зинченко В. Г., Зусман В. Г., Кирнозе З. И., Рябов Г. П. Словарь по межкультурной коммуникации: понятия и персоналии. — М. : Флинта : Наука, 2010. 136 с.
7. Культура и этнос : учеб. пособие. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/KultEtn/index.php.
8. Леонтович О. А. Введение в межкультурную коммуникацию : учеб. пособие. — М. : Гнозис, 2007. 368 с.
9. Рот Ю., Коптельцева Г. Межкультурная коммуникация. Теория и тренинг : учеб.-метод. пособие. — М. : ЮНИТИ—ДАНА, 2006. 223 с.
10. Садохин А. П. Межкультурная коммуникация : учеб. пособие. — М. : Альфа-М : ИНФРА-М., 2006. 288 с.
11. Соловова Е. Н. Методика обучения иностранным языкам. Базовый курс лекций. — М. : Просвещение, 2005.
12. Соловова Е. Н., Parsons J. ЕГЭ. Английский язык. Тематические тестовые задания. Человек и его окружение. — М. : Центр изучения английского языка Елены Солововой, 2011. 143 с.
13. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация : учеб. пособие. — М. : Слово/Slovo, 2012. 264 с.
14. Тер-Минасова С. Г. Война и мир языков и культур : учеб. пособие. — М. : Слово/Slovo, 2008. 344 с.
15. Чудинов А. П., Нахимова Е. А. Педагогическая риторика, культура речи и межкультурная коммуникация : учеб. пособие / Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2016. 186 с.
16. Cotton D., Falvey D., Kent S. Market Leader Intermediate. Business English. Course Book. — Pearson, 2011. 176 p.
17. Foley M., Hall D. My Grammar Lab Intermediate. — Pearson, 2012. 372 p.
18. Lebeau I., Rees G. Language Leader Pre-Intermediate. — Pearson, 2008. 167 p.
19. McCarthy M., McCarten J., Sandiford H. Touchstone 2. Student's Book. — Cambridge Univ. Pr., 2005. 140 p.

A. S. Bocharnikova, S. A. Eremina
Ekaterinburg, Russia

FIVE LESSONS FOR DEVELOPING TOLERANCE

ABSTRACT. *The review focuses on the advantages of the manual Five Lessons for Developing Tolerance (Five lessons for developing tolerance = Pyat' Urokov Razvitiya Tolerantnosti :Praktikum / A.P. Beketova, T.VB.Kuprina. Ekaterinburg : UFU, 2016. 168 p). The significance of this manual is obvious; it is determined by contemporary polyculturalism. The manual includes the exercises to expand the word stock of the students and to teach them make their own texts. The problems of tolerance and intercultural communication are not disclosed well enough, that is why this manual is urgent and timely. The methods used in the manual are suitable for the Russian students. The tasks are built with regard to the methods of teaching vocabulary and grammar used when teaching a foreign language. The manual realizes integrated approach. It outlines a number of efficient technologies used to disclose the concept "tolerance". The texts included in the manual present cultural and linguistic information to develop background knowledge, linguistic, language, communicative and cultural competences of the students. No doubt that this manual can give the students knowledge about tolerance and the forms of equal interpersonal and intercultural communication.*

KEYWORDS: *intercultural communication; methods of teaching foreign languages; developmental educational technologies; spoken language; types of speech; speaking; methods of teaching foreign languages at university; tolerance.*

ABOUT THE AUTHORS: *Eremina Svetlana Aleksandrovna, Associate Professor, Institute of Philology, Culturology and Intercultural Communication. Department of Intercultural Communication, Rhetoric and Russian as a Foreign Language, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia.*

REFERENCES

1. Angliyskiy yazyk dlya menedzherov = English for Business Managers : ucheb.-metod. posobie dlya studentov spets. «Menedzhment». — Minsk : BGU, 2010. 267 s.
2. Bogolyubova N. M., Nikolaeva Yu. V. Mezhhkul'turnaya kommunikatsiya i mezhhkul'turnyy obmen : ucheb. posobie. — SPb. : SPbKO, 2009. 416 s.
3. Vereshchagin E. M., Kostomarov V. G. Yazyk i kul'tura. — M., 1990.
4. Grishaeva L. I., Tsurikova L. V. Vvedenie v teoriyu mezhhkul'turnoy kommunikatsii : ucheb. posobie. 4-e izd., ispr. — M. : Akademiya, 2011. 336 s.
5. Elizarova G. V. Kul'tura i obuchenie inostrannym yazykam. — SPb. : KARO, 2005. 352 s.
6. Zinchenko V. G., Zusman V. G., Kirnoze Z. I., Ryabov G. P. Slovar' po mezhhkul'turnoy kommunikatsii: ponyatiya i personalii. — M. : Flinta : Nauka, 2010. 136 s.
7. Kul'tura i etnos : ucheb. posobie. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/KultEtn/index.php.
8. Leontovich O. A. Vvedenie v mezhhkul'turnuyu kommunikatsiyu : ucheb. posobie. — M. : Gnozis, 2007. 368 s.
9. Rot Yu., Koptel'tseva G. Mezhhkul'turnaya kommunikatsiya. Teoriya i trening : ucheb.-metod. posobie. — M. : YuNITI—DANA, 2006. 223 s.
10. Sadokhin A. P. Mezhhkul'turnaya kommunikatsiya : ucheb. posobie. — M. : Al'fa-M : INFRA-M., 2006. 288 s.
11. Solovova E. N. Metodika obucheniya inostrannym yazykam. Bazovyy kurs lektsiy. — M. : Prosveshchenie, 2005.
12. Solovova E. N., Parsons J. EGE. Angliyskiy yazyk. Tematicheskie testovye zadaniya. Chelovek i ego okruzhenie. — M. : Tsentr izucheniya angliyskogo yazyka Eleny Solovovoy, 2011. 143 s.
13. Ter-Minasova S. G. Yazyk i mezhhkul'turnaya kommunikatsiya : ucheb. posobie. — M. : Slovo/Slovo, 2012. 264 s.
14. Ter-Minasova S. G. Voyna i mir yazykov i kul'tur : ucheb. posobie. — M. : Slovo/Slovo, 2008. 344 s.
15. Chudinov A. P., Nakhimova E. A. Pedagogicheskaya ritorika, kul'tura rechii i mezhhkul'turnaya kommunikatsiya : ucheb. posobie / Ural. gos. ped. un-t. — Ekaterinburg, 2016. 186 s.
1. Cotton D., Falvey D., Kent S. Market Leader Intermediate. Business English. Course Book. — Pearson, 2011. 176 p.
2. Foley M., Hall D. My Grammar Lab Intermediate. — Pearson, 2012. 372 p.
3. Lebeau I., Rees G. Language Leader Pre-Intermediate. — Pearson, 2008. 167 p.
16. McCarthy M., McCarten J., Sandiford H. Touchstone 2. Student's Book. — Cambridge Univ. Pr., 2005. 140 p.

Т. И. Зеленина
Ижевск, Россия

М. В. Плотнокова
Екатеринбург, Россия

ПАРЦЕЛЛЯЦИЯ КАК КОГНИТИВНО-СЕМИОТИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН: ОПЫТ СОПОСТАВИТЕЛЬНОГО КОРПУСНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

АННОТАЦИЯ. Публикация представляет собой рецензию на монографию Ю. В. Богоявленской «Парцелляция как когнитивно-семиотический феномен». В монографии обосновывается интеграция когнитивно-дискурсивного, лингвосемиотического, корпусного и сопоставительного подходов для решения задач исследования, а также уточняется и дополняется понятийно-терминологический аппарат изучения парцелляции. Автором создана оригинальная когнитивно-семиотическая концепция данного феномена и методология его изучения. Тщательная проработка теории вопроса, опора на достижения экспериментальной и когнитивной психологии, комплекс взаимодополняющих исследовательских методик, использование обширного исследовательского материала, специальной компьютерной программы позволяют обеспечить обоснованность и достоверность полученных результатов. В первой главе представлен обзор трудов отечественных и зарубежных ученых, посвященных парцелляции; выделяются проблемные области теории парцелляции на современном этапе лингвистических исследований; очерчивается круг смежных явлений, разрабатываются критерии ее идентификации. Во второй главе представлена авторская концепция парцелляции, которая впервые рассматривается как когнитивно-семиотический феномен, как одно из оптимальных средств регулирования фокуса внимания на салиентных аспектах описываемой сцены. Предложены критерии идентификации парцеллемы, определен статус финальной синграфемы, используемой для парцеллирования, разработана типология парцеллянтной сетки. В третьей главе автором исследовано конструктивное устройство французских и русских парцеллем, произведена инвентаризация типов парцеллятов, сопоставлены их особенности и функциональный потенциал. Практическая значимость рецензируемого исследования видится в возможности применения его результатов в практике преподавания курсов по сопоставительной лингвистике, теории языка, когнитивной лингвистике, анализу дискурса, стилистике, интерпретации текста.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: парцелляция; парцеллемы; когнитивная лингвистика; корпусная лингвистика; лингвистические исследования.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ: Зеленина Тамара Ивановна, профессор кафедры романской филологии, второго иностранного языка и лингводидактики, Удмуртский государственный университет; 426034, Россия, г. Ижевск, ул. Университетская, 1; e-mail: zeleninatamara2@yandex.ru.

Плотнокова Мария Вячеславовна, доцент кафедры романских языков, Уральский государственный педагогический университет; 620017, Россия, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26, к. 464; e-mail: plotnikova_mary@mail.ru.

В последнее время когнитивно-семиотический аспект изучения языковых единиц все больше привлекает внимание исследователей. В этом русле выполнена и монография Ю. В. Богоявленской, направленная на сопоставительное когнитивно-семиотическое корпусное исследование парцелляции [Богоявленская 2016а]. Несмотря на активный интерес лингвистов, парцелляция еще недостаточно раскрыта в плане методологии изучения; терминологический аппарат для описания природы данного феномена, механизмов построения и функционирования слишком ограничен. Однако за последние годы лингвистика обогатилась новыми исследовательскими подходами, в том числе междисциплинарными, активно использует достижения в сфере компьютерных технологий. Все это имеет непосредственное отношение к рассматриваемой проблеме, открывает новые аспекты ее рассмотрения и свидетельствует о ее безусловной актуальности.

Сам автор уже неоднократно обращался к изучению различных аспектов парцелляции на материале французского и/или русского языков в поисках адекватной методологии, которую можно было бы применить к исследованию данного феномена [Богоявленская 2015г, в, б, а]. Этот поиск и привел к

созданию труда, который увенчал научные изыскания ученого.

Несомненная теоретическая значимость работы связана, во-первых, с обоснованием интеграции когнитивно-дискурсивного, лингвосемиотического, корпусного и сопоставительного подходов к исследованию, во-вторых, с уточнением и обогащением понятийно-терминологического аппарата изучения данного феномена. Автором создана оригинальная когнитивно-семиотическая концепция парцелляции.

Предмет исследования — общие закономерности и национальные особенности парцелляции — отличается новизной и востребованностью. По нашим данным, комплексных исследований в подобном аспекте ранее не проводилось, монографии по данной проблеме в лингвистике отсутствуют. Обоснованность и достоверность полученных в работе результатов обеспечиваются тщательной проработкой теории вопроса, опорой на достижения экспериментальной и когнитивной психологии, комплексом взаимодополняющих исследовательских методик, использованием обширного исследовательского материала, а также результатами статистической обработки французского и русского корпуса.

Важно отметить, что материалом для исследования стал французско-русский

© Зеленина Т. И., Плотнокова М. В., 2017

объектно ориентированный корпус газетных статей, сформированный и аннотированный при помощи компьютерной программы *Linguistica*, правами на которую обладает автор монографии, разработавший концепцию данной программы (Свидетельство о государственной регистрации № 2014660349 в Роспатенте от 06.10.2014). Под объектно ориентированным корпусом автор понимает корпус текстов, предназначенный для изучения конкретного лингвистического феномена (более подробно о характеристиках корпуса см.: [Богоявленская 2016б]). Для обеспечения достоверности исследователем были разработаны 1) специальная методика верификации достоверности полученных при индексации корпуса данных [Богоявленская 2016в], позволяющая отслеживать текущие статистические изменения в сопоставительном исследовательском корпусе и являющаяся средством, позволяющим регулировать объем эмпирического материала, и 2) методика сопоставительно-параметрического анализа, представляющая собой алгоритмизированное выполнение следующих этапов: эвристического, технического, аналитического, коррекционного, интерпретационного.

Выбор газетных текстов как материала обосновывается автором теми фактами, что данный тип текстов ограничен по объему, они передают информацию в доступной для массового адресата форме и используют такие приемы и средства, которые обеспечивают легкость их восприятия и ориентированы на воздействие. Парцелляция, как известно, является одним из эффективных воздействующих средств [Богоявленская 2014, 2015в, 2017], одним из оптимальных средств фокусирования, в котором границы фокусной зоны визуально четко очерчены синграфемами — парцеллографемой и постпарцеллянтной синграфемой. Введение в фокус внимания определенных свойств объектов или ситуаций производится преднамеренно и часто направлено на манипулирование сознанием реципиента [Ирисханова 2014], чем можно объяснить широкую востребованность парцелляции в СМИ.

Итак, парцелляция в монографии Ю. В. Богоявленской впервые рассматривается как когнитивно-семиотический феномен, как одно из оптимальных средств регулирования фокуса внимания на салиентных аспектах описываемой сцены. Предложены критерии идентификации парцеллемы, определен статус финальной синграфемы, используемой для парцеллирования, разработана типология парцеллянтной сетки. Автором исследовано конструктивное устройство фран-

цузских и русских парцеллем, произведена инвентаризация типов парцеллятов по целому ряду параметров, сопоставлены их особенности и функциональный потенциал.

Основные достоинства рассматриваемого исследования состоят, на наш взгляд, в междисциплинарном подходе к изучению феномена парцелляции, в основательности теоретического фундамента работы, пристальном внимании автора к языковым фактам и их тщательном анализе, в стремлении автора аргументировать свою позицию.

Структура монографии определяется поставленными во введении задачами и отражает основные этапы и логику развития исследования.

В первой главе «Традиции, направления и методология исследования парцелляции в отечественной и зарубежной лингвистике» рассматривается теоретико-методологическая база исследования, опирающаяся на достижения различных направлений в романистике, германистике и русистике, в рамках которых разрабатывалась теория парцелляции. Интересным и концептуально четким представляется обзор работ отечественных и зарубежных ученых (см., напр.: [Сковородников 1981; Прияткина 1990; Пинегина 2001; Gautier 2010; Combettes 2007; Курумсуян 2009] и мн. др.), в которых рассматриваются различные аспекты парцелляции: синтаксический, риторический, прагматический и пр. Здесь же выделяются проблемные области теории парцелляции на современном этапе лингвистических исследований; очерчивается круг смежных явлений (эллипсис, присоединение, номинативное предложение и др.), разрабатываются критерии идентификации парцелляции: графический, синтаксический и контекстуальный. Автор убедительно показывает, что вопросы, связанные с природой парцелляции, ее когнитивными особенностями, восприятием и интерпретацией, не получили удовлетворительного ответа; до сих пор не была определена роль синграфем, используемых для парцеллирования, в распределении передаваемой информации, не исследовано функционирование парцелляции в различных типах дискурса. Методологически важным следует признать учет графической пунктуационной (невербальной) составляющей, так как парцелляция, как справедливо утверждает автор, относится к средствам визуально-графического «предъявления» смысла. Делается вывод о том, что наиболее целесообразным может быть признан междисциплинарный подход, который позволяет решить обозначенные проблемы.

Вторая глава «Методологические осно-

вания когнитивно-семантического исследования парцелляции» посвящена изучению вопросов, связанных с оптимизацией процедуры лингвистического анализа, и обоснованию возможности и эффективного применения разработанной междисциплинарной методологии. Особое внимание уделяется теории аттенциальности, создаваемой в рамках когнитивно-функционального направления (см., напр.: [Langacker 2008; Talmy 2000; Verhagen 2007; Ирисханова 2014; Киосе 2015]), и анализу роли синграфем в тексте. Для обозначения финальной синграфемы, осуществляющей визуально-графическую операцию парцелляции, в работе вводится понятие «парцеллографема», которая в дальнейшем рассматривается как экзогенный фактор, управляющий распределением внимания адресата. Отмечается, что, отвечая всем условиям семиотизации, парцеллографема характеризуется достаточно высокой семиотической стабильностью.

В третьей главе «Сопоставительное исследование парцелляции в когнитивно-семиотическом освещении» Ю. В. Богоявленская представляет когнитивно-семиотическую трактовку парцелляции. Логичным и взвешенным является вводимое в работе определение парцеллемы. Представляет интерес раздел, в котором вводится понятие «парцеллятная сетка», анализируются ее разновидности и национальная специфика. Установлено, что в ходе вторичного семиозиса некоторые значения, закладываемые автором текста, в соответствии с его интенцией в результате компрессии «сворачиваются» и кодируются в парцеллографеме, расшифровка которой происходит с большей или меньшей успешностью при восприятии текста адресатом. Парцеллятная «упаковка» рассматривается как средство повышения помехоустойчивости. Полезным и информативным является также раздел «Синтактика и семантика: сопоставительно-параметрический анализ парцеллем», в котором выделяются, измеряются в корпусе (синтаксическое и семантическое измерение), сопоставляются значимые параметры парцеллем не только с целью их систематизации, но и для последующего учета при анализе моделей исследуемого построения. К числу наиболее значимых результатов данной части исследования относятся выявленная автором инвариантная модель парцеллемы, классификация моделей парцеллем и их сопоставительный анализ. В главе представлен яркий иллюстративный материал, схемы и таблицы, отражающие ход исследования и направленные на повышение ясности изложения мысли автора.

Особо подчеркнем адекватность формы

представления в монографии результатов корпусного анализа, который включает не только статистические данные, но и полноценные обобщения и выводы, следующие из них.

Монографию следует признать ценной в практическом плане: разработанный в ней терминологический аппарат и классификации будут востребованы в практике преподавания курсов по сопоставительной и типологической лингвистике, теории языка, общему языкознанию, когнитивной лингвистике, лингвосемиотике, анализу дискурса, медиалингвистике, стилистике, в практике преподавания французского и русского языков, интерпретации текста.

ЛИТЕРАТУРА

1. Богоявленская Ю. В. Воздействующий потенциал парцелляции в медиатексте // *Филология и человек*. 2015а. № 2. С. 93—103.
2. Богоявленская Ю. В. Конвергенция парцелляции и лексического повтора во французских и русских медиатекстах // *Вестн. Томск. гос. ун-та. Филология*. 2015б. № 3. С. 5—15.
3. Богоявленская Ю. В. Объектно-ориентированный корпус в сопоставительных исследованиях // *Политическая лингвистика: проблематика, методология, аспекты исследования и перспективы развития научного направления* : материалы Междунар. науч. конф. (Екатеринбург, 26—30.09.2016) / Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2016б. С. 37—38.
4. Богоявленская Ю. В. Парцеллированные конструкции как синтаксический эксплициатор субъективно-модальных значений (на материале газетных текстов) // *Политическая лингвистика*. 2015в. № 2. С. 130—136.
5. Богоявленская Ю. В. Парцелляция как когнитивно-семиотический феномен : моногр. / Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2016а. 180 с.
6. Богоявленская Ю. В. Парцелляция как средство интеллектуального и эмоционального воздействия в медиатексте // *Вестн. Пятигор. гос. лингв. ун-та*. 2014. № 1. С. 43—47.
7. Богоявленская Ю. В. Парцелляция обстоятельств во французских медиатекстах // *Вестн. Сургут. гос. пед. ун-та*. 2015г. № 6. С. 52—57.
8. Богоявленская Ю. В. Репрезентативность лингвистического корпуса: метод верификации достоверности полученных данных // *Политическая лингвистика*. 2016в. № 4 (58). С. 163—166.
9. Богоявленская Ю. В. Ретроспективная и проспективная парцелляция в СМИ // *Политическая лингвистика*. 2017. № 2 (62). С. 88—93.
10. Ирисханова О. К. Игры фокуса в языке: семантика, синтаксис и прагматика дефокусирования. — М. : Языки славянской культуры, 2014. 320 с.
11. Киосе М. И. Техники и параметры непрямого наименования в тексте : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19. — М., 2015. 434 с.
12. Пинегина Я. Н. Проблема разграничения парцелляции и присоединения // *Проблемы лингвистики текста в культурологическом освещении* : межвуз. сб. науч. тр. — Таганрог : Изд-во ТГПИ, 2001. С. 59—70.
13. Прияткина А. Ф. Русский язык: синтаксис осложненного предложения : учеб. пособие для филол. спец. вузов. — М. : Высшая школа, 1990. 176 с.
14. Сковородников А. П. Экспрессивные синтаксические конструкции современного русского литературного языка: опыт системного исследования. — Томск : Томский ун-т, 1981. 255 с.
15. Combettes B. Les ajouts après le point : aspect syntaxiques et textuels // *Parcours de la phrase* / M. Charolles [& al.; eds.]. — Ophrys, 2007. P. 119—131.

16. Gautier A. Syntaxe et ponctuation en conflit. Le point est-il une limite de la rection? // Travaux de linguistique. 2010. № 60. P. 91—107.

17. Kuyumcuyan A. Les compléments après le point, un problème de ponctuation? // Les linguistiques du détachement / D. Apothélos [& al.] (éds.). — Berne : Peter Lang, 2009. P. 30—50.

18. Langacker R. W. Cognitive grammar. A basic introduction. — New York : Oxford Univ. Pr., 2008. 562 p.

19. Talmy L. Toward a cognitive semantics. Vol. 1. Concept structuring systems. — Cambridge, Massachusetts, London, England : A Bradford Book : The MIT Press, 2000. 495 p.

20. Verhagen A. Construal and perspectivation // The Oxford handbook of cognitive linguistics [eds. D. Geeraerts, H. Cuyckens]. — Oxford : Oxford Univ. Pr., 2007. P. 48—81.

T. I. Zelenina

Izhevsk, Russia

M. V. Plotnikova

Ekaterinburg, Russia

PARCELING AS A COGNITIVE-SEMIOTIC PHENOMENON: EXPERIENCE OF COMPARATIVE STUDIES

ABSTRACT. *The article is a review of the monograph by Yu. V. Bogoyavlenskaya "Parceling as a Cognitive-Semiotic Phenomenon". In the monograph, the integration of cognitive-discursive, linguo-semiotic, corpus-based and comparative approaches is justified for solving research problems; the conceptual-terminological apparatus for studying parceling is clarified and supplemented. The author created the original cognitive-semiotic concept of this phenomenon and the methodology for its study. The detailed study of the theory of the issue, reliance on the achievements of experimental and cognitive psychology, a suite of mutually reinforcing research methods, the use of extensive research material, the use of a special computer program allow to ensure the validity and reliability of the obtained results. The first chapter presents an overview of the works of Russian and foreign scientists devoted to the parceling. The problem areas of the theory of parceling are identified at the contemporary stage of linguistic research; a circle of related phenomena is outlined, criteria for its identification are proceeding. The second chapter presents the author's concept of parceling, for the first time viewed as a cognitive-semiotic phenomenon, as one of the optimal means of regulating the focus of attention on the salient aspects of the described scene. The criteria for identifying the parcel are proposed, the status of the final syngrapheme used for parceling is identifies, and the typology of the parcel network is developed. In the third chapter the author examined the constructive arrangement of French and Russian parcels, an inventory of the types of parcels was made, their features and functional potential were compared. The practical importance of the reviewed study is the possibility of applying its results in the practice of teaching courses of comparative linguistics, language theory, cognitive linguistics, discourse analysis, stylistics, text interpretation.*

KEYWORDS: *parceling; parcelema; cognitive linguistics; corpus linguistics; linguistic research.*

ABOUT THE AUTHORS: *Zelenina Tamara Ivanovna, Doctor of Philology, Professor of Department of Romanic Philology, Second Foreign Language and Linguodidactics, Udmurt State University, Izhevsk, Russia.*

Plotnikova Maria Vjacheslavovna, Candidate of Philology, Associate Professor of Department of Romanic Languages, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia.

REFERENCES

1. Bogoyavlenskaya Yu. V. Vozdeystvuyushchiy potentsial partsellyatsii v mediatekste // Filologiya i chelovek. 2015v. № 2. S. 93—103.

2. Bogoyavlenskaya Yu. V. Konvergentsiya partsellyatsii i leksicheskogo povtora vo frantsuzskikh i russkikh mediatekstakh // Vestn. Tomsk. gos. un-ta. Filologiya. 2015g. № 3. С. 5—15.

3. Bogoyavlenskaya Yu. V. Ob"ektno-orientirovanny korpus v sopostavitel'nykh issledovaniyakh // Politicheskaya lingvistika: problematika, metodologiya, aspekty issledovaniya i perspektivy razvitiya nauchnogo napravleniya : materialy Mezhdunar. nauch. konf. (Ekaterinburg, 26—30.09.2016) / Ural. gos. ped. un-t. — Ekaterinburg, 2016b. S. 37—38.

4. Bogoyavlenskaya Yu. V. Partsellirovannye konstruksii kak sintaksicheskii eksplikator sub"ektivno-modal'nykh znacheniy (na materiale gazetnykh tekstov) // Politicheskaya lingvistika. 2015b. № 2. S. 130—136.

5. Bogoyavlenskaya Yu. V. Partsellyatsiya kak kognitivno-semioticheskii fenomen : monogr. / Ural. gos. ped. un-t. — Ekaterinburg, 2016a. 180 s.

6. Bogoyavlenskaya Yu. V. Partsellyatsiya kak sredstvo intellektual'nogo i emotsional'nogo vozdeystviya v mediatekste // Vestn. Pyatigor. gos. lingv. un-ta. 2014. № 1. S. 43—47.

7. Bogoyavlenskaya Yu. V. Partsellyatsiya obsoyatel'stv vo frantsuzskikh mediatekstakh // Vestn. Surgut. gos. ped. un-ta. 2015a. № 6. S. 52—57.

8. Bogoyavlenskaya Yu. V. Rerezentativnost' lingvisticheskogo korpusa: metod verifikatsii dostovernosti poluchennykh dannyykh // Politicheskaya lingvistika. 2016v. № 4 (58). S. 163—166.

9. Bogoyavlenskaya Yu. V. Retrospektivnaya i prospektivnaya partsellyatsiya v SMI // Politicheskaya lingvistika. 2017. № 2 (62). S. 88—93.

10. Iriskhanova O. K. Igrы fokusa v yazyke: semantika, sintaksis i pragmatika defokusirovaniya. — M. : Yazyki slavyanskoy kultury, 2014. 320 s.

11. Kiose M. I. Tekhniki i parametry nepryamogo naime-novaniya v tekste : dis. ... d-ra filol. nauk : 10.02.19. — M., 2015. 434 s.

12. Pinegina Ya. N. Problema razgranicheniya partsellyatsii i prisoedineniya // Problemy lingvistiki teksta v kulturologicheskom osveshchenii : mezhvuz. sb. nauch. tr. — Taganrog : Izd-vo TGPI, 2001. S. 59—70.

13. Priyatkina A. F. Russkiy yazyk: sintaksis oslozhnennogo predlozheniya : ucheb. posobie dlya filol. spets. vuzov. — M. : Vysshaya shkola, 1990. 176 s.

14. Skovorodnikov A. P. Ekspressivnye sintaksicheskie konstruksii sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka: opyt sistemnogo issledovaniya. — Tomsk : Tomskiy un-t, 1981. 255 s.

15. Combettes B. Les ajouts après le point : aspect syntaxiques et textuels // Parcours de la phrase / M. Charolles [& al.; eds.]. — Ophrys, 2007. P. 119—131.

16. Gautier A. Syntaxe et ponctuation en conflit. Le point est-il une limite de la rection? // Travaux de linguistique. 2010. № 60. P. 91—107.

17. Kuyumcuyan A. Les compléments après le point, un problème de ponctuation? // Les linguistiques du détachement / D. Apothélos [& al.] (éds.). — Berne : Peter Lang, 2009. P. 30—50.

18. Langacker R. W. Cognitive grammar. A basic introduction. — New York : Oxford Univ. Pr., 2008. 562 p.

19. Talmy L. Toward a cognitive semantics. Vol. 1. Concept structuring systems. — Cambridge, Massachusetts, London, England : A Bradford Book : The MIT Press, 2000. 495 p.

20. Verhagen A. Construal and perspectivation // The Oxford handbook of cognitive linguistics [eds. D. Geeraerts, H. Cuyckens]. — Oxford : Oxford Univ. Pr., 2007. P. 48—81.

Ю. А. Сафонова
Москва, Россия

ПРЕДЛАГАЕМЫЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ОБИХОДА И ЕГО СЛОВЕСНЫЙ РЕПЕРТУАР

АННОТАЦИЯ. Рецензия на кн.: Химик В. В. Толковый словарь русской разговорно-обиходной речи. В 2 т. — СПб.: Златоуст, 2017. — Т. 1. — 528 с.; Т. 2. — 532 с. Представлена общая характеристика «Толкового словаря русской разговорно-обиходной речи» В. В. Химика. Автор представляет лексико-семантический корпус разговорно-обиходной речи как разновидности национального русского языка, следуя заданным границам. Верхняя граница — литературная норма (т. е. языковой стандарт), нейтральная лексика и базовая грамматика русского языка. Нижняя граница — градуированный отсчет меры, или степени снижения слов и значений (от минимальной сниженности — слова свободного употребления до предельно низких обценных единиц — сквернословие, мат, недопустимые и запретные в публичной речи). Детально разработанная система пересекающихся помет позволяет оценить репертуар говорящего (и тем самым самого говорящего) и соответствие этого репертуара общественным конвенциям. Таким образом, языковой стандарт выступает фоном для корпуса словаря, демонстрирующего единицы разговорно-обиходной речи не в химически чистых условиях, а в предлагаемых, более того — диктуемых языковым обиходом обстоятельствах. Такой подход важен при производстве лингвистических экспертиз спорных текстов, поэтому рецензируемый словарь — необходимый инструмент для эксперта-лингвиста.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: разговорно-обиходная речь; практическая лексикография; русский язык; толковые словари; лингвистическая экспертиза.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Сафонова Юлия Александровна, кандидат филологических наук, доцент, научный консультант портала «Грамота.ру»; 129343, Россия, Москва, до востребования; e-mail: nsafo@mail.ru.

Со стихией всегда трудно... Со стихией разговорного языка — тем паче... Особенно если ей противостоять или пенять на ее несовершенство, общественное, эстетическое или собственно языковое. Позволим процитировать хрестоматийные слова И. А. Бодуэна де Куртенэ и менее известное высказывание академика О. Н. Трубачева. «...Полная лексикографическая объективность требует внесения в серьезный словарь „живого языка“ так называемых „неприличных“ слов, „сквернословий“, „ругательств“, „мерзостей площадного жаргона“ и т. д. Лексикограф не имеет права урезывать и кастрировать живой язык. Раз известные слова (сквернословие, ругательства, мерзости площадного жаргона) существуют в умах громадного большинства народа и беспрестанно выливаются наружу, лексикограф обязан занести их в словарь, хотя бы против этого восставали и притворно негодовали все лицемеры и тартюфы, являющиеся обыкновенно большими любителями сальностей по секрету... Как по поговорке из песни слова не выкинешь, так и из словаря живой речи нельзя выкинуть даже тех слов, которые режут ухо» [Бодуэн де Куртенэ 1999: VI].

«Эти [нелитературные] слова существуют и вполне заслуживают фиксации и выяснения их этимологии. Известный смысл, быть может, ложно понятый, их невключения в толковые словари общенародного языка заключался в ощущении того, что на этой лексике лежит печать аргю, просторечия, что в общенародном языке их как бы нет и они должны фиксироваться иным путем» [Трубачев 1965: 131].

У автора рецензируемого Словаря задача, что совершенно очевидно, иная — описать, зафиксировав, эту стихию в лексико-

графическом формате. Определив в эпиграфе замысел Словаря как «возможность навести справки», автор явно поскромничал — его Словарю присущи «четкая очерченность границ понятия» и, как следствие, «строгая ограниченность корпуса словаря».

Рецензируемый Словарь (далее — Словарь-2) — продолжение вышедшего в 2004 г. «Большого словаря русской разговорной экспрессивной речи» [Химик 2004, далее — Словарь-1], тираж которого, 5000 экз., как оказалось, не удовлетворил читательский спрос. См. также замечание В. В. Химика: «Издание является в некотором роде продолжением (расширенным, дополненным, исправленным) „Большого словаря русской разговорной экспрессивной речи“» [Химик 2017, т. 1: 4]. Изменился формат Словаря-2 (теперь он в двух томах), изменилось название — в нынешнем варианте не упомянута экспрессивность. Наша речь стала сдержанней? Конечно, нет.

Автор представляет, лексикографически описывая, лексико-семантический корпус разговорно-обиходной речи как разновидность национального русского языка, которую носители русского языка используют в «повседневном общении друзей и родственников, в бытовых разговорах знакомых людей, неформальных диалогах в разнообразных бытовых ситуациях...», которая регулируется исключительно целями общения, уровнем общей и речевой культуры говорящих, этическими и эстетическими предпочтениями, а также, разумеется, актуальной речевой традицией: «так говорят» [Химик 2017, т. 1: 4]. Таким образом, зафиксирована речь, которая не поддается официальному регламентированию со стороны общества (= определенному принуждению, закреплению пись-

менно), а регулируется так называемыми неписаными законами и определяется желанием, умением, потребностями самого носителя и неписаными общественными законами/конвенциями — «так не говорят со старшими», «не ругайся, здесь дети и женщины», «с родителями будешь так разговаривать», «давайте не выражаться — мы в эфире» и под.

Прежде чем представить заданные В. В. Химиком границы описания разговорно-обиходной речи, напомним один лингвистический анекдот. В 1956 г. гражданин ФРГ Макс Фасмер (он же до октября 1917 г. подданный Российской империи Максимилиан Романович Фасмер) впервые после Второй мировой войны посещает Москву, через два года, в 1958 г., в Москве же, на IV Международном съезде славистов возникает идея создания русского перевода этимологического словаря. Перевод осуществил Олег Николаевич Трубачев. «С Фасмером-человеком я познакомился лично — в дни работы Международного комитета славистов в Москве. Русский язык Фасмер знал и говорил на нем так, как говорят на родном языке, и происшедший затем отрыв был для него отрывом от родины (так, запомнилось, что он трогательно и несколько забавно сокрушался, что из-за этого не знает, как он выразился, нашей „трамвайной терминологии“, и я до сих пор так и не понимаю, что же он имел в виду — лексику вождения трамвая, что сомнительно, или непринужденные трамвайные диалоги)» [Трубачев 1986: 566].

Представить репертуар разговорно-обиходной речи — задача не из легких, и решать ее можно разными способами: можно ограничиться тематикой (неформальные беседы, например, на тему «Политика» или «Как готовить пельмени»), можно включить в словник те слова и выражения, которые по каким-либо причинам были пропущены в предшествующих лексикографических источниках (а таких единиц хватает, их «выше крыши»); можно, в конце концов, ограничиться только сниженной лексикой (подобные сборники — ходовой товар, а по качеству они представляют собой, что называется, «полный абзац»).

Автор выбирает научно обоснованный собирательный подход (см. Предисловие, список научной литературы, словарных источников [Химик 2017, т. 1: 4—9, т. 2: 513], а также работы самого автора [Химик 2000; 2005]), в наибольшей мере соответствующий сущностной стихийности разговорно-обиходной речи. Такой подход позволяет объединить «все множество разговорной (в широком смысле) лексики и фразеологии, семан-

тики и функционирования: от минимально сниженной разговорно-литературной и тяготеющей к ней фамильярной до предельно сниженной или низкой: грубой, вульгарной и обценной» [Химик 2017, т. 1: 5]. Объединение, собирательность вовсе не значат бессистемной эклектики: автор определяет границы фиксируемого материала и строго придерживается их.

«Верхняя» граница, очерченная автором, — «литературная норма, так называемый языковой стандарт: нейтральная лексика и базовая грамматика русского языка» [Химик 2017, т. 1: 9]. Именно языковой стандарт выступает фоном для корпуса словаря, демонстрирующего слова, значения слов, обороты не в химически чистых условиях, а в предлагаемых, более того — диктуемых языковым обиходом обстоятельствах.

Соответственно, если литературная публичная речь (языковой стандарт) предполагает сдержанность и обусловленные ею нейтральные средства выражения, то разговорно-обиходная речь предпочитает экспрессивность, стилистически и социально окрашенную лексику. Если в литературно-публичной речи — точность номинаций, отсутствие какого-либо намека на многозначность, конкретика, то в разговорно-обиходной — обширные ряды синонимов как реализация языковой демократии, обусловленной типовыми обстоятельствами обихода и правом выбора говорящим языкового средства по своему вкусу.

«Нижняя» граница — «отсчет меры, или степени снижения слов и значений» — градуирована: «1) минимальная сниженность разговорно-литературной лексики (слова свободного употребления); 2) умеренная сниженность разговорно-фамильярных номинаций (слова ограниченного употребления); 3) резкая сниженность грубых и вульгарных слов и устойчивых сочетаний (резко ограниченного использования); 4) предельно низкие обценные единицы [= традиционное русское сквернословие, недопустимое в публичной речи в принципе; маргинальные слова и выражения, недопустимые, запретные для употребления, особенно публично (=табуированное сквернословие)]» [Химик 2017, т. 1: 6, 7].

Таким образом, в Словаре-2 отражена как позиция говорящего (тональность его речи — шутливая, неодобрительная и пр.), так и оценка способа выражения со стороны наблюдателя — фамильярная, сниженная и пр., обусловленная сложившимся языковым стандартом. По сути, пересекающаяся система помет позволяет оценить репертуар говорящего (и тем самым самого говоряще-

го) и соответствие этого репертуара общественным конвенциям (что значимо, например, для анализа спорных текстов при производстве лингвистической, психолого-лингвистической экспертизы по делам об оскорблении, об унижении чести и достоинства).

«Низкие» слова (мат, сквернословие) интересны автору не как таковые, не из любопытства, — они представлены как неотъемлемый репертуар определенных типовых ситуаций (= предлагаемых обиходом обстоятельств), в которых такая лексика составляет норму речевого поведения, и эти ситуации, как, например, заметил А. Герд, «носят как общенародный характер, так и характер социально замкнутый» [Герд 2005: 619].

В полной мере такой подход отражен в переработанных в Словаре-2 статьях *мат*, *матерщина*. Автор впервые (!!!) в русской лексикографии фиксирует два значения этих слов, выделяя собственно исторически сложившийся корпус такой лексики (1 значение и этимологическая справка) и его употребление (2 значение). Пользователю/читателю представлены, таким образом, репертуар мата и оценка его реализации (степень снижения речи):

МАТ... 1. Слова, сочетания слов, идиомы и выражения традиционного русского языка, исторически и конвенционально признанные непристойными, неприличными, бранными, особенно в условиях публичного употребления. □ Основной источник — семь слов (ХУЙ, ПИЗДА, МАНДА, ЕЛДА, МУДЕ, ЕБАТЬ, БЛЯДЬ) из естественного обиходно-бытового оборота и национального языческого (кроме последнего слова, более позднего образования) периода истории русской речевой культуры, пересмысленных затем как непристойные и оскорбительные (обсценные); постепенно группа расширилась за счет многочисленных производных форм, слов и идиом; большинство из последних группируются вокруг базовой экспрессивной формулы *Ёб твою мать!* и бесчисленного множества ее вариантов...

2. Грубая, крайне оскорбительная, нецензурная брань, сквернословие или непристойное выражение эмоций с использованием обсценных слов, сочетаний и выражений (см. 1 зн.) [Химик 2017, т. 1: 430];

МАТЕРЩИНА... = *Мат* [Химик 2017, т. 1: 431].

Ср. толкования *мат*, *матерщина* в так называемых базовых толковых словарях русского языка:

МАТЕРЩИ'НА — (вульг.). *Матерная брань* [СУ, т. 2: 161]; слово «мат» в Словаре

Ушакова не зафиксировано;

МАТ *Прост. Неприличная, матерная брань* [МАС, т. 2: 235];

МАТ *Матерная брань; сквернословие* [БАС-1, т. 6: 689];

МАТ *Нецензурная брань* [СОШ: 345];

МАТ *Нецензурная брань* [Русский семантический словарь, т. 3: 302];

МАТ (*прост. груб.*). *Неприличная брань* [ТСШ];

МАТ *Прост. Матерная брань; сквернословие* [БАС-3, т. 9: 580].

См. также: МАТ — *Прост. Неприличная брань, сквернословие* [Мокиенко, Никитина, 2003: 196].

Заметим, что как нейтральное и общеупотребительное слово *мат* дано в [Словарь современного русского города 2003: 274].

Выделенный компонент второго значения слова *мат* ('непристойное выражение эмоций с использованием обсценных слов, сочетаний и выражений') экспертно значим: при производстве лингвистических экспертиз важно помнить, что употребление мата может выражать позитивные оценки и эмоции (= коммуникативная цель — выразить одобрение), в таком случае речь идет об уровне речевой культуры говорящего/пишущего, а не о так называемых языковых преступлениях [см. об этом: Изотова, Кузнецов, Плотнова 2016].

В Словаре-2 исправлена стилистическая характеристика слов *материть*, *материться*, *матерно*, *матерный*, *матерщина*, *матерщинить*, *матерщинничать*, *матерщинный*: нет пометы *разг.-сниж.* (которой эти слова были отмечены в Словаре-1), что представляется совершенно правильным — помета *разг.-сниж.* относится не к словам как к таковым, не к номинациям, а к самим процессам, признакам, которые поименованы. Так, дано соответствующее языковому обиходу и стилистической отнесенности толкование слова *матерный* — «относящийся к мату, содержащий мат» [Химик 2017, т. 1: 431]. Ср., например, зауженное толкование и необоснованную стилистическую характеристику *матерный*: «прост. Неприличный, содержащий в себе непристойно-оскорбительное употребление слова „мать“» [БАС-3, т. 9: 591]. Эта, как может показаться, «мелочь» значима для экспертной работы: при анализе материала эксперт должен использовать нейтральную лексику, соответственно, отнесенность слов *матерный*, *матерщинный* к лексике просторечной ограничивало использование этих слов в экспертных исследованиях. К просторечным, вероятно, можно отнести прилагательные *матный*, *матушный*,

матужный, упомянутые, например, в «Большом словаре мата» [Плуцер-Сарно 2001: 75]; *матужный*, зафиксированное в «Словаре русских народных говоров» [СРНГ, вып. 18: 41].

Все многообразие и пестрота словника, данного в алфавитном порядке, организованы в определенные множества прежде всего при помощи системы помет, характеризующих разные аспекты бытования слова: *экспрессивно-эмоциональный, профессиональный, территориальный; этически неприемлемый, допустимый/недопустимый* (= степень снижения слова — *вульгарное, грубое, сниженное, бранное, сквернословие*); *возрастной; жаргонный* и др. Многоаспектная характеристика дополнена отсылкой к синонимам (выделены шрифтом), а также посредством условных знаков для иллюстративной зоны словарной статьи: форма бытования — письменная/устная; тексты письменные: художественный/публицистический /интернет-тексты; тексты устные: тексты художественных фильмов, радио и телевидения, живой речи и городского фольклора; ближайшее фразеологическое окружение.

Где же автор находит нужные единицы обихода, откуда черпает репертуар Словаря-2? Список источников иллюстраций включает более 600 (!) авторов, среди которых классики (Пушкин, Гоголь, Чехов, Шолохов), участники Великой Отечественной войны (Бондарев, Некрасов, Богомолов, Симонов, Гранин, Окуджава), знатоки значных мест (Гиляровский, Пантелеев), писатели, чей жизненный опыт, отраженный в произведениях, включал места не столь отдаленные (Шаламов, Солженицын), современные литераторы, писатели, беллетристы (Войнович, Довлатов, Жванецкий, Ерофеевы — и Венечка, и Виктор, Ю. Алешковский, Губерман; Варламов, Аксенов, Садулаев, Прилепин, Терехов, Улицкая, Лимонов, Пелевин, Рубина, Пьецух, Седакова, Екимов и Шаргунов, ныне депутат ГД); актеры и режиссеры (Смехов, Юрский, Розовский, Рецептор); ученые, среди которых лингвисты, социологи (Чудакова, Лакшин, Чупринин, Капанадзе, Фрумкина, Мелетинский, Тимофеев-Ресовский, Вахтин, Дубин, Жолковский); песенные тексты (Высоцкий, Макаревич, Розенбаум, Гребенщиков, Шаов), которые почему-то традиционно не учитываются словарями; лексикографические источники (Щуплов, Юганов, Грачев, Елистратов).

В Словаре-2 переработаны многие словарные статьи, в которых автор последовательно отражает развитие значений. Так, статья *крыша* Словаря-1 представлена в

Словаре-2 двумя статьями:

*КРЫША*₁... Шутл. или ирон. О голове, мозге, об умственных способностях человека (и ближайшее фразеологическое окружение);

*КРЫША*₂... 1. Жарг. Прикрытие, охрана от нападения, рэкета (обычно скрытая, иногда нелегальная)... 2. Организация, предприятие, люди, осуществляющие охрану объекта, группы лиц или обеспечивающие поддержку, покровительство (обычно неявное, часто незаконное) [Химик 2017, т. 1: 388].

Словарь-2 — насущно необходимый лексикографический источник для экспертов-лингвистов, поэтому обратим внимание на некоторые экспертно значимые статьи.

Так, в статье МАЙДАН зафиксировано новое значение слова: «Перен. Журн. Выражение массового политического протеста в виде длительного пребывания его участников в определенном месте (обычно на городской площади, с выдвижением ультимативных социальных и/или политических требований к власти). □ От укр. назв. площади Майдан Незалежности в центре г. Киева, где такие акции проходят с 2004 г.» [Химик 2017, т. 1: 420]. *Майдан* в этом значении не отмечен в издании, содержащем подобную актуальную лексику [Словарь перемен 2015]. Но почему-то не зафиксировано *Манежка* (массовые беспорядки 11 декабря 2010 года на Манежной площади в Москве).

Добавлены статьи: ГОВНОРАШКА... *Сниж. груб. презр. О России как стране* (т. 1, с. 156); РАШКА... *Фам. пренебр. или презр. О России*; РАШИСТ... *Сниж. бран. О россиянце с агрессивными захватническими амбициями* [Химик 2017, т. 2: 237].

Обратим внимание и на оценочные номинации представителей национальных (этнических) групп. Подобные номинации были полно представлены и в Словаре-1 (впервые были зафиксированы *жидомасон, жидяра, косоглазый* и др.), в Словаре-2 добавлены и другие — всем понятные, но не имеющие словарной фиксации, например: ПЕЙСАТЫЙ... *Груб. презр. О еврее (обычно оскорбительно)* [Химик 2017, т. 2: 77]. Ср.: *пейсатый* — *имеющий пейсы* [БАС-3, т. 15: 532]. Отметим, что в толкованиях слов указанной группы в Словаре-1 и Словаре-2 автором учтена особенность их семантики (регулярный метонимический перенос). Так: АЗЕР... *Молод. унич. или неодобр. Об азербайджанце; о любом кавказце или азиате* [Химик 2017, т. 1: 20] (спорна, однако, отнесенность слова к молодежным). Ср.: *азер* — *азербайджанец, пребывающий на территории России* [Толковый словарь русской

разговорной речи 2014: 39]. Последнее толкование, как представляется, заужено и несколько нелогично: вряд ли употребляющий это слово называет азербайджанцев, проживающих вне России, иной номинацией. Фиксация нечасто встречающихся в живой речи номинаций, таких как ФРАНЦУЗ... Эвфем. О евреях; о том, в ком его подозревают [Химик 2017, т. 2: 401], тоже представляется экспертно важной: трудно предугадать, какая лексика будет в ходу у тех, кто «порождает» спорные тексты. Об анализе таких единиц и интерпретации лексикографического материала при производстве лингвистических и психолого-лингвистических экспертиз см. [Кукушкина, Сафонова, Секераж 2011, 2014].

Несколько замечаний к статье НАЦМЕН... О том, кто принадлежит к национальным меньшинствам, напр., о лицах неславянских национальностей (обычно о кавказцах, среднеазиатах) [Химик 2017, т. 1: 501]. Совершенно справедливое указание на сужение объема номинации (кавказцы, среднеазиаты) было бы неплохо дополнить указанием на экспрессивную оценку — *неодобр.*, *пренебр.* См., например: «нацмен — в просторечии представитель национального меньшинства, но фактически так называли любого советского человека нерусской национальности, нередко с пренебрежительным оттенком» [Хевеши 2004: 101]. Видимо, *нацмен* «наследовало» презрительную, пренебрежительную оценку слова *инородец*. См. замечание А. М. Селищева: «Под воздействием освободительных лозунгов революции, а также под влиянием программы коммунистической партии и мероприятий советского правительства происходит обостренное пробуждение национального сознания в среде интеллигенции народов России. Прежнее название их „инородцы“ считается оскорбительным. Вводится новый термин: *нацмены* — национальные меньшинства» [Селищев 1928: 110].

В Словаре-2 последовательно выделен компонент значения «энергичное действие с конкретизацией ударить»: *ебануть*, *вхуячить*, *въебать*, *влепить*, *вкатить*, *вломить*, *грохнуть* и под.

Представлен достаточно полный репертуар: 1) орфографических вариантов: *запендюрить*, *запиндюрить*; *засыха*, *засциха*; *зафинтилить*, *зафиндилить*; *зэк*, *зек* (и производные); *зажухариться*, *зажухериться*; *звиздец*, *звездец*; *кабздец*, *канздец*, *кобздец*; *мерехлюндия*, *мерихлюндия*, *мерлехлюндия* и др.; в том числе образованные от аббревиатур: *кагебист*, *каэбист*, *кэгэбист* и др., 2) редуцированных форм русской речи, так

называемых аллегровых форм (о таких формах см., напр.: [Стойка 2017]): *эпт*, *ваще*, *када*, *моно* (= можно), *чё*, *чек* (= человек), *щас* и мн. др.

Отмечено изменение ударения в некоторых устойчивых оборотах, например: *губА не дура*, ср.: *гУба не дура* [Еськова 2014: 94] — хотя именно такое ударение уместно при трансляции речи, относимой к XIX в.

Оригинально представлено происхождение некоторых слов и значений. С одной стороны, самим выбором словарной единицы: после специального знака следует нейтральная, нормативная единица в переносном значении (например, *война* — *военные учения*), либо происхождение указывается при помощи помет — сокращенных слов: *англ.* (английское), *греч.* (греческое), *итал.* (итальянское) и т. п., *перен.* (переносное), *эвфем.* (эвфемизм), *дисф.* (дисфемизм). С другой стороны, в ряде словарных статей после условного знака □ предлагаются достаточно полные сведения об источнике слова, фразы (и это формирует культурологический аспект Словаря-2) либо этимологические справки, в некоторых случаях в форме предположения.

Так, в статье на слово ПАЦАН сообщается: *Первонач. южно-русс. жарг.-прост., возм. из иврита (поц — ‘крайняя плоть’)* [Химик 2017, т. 2: 75]. Возможно, не помешала бы и иная этимология: «вероятно, произв. с суф. -ан от диал. юж. пац-юк ‘поросенок, крыса’... связано с межд. возгласами, служащими для подзывания свиней, ср. укр. паць» [ТСШ]. Уместно напомнить полное негодования письмо, адресованное Н. Ю. Шведовой, о слове *пацан*: «Уважаемый профессор Шведова! Прошу Вас объяснить мне, почему в Словарь русского языка С. И. Ожегова 1978 года издания включено слово *пацан*? В этом же словаре, но 1953 года издания, этого слова нет. И правильно, что его нет. Если бы был жив Сергей Иванович Ожегов, он не допустил бы этого так называемого „слова“ в русский словарь. Потому что оно нерусское.

А какова этимология этого слова? Оно происходит от ругательства в еврейском языке — не буду вдаваться в детали, так как вы располагаете большими возможностями для уточнения этимологии жаргона. И в Ваших силах было не допустить засорения русского языка бранью различного происхождения» [Сафонова 2001: 298]. Ср., однако, точку зрения И. Г. Добродомова [Добродомов 2009].

Спорным представляется толкование слова *байкер* (по нашим наблюдениям, этому слову фатально не везет из словаря в

словарь). В Словаре-2 БАЙКЕР... *Молод. или спорт. Член молодежной группировки, культивирующей экстремальную езду на мощных мотоциклах* [Химик 2017, т. 1: 35, 36]. Ср. в других источниках: *байкер — страстный любитель езды на мотоцикле — член неформальной группировки; рокер; моторокер* [Новые слова и значения, т. 1: 2009: 123]; *байкер — представитель городской молодежи, возведший в культ лихую езду на мотоцикле* [Толковый словарь русской разговорной речи 2014: 69]. Что не так? Отнесенность к группировке явно надумана либо извлечена из контекстов, тогда как основной компонент значения, отмеченный в одном из словарей — *любитель (определенной езды на определенном виде транспорта)*. Вообще упоминание в толкованиях слов «группировка» вряд ли корректно, такую отнесенность, скорее всего, должны определять специалисты нелингвистического профиля.

Не совсем удачным представляется и толкование слова «скин» — *молод. Скинхед — представитель молодежной ультраправой субкультуры скинхедов („бритоголовых“) или одного из ее агрессивных ответвлений* [Химик 2017, т. 2: 276]. Нет картинка, кто это? Тогда как самое главное в скинхедах, скинах — их мировоззрение, соответственно можно предложить такое толкование: воинствующий приверженец идеологии нацизма, фашизма, расизма.

Ср. также *скин, скинхед, скинхедс* в других источниках:

Скинхед... Участник, член движения скинхедс (см.);

Скинхедс, неизм., м. „Бритоголовые“ — члены некоторых ультраправых организаций на Западе (первоначально — в Англии) [Новые слова и значения 1997: 748];

Скинхед[ы] — члены политизированных неонацистских полувоенных группировок в ряде стран (сокр. — скин[ы]) [Краткий словарь современных понятий и терминов 2000: 508];

Скинхеды — молодежная группировка, в агрессивной форме выступающая за идеи национализма и патриотизма; представители этой группировки; бритоголовые [Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика 2008: 922, 923];

Скинхед — „Бритоголовый“ — член молодежной группировки, агрессивно настроенный по отношению к людям иных рас и национальностей (характерный признак внешности таких молодых людей — бритая наголо голова, отсюда название). Скин (жарг.) — то же, что скинхед [Крысин 2009: 238];

Скинхед — Член молодежной группи-

ровки, агрессивно настроенной по отношению к людям иных рас и национальностей (характерный признак внешности таких молодых людей — бритая наголо голова); бритоголовый [Григоренко 2009: 377, 378];

Скины — Участники неформального молодежного движения, для представителей которого характерны радикальные националистические взгляды и особый внешний вид: тяжелые ботинки, армейские брюки и бритая голова; бритоголовые, скинхеды [Новые слова и значения 2014: 836].

Есть и другие замечания, заметки (спасибо, конечно, издателям, но одной страницы «Для заметок» мне маловато): пропуск очень «обиходных», понятных всем слов, например, *переобуть* (машину), и слов, понятных немногочисленным (слава богу!) сообществам, например: *зиговать, зига* и др. Все вопросы, заметки, всех «потеряшек» (в Словаре-2 есть это слово) передам автору с благодарностью от любознательного читателя-рецензента за инициирование языковой рефлексии и речевой практики (в том числе экспертной).

Да, и еще: Словарь-2 (впрочем, как и Словарь-1) нужен, необходим экспертам-лингвистам в их повседневной работе. Для них это надежный лексикографический источник.

Рецензируемый словарь вышел в 2017 г. — в год 100-летия Октябрьской революции. Нет сомнения, что события 90-х годов XX в. порождены именно ею и революционны в не меньшей степени. В 1925 г. А. М. Селищев, обращаясь к преподавателям, педагогам в статье «Революция и язык», писал: «Весьма важно собрать на местах материал, указывающий на изменения значения слов, и охарактеризовать направление, в каком происходят эти изменения... Изменение значения прежних слов происходит вообще в жизни социальных групп». Актуально, так что «пока не поздно, припомните и запишите вышедшие из употребления слова революционного времени и при каждом из них отметьте значение его. Это — важный документ для истории русской революции» [Селищев 1968: 144, 145]. Ждем...

ИСТОЧНИКИ И СОКРАЩЕНИЯ

1. БАС-1 = Словарь современного русского литературного языка : в 17 т. М. ; Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1948—1965.
2. БАС-3 = Большой академический словарь русского языка. Т. 1—23. М. ; СПб. : Наука, 2004—2014.
3. МАС = Словарь русского языка : в 4 т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований ; под ред. А. П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. — М. : Рус. яз. : Полиграфресурсы, 1999.
4. СОШ = Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. — М. : Азбуковник, 1992. 944 с.
5. СРНГ = Словарь русских народных говоров. Вып. 18.

2-е изд. — СПб. : Наука, 2002. 368 с.

6. СУ = Толковый словарь русского языка : в 4 т. — М. : Сов. энцикл. : ОГИЗ, 1935—1940.

7. ТСШ = Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / гл. ред. Н. Ю. Шведова. — М. : Азбуковник, 2007. 1175 с.

ЛИТЕРАТУРА

8. Бодуэн де Куртенэ И. А. Послесловие к 3-му, испр. и доп. изд. Словаря Даля // Толковый словарь живого великорусского языка / В. И. Даль ; под ред. И. А. Бодуэна де Куртенэ. Изд. 3-е. Т. 4. — М. : Прогресс : Универс, 1999. С. I—XII.

9. Большой академический словарь русского языка. Т. 9. — М. ; СПб. : Наука, 2007. 658 с.

10. Большой академический словарь русского языка. Т. 15. — М. ; СПб. : Наука, 2011. 612 с.

11. Герд А. Жаргонология: предмет, объект и типы единиц // Грани слова : сб. науч. ст. к 65-летию проф. В. М. Мокиенко. — М. : ЭЛПИС, 2005. С. 614—621.

12. Григоренко О. В. Новые наименования лиц в современном русском языке. Словарные материалы. — Воронеж : Научная книга, 2009. 517 с.

13. Добродомов И. Г. Из истории одного жаргонизма (пацан) // Prawda — prawdy — miły — fałszy w językoznawstwie. — Warszawa, 2009. С. 9—36.

14. Еськова Н. А. Словарь трудностей русского языка. Ударение. Грамматические формы. — М. : Языки славянской культуры, 2014. 536 с.

15. Изотова Т. М., Кузнецов В. А., Плотникова А. М. Судебная лингвистическая экспертиза по делам об оскорблении : науч.-информ. пособие для экспертов. — М. : ФБУ ГФЦСЭ при Минюсте России, 2016. 90 с.

16. Краткий словарь современных понятий и терминов / Н. Т. Бунимович, Г. Г. Жаркова, Т. М. Корнилова и др. ; сост. и общ. ред. В. А. Макаренко. 3-е изд., дораб. и доп. — М. : Республика, 2000. 670 с.

17. Крысин Л. П. 1000 новых иностранных слов. — М. : АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2009. 320 с.

18. Кукушкина О. В., Сафонова Ю. А., Секераж Т. Н. Теоретические и методические основы производства судебной психолого-лингвистической экспертизы текстов по делам, связанным с противодействием экстремизму. — М. : ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, 2011. 326 с.

19. Кукушкина О. В., Сафонова Ю. А., Секераж Т. Методика проведения психолого-лингвистической экспертизы материалов по делам, связанным с противодействием экстремизму и терроризму. — М. : ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, 2014. 98 с.

20. Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Словарь русской брани (матизмы, обцензизмы, эвфемизмы). — СПб. : Норинт, 2003. 448 с.

21. Новые слова и значения : слов.-справочник по материалам прессы и литературы 80-х годов / под ред. Е. А. Левашова. — СПб. : Дмитрий Буланин, 1997. 904 с.

22. Новые слова и значения : слов.-справочник по материалам прессы и литературы 90-х годов XX века. В 2 т. Т. 1 / отв. ред. Т. Н. Буцева. — СПб. : Дмитрий Буланин, 2009. 816 с.

23. Новые слова и значения : слов.-справочник по материалам прессы и литературы 90-х годов XX века. В 3 т. Т. 3 / отв.

ред. Т. Н. Буцева. — СПб. : Дмитрий Буланин, 2014. 1360 с.

24. Плущер-Сарно А. Большой словарь мата. Т. 1. — СПб. : Лимбус Пресс, 2001. 392 с.

25. Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений. Т. 3 / под общ. ред. Н. Ю. Шведовой. — М. : Азбуковник, 2003. 720 с.

26. Сафонова Ю. А. «Все замечания и пожелания просьба направлять в издательство... или автору» // Словарь и культура русской речи. К 100-летию со дня рождения С. И. Ожегова. — М. : Индрик, 2001. С. 291—317.

27. Селищев А. М. Революция и язык // Избр. тр. / А. М. Селищев. — М. : Просвещение, 1968. 640 с.

28. Селищев А. М. Язык революционной эпохи : из наблюдений над русским языком последних лет (1917—1926). — М. : Работник просвещения, 1928. 248 с.

29. Словарь перемен — 2014 / сост. М. Вишневецкая. — М. : Три квадрата, 2015. 224 с.

30. Словарь современного русского города / под ред. В. И. Осипова. — М. : Русские словари : Астрель : АСТ : Транзиткнига, 2003. 565 с.

31. Словарь современного русского литературного языка. В 17 т. Т. 6. — М. ; Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1957.

32. Словарь русского языка. В 4-х т. Т. 2. 4-е изд., стер. — М. : Рус. яз. : Полиграфресурсы, 1999. 736 с.

33. Стойка Д. А. Редуцированные формы русской речи: лингвистический и экстралингвистический аспекты : автореф. дис. ... канд. филол. наук. — СПб., 2017.

34. Толковый словарь русского языка. В 4 т. Т. 2 / под ред. Д. Н. Ушакова. — М. : Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1938. 1040 с.

35. Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика / под ред. Г. Н. Склеяревой. — М. : Эксмо, 2008. 1136 с.

36. Толковый словарь русской разговорной речи. Вып. 1. А—И / отв. ред. Л. П. Крысин. — М. : Языки славянской культуры, 2014. 776 с.

37. Трубочев О. Н. Послесловие ко второму изданию «Этимологического словаря русского языка» М. Фасмера // Этимологический словарь русского языка / М. Фасмер. — М. : Прогресс, 1986. Т. 1. С. 563—573.

38. Трубочев О. Н. Этимологические мелочи (1. выпендриваться, 2. гримза, 3. драндулет, 4. в пику, 5. стуколка, 6. фифа, 7. шкет) // Этимология: принципы реконструкции и методы исследования. — М. : Наука, 1965. С. 131—134.

39. Хевеши М. А. Толковый словарь идеологических и политических терминов советского периода. Изд. 2-е, доп. — М. : Международные отношения, 2004. 192 с.

40. Химик В. В. Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи. — СПб. : Норинт, 2004. 768 с.

41. Химик В. В. Поэтика низкого, или Просторечие как культурный феномен. — СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2000.

42. Химик В. В. Русская разговорная речь: осмеяние объекта // Грани слова : сб. науч. ст. к 65-летию проф. В. М. Мокиенко. — М. : ЭЛПИС, 2005. С. 670—676.

43. Химик В. В. Толковый словарь русской разговорно-обиходной речи. В 2 т. — СПб. : Златоуст, 2017. Т. 1. 528 с.; Т. 2. 532 с.

J. A. Safonova

Moscow, Russia

SUGGESTED CIRCUMSTANCES OF EVERYDAY USE AND ITS VERBAL INVENTORY

ABSTRACT. This is a critical review of the dictionary: V. V. Khimik, *Explanatory Dictionary of Colloquial and Everyday Russian*. 2 volumes. St. Petersburg. Zlatoust, 2017. — Vol. 1. — 528 pages; Vol. 2. — 532 pages. This is a general overview of the *Explanatory Dictionary of Colloquial and Everyday Russian* by V. V. Khimik. The author presents the lexical and semantic corpus of colloquial and everyday language as a variety of the national Russian language, using the suggested boundaries. The upper boundary is the Russian literary norm (language standard), neutral vocabulary and basic grammar. The lower boundary is a graded measurement of the rate, or degree, to which words and meanings deteriorate (from the least deterioration, i.e. words used in free communication, to extremely deteriorated obscene language units, such as swearwords and bad language, unacceptable and prohibited in public speech). A sophisticated cross-labeling system can be used for estimation of a speaker's inventory (and, therefore, the speaker) and whether this inventory is aligned with common trends. Consequently, with the language standard acting as the background for the corpus, the dictionary demonstrates colloquial and everyday language units not in an artificial, "chemically pure" environment, but in circumstances suggested and, moreover, determined by everyday use of the language. Such approach is important when performing linguistic evaluation of disputable texts, which makes the dictionary under

review an essential tool of a language expert.

KEYWORDS: colloquial speech; practical lexicography; the Russian language; explanatory dictionary; linguistic expertise.

ABOUT THE AUTHOR: Safonova Julia Alexandrovna, Candidate of Philology, Associate Professor, Academic Advisor of Gramota.ru, Moscow, Russia.

REFERENCES

1. BAS-1 = Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka : v 17 t. M. ; L. : Izd-vo Akad. nauk SSSR, 1948—1965.
2. BAS-3 = Bol'shoy akademicheskiy slovar' russkogo yazyka. T. 1—23. M. ; SPb. : Nauka, 2004—2014.
3. MAS = Slovar' russkogo yazyka : v 4 t. / RAN, In-t lingvistik. issledovaniy ; pod red. A. P. Evgen'evoy. 4-e izd., ster. — M. : Rus. yaz. : Poligrafresursy, 1999.
4. SOSH = Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. Tolkovyy slovar' russkogo yazyka. — M. : Azbukovnik, 1992. 944 s.
5. SRNG = Slovar' russkikh narodnykh govorov. Vyp. 18. 2-e izd. — SPb. : Nauka, 2002. 368 s.
6. SU = Tolkovyy slovar' russkogo yazyka : v 4 t. — M. : Sov. entsikl. : OGIZ, 1935—1940.
7. TSSH = Tolkovyy slovar' russkogo yazyka s vklucheniem svedeniy o proiskhozhdenii slov / gl. red. N. Yu. Shvedova. — M. : Azbukovnik, 2007. 1175 s.
8. Boduen de Kurtene I. A. Posleslovie k 3-mu, ispr. i dop. izd. Slovarya Dalya // Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka / V. I. Dal' ; pod red. I. A. Boduena de Kurtene. Izd. 3-e. T. 4. — M. : Progress : Univers, 1999. S. I—XII.
9. Bol'shoy akademicheskiy slovar' russkogo yazyka. T. 9. — M. ; SPb. : Nauka, 2007. 658 s.
10. Bol'shoy akademicheskiy slovar' russkogo yazyka. T. 15. — M. ; SPb. : Nauka, 2011. 612 s.
11. Gerd A. Zhargonologiya: predmet, ob'ekt i tipy edinits // Grani slova : sb. nauch. st. k 65-letiyu prof. V. M. Mokienko. — M. : ELPIS, 2005. S. 614—621.
12. Grigorenko O. V. Novye naimenovaniya lits v sovremen-nom russkom yazyke. Slovarnye materialy. — Voronezh : Nauch-naya kniga, 2009. 517 s.
13. Dobrodomov I. G. Iz istorii odnogo zhargonizma (patsan) // Prawda — prawdy — mity — falsze w językoznawstwie. — Warszawa, 2009. S. 9—36.
14. Es'kova N. A. Slovar' trudnostey russkogo yazyka. Uda-renie. Grammaticheskie formy. — M. : Yazyki slavyanskoy kul'tury, 2014. 536 s.
15. Izotova T. M., Kuznetsov V. A., Plotnikova A. M. Sudeb-naya lingvisticheskaya ekspertiza po delam ob oskorblenii : nauch.-inform. posobie dlya ekspertov. — M. : FBU GFTsSE pri Minyuste Rossii, 2016. 90 s.
16. Kratkiy slovar' sovremennyy ponyatiy i terminov / N. T. Bu-nimovich, G. G. Zharkova, T. M. Kornilova i dr. ; sost. i obshch. red. V. A. Makarenko. 3-e izd., dorab. i dop. — M. : Respublika, 2000. 670 s.
17. Krysin L. P. 1000 novykh inostrannykh slov. — M. : AST-PRESS KNIGA, 2009. 320 s.
18. Kukushkina O. V., Safonova Yu. A., Sekerazh T. N. Teore-ticheskie i metodicheskie osnovy proizvodstva sudebnoy psikhologo-lingvisticheskoy ekspertizy tekstov po delam, svyazannym s protivodeystviem ekstremizmu. — M. : FBU RFTsSE pri Minyuste Rossii, 2011. 326 s.
19. Kukushkina O. V., Safonova Yu. A., Sekerazh T. Metodika provedeniya psikhologo-lingvisticheskoy ekspertizy materialov po delam, svyazannym s protivodeystviem ekstremizmu i ter-rorizmu. — M. : FBU RFTsSE pri Minyuste Rossii, 2014. 98 s.
20. Mokienko V. M., Nikitina T. G. Slovar' russkoy brani (matizmy, obstszenizmy, evfemizmy). — SPb. : Norint, 2003. 448 s.
21. Novye slova i znacheniya : slov.-spravochnik po materialam pressy i literatury 80-kh godov / pod red. E. A. Levashova. — SPb. : Dmitriy Bulanin, 1997. 904 s.
22. Novye slova i znacheniya : slov.-spravochnik po materialam pressy i literatury 90-kh godov XX veka. V 2 t. T. 1 / otv. red. T. N. Butseva. — SPb. : Dmitriy Bulanin, 2009. 816 s.
23. Novye slova i znacheniya : slov.-spravochnik po materialam pressy i literatury 90-kh godov XX veka. V 3 t. T. 3 / otv. red. T. N. Butseva. — SPb. : Dmitriy Bulanin, 2014. 1360 s.
24. Plutser-Sarno A. Bol'shoy slovar' mata. T. 1. — SPb. : Lim-bus Press, 2001. 392 s.
25. Russkiy semanticheskiy slovar'. Tolkovyy slovar', sistema-tizirovannyy po klassam slov i znacheniy. T. 3 / pod obshch. red. N. Yu. Shvedovoy. — M. : Azbukovnik, 2003. 720 s.
26. Safonova Yu. A. «Vse zamechaniya i pozhelaniya pros'ba napravlyat' v izdatel'ctvo... ili avtoru» // Slovar' i kul'tura russkoy rechi. K 100-letiyu so dnya rozhdeniya S. I. Ozhegova. — M. : Indrik, 2001. S. 291—317.
27. Selishchev A. M. Revolyutsiya i yazyk // Izbr. tr. / A. M. Se-lishchev. — M. : Prosveshchenie, 1968. 640 s.
28. Selishchev A. M. Yazyk revolyutsionnoy epokhi : iz nablyudeniya nad russkim yazykom poslednikh let (1917—1926). — M. : Rabotnik prosveshcheniya, 1928. 248 s.
29. Slovar' peremen — 2014 / sost. M. Vishnevetskaya. — M. : Tri kvadrata, 2015. 224 s.
30. Slovar' sovremennogo russkogo goroda / pod red. V. I. Osi-pova. — M. : Russkie slovari : Astrel' : AST : Tranzitkniga, 2003. 565 s.
31. Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka. V 17 t. T. 6. — M. ; L. : Izd-vo Akad. nauk SSSR, 1957.
32. Slovar' russkogo yazyka. V 4-kh t. T. 2. 4-e izd., ster. — M. : Rus. yaz. : Poligrafresursy, 1999. 736 s.
33. Stoyka D. A. Redutsirovannyye formy russkoy rechi: lingvisticheskiy i ekstralingvisticheskiy aspekty : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. — SPb., 2017.
34. Tolkovyy slovar' russkogo yazyka. V 4 t. T. 2 / pod red. D. N. Ushakova. — M. : Gos. izd-vo inostr. i nats. slov., 1938. 1040 s.
35. Tolkovyy slovar' russkogo yazyka nachala XXI veka. Ak-tual'naya leksika / pod red. G. N. Sklyarevskoy. — M. : Eksmo, 2008. 1136 s.
36. Tolkovyy slovar' russkoy razgovorno-y rechi. Vyp. 1. A—I / otv. red. L. P. Krysin. — M. : Yazyki slavyanskoy kul'tury, 2014. 776 s.
37. Trubachev O. N. Posleslovie ko vtoromu izdaniyu «Etim-ologicheskogo slovarya russkogo yazyka» M. Fasmera // Etim-ologicheskii slovar' russkogo yazyka / M. Fasmer. — M. : Pro-gress, 1986. T. 1. S. 563—573.
38. Trubachev O. N. Etimologicheskie melochi (1. vypendri-vat'sya, 2. grymza, 3. drandulet, 4. v piku, 5. stukolka, 6. fifa, 7. shket) // Etimologiya: printsipy rekonstruktsii i metody issle-dovaniya. — M. : Nauka, 1965. S. 131—134.
39. Kheveshi M. A. Tolkovyy slovar' ideologicheskikh i po-liticheskikh terminov sovet'skogo perioda. Izd. 2-e, dop. — M. : Mezhdunarodnye otnosheniya, 2004. 192 s.
40. Khimik V. V. Bol'shoy slovar' russkoy razgovorno-y eks-pressivnoy rechi. — SPb. : Norint, 2004. 768 s.
41. Khimik V. V. Poetika nizkogo, ili Prostorechie kak kul'turnyy fenomen. — SPb. : Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 2000.
42. Khimik V. V. Russkaya razgovornaya rech': osmeyanie ob'ekta // Grani slova : sb. nauch. st. k 65-letiyu prof. V. M. Mo-kienko. — M. : ELPIS, 2005. S. 670—676.
43. Khimik V. V. Tolkovyy slovar' russkoy razgovorno-obikhodnoy rechi. V 2 t. — SPb. : Zlatoust, 2017. T. 1. 528 s.; T. 2. 532 s.

ПРАВИЛА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ АВТОРАМИ РУКОПИСЕЙ В ЖУРНАЛ «ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА»

«Политическая лингвистика» издается как узкоспециализированный научный журнал, ориентированный на максимально широкий круг читателей и многонациональный состав авторов, представляющих различные научные школы и направления в России и других странах.

Журнал «Политическая лингвистика» адресован филологам, политологам, социологам, журналистам и политикам. Редакционная коллегия приглашает к сотрудничеству всех специалистов по политической лингвистике и смежным проблемам.

Мы против политической цензуры, с уважением относимся к политическим взглядам авторов наших публикаций, но за соблюдение принципов толерантности и политической корректности, в том числе в статьях, созданных в рамках критического анализа дискурса.

Авторы, предлагающие статьи для публикации, должны учитывать проблематику журнала, который включает следующие разделы:

1. Рубрика «Теория политической лингвистики» предоставляет трибуну ведущим специалистам по политической лингвистике.

2. Рубрика «Политическая коммуникация» включает теоретические статьи, в которых значительное место занимает практический анализ языковых фактов.

3. В разделе «Язык — политика — культура» представлены исследования публицистических, рекламных, разговорных и художественных текстов, в той или иной степени значимые для политической лингвистики.

4. Раздел «Лингвистическая экспертиза: язык и право» объединяет статьи по проблемам, находящимся на пересечении политической и юридической лингвистики.

5. В рубрике «Зарубежный опыт» публикуются впервые переведенные на русский язык работы, которые, хотя и написаны много десятилетий назад, сохраняют свою значимость для теории и истории науки, а также работы современных исследователей, написанные на иностранных языках.

6. Рубрика «Рецензии. Хроника» представляет современный научный дискурс: в ней публикуются рецензии на самые новые и актуальные научные труды по политической лингвистике, освещаются крупные научные конференции.

7. Непостоянная рубрика «Дискуссии» предоставляет площадку для полемики между представителями различных или диаметрально противоположных взглядов на проблемы политической лингвистики и когнитивистики. Как правило, в разделе публикуется несколько материалов, излагающих соперничающие концепции.

Научные направления:

Основная специальность: 10.00.00 — Филологические науки

Издательство: ФГБОУ ВО «Уральский государственный педагогический университет»

Адрес редакции: 620017, Екатеринбург, пр. Космонавтов 26, каб. 219

Главный редактор: доктор филологических наук, профессор Чудинов Анатолий Прокопьевич

Телефоны/ факс: (343) 336-15-92

E-mail: ap_chudinov@mail.ru

Выпускающий редактор: кандидат филологических наук Ворошилова Мария Борисовна

Телефон: 8-922-6128661

E-mail: shinkari@mail.ru

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия. Свидетельство о регистрации **ПИ №ФС 77-34838** от 25.12.2008

Зарегистрирован Международным центром стандартной нумерации сериальных изданий (International Standard Serial Numbering — ISSN) с присвоением международного стандартного номера **ISSN 1999-2629** от 14.05.2008

Включен в в Объединенный каталог «Пресса России». **Индекс 81955.**

С 2010 года решением Президиума ВАК Министерства образования и науки РФ включен в **Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий**, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидат наук.

Материалы журнала регулярно размещаются на платформе **Российского индекса научного цитирования** (РИНЦ). http://elibrary.ru/title_about.asp?id=28049.

Материалы для публикации присылаются в электронном виде. Набор должен быть выполнен в текстовом редакторе WORD в соответствии со следующими требованиями:

- Объем статьи не менее 18 и не более 44 тыс. знаков с пробелами.
- Формат страницы — А4; гарнитура — Times New Roman; размер кегля — 14; межстрочный интервал — 1,5.
- Ссылки на литературу делаются в тексте в квадратных скобках. Например: [Иванов 2000: 56—57]. Список литературы (по алфавиту) помещается после текста статьи и оформляется по ГОСТ 7.0.5.-2008 (см. образец).
- Отдельными файлами прилагаются: рисунки (только черно-белые, без полутонов) — в векторных форматах — AI, CDR, WMF, EMF; в растровых форматах — TIFF, JPG с разрешением не менее 300 то-

чек/дьюм в реальном размере; диаграммы из программ «MS Excel», «MS Visio» и т. п. вместе с исходным файлом, содержащим данные.

Для публикации статья должна соответствовать требованиям РИНЦ, то есть, помимо основного текста, содержать следующие сведения на русском и английском языках.

1. Сведения об авторах (если их несколько, то обо всех):

- Фамилия, имя, отчество автора полностью.
- Ученая степень, звание, должность.
- Полное и точное место работы автора.
- Подразделение организации.

Контактная информация (e-mail, почтовый адрес для рассылки и для публикации в журнале).

2. Название статьи.

3. Аннотация (объемом 200 слов, или 2000 знаков с пробелами).

4. Ключевые слова (5—10 слов).

5. Тематическая рубрика, УДК, ГСНТИ и код ВАК.

Обязательным условием публикации является наличие отзыва доктора наук.

Списки литературы следует оформлять по ГОСТ Р. 7.0.5.-2008.... Образцы оформления:

СТАТЬИ ИЗ ЖУРНАЛОВ И СБОРНИКОВ

Адорно Т. В. К логике социальных наук // Вопр. философии. 1992. № 10. С. 76—86.

Crawford P. J., Barrett T. P. The reference librarian and the business professor: a strategic alliance that works // Ref. Libr. 1997. Vol. 3. № 58. P. 75—85.

Если авторов четыре и более, то заголовок не применяют (ГОСТ 7.80-2000).

Корнилов В. И. Турбулентный пограничный слой на теле вращения при периодическом вдуве / отсосе // Теплофизика и аэромеханика. 2006. Т. 13. № 3. С. 369-385.

Кузнецов А. Ю. Консорциум — механизм организации подписки на электронные ресурсы // Российский фонд фундаментальных исследований: десять лет служения российской науке. — М.: Науч. мир, 2003. С. 340—342.

КНИГИ

Тарасова В. И. Политическая история Латинской Америки: учеб. для вузов. 2-е изд. — М.: Проспект, 2006. С. 305—412.

Допускается предписанный знак точку и тире, разделяющий области библиографического описания, заменять точкой.

Философия культуры и философия науки: проблемы и гипотезы: межвуз. сб. науч. тр. / Саратов. гос. ун-т; [под ред. С. Ф. Мартыновича]. — Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1999.

Допускается не использовать квадратные скобки для сведений, заимствованных не из предписанного источника информации

Райзберг Б. А., Лозовский Л. Ш., Стародубцева Е. Б. Современный экономический словарь. 5-е изд., перераб. и доп. — М.: ИНФРА-М, 2006. 494 с.

Если авторов четыре и более, то заголовок не применяют (ГОСТ 7.80-2000)

АВТОРЕФЕРАТЫ

Глухов В. А. Исследование, разработка и построение системы электронной доставки документов в библиотеке: автореф. дис. ... канд. техн. наук. — Новосибирск, 2000.

ДИССЕРТАЦИИ

Фенухин В. И. Этнополитические конфликты в современной России: на примере Северо-Кавказского региона: дис. ... канд. полит. наук. — М., 2002. С. 54—55.

АНАЛИТИЧЕСКИЕ ОБЗОРЫ

Экономика и политика России и государств ближнего зарубежья: аналит. обзор, апр. 2007 / Рос. акад. наук, Ин-т мировой экономики и междунар. отношений. — М.: ИМЭМО, 2007.

ПАТЕНТЫ

Патент РФ № 2000130511/28, 04.12.2000.

Еськов Д. Н., Бонштедт Б. Э., Корешев С. Н., Лебедева Г. И., Серегин А. Г. Оптико-электронный аппарат // Патент России № 2122745. 1998. Бюл. № 33.

МАТЕРИАЛЫ КОНФЕРЕНЦИЙ

Археология: история и перспективы: сб. ст. Первой межрегион. конф. — Ярославль, 2003.

Марьинских Д. М. Разработка ландшафтного плана как необходимое условие устойчивого развития города (на примере Тюмени) // Экология ландшафта и планирование землепользования: тезисы докл. Всерос. конф. (Иркутск, 11—12 сент. 2000 г.). — Новосибирск, 2000. С. 125—128.

ИНТЕРНЕТ-ДОКУМЕНТЫ

Официальные периодические издания: электронный путеводитель / Рос. нац. б-ка, Центр правовой информации. [СПб.], 2005—2007. URL: <http://www.nlr.ru/lawcenter/izd/index.html> (дата обращения: 18.01.2007).

Логинова Л. Г. Сущность результата дополнительного образования детей // Образование: исследовано в мире: междунар. науч. пед. интернет-журн. 2003.21.10. URL: <http://www.oim.ru/reader.asp?nomer=366> (дата обращения: 17.04.2007).

<http://www.nlr.ru/index.html> (дата обращения: 20.02.2007).

Рынок тренингов Новосибирска: своя игра. URL: <http://nsk.adme.ru/news/2006/07/03/2121.html> (дата обращения: 17.10.2008).

Литчфорд Е. У. С Белой Армией по Сибири // Восточный фронт Армии Генерала А. В. Колчака. URL: <http://east-front.narod.ru/memo/latchford.htm> (дата обращения: 23.08.2007).

Цена свободная

**НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА
2017. ВЫПУСК 4 (64)**

Адрес редакции:

620017, Екатеринбург, пр-т. Космонавтов 26, Уральский государственный педагогический университет, кафедра межкультурной коммуникации, риторики и русского языка как иностранного (каб. 285).

Для детей старше 16 лет.

Свидетельство о регистрации ПИ №ФС77-34838 от 25.12.2008.

Подписано в печать 25.08.2017. Формат 60x84/8.

Бумага для множительных аппаратов. Печать на ризографе.

Уч.-изд. л. — 15,3. Усл. печ. л. — 16,3. Тираж 500 экз. Заказ 4868.

Оригинал-макет отпечатан в отделе множительной техники

Уральского государственного педагогического университета

620017 Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26

E-mail: uspu@uspu.me